

УРАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. А.М.ГОРЬКОГО

ПРОБЛЕМНАЯ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ
АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ

В.И.Стефанов, О.Н.Корочкова

УРЕФТЫ I:

зауральский памятник в андроновском контексте

Екатеринбург
Издательство Уральского университета
2006

ББК Т4 (2Р36)
С 798

Стефанов В. И., Корочкова О. Н.

С798 **Урефты I: зауральский памятник в андроновском контексте.** –
Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2006. – 160 с.

ISBN 5-7525-1578-5

Работа выполнена при поддержке грантов РГНФ 98-01-00335а, 03-01-00448а.

Раскопки могильника Урефты I в 1997-1999 гг. осуществлены при поддержке ФЦП «Интеграция»

В монографии публикуются результаты многолетних исследований могильника Урефты I в Сосновском районе Челябинской области. Он содержит погребальные комплексы алакульского, федоровского и алакульско-федоровского типов андроновской общности. Используя археологические материалы одного памятника, авторы попытались внести ясность и наметить пути разрешения, может быть, ключевой в андроноведении проблемы соотношения алакульской и федоровской культур в причелябинском районе. Особое место уделено рассмотрению вопроса о прародине федоровской культуры.

Книга адресована специалистам-археологам, этнографам, историкам, краеведам и всем, кто интересуется древней историей.

ББК Т4 (2Р36)

ISBN 5-7525-1578-5

- © Уральский государственный университет,
Проблемная научно-исследовательская
археологическая лаборатория, 2006
- © В. И. Стефанов, 2006
- © О. Н. Корочкова, 2006
- © Е. Э. Чарина, верстка и оригинал-макет, 2006

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	4
ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ О ПАМЯТНИКЕ	8
ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ	13
ХАРАКТЕРИСТИКА ПОГРЕБАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСОВ АЛАКУЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ	15
ПОГРЕБАЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ ФЕДОРОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ	48
ПОГРЕБАЛЬНЫЕ КОМПЛЕКСЫ СМЕШАННОГО ТИПА	60
ПОГРЕБАЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ, РИТУАЛЫ, ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ СТРУКТУРЫ	68
ПОСМЕРТНЫЙ ИНВЕНТАРЬ	83
Инвентарь алакульских погребальных комплексов	83
Инвентарь федоровских погребальных комплексов	97
Инвентарь алакульско-федоровских погребальных комплексов	104
СООТНОШЕНИЕ АЛАКУЛЬСКИХ, АЛАКУЛЬСКО-ФЕДОРОВСКИХ И ФЕДОРОВСКИХ ДРЕВНОСТЕЙ НА МОГИЛЬНИКЕ УРЕФТЫ I	109
АЛАКУЛЬСКАЯ И ФЕДОРОВСКАЯ КУЛЬТУРЫ В ЛЕСОСТЕПНОМ ЗАУРАЛЬЕ: ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ	117
ОЧЕРКИ АНДРОНОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ	127
Список литературы	137
Приложение 1. ЛЮДИ МОГИЛЬНИКА УРЕФТЫ I. Д.И. Ражев	145
Приложение 2. ЖЕРТВЕННЫЕ ЖИВОТНЫЕ ИЗ МОГИЛЬНИКА УРЕФТЫ I. П.А. Косинцев	150
Список сокращений	157

Введение

Во многих работах, посвященных общим или частным проблемам андроновской общности, можно встретить строки, в которых она характеризуется как уникальное культурное образование II тыс. до н.э., занимавшее гигантскую территорию от Уральских гор на западе до Енисея на востоке и от границы таежной зоны на севере до Средней Азии, Тянь-Шаня и Памира на юге. О справедливости этого, ставшего до некоторой степени стереотипным, суждения можно дискутировать. Но чтобы обсуждение оказалось плодотворным, необходимо иметь если не единое, то хотя бы согласованное представление о древностях, объединяемых терминами «андроновская культура», «андроновская общность» и другими равнозначными или близкими им по содержанию (культурно-историческая общность, единство, мир, семья археологических культур). Кроме классических алакульской и федоровской культур, безоговорочно признающихся исходными компонентами АКЮ, разные исследователи относят к ней множество других культур, локальных вариантов и комплексов синкретического типа (древности петровские, кулевчинские, нуртайские, атасуские, нуринские, канайские, андроновские восточной зоны ареала, черноозерско-томские, амангельдинские, кожумбердинские, таутаринские, срубно-алакульские, алексеевские или алексеевско-саргаринские, бегазы-дандыбаевские, донгальские и др.). В последнее время обозначилась тенденция рассматривать в качестве андроновской черкаскульскую культуру Зауралья. Имеющиеся разногласия в вопросах генезиса, хронологии, содержательной трактовки составляющих андроновскую общность культурных образований способствуют тому, что она приобретает все более конгломератный облик.

Говоря о феномене андроновской культуры, нельзя не воздать должное десяткам и сотням археологов, усилиями которых накоплен колоссальный фонд источников. Ей посвящено огромное количество работ публикационного и интерпретационного характера. Андроноведение давно выделилось как особое направление в археологической науке. Его достижения очевидны, но не менее очевидно и то, что многие важнейшие проблемы андроновской общности до настоящего времени остаются открытыми.

Авторы данной работы не ставили себе целью разработать глобальную концепцию андроновской

культуры. Используя археологические материалы одного памятника, мы попытались внести ясность и наметить возможные пути разрешения противоречивой ситуации, сложившейся вокруг алакульской и федоровской культур. По мнению абсолютного большинства исследователей, проблема их соотношения является ключевой в андроноведении. Она остается актуальной (по крайней мере, для урало-иртышского региона) на протяжении многих десятилетий и, убеждены, не утратит своей остроты до тех пор, пока не удастся прийти к единому пониманию данных культур и их вариантов. Готовы согласиться с теми, кому предложенный вариант решения покажется не слишком изящным и простым. Однако, как показывает время, простые решения сложных проблем зачастую оказываются неверными. Можно вспомнить в этой связи, например, периодизации андроновской культуры, в которых федоровские комплексы рассматривались то как ранние, то как поздние, то как синхронные алакульским древностям, но принадлежащие иному этносу.

Наши соображения основываются на материалах могильника Урефты I, включавшего погребальные комплексы алакульского, федоровского и смешанного алакульско-федоровского типов. Территориально могильник Урефты I входит в группу памятников, расположенную на северо-западной окраине ареала андроновской культурной общности. В свое время К.В. Сальников выделял здесь два микрорайона – причелябинский и уйско-увельский (Сальников, 1967. С. 249-258). Андроновские памятники из района Челябинска и «Уйско-Увельского региона» различает Е.Е. Кузьмина (1994. С. 114), мы же склонны объединить их в рамках одного – причелябинского района. Для него характерно многообразие форм поверхности и ландшафтов, но в основе своей – это лесостепной район, естественными границами которого являются горы на западе, степные пространства на юге и лесные массивы на севере. Он включает – с запада на восток – восточные склоны Уральских гор, участок примыкающей к горам Зауральской холмистой равнины (Зауральский пенеплен) и западную часть лесостепной зоны Западносибирской равнины (рис. 1). В системе физико-географического районирования данный район соответствует двум ландшафтным провинциям – Исетско-Миасской возвышенного Зауралья, и западной поло-

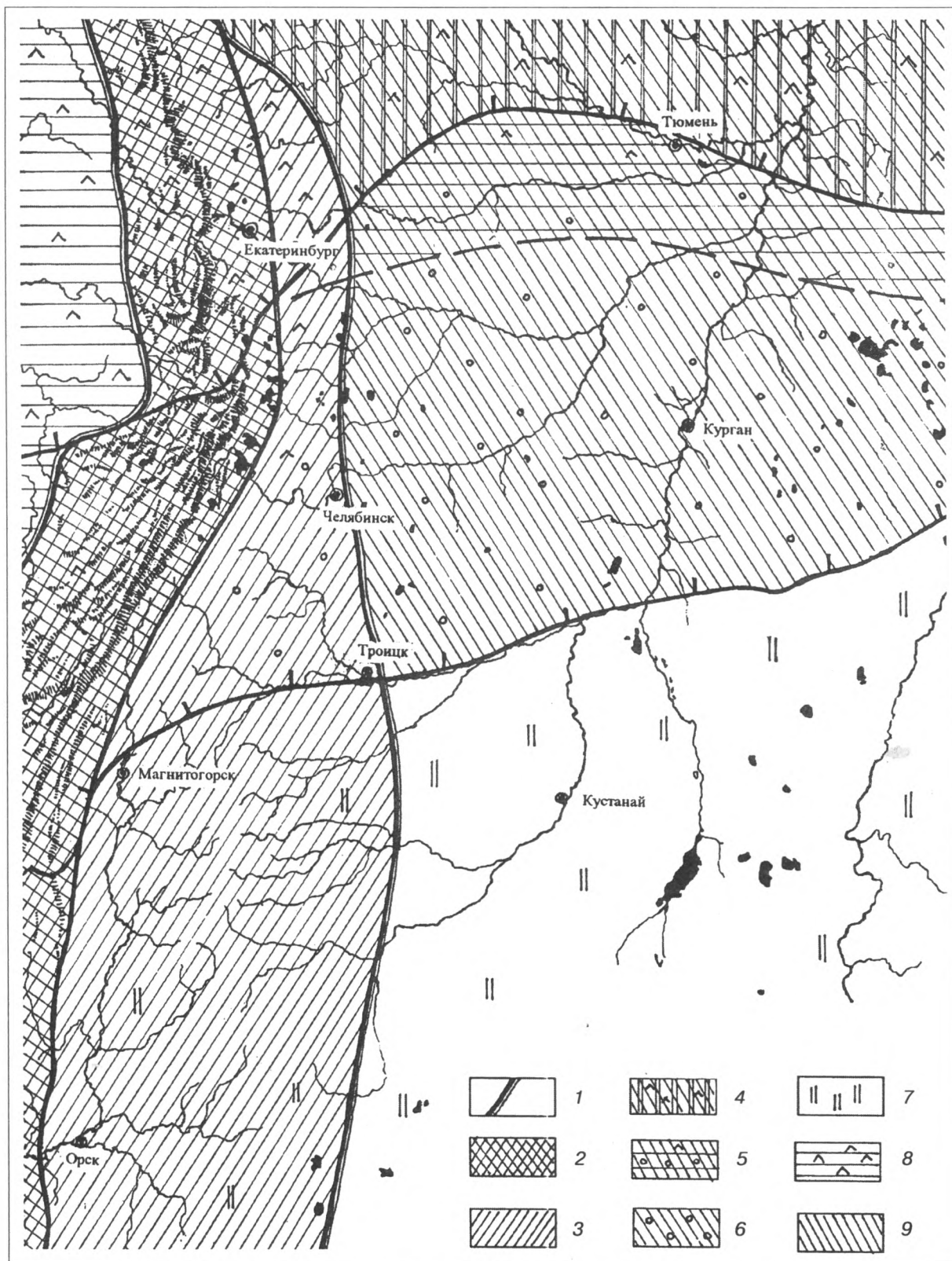

Рис. 1. Карта природного зонирования. 1 – граница физико-географических стран, 2 – горы и предгорья, 3 – Зауральская холмистая возвышенная равнина (пенепплен), 4 – таежная зона, 5 – лиственный лесостепная подзона, 6 – типичная лесостепь, 7 – степная зона, 8 – Русская равнинная страна (таежное Предуралье), 9 – Западно-Сибирская низменная страна. (Составлена по : Советский Союз. Геогр. Описание..., Урал. М., 1968; Советский Союз. Геогр. Описание..., Западная Сибирь. М., 1971; Архипова Н.П., Заповедные места Свердловской области. Свердловск, 1984; Физико-географическое районирование Тюменской области. М., 1973).

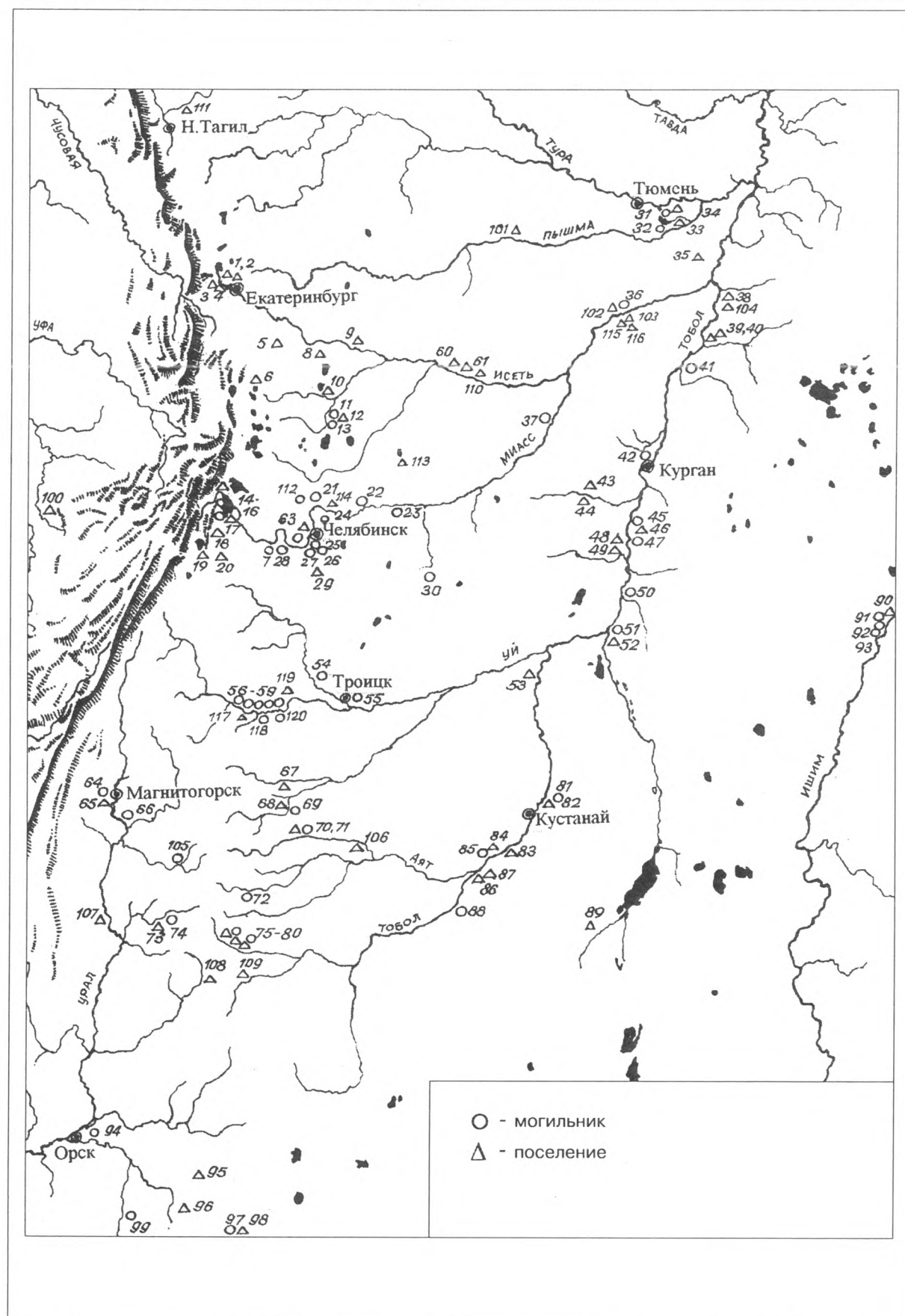

Рис. 2. Карта археологических памятников позднего бронзового века Зауралья и Притоболья.

вине Притобольской провинции лесостепного Зауралья (Советский Союз. Географическое описание..., 1968. С. 67, 68). Его гидрологическую систему составляют реки обского бассейна - Исеть, Синара, Теча, Миасс с притоками, Уй, а также многочисленные озера тектонического (Аргазы, Миассово, Ильменское, Чебаркуль и др.) и котловинного (Большой Куяш, Уелги, Сарыкуль, Тишки и др.) типов. Замечательно то, что на территории причелябинского района, в радиусе около 120-130 км от границ областного центра, расположены почти все опорные памятники алакульской, федоровской, черкаскульской и других позднебронзовых зауральских культур (рис. 2). До сих пор они являются эталонами при выделении и обосновании культурных типов, составляющих специфику андроновского феномена. Среди них - могильники Сухомесовский, Смолино, Синеглазово, Сосновский, Исаковский, Нурбаково, Федоровский, Алакульский, селища Ново-Бурино, Черкаскуль II, Зама-раевское, Межовское, Березовское (раскопки Н. К. Минко, С.Н. Дурюлина, С.И. Руденко, К.В. Сальникова). В 50-70 гг. прошлого века в этом районе раскапывались могильники Черняки I, II, Туктубаево, Кинзерский и Алакульский (повторно), Субботинский, поселения Лужки, Липовая Курья, Черняки I, II (Е.Е. Кузьмина, В.С. Стоколос, Т.М. Потемкина, Л.П. Хлобыстин). За последние три десятилетия источниковая база АКИО в причелябинском районе существенно пополнилась материалами, полученными археологами Уральского государственного университета (Екатеринбург) и научных учреждений Челябинска при исследовании поселений Камбулат I, II, Сарафаново, Коркино I, Шибаво, Миасское, Каменная Речка III, Мочище 1, комплекса памятников с побережий и островов Аргазинского водохранилища, могильников Миасский I, Урефты I, Приплодный Лог, Путиловская Займка II, Троицк-7, Белоключевка-5, Большеказакбаевский 2, Касарги-1. Еще более десятка курганов раскопано на Алакульском могильнике археологами Курганского университета. Остается сожалеть, что качество некоторых источников (особенно добытых в начале XX века) оказывается, мягко говоря, далеко не идеальным, а новые материалы слишком медленно вводятся в научный оборот.

Настоящая работа является, прежде всего, полной публикацией результатов 9-летних раскопок могильника Урефты I. В ней нашли место разделы, посвященные интерпретации важных для наших целей фактов и наблюдений, а также некоторым актуальным проблемам андроновской общности. Полученные при изучении урефтинского некрополя выводы и предположения проверялись нами на материалах не только причелябинских могильников и поселений, но и памятников из сопредельных областей (горно-лесное Зауралье, южнотаежное и лесостепное Притоболье, степи Южного Зауралья). Они известны нам как непосредственным авторам раскопок и разведок, по коллекциям и архивным материалам, хранящимся в Уральском университете, а также по имеющимся публикациям. Кроме того, нам удалось ознакомиться с представляющими интерес коллекциями в Челябинском областном краеведческом музее, в музеях археологических лабораторий Челябинского государственного университета и Челябинского педагогического университета.

Считаем свои приятным долгом выразить искреннюю признательность челябинским коллегам - И.М. Батаниной, Н.Б. Виноградову, С.А. Григорьеву, А.В. Епимихову, Г.Б. Здановичу, Д.Г. Здановичу, Н.О. Ивановой, В.П. Костюкову и Т.С. Малютиной за предоставленную возможность работать с материалами исследованных ими памятников, за ценные консультации, за неизменно доброжелательное и внимательное отношение к нашим проблемам. Слова глубокой благодарности мы адресуем Г.В. Бельтиковой и С.А. Днепрову - авторам первых раскопок на Урефтах, геологам Долгодеревенской геолого-разведочной партии Л.А. Колчиной и А.Г. Иванушкину, сотруднику Института геологии и геохимии УрО РАН А.Ю. Кисину, палеозоологу П.А. Косинцеву (Институт экологии растений и животных УрО РАН) и антропологу Д.И. Ражеву (Институт истории и археологии УрО РАН), специалистам-почвоведом А.А. Каздыму, Т.Ю. Величко и К.В. Дашкевич, археологу-трассологу Н.А. Алкрасхенко (Институт истории и археологии УрО РАН) и всем участникам Урефтинской экспедиции, обеспечившим своим трудом масштабное исследование замечательного андроновского памятника.

Список памятников к карте 2

1 - Коптяки V, 2 - Палатки I, 3 - Новая III, 4 - Нижняя Макуша, 5 - Березовское, 6 - Черкаскуль II, 7 - Нурбаково, 8 - Сунгуль, 9 - Лужки, 10 - Межовское, 11 - Больше-Казакбаевский, 12 - Ново-Бурино, 13 - Большая Караболка, 14 - Усть-Миасское IV, 15 - Березки VI, 16 - Перевозный IA, 17 - Березки I, V, 18 - Липовая Курья, 19 - Сарафаново, 20 - Камбулат I, II, 21 - Урефты I, 22 - Миасский I, 23 - Алакульский, 24 - Федоровский, 25 - Смолино, 26 - Сухомесово, 27 - Синеглазово, 28 - Туктубаево, 29 - Коркино I, 30 - Субботинский, 31 - Карьер II, 32 - Перейминский III, 33 - Андреевское озеро (северный берег, раскоп 6), 34 - Дуванское XVII, 35 - Черемуховый Куст, 36 - Хрипуновский, 37 - Бакланский, 38 - Ук III, 39 - Ново-Шадрино VII, 40 - Ново-Шадрино VIII, 41 - Чистолесбязье, 42 - Царев Курган, 43 - Кипель I, 44 - Кипель II, 45 - Камышное I, 46 - Камышное II, 47 - Раскатиха, 48 - Язевое I, 49 - Язевое II, 50 - Верхняя Алабуга, 51 - Убаган I, 52 - Убаган II, 53 - Загаринское, 54 - Кинзерский, 55 - Троицкий, 56 - Черноречье, 57 - Путиловская Займка, 58 - Приплодный Лог, 59 - Каменный, 60 - Зама-раево, 61 - Бабырыкино, 62 - Черняки I, 63 - Черняки II, 64 - Спасское I, 65 - Спасское II, 66 - Агаповка, 67 - Дружный, 68 - Устье, 69 - Солнце, 70 - Кулевчи III, 71 - Кулевчи VI, 72 - Каменный Амбар, 73 - Аркаим, 74 - Большекараганский, 75, 76 - Синташтинские поселения и могильники, 77 - Мирный II, 78 - Мирный III, 79 - Мирный IV, 80 - Мирный II (мог.), 81 - Конезавод I, 82 - Конезавод II, 83 - Садчиковское, 84 - Алексеевское, 85 - Алексеевский (мог.), 86 - Шукубай I, 87 - Шукубай II, 88 - Лисаковский, 89 - Семозерки, 90 - Петровка II, 91 - Кенес, 92 - Берлик, 93 - Аксайман, 94 - Новый Кумак, 95 - Шандаша, 96 - Ушкатты, 97 - Тасты-Бутак (пос.), 98 - Тасты-Бутак (мог.), 99 - Кожумберды, 100 - Юкаликулево, 101 - Мохирево, 102 - Ольховка, 103 - Красногорское, 104 - Заводоуковское X, 105 - Куйсак, 106 - Исинея, 107 - Кизил, 108 - Аландское, 109 - Берсат, 110 - Сухрино III, 111 - Балакино, 112 - Касарги-1, 113 - Ачликуль, 114 - Миасское, 115 - Нижнее-Ингальское 3, 116 - Щетково 2, 117 - Чернореченское III, 118 - Кривое Озеро, 119 - Каменная Речка, 120 - Белоключевка-5.

Общие сведения о памятнике

Курганная группа Урефты I расположена на южном берегу оз. Урефты примерно в 14 км к северу от окраины Челябинска и в 7 км к северо-востоку от пос. Долгодеревенское – административного центра Сосновского района Челябинской области. В 3 км к западу от памятника проходит автомобильная магистраль Челябинск-Екатеринбург (рис. 3). Деревня Урефты находится на северо-западном побережье озера в 3 км от могильника. Земли, прилегающие к южному берегу, принадлежат учебному хозяйству Челябинской аграрной академии.

Озеро Урефты является типичным для лесостепной зоны Зауралья водоемом. Оно котловинного типа, горько-соленое, бессточное, овальной формы, размером 4х3 км, мелкое, с пологими, заросшими тростниками, берегами. Питается за счет талых, дождевых и грунтовых вод. По берегам озера встречаются родники. Один из таких источников находится на территории усадьбы охотхозяйства

примерно в 350 м к северо-западу от могильника. Для озера характерны периодические колебания горизонтов воды (Сысоев, 1959. С. 115). Лесная растительность вокруг водоема носит характер разобренных березовых или березово-осиновых рощ – колков. По их опушкам часты заросли мелкого кустарника – дикорастиющей вишни, шиповника и др. К настоящему времени земли, окружающие озеро, испытали мощное антропогенное воздействие – берега практически кругом распашаны. Пашней не затронуты только маленькие островки березового леса (рис. 3). Южное побережье озера в месте расположения археологического памятника террасировано. Нижняя терраса, сложенная крупными глыбами кварца, щебнистым и глинистым материалом, имеет здесь четкий уступ высотой до 4-5 м. Более высокая терраса сохранилась хуже, она не имеет уступа, обращенный к озеру склон пологий или слабопокатый.

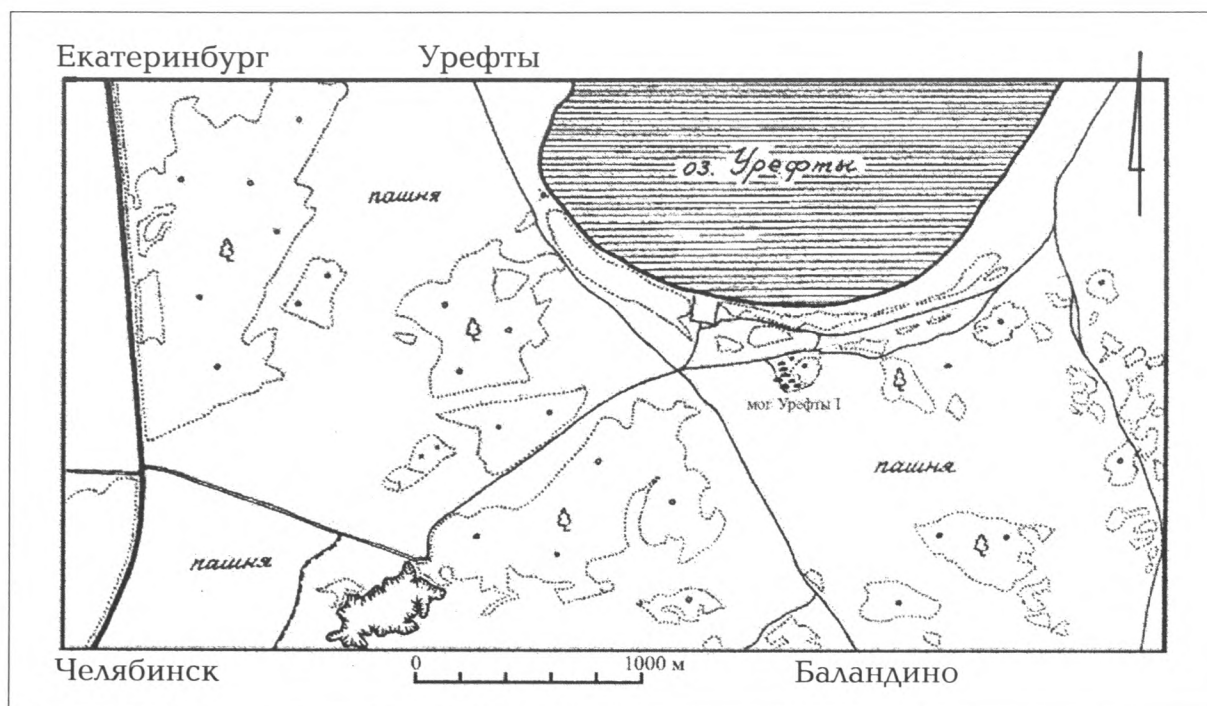

Рис. 3. Могильник Урефты I, ситуационный план.

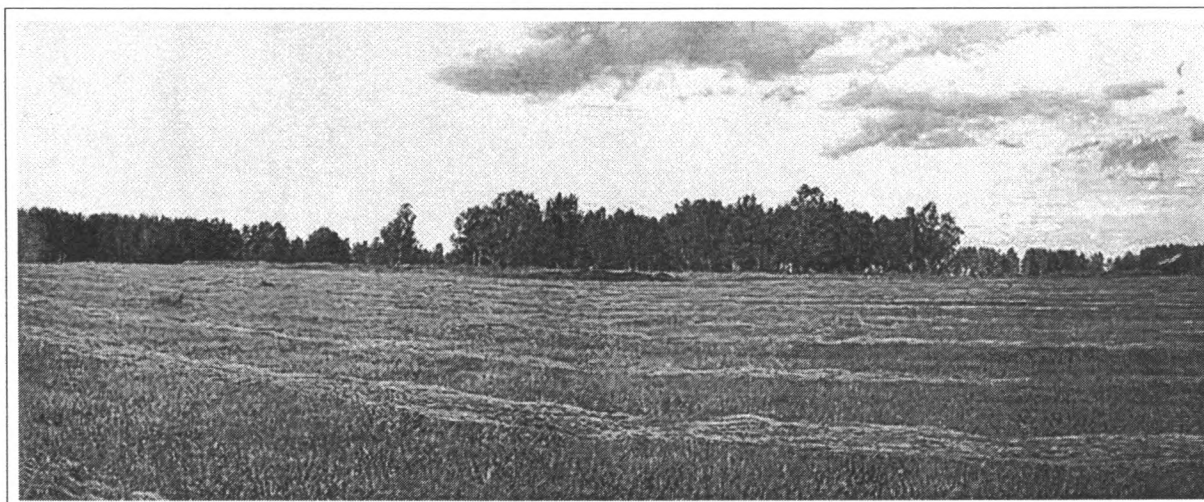

Рис. 4. Могильник Урефты I. Общий вид памятника с юго-западной стороны.

Курганная группа приурочена к самому высокому на южном берегу месту. Она занимает участок размером около 250x150 м, расположенный на высоте 8-11 м и удаленный от водного зеркала на 250-300 м. С восточной стороны к могильному полю примыкает небольшая пологая котловина, занятая березовой рощей, с южной и западной сторон площадка с курганами ограничена пашней (рис. 4, 5). В северо-восточной части памятника прослеживается старая земляная выемка, ныне задернованная и поросшая кустарником. На покрытой луговым разнотравьем поляне зафиксировано 33 кургана, но в реальности их наверняка было больше (рис. 5). По крайней мере, два, а, скорее всего, более чем два, кургана были разрушены при прокладке магистральных газопроводов в северной части древнего кладбища (культурная принадлежность разрушенных курганов не установлена). Неизвестно, имелись ли какие-то внешне выраженные объекты на месте земляной выемки. Какая-то часть насыпей, находившихся на западной и южной окраине могильника, по-видимому, сильно распахана. Какие-то из очень малых курганов мы вполне могли не заметить из-за их невыраженности в рельефе, и, напротив, другие едва заметные всхолмления могли ошибочно принять за сильно расплывшиеся курганные насыпи, тогда, как в действительности они образовались в местах выхода на поверхность или близкого залегания горных пород. Специалист по дешифрированию материалов аэро- и космосъемок И.М. Батанина (г. Челябинск), изучившая аэрофотоснимок данного участка побережья (съемка 22 июня 1974 г., т.е. до строительства трубопроводов), предположила, что курганная группа могла насчитывать около 40 насыпей (в т.ч. несколько сомнительных объектов на пашне). Кроме того, она обратила внимание на существование между некоторыми курганами в западной и юго-западной части могильного поля каких-то объектов в виде небольших возвышенностей, возможно, свидетельствующих об имеющихся здесь захоронениях. Действительно, среди исследованных нами

погребений были такие, которые располагались в стороне, иногда на значительном удалении от границ курганных насыпей, при этом они не имели каких-либо внешних признаков.

Таким образом, могильник Урефты I включал приблизительно около 40 курганов и неопределенное множество грунтовых захоронений. Это далеко не самый крупный некрополь причелябинского района андроновской общности, но и не самый малый.

Какой-либо закономерности в расположении курганов на поляне не прослеживается. Большинство насыпей аморфной в плане формы, уплотненные, высота их редко превышает 0,2-0,3 м. Некоторые вообще едва заметны, особенно в высокой траве. Исключение составляли федоровские курганы, сегментовидные насыпи которых диаметром от 8 до 15-17 м достигали в высоту 0,4-0,7 м. Их полы не сливались и не перекрывали друг друга. Урефтинские федоровские курганы довольно надежно распознаются по выступающим над дерном камням оградок, а также зарослям степной вишни на их поверхности. По внешним признакам и данным раскопок отмечена концентрация курганов федоровского типа в юго-восточном секторе некрополя. Впрочем, один федоровский курган (1) раскопан на его противоположной – северо-западной окраине, еще один курган (16) находился на южной границе могильного поля.

В разных местах на территории могильника встречаются почти вросшие или торчащие из земли камни, иногда такие камни образуют скопления. Некоторые из них (см.: например, рис. 16 – 3, 21) связаны с выходами горной породы – кварца, другие маркируют те или иные археологические объекты. Особый интерес представляют три кварцевых монолита, расположенных близко друг к другу на восточной окраине курганного поля (рис. 6). Впечатляют их размеры: 2,7x1,5x1,4 м; 2,4x1,3x0,9-1 м и 1,8x0,8x0,5 м соответственно. Внося поправку на неправильную форму и зная объемный вес кварца (2650 кг/куб.м), мы высчи-

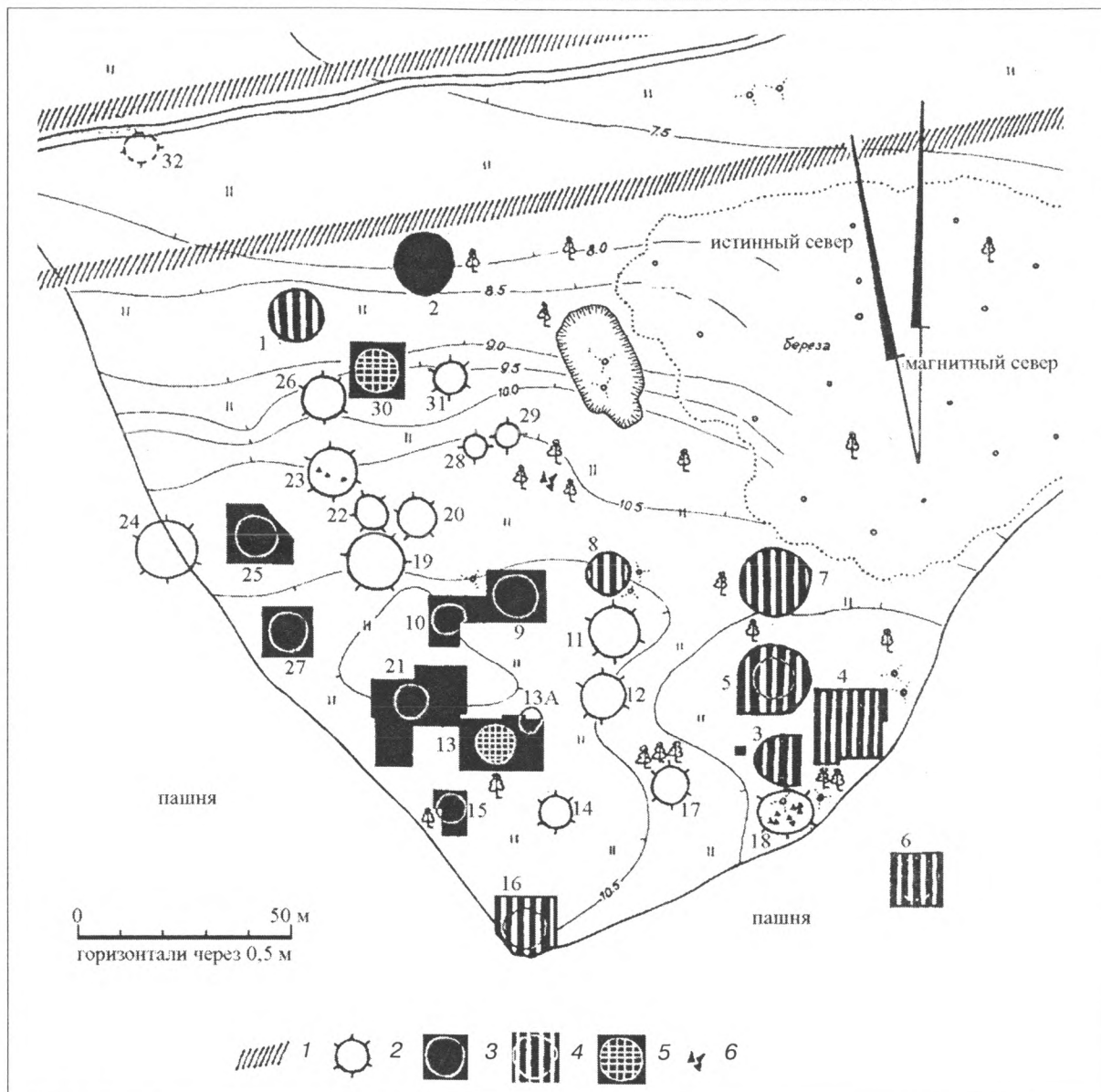

Рис. 5. План могильника Урефты I.

1 – подземный трубопровод, 2 – нераскопанные курганы, 3 – алакульский курган, 4 – федоровский курган, 5 – алакульско-федоровский курган, 6 – крупные камни.

тали примерный вес этих монолитов. Самый крупный из них весит более 10 т, масса среднего составляет не менее 6,6 т, а самого малого – около 1,5-1,7 т. Крайне любопытно то, что эти кварцевые глыбы ранее здесь не стояли. Сюда они были перемещены с другого места (мест?), находившегося не слишком далеко, вероятно, на территории могильника (может быть, на его распаханной ныне части). Более того, мы полагаем, что в глубину берега эти камни могли быть доставлены только от обрывистого уступа озерной террасы, где подобные тяжеловесные глыбы встречаются во множестве. Наше мнение разделяет геолог Долгодеревенской ГРП Л.А. Колчина. Установить их первоначальное местоположение, а также доказать, что на территорию кладбища они были пере-

тащены соплеменниками похороненных здесь людей, не представляется возможным. Тем не менее, мы рассматриваем данную гипотезу как вполне вероятную и допускаем, что эти монолиты могли выполнять функцию дополнительных некрологических структур (Смирнов, 1997. С. 40, 76-79).

Почвы на участке, занятом древним некрополем, представлены выщелоченным черноземом на хрящеватых породах, сформировавшимся под луговой разнотравно-злаковой растительностью. Ввиду близкого залегания коренных пород почвенный чехол имеет малую мощность. Насыпи всех исследованных курганов состояли из грунта, ни по окраске, ни по механическому составу, ни по структуре практически не отличавшегося от гумусового горизонта погребенной почвы. Древняя поверх-

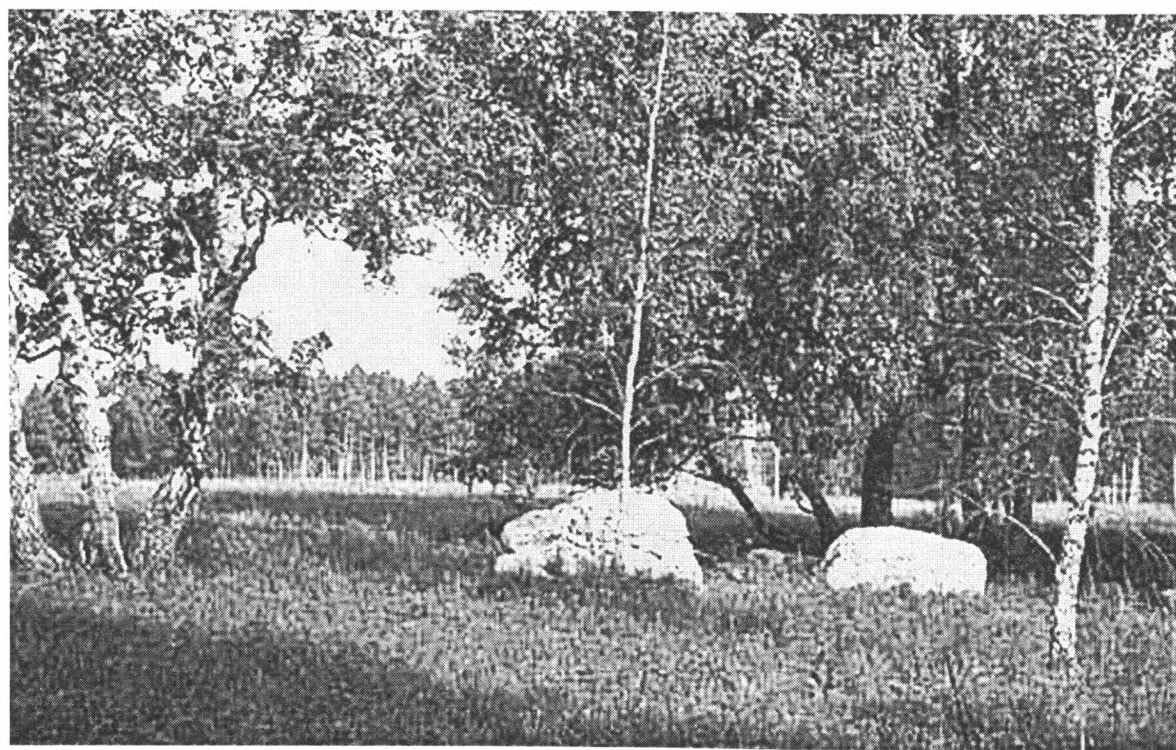

Рис. 6. Могильник Урефты I. Кварцевые глыбы на северо-восточной окраине памятника.

ность улавливалась иногда под глинистыми выкидами из могильных ям, под отдельными камнями, но чаще по косвенным данным. Судя по морфологическим признакам и результатам химического анализа почв (Т.Ю. Величко, К.В. Дашкевич), надмогильные сооружения возводились из дерновых блоков/кусков дернины способом кладки.

Помимо объектов и находок, относящихся к андроновскому могильнику, на его юго-восточной окраине зафиксирован культурный слой стоянки-мастерской каменного века Урефты IА. При раскопках курганов 3, 5 и 6 было обнаружено несколько сотен каменных предметов довольно специфического облика (рис. 7, 8). Они залегали в насыпи курганов, в заполнении могильных ям и в погребенной почве. В разведочном шурфе 2х2 м, заложенном с западной стороны от кургана 3, не выявлено следов каких-либо искусственных объектов, но найдено еще 270 предметов из камня. Археологический материал приурочен к слою темно-серой гумусированной почвы, мощность горизонта с артефактами в шурфе составляла 30-33 см. Необычность раннего комплекса проявляется в отсутствии серий морфологически выраженных форм орудий при довольно однообразном по составу каменном сырье (кремь желто-бурых, розоватых и серых тонов), выходы которого по берегам озера не известны. Выяснить четкую культурно-хронологическую позицию урефтинской стоянки - мастерской по первичной обработке камня среди древностей каменного века лесостепной зоны Зауралья не удалось.

В процессе функционирования древнего кладбища на его территории происходило отложение, накопление и перемещение культурных остатков, т.е. формировался культурный слой могильника. Обломки глиняных сосудов, камни и отдельные кости животных регулярно попадались на участках межкурганного пространства. В частности, в упомянутом шурфе около кургана 3, кроме каменных изделий, найдены 3 мелких фрагмента керамики алакульского облика и шейный позвонок овцы. Фрагмент алакульского сосуда (рис. 50, 4) был обнаружен в шурфе рядом с 10-тонным кварцевым монолитом (он залегал на глубине около 25 см от основания глыбы).

Следов поселений андроновского времени на территории некрополя и в непосредственной близости от него не обнаружено. Андроновские поселки до сих пор не выявлены и на других побережьях оз. Урефты. Судя по находкам в насыпях курганов 1, 7 и 25 черепков и каменных изделий из яшмы энеолитического облика, около или не слишком далеко от могильника располагается стоянка этого времени. К сожалению, она также не обнаружена.

Магнитное склонение в районе нахождения могильника – восточное, равное 12°. На всех планах курганов, погребений и других объектов некрополя, помещенных в данной работе, указаны направления на магнитный север. Знание величины магнитного склонения необходимо особенно при проведении сравнительного анализа погребальных обрядов. В Челябинской области имеют-

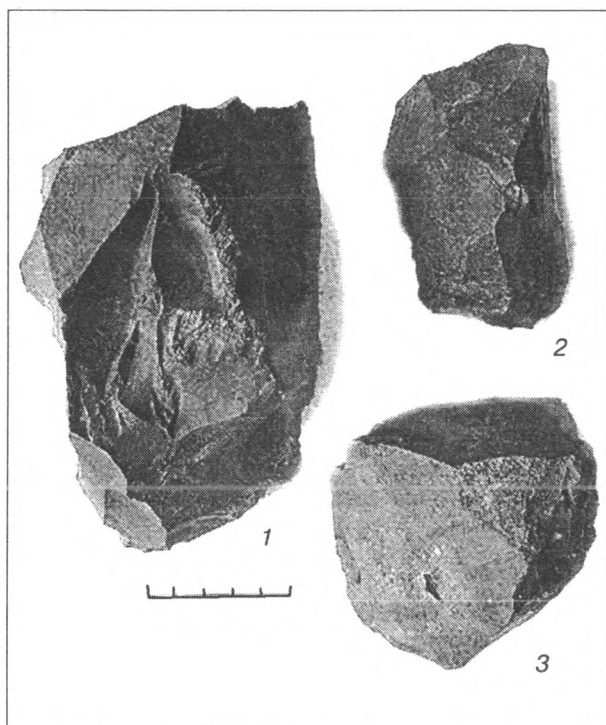

Рис. 7. Стоянка Урефты IА.
Каменный инвентарь.

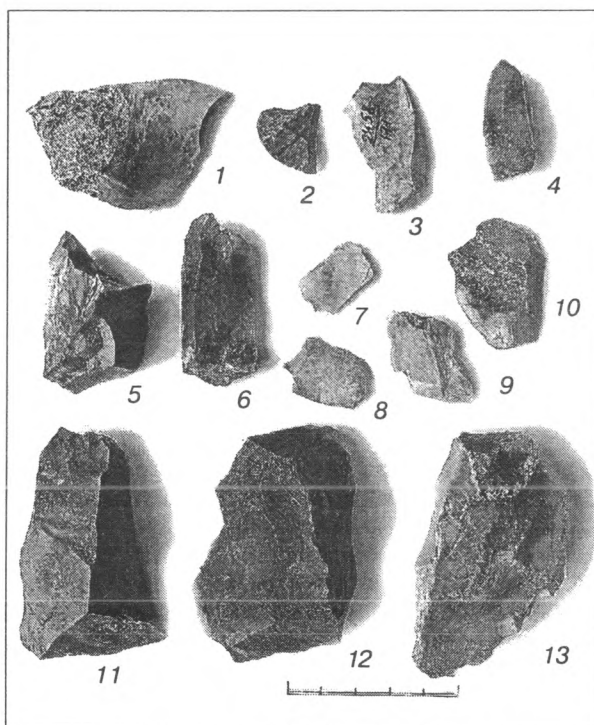

Рис. 8. Стоянка Урефты IА, каменный инвентарь (1-3, 5-13). Могильник Урефты I, кристалл дымчатого кварца (4) из кургана 6 (сектор 3, каменная ограда).

ся аномальные места, где отклонение магнитной стрелки от направления географического мериди-

ана достигает 36° и даже 45°, а в некоторых местах оно не превышает 8-9°.

История исследования

Могильник на южном берегу оз. Урефты открыт в 1978 г. разведочной группой археологической экспедиции Уральского государственного университета (г. Екатеринбург) под руководством Н.А. Алексашенко. На план памятника было нанесено тогда 15 земляных курганов, по крайней мере, еще две насыпи зафиксированы как полностью разрушенные траншеей магистрального газопровода. Уже на следующий год начались стационарные раскопки памятника, продолжавшиеся без перерыва до 1983 г. В результате проведенных работ установлено, что могильник Урефты I является типичным для при Челябинского района андроновским могильником, на площади которого размещены погребения, содержащие материалы федоровского, алакульского и смешанного алакульско-федоровского типов.

В 1979 г. отрядом Уральской археологической экспедиции, который возглавила Г.В. Бельтикова, были раскопаны курганы 1 и 2, расположенные в северной части могильного поля, в непосредственной близости от траншеи магистрального трубопровода. В 1980 г. исследование памятника было продолжено С.А. Днепровым. Для раскопок им были выбраны курганы 3-7 на юго-восточной окраине древнего кладбища, под насыпями которых оказались федоровские погребения. Тогда же выяснилось, что федоровские курганы 3, 5 и 6 сооружены на месте стоянки каменного века Урефты IA (в насыпях курганов и в погребенной почве были найдены многочисленные каменные сколы, отщепы без следов вторичной обработки). С 1981 по 1983 г. раскопки могильника велись под руководством О.Н. Корочкиной. В течение этих лет были исследованы курганы 8, 9, 10, 13, 13А, 27. Полученные материалы позволили установить характер и принадлежность погребальных комплексов, расположенных в центральной части памятника и на его юго-западной окраине. Около некоторых алакульских курганов (9, 10, 27) выявлены необычные конструкции в виде каменных кладок. Параллельно с раскопками продолжалась работа по уточнению плана курганной группы - в 1983 г. на нем значились уже три десятка насыпей.

Таким образом, за период 1979-1983 гг. на территории могильника Урефты I было раскопано 13 курганов. Из них семь оказались федоровскими (1, 3-8), под насыпью кургана 13 находились погре-

бления с посудой алакульского и смешанного алакульско-федоровского облика, остальные курганы (2, 9, 10, 13А, 27) отнесены к алакульской культуре. Выявились основные признаки и участки локализации алакульских и федоровских объектов. Несмотря на, казалось бы, достаточные результаты, у нас оставалось много вопросов, которые диктовали необходимость продолжения работ. В 1996 г., т.е. спустя тринадцать лет, такая возможность представилась благодаря объединению бюджетных средств, выделенных на проведение археологической практики студентов Свердловского областного педагогического колледжа, и части хоздоговорных средств Проблемной научно-исследовательской археологической лаборатории УрГУ. В 1997-1999 гг. финансирование экспедиции осуществлялось за счет средств ФЦП «Интеграция».

Располагая в полной мере информацией о результатах раскопок прошлых лет, работы на памятнике были возобновлены и далее проводились в соответствии с конкретной программой научных исследований и определенными исследовательскими задачами. Еще на подготовительной стадии были сформулированы вопросы, касающиеся особенностей конструкции надмогильных сооружений и погребальных камер, возможного наличия на площади могильника погребений, не имеющих наружных признаков, пространственной организации некрополя, источников каменного сырья для строительства погребальных и иных объектов, разного рода трудозатратных сюжетов и др. В процессе раскопок самое пристальное внимание уделялось фактам, имеющим значение для решения проблемы соотношения разнотипных комплексов. Была изменена методика исследования памятника. Мы отказались от традиционного способа раскопок курганов по секторам и обратились к давно и хорошо зарекомендовавшим себя процедурам «поселенческой» методики. Начиная с 1996 г. раскопки курганов производились по возможности большими площадями, с разборкой насыпи и погребенной почвы тонкими срезами, с разметкой бровок - помимо поперечных - во всех представляющих интерес местах, с фиксацией различных стратиграфических и планиграфических ситуаций. Строго соблюдался принцип индивидуального учета находок, независимо от их местоположения.

Ставя перед собой конкретные задачи, мы не форсировали темпы раскопочных работ: за четыре полевых сезона исследовано 5 курганов. В их числе – расположенные рядом алакульский курган 15 и федоровский 16, многомогильные курганы алакульской культуры 21 и 25, курган с материалами алакульско-федоровского облика 30. Еще раз было уточнено количество и положение курганных насыпей на территории могильника (рис. 5). Каменный материал, использовавшийся при обустройстве погребальных и поминальных объектов, в 1999 г. осматривался специалистами из Долгодеревенской геологоразведочной партии. Тогда же вместе с ними была предпринята поездка на действующие карьеры Султаевского и Челябинского гранитных массивов, где разрабатываются породы аналогичного урефтинским состава. Кроме того, был осмотрен мраморный карьер около пос. Баландино. В 1999 г. на могильнике выполнялись работы по химическому изучению почв.

К сожалению, при изучении некрополя не удалось в полной мере использовать возможности

естественных наук, в том числе для определения возраста исследованных объектов. В нашем распоряжении имеются всего три радиоуглеродные даты, полученные для погребений курганов 15, 16 и 25 (датирование выполнено в радиоуглеродной лаборатории Оксфордского университета).

Итого, за 9 полевых сезонов на могильнике исследовано в общей сложности не менее 18 курганов, более 100 погребений, а также несколько объектов, не несущих функций погребального сооружения. Вскрытая на памятнике площадь составила 3036 кв.м.

Информация о результатах многолетнего исследования андроновского могильника Урефты I, введенная до настоящего времени в научный оборот, скупа. По существу она исчерпывается двумя небольшими статьями, посвященными результатам раскопок федоровских курганов 1, 3-7 (Стефанов, Днепров, Корочкова, 1983), алакульско-федоровских объектов (Корочкова, 2002) и серией кратких заметок, носящих тезисный характер (Корочкова, 1999; Корочкова, Стефанов, 1999; 2001).

Характеристика погребальных комплексов алакульской культуры

Алакульские погребальные объекты в составе некрополя Урефты I численно преобладают. Они рассредоточены по всей территории могильника, образуя в его центральной части относительно компактные скопления по 2-4 кургана. Расплывшиеся насыпи А-курганов размером от 5х6 до 15х18 м отличаются небольшой высотой (0,1-0,3 м) и аморфностью очертаний в плане. Их поверхность хорошо задернована и обычно свободна от кустарниковой растительности. Внешнее сходство курганов дополняет сходная стратиграфия. Под степным войлоком и дерниной залегал слой темно-серой или серовато-черной гумусированной почвы мощностью 0,15-0,35 м, незаметно переходящий в погребенный гумусовый горизонт темных тонов со слегка буроватым оттенком, комковатой структуры, с карбонатными включениями. Почвообразующая порода повсеместно представлена плотным суглинком преимущественно желтого с оттенками цвета.

Могильные ямы также заполнены черноземным грунтом. По всему профилю почв встречаются многочисленные кротовины, заполненные землей из выше- или нижележащих горизонтов. В некоторых курганах (9, 15) замечены старые норы барсуков и лис. В редких случаях могильные ямы были приурочены к выходам жильного кварца (курган 9 – см. рис. 16).

Из числа исследованных на территории могильника курганов к алакульской культуре отнесено восемь: №№ 2, 9, 10, 13А, 15, 21, 25 и 27 (рис. 5). Характеристика погребений курганов приведена по их порядковому номеру. Глубина большинства могильных ям указана от уровня фиксации в материковом грунте. В тех случаях, когда удавалось зафиксировать погребенную почву, например, под выброшенным из ям суглинком, восстанавливалась действительная глубина ям от уровня древней поверхности. При описании такие ситуации специально отмечались.

Курган 2

Находился на северной окраине могильника, в непосредственной близости от траншеи магистрального трубопровода, проложенного через территорию древнего некрополя (рис. 5). Объект раскопан в 1979 г. под руководством Г.В. Бельтиковой.

Насыпь кургана представляла овальное в плане возвышение размером около 17,6х15 м высотой 0,3-0,4 м. На подкурганной площадке обнаружено 17 погребений, 5 пустых ям, более 40 сосудов, стоявших в стороне от могил, и довольно много кварцевых валунов, лежавших, как правило, около могил, над ними, либо рядом с одиночными сосудами (рис. 9 – 1). Последние стояли на дне мелких ям, вырытых в гумусовом горизонте и потому не фиксируемых. Это утверждение основывается на анализе данных о глубине залегания горшков, показывающем, что они находились ниже уровня древней поверхности. Ямы с помещенными в них сосудами обустраивались аналогично детским могилам, во множестве выявленным в алакульских комплексах, в том числе в кургане 2, с той лишь разницей, что они не достигали горизонта желто-окрашенного суглинка. Около крупных могил местами прослеживались локальные пятна глинистого выкида.

В раннем железном веке в центральную часть насыпи кургана, вероятно, было впущено погребение, от которого сохранились лишь два круглодонных неорнаментированных горшка (рис. 50 – 2, 3). Установить размер и форму могилы, вырытой в темноокрашенном грунте и не доходящей до материка, не удалось.

Сложный многомогильный комплекс, каким являлся курган 2, формировался на протяжении определенного времени и в разные моменты выглядел по-разному.

Погребение 1 располагалось в 4,5 м к ЮВ от центральной могилы 4. Прямоугольная яма размером 1,65х1,3 м, глубиной 0,35-0,4 м от древней поверхности была ориентирована в направлении ЮЗ-СВ (рис. 10 – 1). На ее дне покоились останки подростка, похороненного скорченно на левом боку с подогнутыми ногами; голова обращена на ЮЗ. Посткраниальная часть скелета сохранилась частично, некоторые фрагменты представлены костным тленом. Череп раздавлен. С правой стороны от черепа, на тонкой полоске древесного тлена лежал фрагмент округло-желобчатого браслета диаметром 5 см (рис. 10 – 5). Перед головой, в СЗ

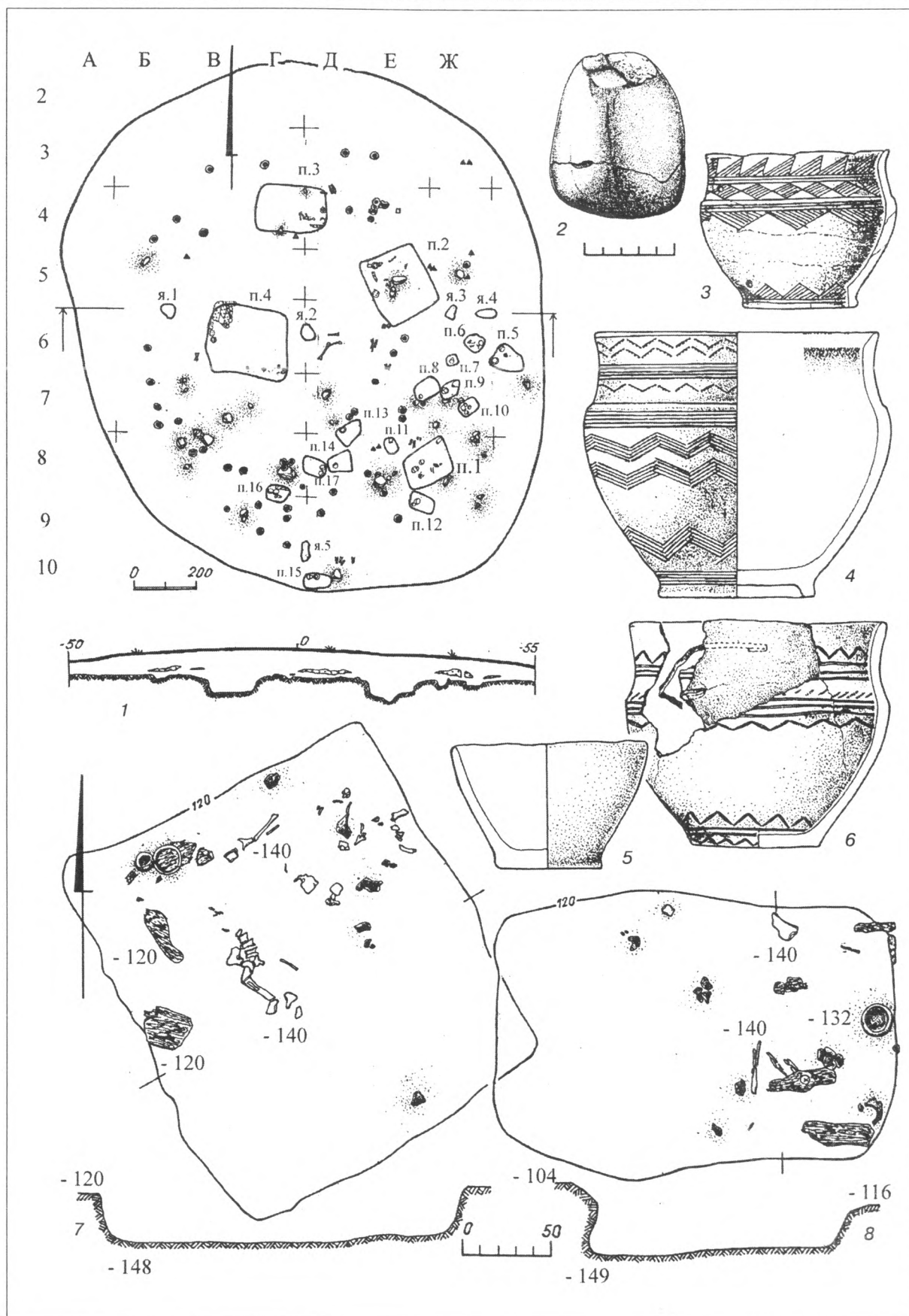

Рис. 9. Могильник Урефты I, курган 2. План и разрез кургана (1); каменное орудие из насыпи (2); погребения 2 (3, 4, 7), 3 (5, 6, 8). 2 – камень, 3, 4, 5, 6 – керамика.

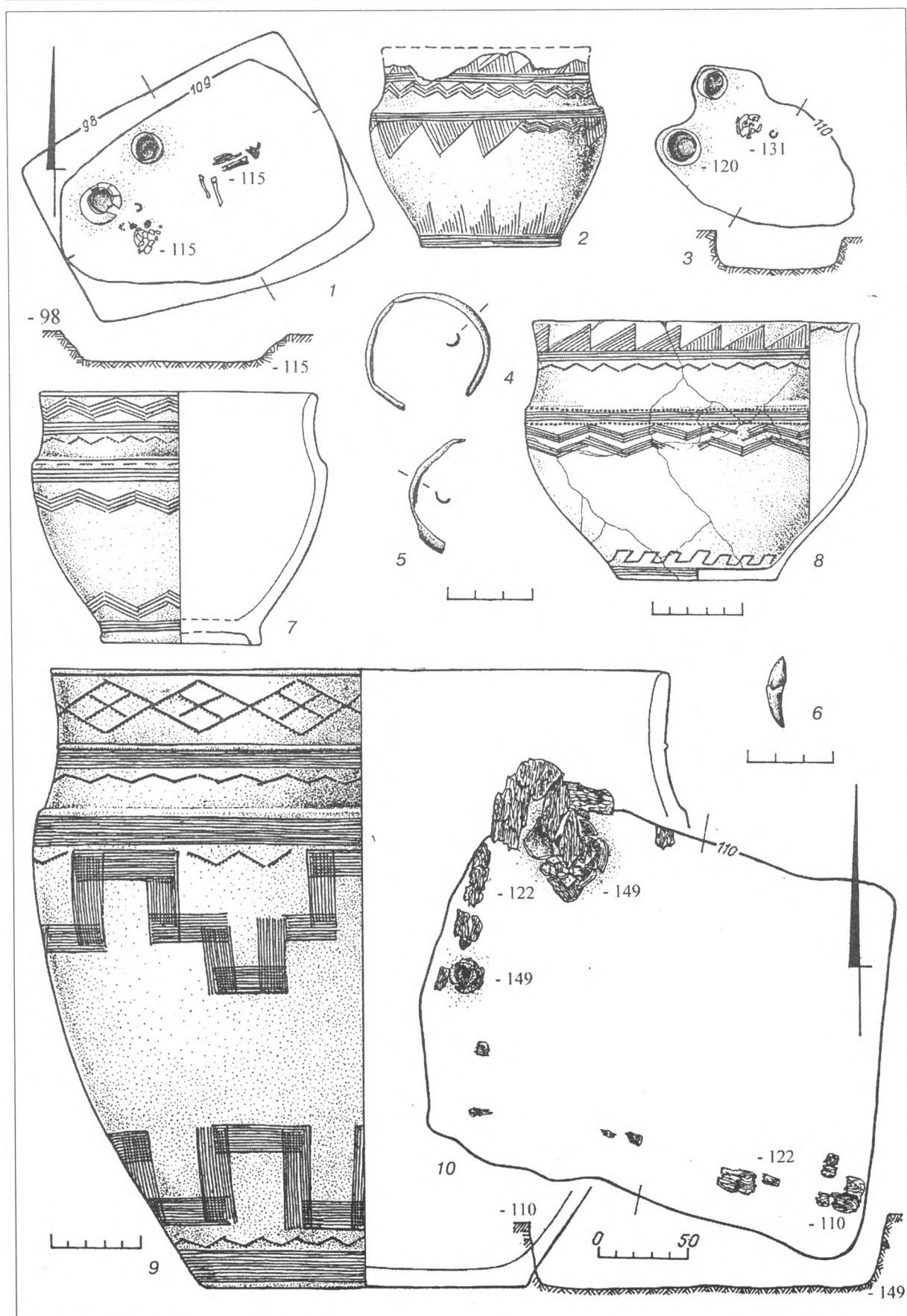

Рис. 10. Могильник Урефты I, курган 2. Погребения 1 (1, 2, 5), 5 (3, 4, 7), 4 (6, 8, 9, 10); 4, 5 – бронза, 6 – клык, 2, 7, 8, 9 – керамика.

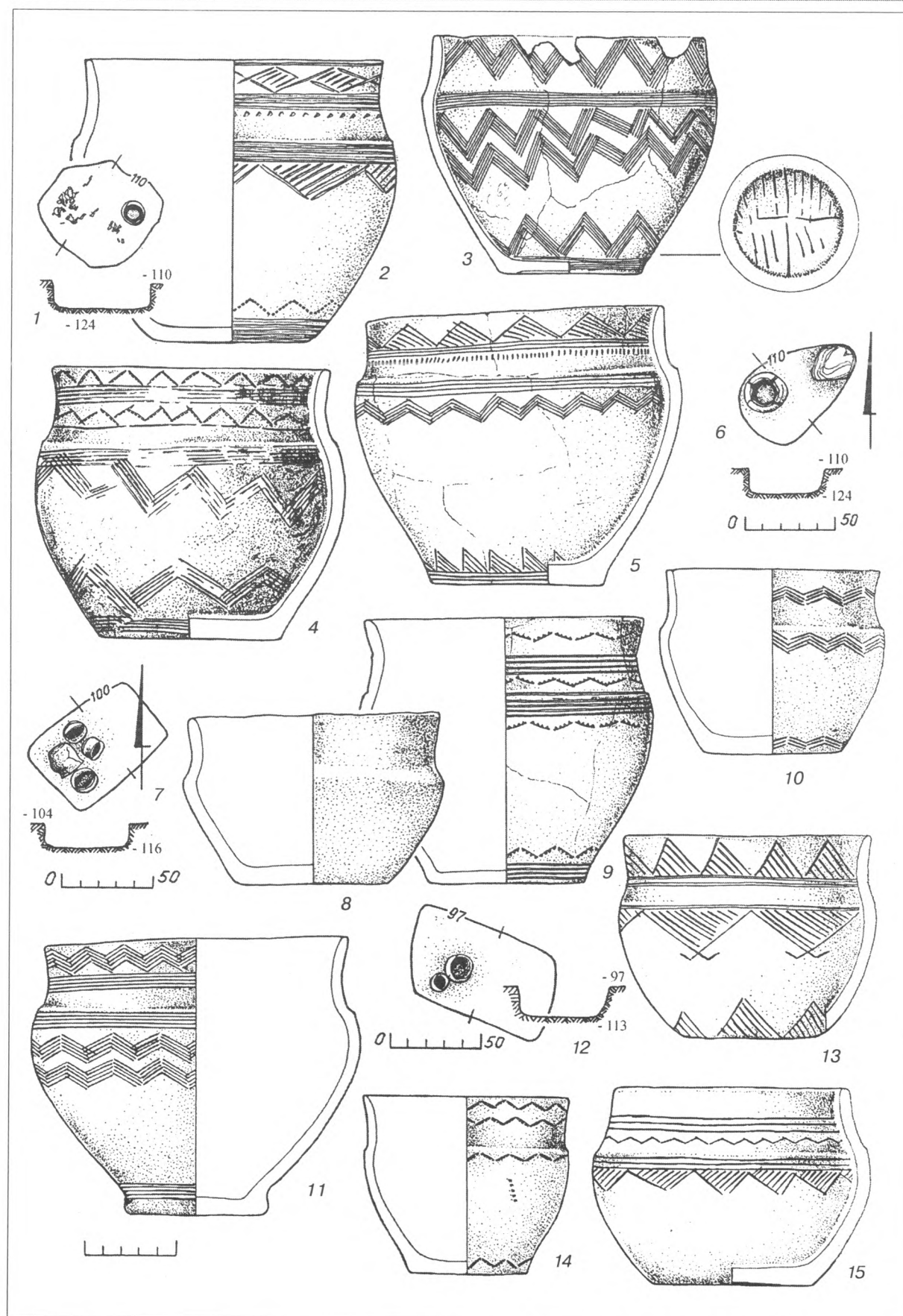

Рис. 11. Могильник Урефты I, курган 2. Погребения 6 (1, 2), 7 (3), 8 (4), 9 (5, 6), 10 (7, 8, 9, 10), 12 (11, 12). Сосуды из ям в черноземе (13, 14, 15 – кв. Е/8).

секторе ямы находились два горшка, один почти целый (рис. 10 – 2), другой – в обломках (рис. 14 – 16).

Погребение 2 находилось в СВ секторе кургана (рис. 9 – 1, 7). Яма почти квадратной формы, размером 2,2х2 м ориентирована по оси СЗ-ЮВ. В верхней части заполнения могилы залежали два крупных кварцевых валуна. Стенки отвесно опускались к плоскому дну на глубину 0,5–0,55 м от древней поверхности. На уровне нижней трети ямы вдоль северо-западной и юго-западной стен зафиксированы остатки деревянного перекрытия. На дне в северной половине могилы расчищены лежавшие вперемешку разрозненные кости человека и животного. Вплотную к СЗ торцевой стене стояли два сосуда (рис. 9 – 3, 4).

Погребение 3 находилось в 1,5 м к СЗ от погребения 2. Могильная яма прямоугольной в плане формы, размером 2,25х1,65 м, ориентирована по линии З-В (рис. 9 – 8). Стенки ямы пологие, дно неровное, нижние отметки достигали значения 0,4–0,5 м от древней поверхности. Около восточной стенки и на дне зафиксированы остатки деревянного перекрытия. Находки представлены отдельными костями скелета взрослого индивидуума, лежавшими вперемешку с обломками сосудов, первоначально стоявших около восточной стенки могилы (рис. 9 – 5, 6).

Погребение 4 находилось практически в центре подкурганной площадки. Могильная яма – самая крупная из раскопанных под насыпью, подпрямоугольной формы с несколько деформированными очертаниями продольных стен, размером 2,5х2 м, ориентирована по линии ЗСЗ-ВЮВ (рис. 10 – 10). Дно ямы ровное, отмечено на глубине 0,6 м от древней поверхности. В нижней трети ямы вдоль южной и северо-западной стен зафиксированы остатки древесного тлена. На дне могилы, в северо-западном углу расчищен развал крупного алакульского горшка (рис. 10 – 9). Обломки еще одного сосуда (рис. 10 – 8) лежали около середины западной стенки. Останков погребенного в могиле не было, но рядом с ней (в 1 м к востоку), на выкиде из ямы, обнаружены кости нижних конечностей взрослого человека. Допускаем, что из этой же могилы были выброшены каменное орудие (рис. 9 – 2) и подвеска из клыка животного (рис. 10 – 6).

Все остальные погребения располагались исключительно в юго-восточном секторе подкурганной площадки, образуя своеобразную дугу. **Погребение 5** – крайнее с восточной стороны. Могила неправильной формы, размером 1,13х0,75 м, глубиной в материке 0,2 м (0,4 м от древней поверхности) (рис. 10 – 3). Длинными стенами яма ориентирована по оси СЗ-ЮВ. Около северо-западной стенки стояли два горшка, в центральной части ямы найдены фрагменты черепа ребенка и желобчатый бронзовый браслет (рис. 10 – 4, 7). **Погребение 6** располагалось всего в 0,5 м к СЗ от соседнего погребения 5 и в 1,5 м к ЮВ от ближайшей большой могилы 2. Яма неправильной формы размером 0,6х0,54 м, глубиной до 0,15 м. Ориентировка соответствовала направлению СЗ-ЮВ. На дне сохранились остатки костяка ребенка в возрасте до 1 года. Судя по сохранившимся фрагментам черепа и кос-

тного тлена посткраниальной части, ребенок был похоронен скорченно на левом боку, головой на СЗ. В ногах стоял один сосуд (рис. 11 – 1, 2). Для **погребения 7**, расположенного в 2 м к ЮВ от большой могилы 2, была выкопана очень маленькая яма – подчетыреугольной формы, размером 0,4х0,38 м, глубиной немногим более 0,2 м в материке. В центре ямы стоял один сосуд (рис. 11 – 3).

Могилы 8, 9 и 10 были сооружены вплотную друг к другу на расстоянии 1–1,2 м к С от погребения 1. **Погребение 8** представляло собой яму трапецевидной формы размером 0,86х0,6 м, глубиной не более 0,17 м в материковом грунте, ориентированную по линии СВ-ЮЗ. В южном углу могилы стоял один сосуд (рис. 11 – 4). На уровне древней поверхности около юго-западного угла могилы расчищено два лежавших на боку горшка. Западный угол могильной ямы **погребения 9** вплотную примыкал к восточному углу могилы 8. Яма подтреугольной формы, 0,7х0,42х0,14 м, была ориентирована по оси СВ-ЮЗ. В узкой части могилы расчищен большой кварцевый валун, в противоположной – раздавленный сосуд (рис. 11 – 6). Еще один кварцевый валун лежал у южного края ямы на древней поверхности. Такой же камень лежал на краю **могилы 10**. Яма прямоугольной формы (0,68х0,47х0,16 м) была ориентирована в направлении СВ-ЮЗ. Стенки и дно ровные. В юго-западной половине могилы обнаружены четыре горшка, поставленных в два ряда (рис. 11 – 7, 8, 9, 10).

Погребения 11 и 12 были устроены рядом с западными углами погребения 1 (погребение 11 в 0,5 м от СЗ угла, погребение 12 вплотную к ЮЗ углу). Для **погребения 11** была выкопана яма трапецевидной в плане формы (0,49х0,37х0,11 м), ориентированная по оси СЗ-ЮВ. В северном углу могилы расчищен лежавший на боку сосуд (рис. 12 – 1, 2). Очертания ямы **погребения 12** в плане фиксировались в виде параллелограмма размером 0,84х0,5 м (рис. 11 – 12). Стенки отвесно опускались к равному дну, углубленному в материк на 0,16 м. В северо-западной половине могилы обнаружено два горшка (рис. 11 – 11).

Погребения 13 – 17 располагались цепочкой по линии СВ-ЮЗ в 2,5–3 м к ЮВ от центральной могилы 4 и ограничивали поле детских погребений с запада. Могильная яма **погребения 13** трапецевидной в плане формы, размером 0,88х0,58х0,16 м, ориентирована по линии СВ-ЮЗ. В северо-западной половине расчищен один сосуд. Около могилы лежали два кварцевых валуна. Для **погребения 14** была выкопана яма трапецевидной в плане формы размером 0,8х0,64х0,1 м, ориентированная по линии ЗЮЗ-ВСВ. Единственный сосуд лежал на боку в западной половине могилы. **Погребение 15** – крайнее с южной стороны, находилось в 7 м к ЮЮВ от центральной могилы 4. Трапецевидная яма размером 0,89х0,53х0,17 м была ориентирована в широтном направлении. В северо-западном углу могилы расчищены два сосуда (рис. 12 – 4). На уровне древней поверхности в северном углу пятна могильной ямы находился крупный кварцевый валун. **Погребение 16** было устроено в яме трапе-

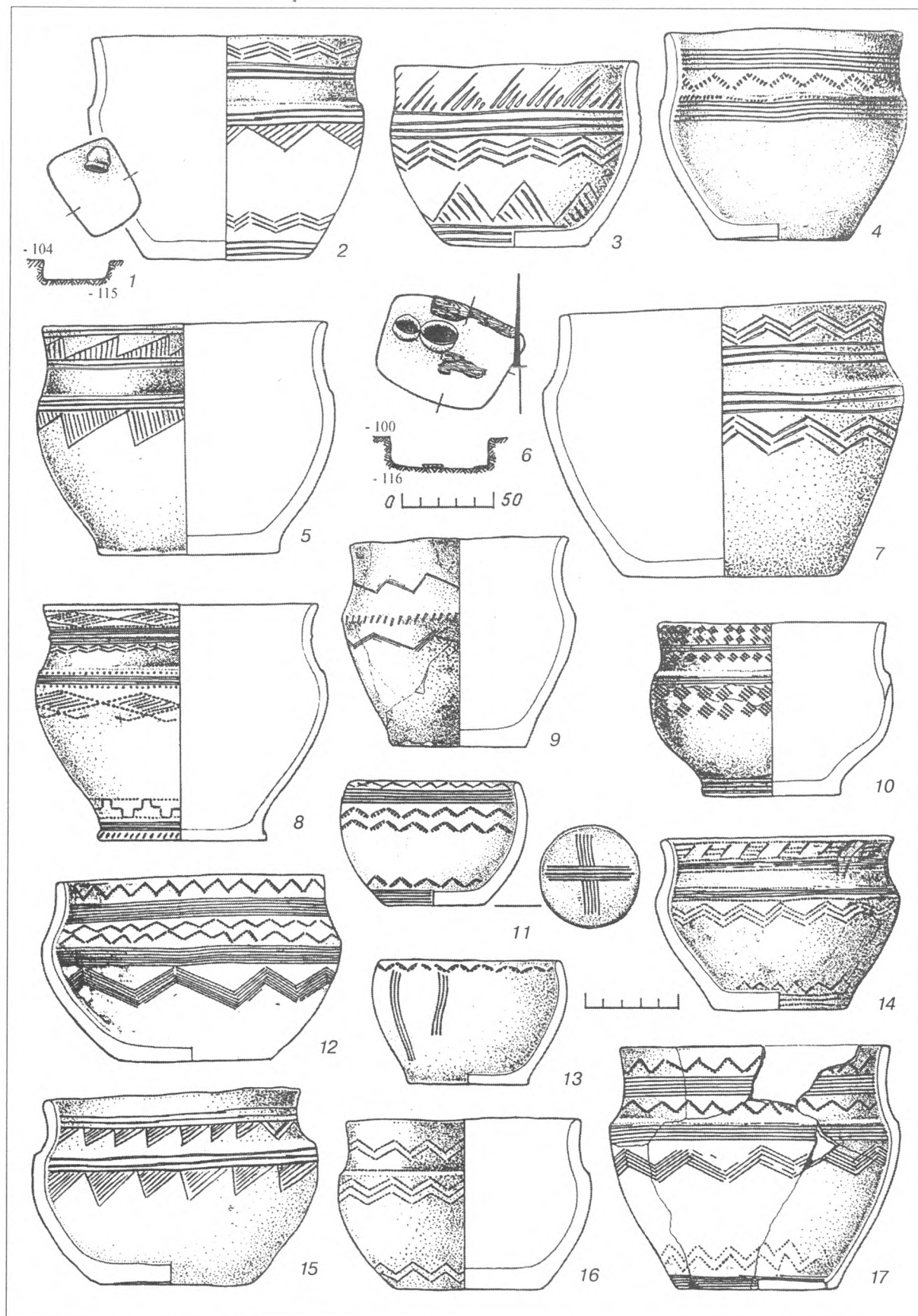

Рис. 12. Могильник Урефты I, курган 2. Погребения 11 (1, 2), 15 (4), 16 (5, 6, 7), 17 (9, 10). Сосуды из ям в черноземе: 3 – кв. Д/8; 8 – около погр. 16; 11, 13, 14, 16 – кв. Е/4; 12 – кв. Д/3; 15 – кв. В/3; 17 – кв. Д/4.

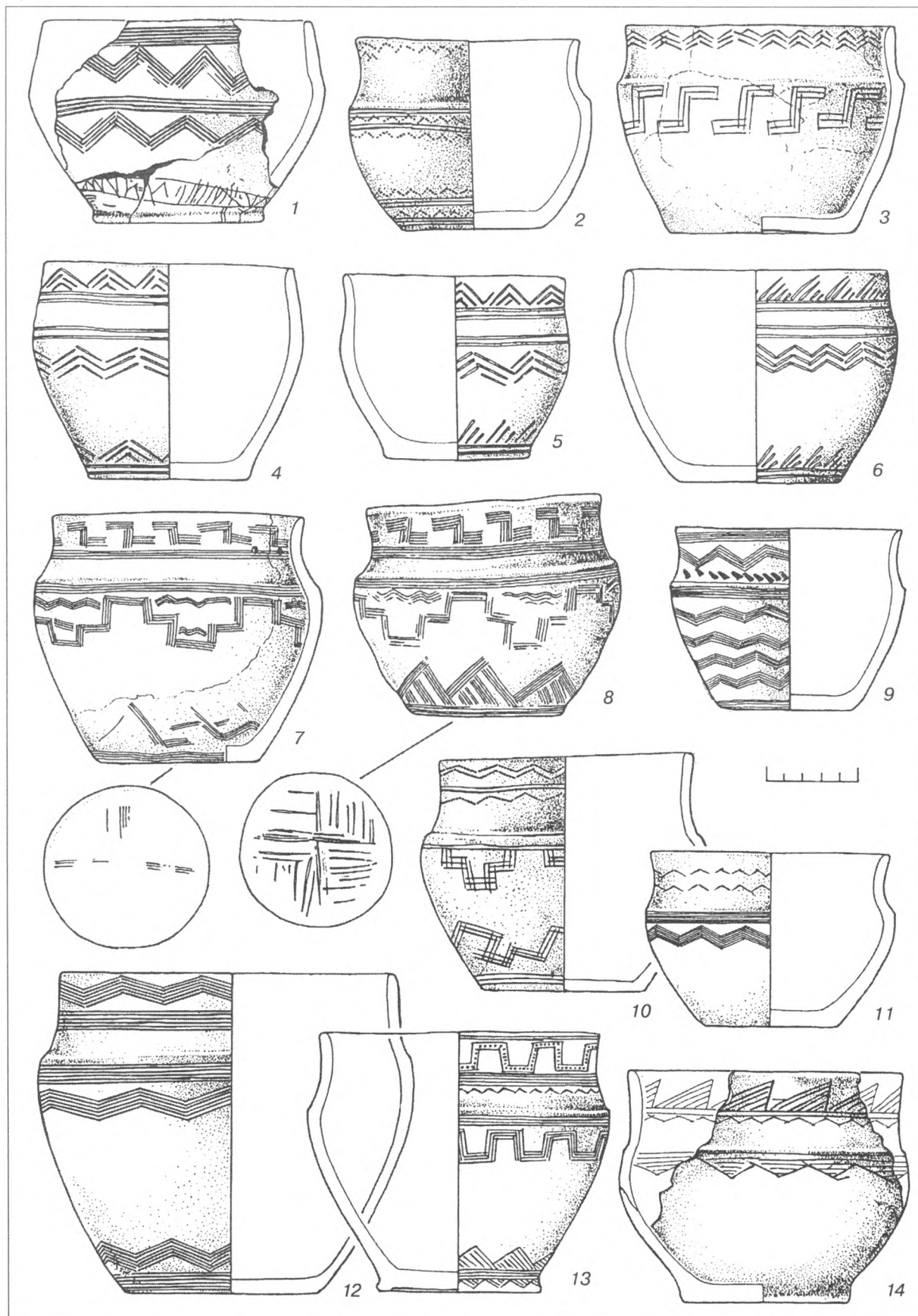

Рис. 13. Могильник Урефты I, курган 2. Сосуды из ям в черноземе: 1, 2 – кв. Д/8; 3 – кв. Д/9; 4, 12 – кв. Г/8; 5 – кв. Д/8; 6 – кв. Г/9; 7 – кв. В/8; 8, 10, 11 – кв. Б/7; 9 – кв. Б/6; 14 – кв. Е/7.

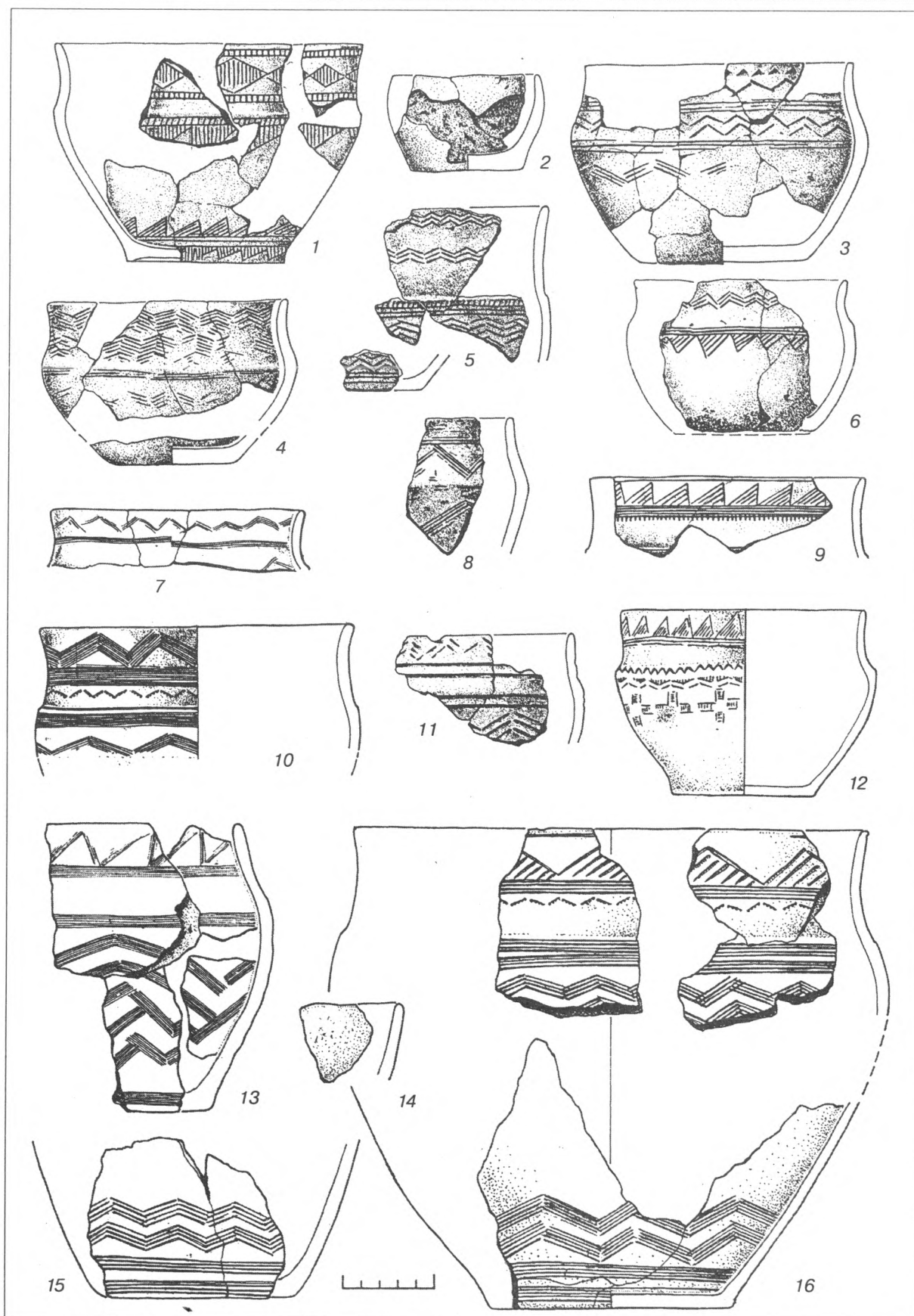

Рис. 14. Могильник Урефты I, курган 2. Сосуды из ям в черноземе и обломки сосудов из насыпи:
 1, 2 – кв. Е/7; 3, 4, 6 – кв. Е/4; 5 – кв. Д/5; 7 – кв. Е/5; 8 – кв. Е/8; 9, 10 – кв. Б/5;
 11 – кв. Д/8; 12, 13, 14 – кв. Г, Д/3; 15 – кв. Ж/5; погребение 2 (16).

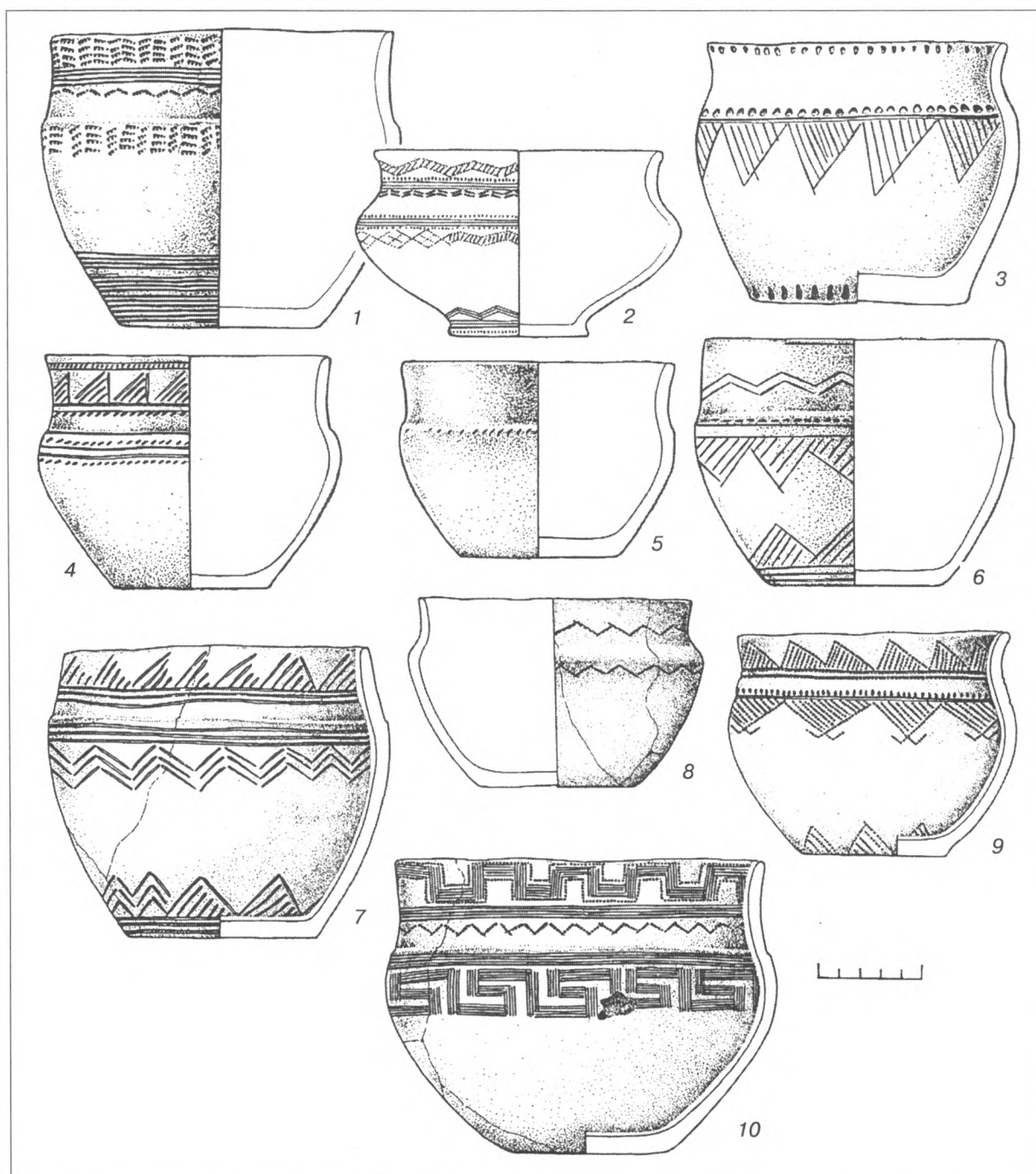

Рис. 15. Могильник Урефты I, курган 2. Сосуды из ям в черноземе:
1, 5 – кв. Г/8; 2 – кв. Е/6; 3 – кв. Г/9; 4, 7, 10 – кв. Д/7; 6 – кв. Е/7; 8, 9 – кв. Е/4.

цевидной формы размером 0,72x0,54x0,16 м, ориентированной по оси ЗСЗ-ВЮВ. Около северной стенки зафиксирован тлен деревянной плахи длиной 0,49 м. Два сосуда стояли в западной половине могилы (рис. 12 – 5, 6, 7). **Погребение 17** примыкало вплотную к западной стенке могилы 14. Подпрямоугольная яма размером 0,75x0,55x0,18 м, ориентирована по линии СЗ-ЮВ. Около восточной стенки расчищены два сосуда (рис. 12 – 9, 10). Между погребениями 16 и 17 на 0,1-0,15 м выше уровня древней поверхности лежал большой кварцевый камень, под которым находились два горшка.

Пустые, т.е. без каких-либо находок в заполнении и на дне, ямы своими размерами и конфигурацией чрезвычайно напоминают детские могилы. Эти углубления явно тяготеют к взрослым захоронениям: ямы 1 и 2 располагались в непосредственной близости от восточной и западной стен центральной могилы 4, а ямы 3 и 4 недалеко от юго-восточного угла погребения 2. И только яма 5 находилась к северу от детского погребения 15. Ямы небольших размеров (0,3-0,5 x 0,5-0,8 м), аморфных очертаний, углублены в материк на 0,1-0,2 м.

Особого упоминания заслуживают многочисленные горшки, расчищенные в межмогильном пространстве. Некоторые из них образовывали скопления по 2-4 экземпляра, но в большинстве случаев они находились по одному. Практически все сосуды обнаружены в своеобразном кольце шириной 1-1,5 м, окружавшем центральное за-

хоронение 4. Внутренняя линия кольца фиксировалась на расстоянии 1-4 м от этой могилы. В полосе условного круга располагались также большие могилы 2, 3, детские могилы 13, 14, 16, 17. Обращает на себя внимание заметная приуроченность горшков к камням, около некоторых валунов находилось по 3-4 сосуда.

Курганы 9 и 10 располагались в центральной части могильника и выделялись, прежде всего, характером растительности - они сплошь поросли вишней. Расстояние между ними не превышало 6 м, поэтому они были исследованы одним раскопом площадью 294 кв. м (рис. 16 - 2).

Курган 9

Насыпь овальной в плане формы размером 11x11,5 м, вытянута по оси З-В. Поверхность неровная. Высота всхолмления достигала 0,2-0,3 м в восточной, западной и северной части и 0,08 м в южной. В толще насыпи кургана зафиксировано большое количество кварцевых обломков с острыми краями. Особенно много осколков находилось в непосредственной близости от располагавшейся здесь единственной могильной ямы. В 4 м к востоку и в 2,8 м к северо-востоку от могилы расчи-

щены два больших скопления кварцевых отделностей (рис. 16 - 4). Характерные размеры, внешний вид, конфигурация глыб, структура разломов, стратиграфическая позиция свидетельствуют о том, что перед нами естественные образования.

Могильная яма неправильной формы, размером 2,5x1,6 м была устроена в углублении кварцевой жилы, из тела которой были выбраны мелкие фракции. Таким образом, могила представляла собой камеру глубиной 0,4-0,5 м, естественным

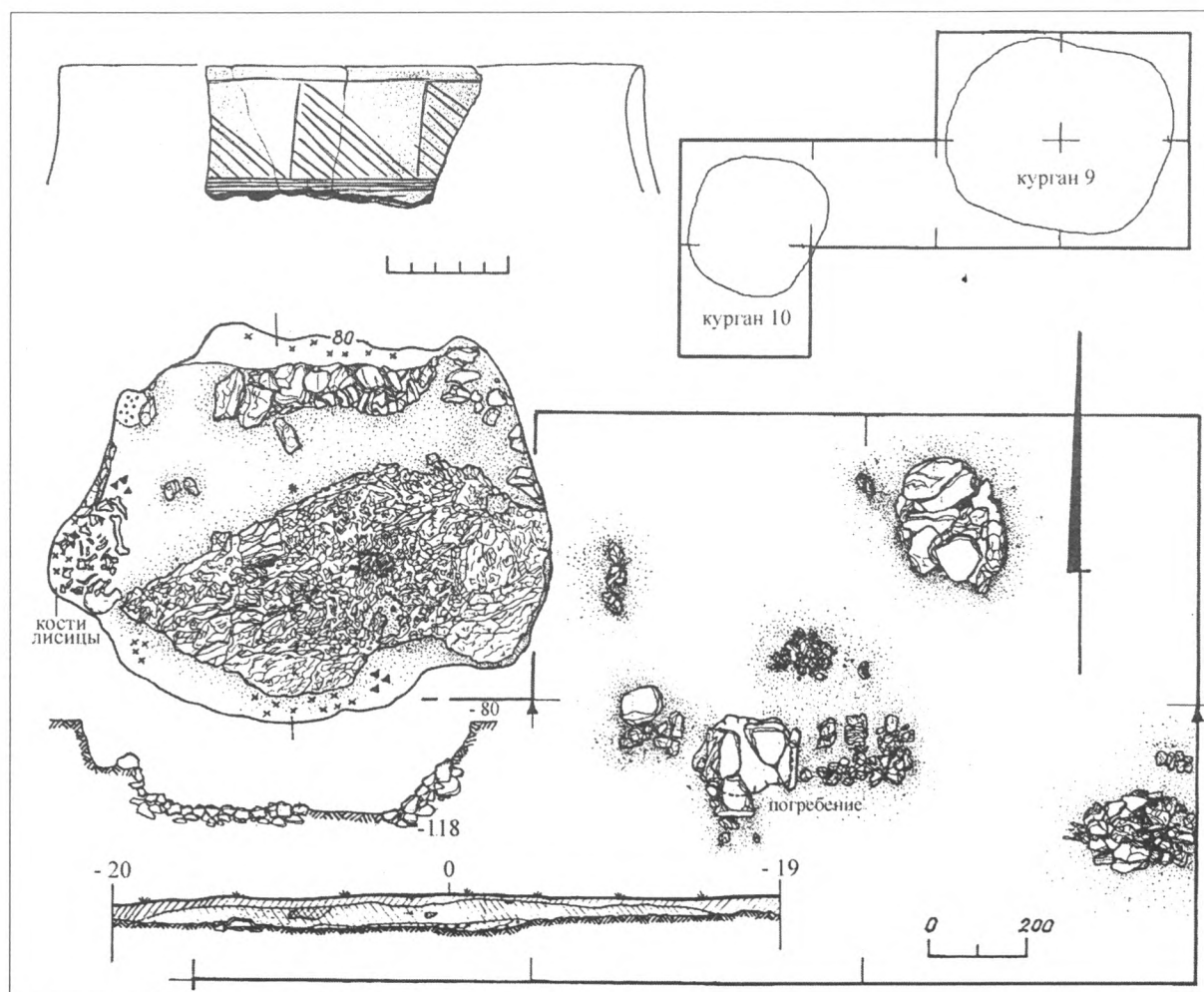

Рис. 16. Могильник Урефты I, курганы 9, 10. 1 - керамика из погребения кургана 9; 2 - контуры раскопа курганов 9, 10; 3 - план и разрез погребения кургана 9; 4 - план и разрез раскопа кургана 9.

образом «облицованную» с трех сторон кварцем (рис. 16 – 3). Сверху она была перекрыта массивными гранитными плитами подтреугольной формы с длиной граней до 0,6-0,8 м, толщиной 10-12 см. В заполнении ямы около южной стенки обнаружено три черепка от крупного алакульского сосуда (рис. 16 – 1), в центре – бронзовая капелька.

В придонном слое около восточной стенки зафиксированы линзы темно-оранжевой почвы, а в северо-западном углу – зольной. По периметру ямы, на глубине 5-15 см от верхнего края встречались скопления крупных углей. Около западной стенки могилы расчищена нора с остатками скелета детеныша лисицы.

Курган 10

Располагался с западной стороны от кургана 9 (рис. 16 – 2). Примерные размеры аморфной в плане насыпи – 7х8 м, высота – 0,1-0,12 м. Под руинами древнего надмогильного сооружения находились: крупная могила, жертвенник, кладка из кварцевых валунов, пять сосудов, отдельные фрагменты керамики и кости животных (рис. 17 – 1).

Могильная яма подквадратной – с выступом в восточном углу – формы, размером 2,2х2,05 м, ориентирована по линии З-В с небольшим отклонением на СЗ-ЮВ. Стенки отвесно опускались к неровному дну, отмеченному на глубине 0,4-0,5 м от уровня древней поверхности. Вдоль южной стенки ямы зафиксирована линза плотного суглинка темно-красного цвета с включениями прокаленной почвы оранжевого цвета и углями (рис. 17 – 2). Человеческих костей в яме не обнаружено. Остатки погребального инвентаря представлены обломками, как минимум, двух сосудов (рис. 17 – 4, 5, 6). Несколько фрагментов этих же горшков были обнаружены рядом с могилой на уровне древней поверхности.

Жертвенник располагался в 1 м к востоку от могилы и представлял собой компактное скопление из костей черепа и дистальных частей конечностей к.р.с. Жертвенные части туши, по-видимому, были уложены в специальное углубление, сделанное в черноземной почве (рис. 17 – 3).

В 2-2,5 м к ЮЗ от могилы расчищена кладка из 17 кварцевых валунов, вытянутая цепочкой по линии СЗ-ЮВ (рис. 17 – 1). Для ее устройства использовались камни крупных (в северо-западной части) и малых размеров (в юго-восточной части). Они были уложены на древнюю поверхность вплотную друг к другу. В северо-западной части кладки, по обе ее стороны, обнаружены алакульские сосуды. Горшки стояли вплотную к валунам, рядом с ними обнаружено по 1-2 таранной кости мелкого рогатого скота («альчики»). Около сосуда 2 лежал маленький бронзовый желобчатый браслет (рис. 17 – 7, 8), рядом с сосудом 3 – бронзовое желобчатое кольцо (рис. 17 – 9, 14). Судя по глубинным отметкам, вещи и сосуды размещались в специальных углублениях (детских могилах?), не прорезавших толщу древнего гумуса до материнской породы. Еще один сосуд (4) найден лежавшим на боку в 0,6 м к северу от узкого окончания выкладки, рядом с ним лежали две таранные кости м.р.с. и остатки плохо сохранившегося бронзового желобчатого изделия (рис. 17 – 10, 12). Два одиночных сосуда зафиксированы также на участке между могилой и каменной выкладкой: сосуд 1 (рис. 17 – 1) – в 2 м к юго-востоку от могилы и сосуд 5 – в 1,5 м к западу.

Курган 15

Курган располагался на юго-западной окраине могильника около пашни (рис. 5). Насыпь выглядела как едва заметное всхолмление овальной в плане формы диаметром 6-7 м и высотой 0,1-0,15 м (рис. 18 – 1). Поверхность задернована, в северо-западном секторе зафиксированы выходы двух кварцевых валунов. Раскоп площадью 68 кв. м, ориентированный по сторонам света, включал полностью насыпь и участок прилегающего пространства.

Под насыпью выявлены скопления камней и 6 погребений – одна большая могила и пять детских (рис. 18 – 2). Детские погребения располагались в цепочку, вытянутую с СЗ на ЮВ, на расстоянии от 1,5 до 3,5 м к С и СВ от центральной могилы. Кварцевые валуны стали обнажаться сразу после снятия дерна. 9 валунов были сосредоточены в северо-восточной части раскопа на участке размером 2х1,5 м. Среди камней, на глубине, соответствующей уровню древней поверхности, обнаружено несколько косточек и единичные

фрагменты алакульской керамики. Очертания могильных ям под камнями не зафиксированы. Остальные валуны располагались около детских погребений. Два одиночных камня обнаружены в южной половине раскопа, они были приурочены к центральной могиле. Судя по стратиграфии, камни лежали на древней поверхности.

Погребение 1 располагалось в 3,4 м почти к северу от центрального погребения 6. Над могилой и около нее лежали кварцевые валуны – один с западной и два с восточной стороны, в 0,8 м к западу лежал еще один крупный камень с острыми краями. Могильная яма – самая большая среди детских могил данного кургана: ее размеры – 1,2х1,05 м, глубина – 0,21 м в материке (рис. 18 – 3). Остатков костяка в могиле не обнаружено. В северо-западном углу ямы, вплотную к стенкам, стояли два небольших сосуда плохой сохранности.

Погребение 2 располагалось в 0,5 м к востоку от погребения 1. Яма яйцевидной в плане формы, 0,45х0,35 м, вытянута по линии С-Ю, углублена в

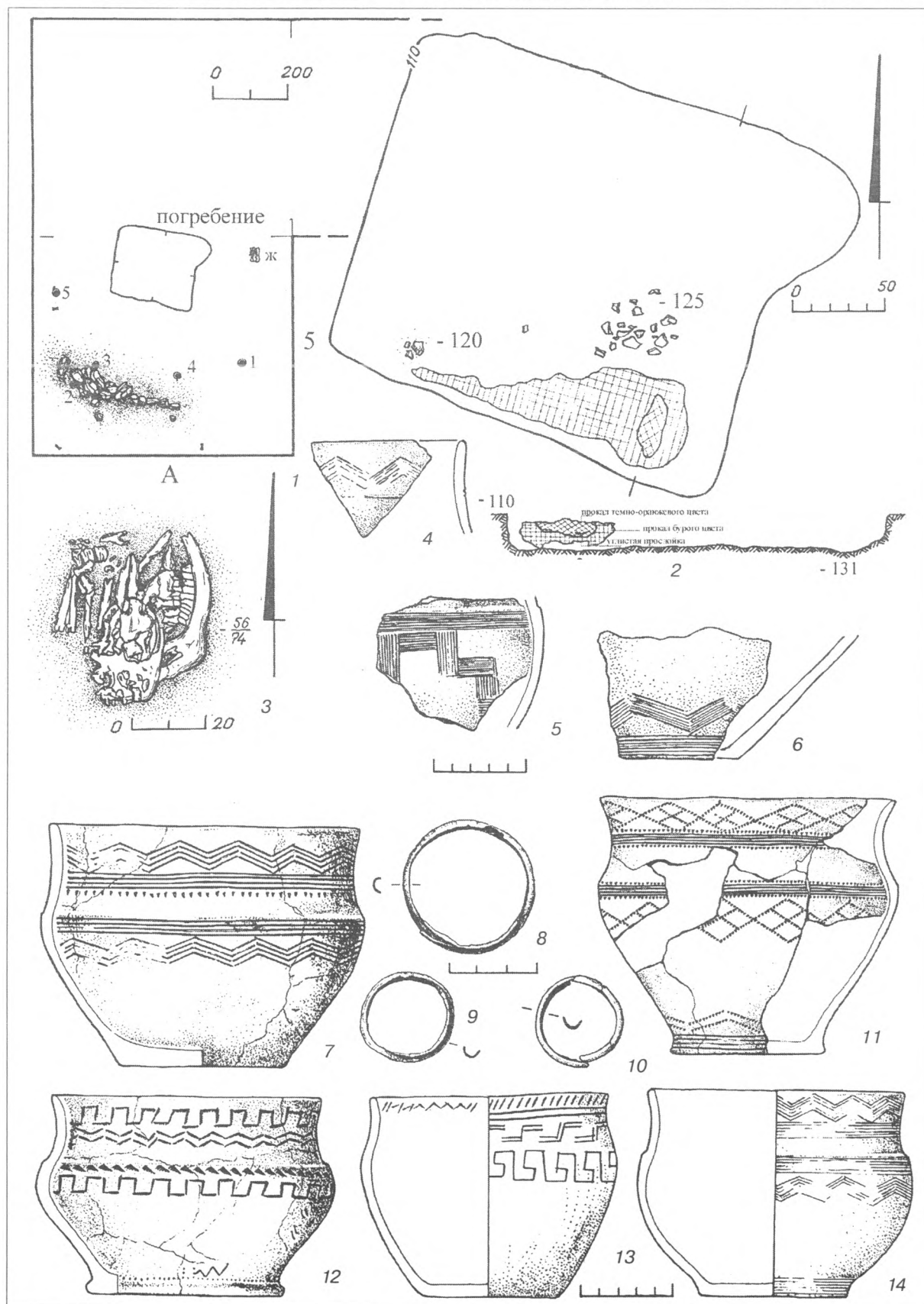

Рис. 17. Могильник Урефты I, курган 10. 1 – план раскопа; 2 – план и разрез погребения; 3 – жертвенник; 4, 5, 6, 11 – керамика из могилы; 7 – сосуд 2; 8 – около сосуда 2; 9 – около сосуда 3; 10 – около сосуда 4; 12 – сосуд 4; 13 – сосуд 1; 14 – сосуд 3. 8, 9, 10 – бронза, 4, 7, 11-14 – керамика.

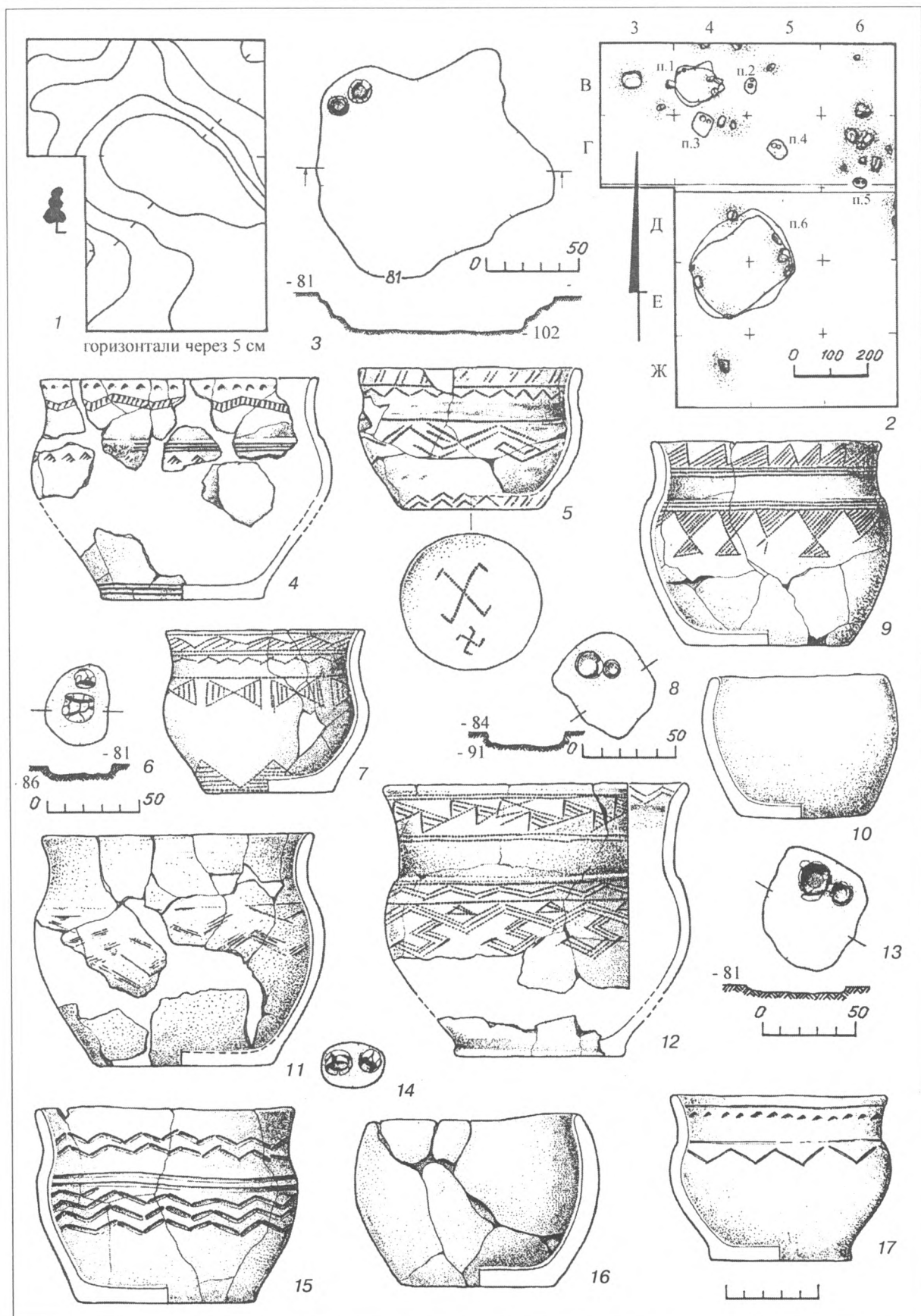

Рис. 18. Могильник Урефты I, курган 15. 1 – топографический план кургана; 2 – план раскопа; погребения 1 (3, 4, 5), 2 (6, 7, 11), 3 (12, 13, 17), 4 (8, 9, 10), 5 (14, 15, 16).

материковую почву на 5-6 см. Человеческих костей в могиле не обнаружено. Два сосуда лежавшие на боку устьями друг к другу, расчищены в центре и северной половине углубления (рис. 18 – 6, 7, 11).

Погребение 3 было устроено 0,7 м к югу от погребения 1. Яма трапецевидной в плане формы со скругленными углами, размером 0,8х0,55 м, ориентирована по линии ССВ-ЮЮЗ (рис. 18 – 13). В материковую почву стенки ямы были углублены всего на 0,05-0,07 м. В 0,1-0,4 м к В от верхнего края могилы лежали два небольших кварцевых обломка. Останков умершего в яме не было. Около северо-восточной торцевой стенки расчищены два сосуда, один из которых сильно фрагментирован (рис. 18 – 12, 17).

Погребение 4 располагалось в 1,5 м к СВ от центрального погребения 6. Могильная яма подпрямоугольной в плане формы со скругленными углами и неровными краями, размером 0,53х0,46 м, ориентирована в направлении СЗ-ЮВ, в материковую почву углублена на 0,07-0,08 м (рис. 18 – 8). Останки умершего не обнаружены. Два сосуда стояли около северо-восточного угла ямы (рис. 18 – 9, 10).

Погребение 5 располагалось в 2,2 м к СЗ от центрального погребения 6, недалеко от скопления камней. Углубление овальной формы размером 0,34х0,2 м было врезано в материковый суглинок всего на 1-2 см (рис. 18 – 14). Ориентирована

по оси З-В. Останки умершего не обнаружены. Почти все пространство ямы занимали фрагменты двух раздавленных сосудов (рис. 18 – 15, 16).

Погребение 6 (центральное). Местоположение могилы соответствовало южной половине курганный насыпи. Яма большая, размером 2,6х2,0 м. Длинными стенами ориентирована по линии СВ-ЮЗ. Стенки ямы отвесные, дно углублено в материковый слой на 0,3 м. Глубина ямы от уровня древней поверхности составляла около 0,5-0,6 м. Погребальная камера оформлена большими кварцевыми валунами (рис. 19 – 1): три камня были помещены в восточный угол ямы, два в западный и один камень в южный углы могилы. На поверхности валунов зафиксированы остатки древесного тлена. Ближе к северо-восточному углу ямы удалось проследить остатки плахи, уложенной вдоль северной стены. Возле западной стенки могилы, рядом с валуном и на нем обнаружены кальцинированные кости человека. На самом дне ямы, около западной стенки, найдены обломки двух ребер лошади. В западном и северо-восточном углах могилы стояло по одному сосуду. Горшки фрагментированы (рис. 19 – 2, 3). В процессе расчистки около сосудов были зафиксированы следы какого-то органического покрытия (камыш, тростник?). Целостность погребальной камеры в значительной мере нарушена норами крупных животных.

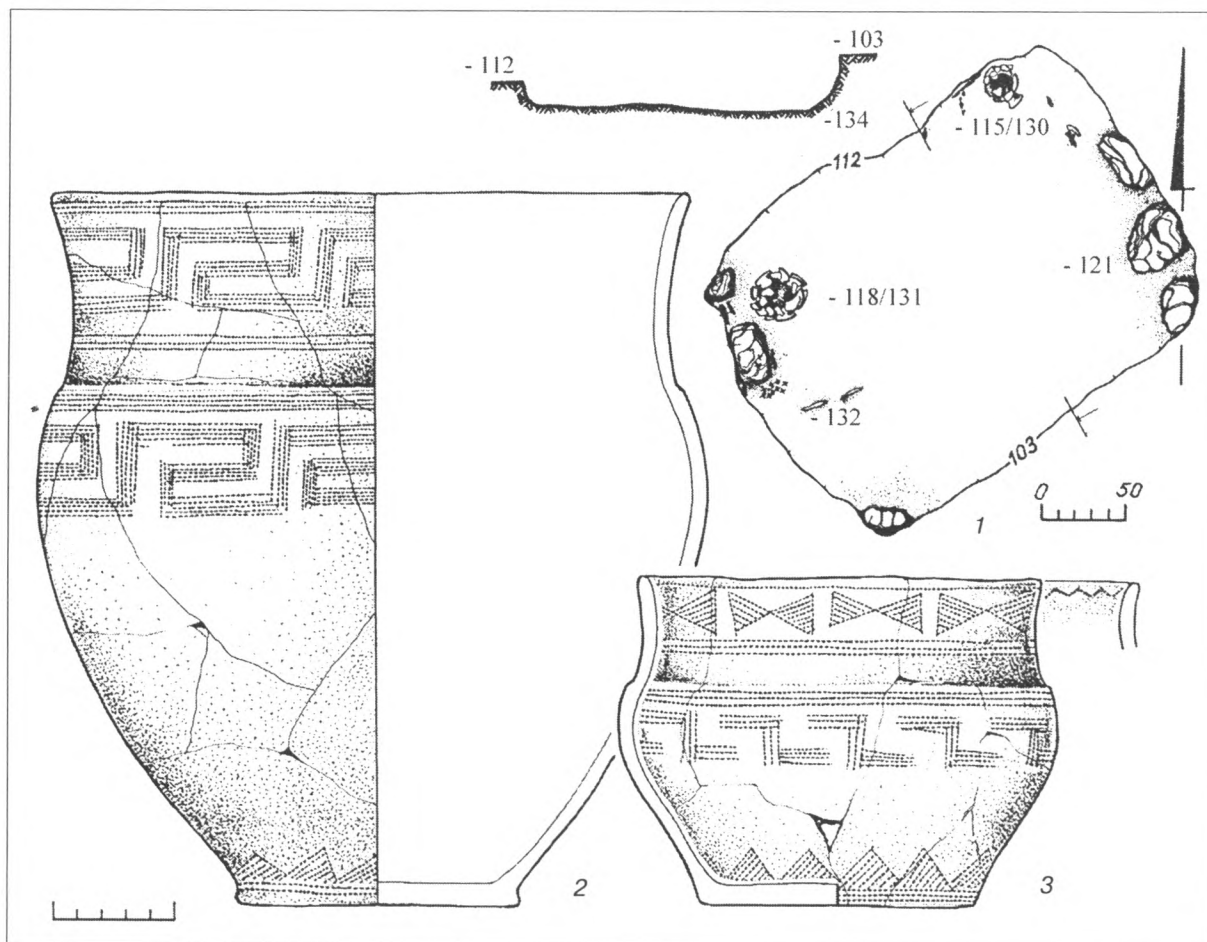

Рис. 19. Могильник Урефты I, курган 15, центральное погребение 6.

Курган 21

Округлое в плане всхолмление диаметром 12-13 м и высотой до 0,3 м располагалось в юго-западной части могильника (рис. 5). Первоначально раскоп был наложен на расплывшуюся насыпь и прилегающие к ней с западной и юго-западной сторон участки, где на поверхности были отмечены скопления камней. Впоследствии он был расширен в северном и восточном направлениях, куда постепенно «разрастался» погребальный комплекс. Таким образом, раскоп площадью 344 кв.м охватил помимо подкурганной площадки значительную часть околочурганного пространства (рис. 20 – 1, 2). На исследованной площади выявлены 23 погребения, 4 жертвенника, 5 одиночных сосудов, каменная выкладка, выходы кварцевой жилы и более десятка крупных и мелких кварцевых валунов, лежавших скоплениями и порознь (рис. 20 – 2). В насыпи изредка попадались фрагменты керамики алакульского облика. Около одной из могил (19) расчищено кольцо материкового выброса, лежавшего тонким слоем на древней поверхности; к этому горизонту приурочено несколько камней. Формирование погребального комплекса кургана 21 представляется как поэтапный процесс. Первоядром организованного пространства явилась могила 13.

Погребение 1 (рис. 22 – 5, 23 – 4). Находилось в 2,4-2,5 м к северу от центральной могилы 13. Здесь, под кварцевым валуном, в темно-сером грунте расчищен костяк ребенка (0,5-1,5 года). Сохранились фрагменты черепа, позвонки, длинные кости, левая и правая бедренная и большая берцовая кости. Умерший был погребен скорченно на левом боку, головой на СЗ. Около черепа стоял сосуд (рис. 23 – 1).

Погребение 2 (рис. 23 – 9). Располагалось в 0,5 м к югу от погребения 1 и в 1,4-1,5 м к северу от центральной могилы. Очертания могильной ямы не прослеживались, т.к. погребение было совершено в темно-серой гумусированной почве, не доходя до материкового горизонта. Сохранились отдельные кости черепа, ребра, позвонки. Судя по их положению, ребенок (менее 1 года) был похоронен скорченно на левом боку, головой на З. Перед лицом погребенного стоял горшок (рис. 23 – 3).

Погребение 3 (рис. 23 – 8). Располагалось в 0,4 м к юго-западу от погребения 2, в 1,2-1,3 м к северу от центральной могилы. Яма трапециевидной в плане формы со скругленными углами, размером 0,47х0,54 м, ориентирована по линии ЮЗЗ – СВВ. Углублена в материк на 15 см в южной половине и на 10-13 см – в северной, дно и стенки ямы неровные. Полный скелет погребенного расчищен около южной стенки на дне ямы. Судя по положению костей, умерший младенец (0-0,5 года) был похоронен скорченно на левом боку, головой на ЮЗ. В центре ямы, около тазовых костей скелета, стоял горшок (рис. 23 – 2). Около западного края могильной ямы на уровне древней поверхности находилось компактное скопление костей живот-

ных, включавшее зубы овцы (М/З – 1 экз.), лошади (Р/З,4 – по одному экз.) и 1 фрагмент тазовой кости крупного рогатого скота.

Погребение 4. В 2 м к юго-западу от могилы 13 в темно-окрашенном грунте расчищены развалы двух сосудов (рис. 23 – 10, 14), стоявших по линии ЮЗ-СВ. В 0,15 м к СВ от них обнаружены фрагменты черепа младенца (менее 0,5 года). Контуры могильной ямы не фиксировались.

Погребение 5 (рис. 22 – 5). В 0,25 м к северо-востоку от могилы 4, на расстоянии 1,2 м к ЗЮЗ от могилы 13 в погребенном гумусе расчищены остатки черепа и кости конечностей ребенка в возрасте 0,5-1,5 года. Рядом с черепом, чуть восточнее, стоял горшок (рис. 23 – 11).

Погребение 6 (рис. 22 – 5). Располагалось в 1,2 м к западу от центральной могилы, в 0,8 м к северу от соседнего погребения 5 и примерно в 1 м к югу от погребения 7. Расчищены остатки костяка: мелкие фрагменты черепа, ребра, плечевые и локтевые кости. Судя по положению костей, умерший младенец (0-0,5 года) был погребен скорченно на левом боку головой на В (в сторону центрального погребения?). Перед костяком, к юго-западу от него, в области тазовых костей стоял сосуд (рис. 23 – 12).

Погребение 7 (рис. 22 – 5) располагалось в 1,5 м к западу от центральной могилы. Яма овальной в плане формы, размером 0,58х0,39 м и глубиной 21 см в материке, ориентирована по линии ССЗ-ЮЮВ. Стенки вертикально опускались к ровному дну. Полный скелет умершего находился около восточной стенки. Судя по положению костяка, младенец (0-0,5 года) был захоронен скорченно на левом боку, головой на ЮЮВ (в сторону центральной могилы). Перед костяком, в центре могилы, стоял горшок (рис. 23 – 13). На дне ямы около южной стенки лежала кварцевая галька.

Погребение 8 – впускное (рис. 22 – 5, 23 – 16). В поддерновом слое в северо-восточном углу кв. О/9 были обнаружены разрозненные кости скелета и обломки двух горшков. Остатки костяка представлены верхней половиной черепа, плечевыми, бедренными и большими берцовыми костями. Кости лежали как бы в два ряда в направлении СЗ-ЮВ, в порядке близком к анатомическому. Судя по глубинным отметкам залегания костей и фрагментов керамики, для захоронения останков женщины (?) в возрасте 30-45 лет в восточной части надмогильной земляной конструкции была выбрана яма неустановленных размеров и формы, доведенная до погребенного горизонта в своей северной половине и чуть углубленная в него – в южной. Расположение костей показывает, что погребение было совершено в скорченном положении на левом боку, головой на СЗ. Горшки – один фрагментированный, другой – полностью восстановленный (рис. 23 – 15, 17), стояли перед лицом умершей. Впускное погребение оказалось приурочено к СВ углу могилы 13.

Погребение 9 (рис. 22 – 5). Располагалось примерно в 2 м к юго-востоку от центральной могилы.

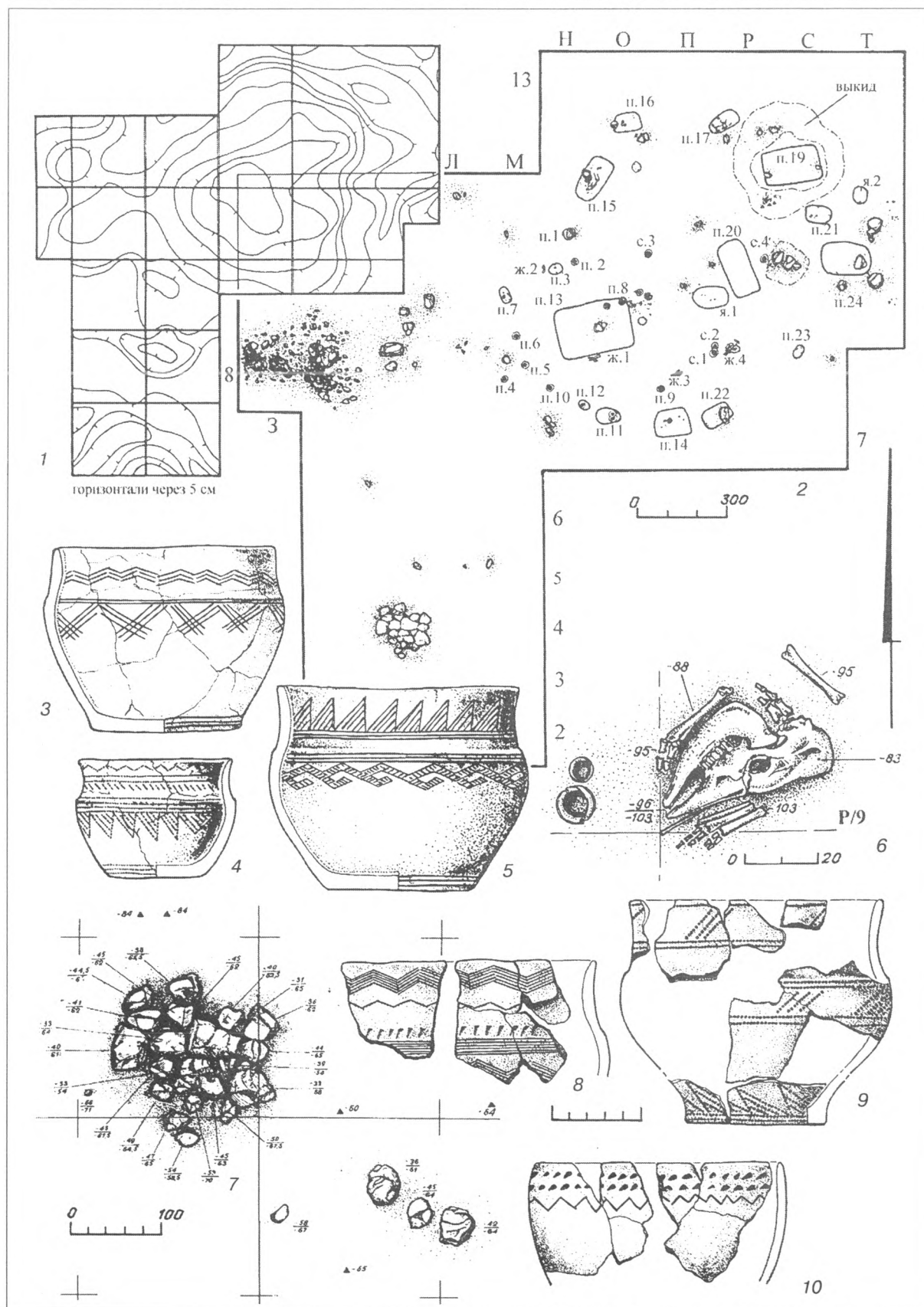

Рис. 20. Могильник Урефты I, курган 21. 1 – топографический план кургана; 2 – план раскопа; 3 – сосуд 4; 4, 5 – сосуды 1, 2 (около жертвенника); 6 – жертвенник; 7 – каменная выкладка в южной части раскопа (кв. К, Л/3, 4); 8, 9, 10 – керамика, обнаруженная около выкладки.

В слое темно-серого грунта были расчищены плохо сохранившиеся фрагменты черепа, реберные кости и кости конечностей человеческого эмбриона. Судя по их положению, погребенный был уложен скорченно на правом боку, головой на ЮЮВ. За черепом, к юго-западу от него, расчищен лежащий на боку сосуд (рис. 25 – 1).

Погребение 10 (рис.22 – 6). Могильная яма, находившаяся в 1 м к юго-западу от центральной могилы 13, врезана в материковый суглинок лишь своим северо-восточным углом – только здесь удалось зафиксировать контур донной части ямы. Сохранились фрагменты черепа, ребра, обломки длинных костей скелета ребенка (1-2 года), уложенного в могилу в скорченном положении на левом боку, головой на СЗ. Перед лицом погребенного стоял сосуд (рис. 22 – 7).

Погребение 11 (рис. 23 – 7). В 1,7 м южнее могилы 13 в небольшой овальной яме размером 0,85x0,61, врезанной в материк всего на 5-6 см, ориентированной по линии З-В, были захоронены два младенца в возрасте до 0,5 года. Погребенные лежали скорченно на левом боку, с согнутыми в локтях руками, головой на СВ (по диагонали углубления). С восточной стороны от черепов стояло по одному горшку (рис. 23 – 5, 6).

Погребение 12 (рис. 22 – 2). Примыкало к могиле 11 с северо-восточной стороны. Могильная яма округлой в плане формы диаметром 0,35-0,4 м, уг-

лублена в материк на 3-5 см. Около северо-западной стенки ямы стоял сосуд (рис. 22 – 3), рядом с которым найден плохо сохранившийся фрагмент лобной кости черепа младенца (или эмбриона?).

Погребение 13 (рис. 20 – 2, 22 – 1). Находилось в центре подкурганной площадки. Могильная яма прямоугольной формы со скругленными углами, ориентирована с небольшим отклонением по линии З-В. Могила крупная: длиной 2,46 м, шириной 1,68 – 1,7 м. Стенки ямы полого опускались к неровному, бугристому дну, отмеченному на глубине 13-16 см от уровня материка. Глубина ямы от древней поверхности составляла около 0,3 м. Рядом с могилой – в 0,2 м от восточного края – зафиксированы очертания столбовой ямы диаметром 0,2 м, глубиной 0,1 м, а около середины южной стенки компактное скопление костей животного. Грунт, заполнявший верхнюю часть могильной ямы, включал многочисленные белесые линзы, состоявшие из рассыпающейся в руках почвы пепельного оттенка. Мы склонны связывать их с остатками какого-то перекрытия, включавшего органический материал (травы, тростник, камыш?). На дне ямы, вдоль ее северной стенки обнаружены развалы трех алакульских сосудов. Восстановленный полностью сосуд 1 (рис. 22 – 10), украшенный узором из зигзаговых линий, стоял в северо-восточном углу могилы. Ближе к середине северной стенки расчищено скопление фрагментов крупного

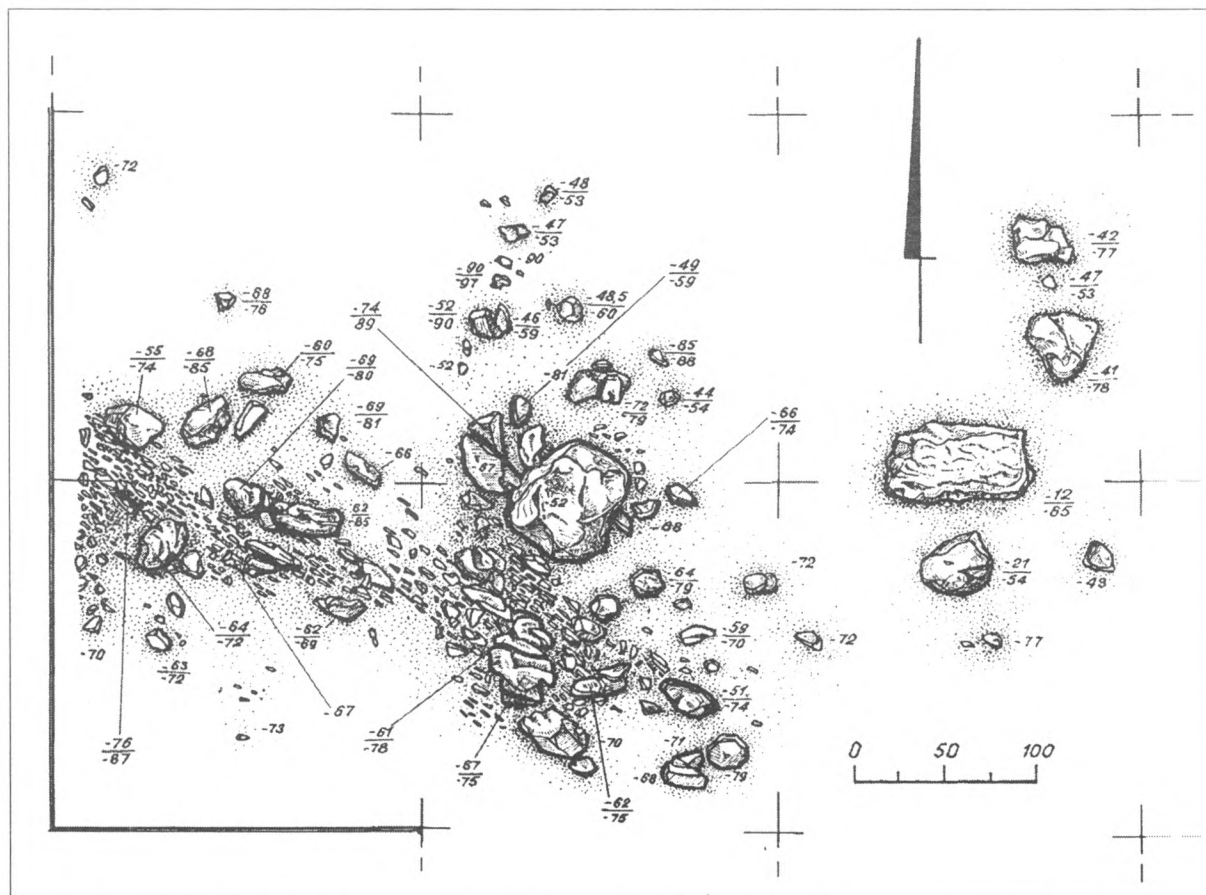

Рис. 21. Могильник Урефты I, курган 21. Выход кварцевой жилы в западной части раскопа (кв. 3, И/8,9).

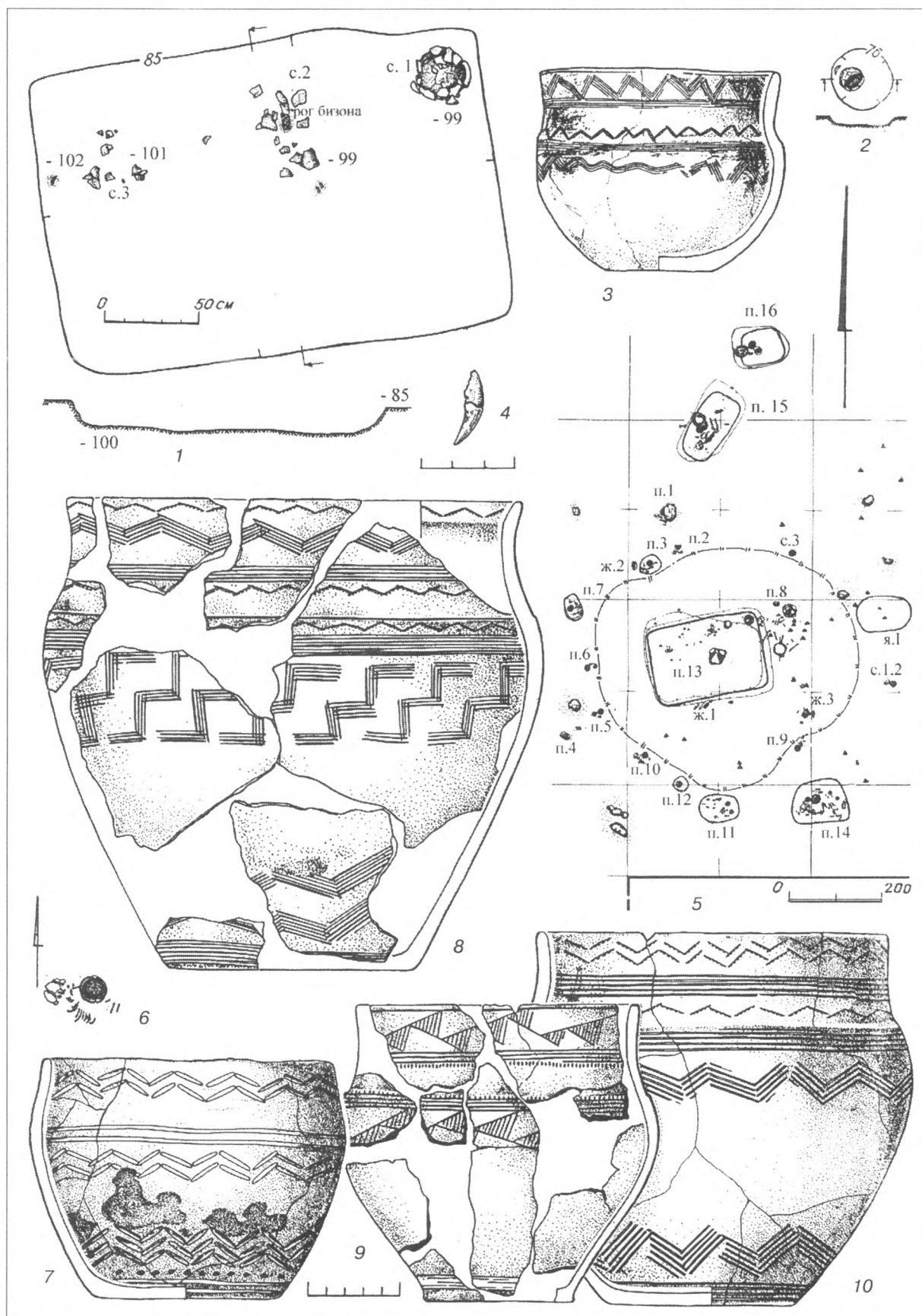

Рис. 22. Могильник Урефты I, курган 21. План центральной части кургана: кв. М, Н, О, П/ 7-12 (5, пунктирной линией обозначена предполагаемая граница надмогильного сооружения); погребения 10 (6, 7), 12 (2, 3), 13 (1, 4, 8, 9, 10).

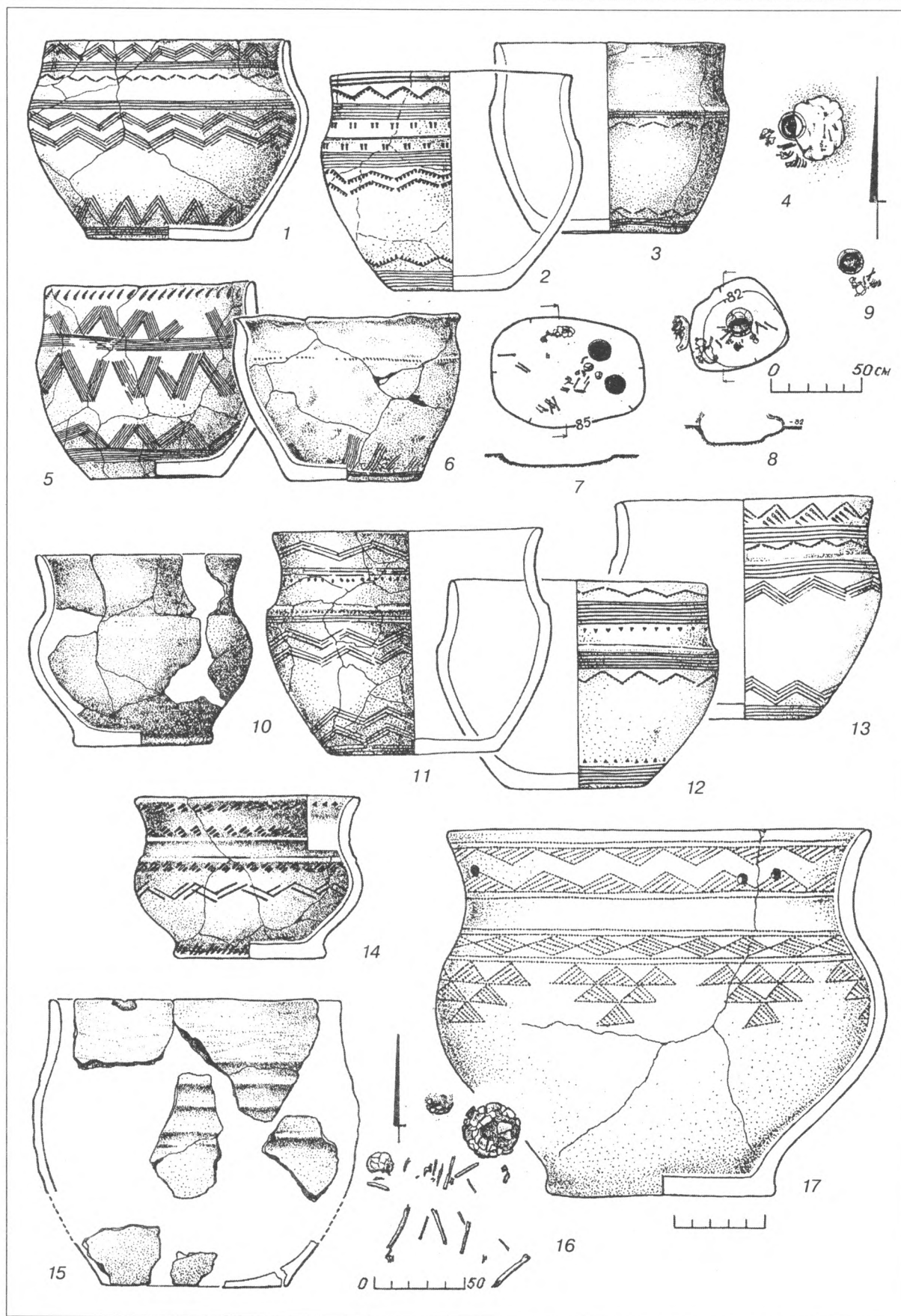

Рис. 23. Могильник Урефты I, курган 21. Погребения 1 (1, 4); 2 (3, 9); 3 (8, 2); 4 (10, 14); 5 (11); 6 (12); 7 (13); 8 (15, 16, 17), 11 (5, 6, 7).

толстостенного горшка, орнаментированного по тулову ступенчатым меандром (рис. 22, 8). Немного выше их лежала кость животного, покрытая мощным известковым налетом. По заключению специалистов, это оказался фрагмент рога ископаемого бизона. Рядом с развалом сосуда 2, к юго-востоку от него, обнаружены две метаподии ребенка в возрасте от 4 до 13 лет. В северо-западном углу могилы расчищен развал еще одного сосуда 3 (рис. 22 – 9). Недалеко от него, около западной стенки найден обломок подвески из клыка лисицы (рис. 22 – 4). За исключением двух метаподий никаких других человеческих остатков в могиле не обнаружено. Малый жертвенник около могильной ямы включал фрагменты черепа и длинных конечностей крупного рогатого скота.

Погребение 14 (рис. 22 – 5; 24 – 1). Располагалось в 2,2 м к юго-востоку от центральной могилы. Яма трапецевидной в плане формы, размером 1,17х0,9 м, ориентирована по линии СЗЗ-ЮВВ. Стенки ямы почти вертикально опускались к ровному дну, отмеченному на глубине 35-38 см от верхнего уровня материка. Около восточной стенки ямы на дне лежал небольшой камень. Погребение 14 – тройное. Здесь расчищены скелет ребенка в возрасте около 2 лет (кость 1), скелеты младенца 0-0,5 года (кость 2) и эмбриона (кость 3). Кость 1 занимал западную часть ямы. Умерший ребенок был похоронен скорченно на левом боку, кисти рук перед лицом, головой на запад (лицевой отдел черепа обращен в сторону центральной могилы). Перед костяком, к северу от него, стояли два горшка; меньших размеров (рис. 24 – 7) – перед черепом, более крупный (рис. 24 – 8), к западу от первого. Между черепом и сосудом 1 лежала бабка КРС, рядом клык-подвеска. Около шейных позвонков за черепом найдена бусина (сурьма?). Также за черепом, в области затылочной части, обнаружено скопление подвесок из клыков и моляров собаки (рис. 24 – 2). Запястья обеих рук погребенного были украшены бронзовыми желобчатыми браслетами с несомкнутыми концами (рис. 24 – 3-4). В районе щиколоток на костях ног расчищены низки бронзовых бус (рис. 24 – 5-6). Кость 2 лежал в юго-западном углу могилы, к западу от костяка 1. Череп похороненного здесь младенца находился около костей стопы старшего ребенка. Умерший был похоронен скорченно на левом боку головой на СЗ. Перед черепом, к северо-востоку от него стоял неорнаментированный баночный сосуд (рис. 24 – 9). Рядом с берцовыми костями скелета 1 и черепом скелета 2, в 10-15 см к северу от них, обнаружены кости человеческого плода (эмбриона). Рядом стояла маленькая неорнаментированная баночка (рис. 24 – 10). Судя по положению костей, умерший похоронен в скорченном положении, сосудик стоял перед его телом.

Погребение 15 (рис. 24 – 11). Находилось в 3,5 м к северу от центральной могилы 13. Яма подпрямоугольной в плане формы со скругленными углами, размером 1,58х0,8 м, ориентирована по линии СВ-ЮЗ. В заполнении ямы – на высоте 0,3 м от дна, около северо-западной стенки находился крупный камень. Дно могилы неровное, бугристое. Глу-

бина ямы в материке – 20-22 см. Заполнение – переотложенный суглинок темно-серого цвета с многочисленными включениями материкового грунта. В могиле был похоронен ребенок в возрасте около 6 лет, на левом боку, кисти рук перед лицом, ноги слабо согнуты, головой на ЮЗ (в сторону центральной могилы). Первый шейный позвонок скелета лежал в стороне от костяка, за черепом. Перед скелетом около костей рук стоял сосуд, украшенный красивым гребенчатым орнаментом из ромбов и треугольников (рис. 24 – 20). В области лобной части черепа, к юго-западу от него, обнаружено восемь подвесок из просверленных зубов животных (рис. 24 – 19): собака (2), выдра (3), волк (1), лисица (2). Около теменной части черепа лежала кость КРС. Под черепом найдены две створки раковины ископаемого моллюска *Pectunculus* с просверленными отверстиями (рис. 24 – 12, 13). В области щиколоток расчищены небольшие низки бронзовых круглых и бочонковидных бус (рис. 24 – 16, 17). На костях ног (малой берцовой) лежали медные тонкие свернутые пластинки, одна из них с отверстием (рис. 24 – 14-15). Обломок выпуклой бронзовой бляшки с отверстием обнаружен на дне у северо-восточной стенки могилы (рис. 24 – 18).

Погребение 16 (рис. 22 – 5; 25 – 8). Находилось в 0,5 м к ССВ от могилы 15. Могильная яма – трапецевидной формы со скругленными углами, размером на уровне первой фиксации 1,05х0,78 м и на дне 0,7-0,9х0,65 м, ориентированная в направлении ЗЮЗ-ВССВ, врезана в материк на 0,2-0,25 м. Около западной стенки в заполнении ямы обнаружен кварцевый валун. На дне в западной половине могилы найдены два сосуда (рис. 25 – 9, 10) и пара бронзовых желобчатых серег (?) (рис. 25 – 6, 7). Костей человека в яме не было.

Погребение 17 (рис. 20 – 2; 25 – 4). Располагалось в 2,2 м к В от погребения 16 и в 6,2 м к ССВ от северо-восточного угла могилы 13. На уровне первой фиксации в центральной части могильного пятна зафиксированы четыре кварцевых валуна, еще один камень лежал южнее ямы. Могила имела близкую к прямоугольной форму, длиной 0,97 м и шириной 0,57 м, вытянута по линии ЮЗ-СВ, углублена в материковый суглинок на 0,2 м. На дне ямы расчищено три сосуда (рис. 25 – 11, 14, 15): два стояли у торцевой юго-западной стенки ямы, третий размещался немного в стороне, около продольной северо-западной стенки могилы. В центре ямы обнаружено скопление зубов и обломки черепа. По заключению антрополога возраст похороненного здесь ребенка составлял 2-3 года ± 8 месяцев. Помимо останков умершего и сосудов, на дне могильной ямы лежали пять небольших кварцевых обломков: четыре в центральной части ямы, еще один (самый маленький) ближе к северному углу.

Погребение 19 (рис. 20 – 2; 26 – 1). Могила располагалась в 1,4 м к юго-востоку от погребения 17 и в 6,4 м к СВ от северо-восточного угла погребения 13. Четкие контуры ямы обозначились на уровне материка. До этого она угадывалась по темному пятну, окруженному кольцом глинистого выкида.

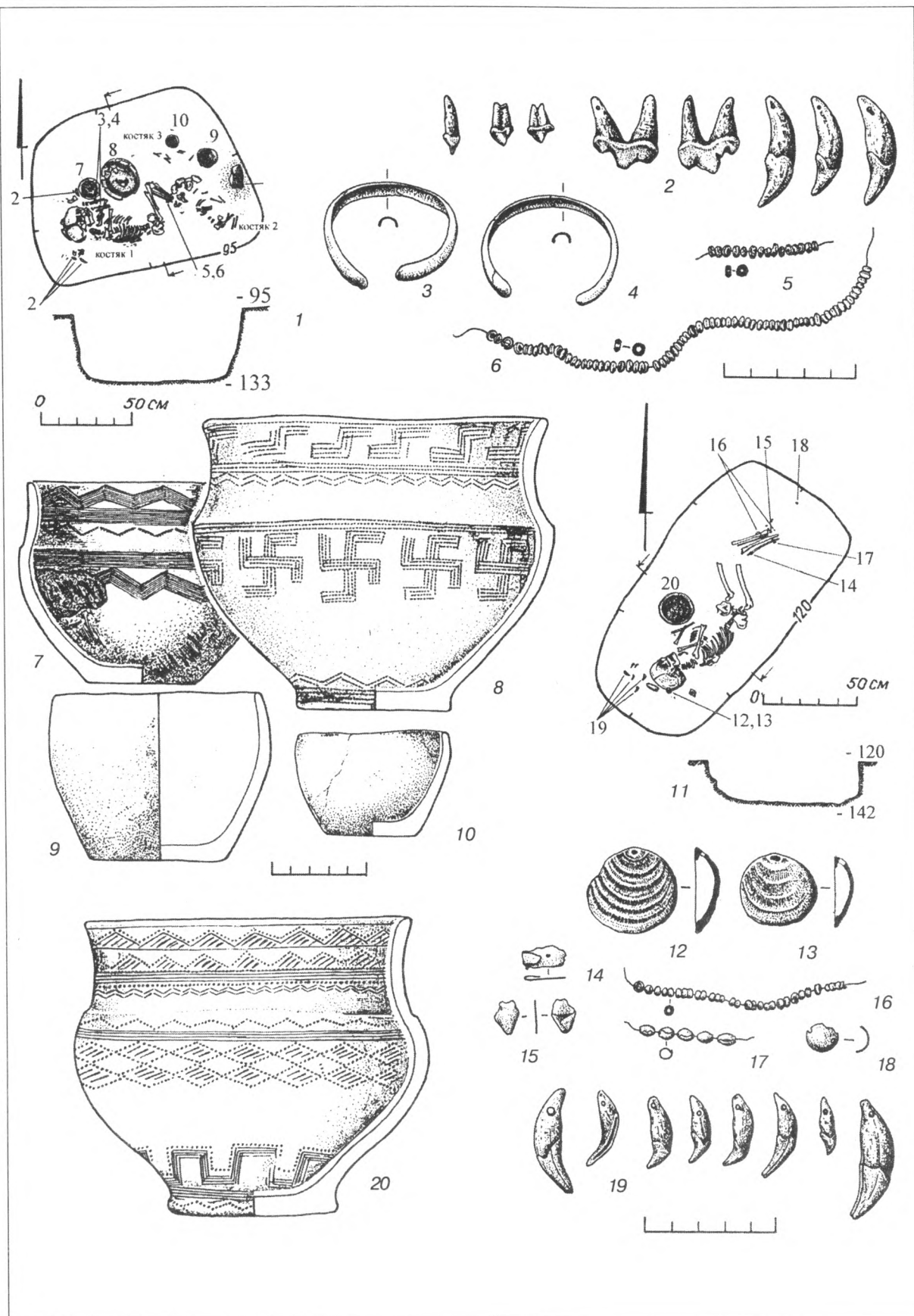

Рис.24. Могильник Урефты I, курган 21. Погребения 14 (1-10), 15 (11-20). 2, 19 – зубы; 3-6, 14-18 – бронза; 12, 13 – раковины; 7-10, 20 – керамика.

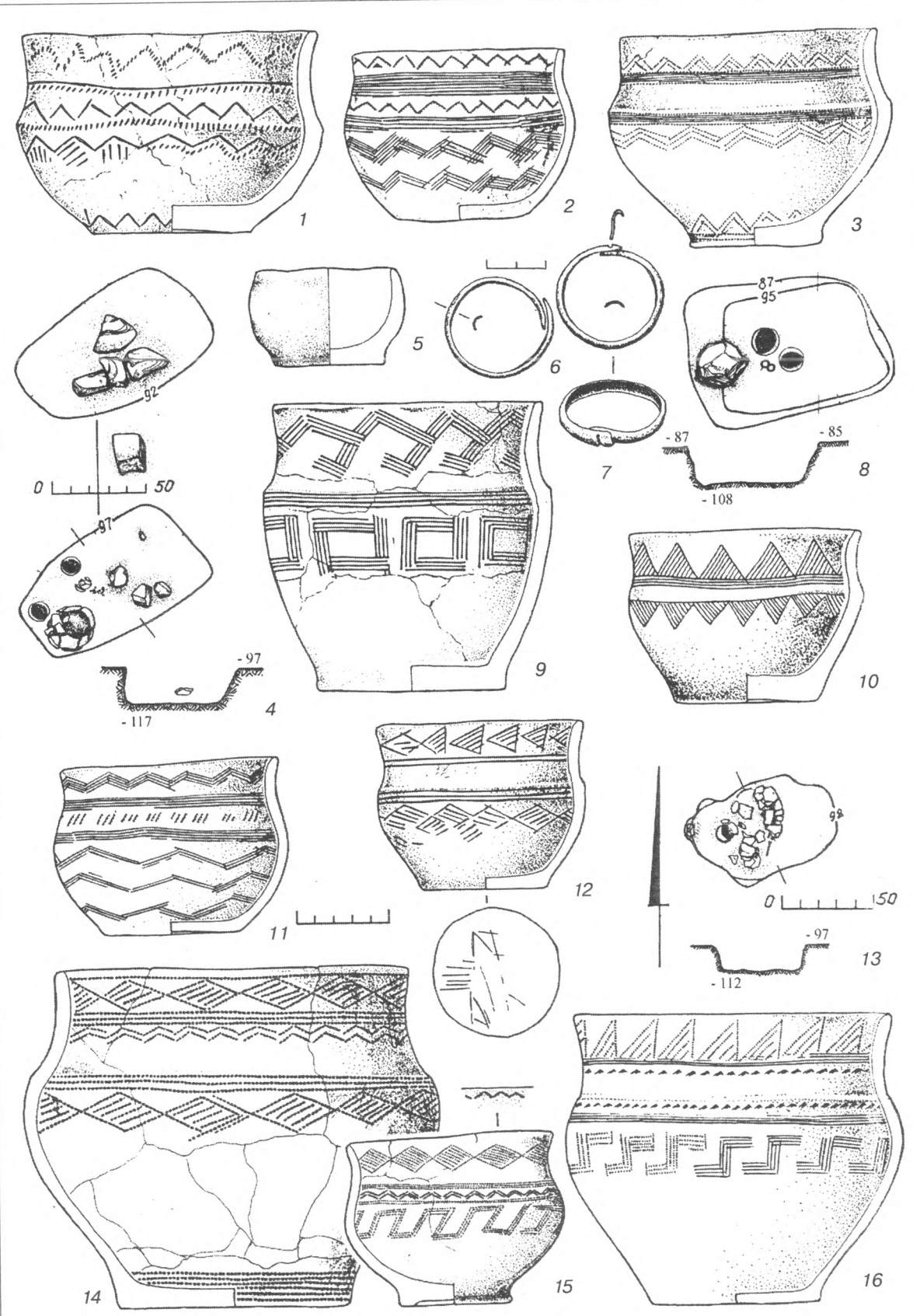

Рис. 25. Могильник Урефты I, курган 21. Погребения 9 (1), 16 (6, 7, 8, 9, 10), 17 (4, 11, 14, 15), 21 (12, 13, 16) и одиночные сосуды 1 (5), 3 (3), 4 (2). 6, 7 – бронза, 1-3, 5, 9-12, 14-16 – керамика.

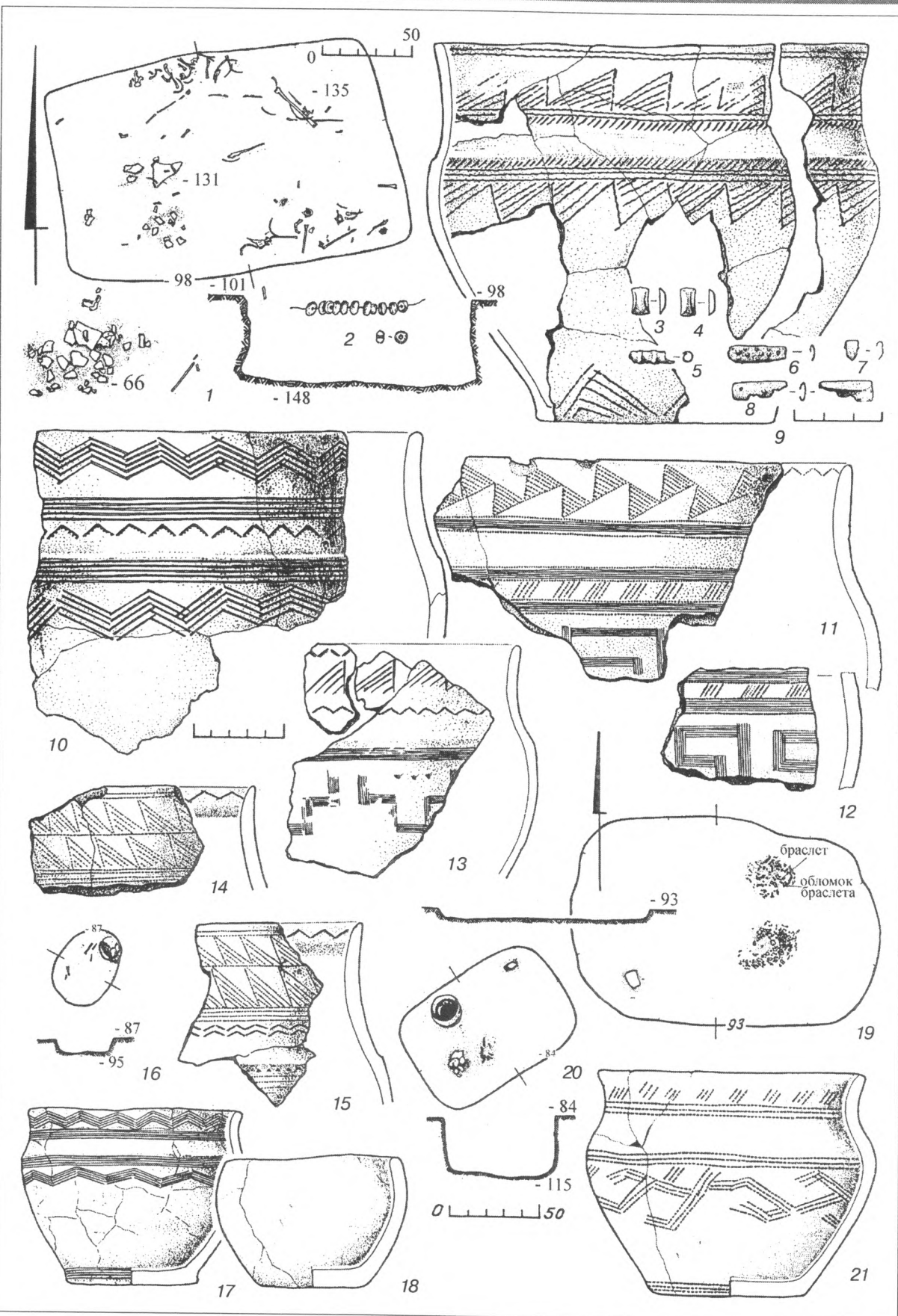

Рис. 26. Могильник Урефты I, курган 21. Погребения **19** (1-11, 13), **20** (15), **22** (20, 21), **23** (16, 17, 18), **24** (12, 19); 14 – кв. П/11. 2-8 – бронза, 9-15, 17-18, 21 – керамика.

На выброшенном грунте вблизи северо-западного угла ямы обнаружены два крупных камня, еще два валуна находились около торцевых стен в верхней части заполнения. Прямоугольная могильная яма размером 1,85x1,25 м, ориентированная в широтном – с небольшим отклонением – направлении, врезана в материк почти на 0,5 м (от древней поверхности около 0,7-0,8 м). Стены углубления вертикальные, дно ровное. В придонном слое и на дне обнаружены беспорядочно лежавшие кости от двух скелетов, обломки сосудов, миниатюрные бронзовые изделия (бусины, накладки). Находки были рассредоточены по всему пространству ямы. Относительно компактное скопление человеческих костей зафиксировано около северной стенки могилы, скопление керамики (обломки четырех толстостенных сосудов) отмечено в юго-западном секторе могилы. Немногочисленные находки бронзовых изделий были приурочены к западному краю ямы. Погребение явно подверглось разрушению, причем не только человеком, но и землеройными животными.

Следы разграбления обнаружили еще до разборки могилы 19: рядом с ее юго-западным углом в перемешанном слое (темно-серая гумусированная почва с включениями материкового желтоватого суглинка, выброшенного из ямы) было расчищено скопление фрагментов керамики и отдельных костей человеческого скелета, в том числе нижняя челюсть и обломки черепа (рис. 26 – 1). Поначалу это скопление было принято нами за разрушенное «погребение 18». В дальнейшем выяснилось, что и кости, и керамика были выброшены из могилы 19.

Анализ антропологического материала показал, что в ней были похоронены два взрослых мужчины (возраст 20-30 и 25-35 лет). За это говорит наличие одноименных костей посткраниального скелета (левые лопатки, левые кости предплечья, локтевые и лучевые), найденных в заполнении, на дне и около могилы. Отдельные кости человека найдены чуть в стороне от «выброса» – в 0,5-0,8 м к востоку. Судя по обломкам, в могилу было помещено четыре сосуда (рис. 26 – 9, 10, 11, 13); похоже, что они стояли около западной стенки. Кроме того, в яме и рядом с ней обнаружены немногочисленные металлические вещи: тонкие свернутые пластинки длиной 2 см, украшенные пуансонным орнаментом, две накладки (обоймочки?), сделанные из тонких рельефно изогнутых бронзовых пластинок (рис. 26 – 6-8), фрагмент трубчатой пронизки, оформленной поперечными валиками (рис. 26 – 5) и 12 бронзовых бусин (рис. 26 – 2). Из остеологического материала в погребении 19 обнаружена таранная кость м.р.с., которую, скорее всего, надо рассматривать как предмет погребального инвентаря («альчик»). На расстоянии 1-1,2 м к югу от могилы найдено еще несколько костей животных, среди них: пястная кость лошади, фрагмент зуба и пяточная кость лошади, таранная кость мелкого рогатого скота.

Погребение 20 (рис. 20 – 2). Могила была выкопана в 3,5 м к северо-востоку от погребения 13 и в 2 м к ЮЗ от погребения 19. Представляла собой

прямоугольную яму размером 2,1x1,2 м, ориентированную по линии СЗ-ЮВ. В 0,8 м к западу от нее расчищены три крупных кварцевых валуна. Материковый грунт в месте сооружения могилы был очень плотным, возможно, этим объясняется ее незначительная глубина – не более 0,2 м от уровня материка. Дно и стенки ямы, особенно по углам, сильно нарушены норами. Вдоль юго-восточной стены могилы зафиксированы следы древесного тлена. Могила разграблена: немногочисленные находки – фрагменты керамики и кости, были рассредоточены в южной части могилы. Человеческие останки представлены единичными костями скелета двух индивидуумов: взрослого мужчины (?) 20-25 лет и подростка. Из погребального инвентаря осталось несколько фрагментов крупного алакульского сосуда с уступчиком, украшенного аккуратным гребенчатым орнаментом (рис. 26 – 15). Фрагмент шейки этого же горшка ранее был найден в кв. П/11 к СВ от погребения (рис. 26 – 14).

Погребение 21 (рис. 25 – 13). Погребение располагалось в 1 м к югу от погребения 19 и в 6,6 м к северо-востоку от погребения 13. Яма неправильной в плане формы с неровными краями, размером 0,82x0,5 м, длинной осью ориентирована по линии ЮЗ-СВ. Дно также неровное. Глубина в материке не превышала 0,13-0,15 м. На дне расчищены развалы двух горшков и разрозненные кости скелета (фрагменты черепа, ребер, позвонков, лопатки, ключицы, правой плечевой и левой бедренной) ребенка в возрасте до 6 месяцев. Судя по положению костей, он был положен на левый бок головой на ЮЗ. Сосуды (рис. 25, 12, 16) стояли перед головой умершего около северной стенки могилы.

Погребение 22 (рис. 26 – 20) располагалось рядом с могилой 14 в юго-восточном секторе ансамбля. Яма прямоугольной формы со скругленными углами, размером 0,94x0,6 м, ориентирована по линии СВ-ЮЗ. Глубина могилы в материке 0,29-0,33 м, от уровня древней поверхности – 0,45-0,5 м. На дне ямы расчищен костяк ребенка. Сохранились следующие кости скелета: фрагменты черепа, ребра, ключица, плечевая. Возраст умершего – около 6 месяцев. Судя по положению костей, ребенок был похоронен скорченно на левом боку, головой на ЮЗ. Перед его головой был поставлен целый сосуд (рис. 26 – 21), в северном углу могилы лежал маленький кварцевый обломок.

Погребение 23 (рис. 26 – 16) находилось в 2,8 м от погребения 22. Яма очень маленькая, 0,45x0,32 м, овальной формы, вытянута к ЮЗ на СВ. Глубина могилы от уровня фиксации – 6-8 см, от уровня древней поверхности – 0,25-0,3 м. Стенки отвесные, дно неровное. Ближе к западной стенке могилы расчищены останки ребенка, умершего в возрасте до 6 месяцев. Сохранились кости свода черепа, плечевая, бедренная, берцовая кости. Судя по их расположению, ребенок был похоронен скорченно на левом боку, головой на СВ. Рядом с головой были поставлены два сосуда. При расчистке они были зафиксированы в положении «один в другом», т.е. сосуд меньшего размера, находился внутри более крупного горшка (рис. 26 – 17, 18).

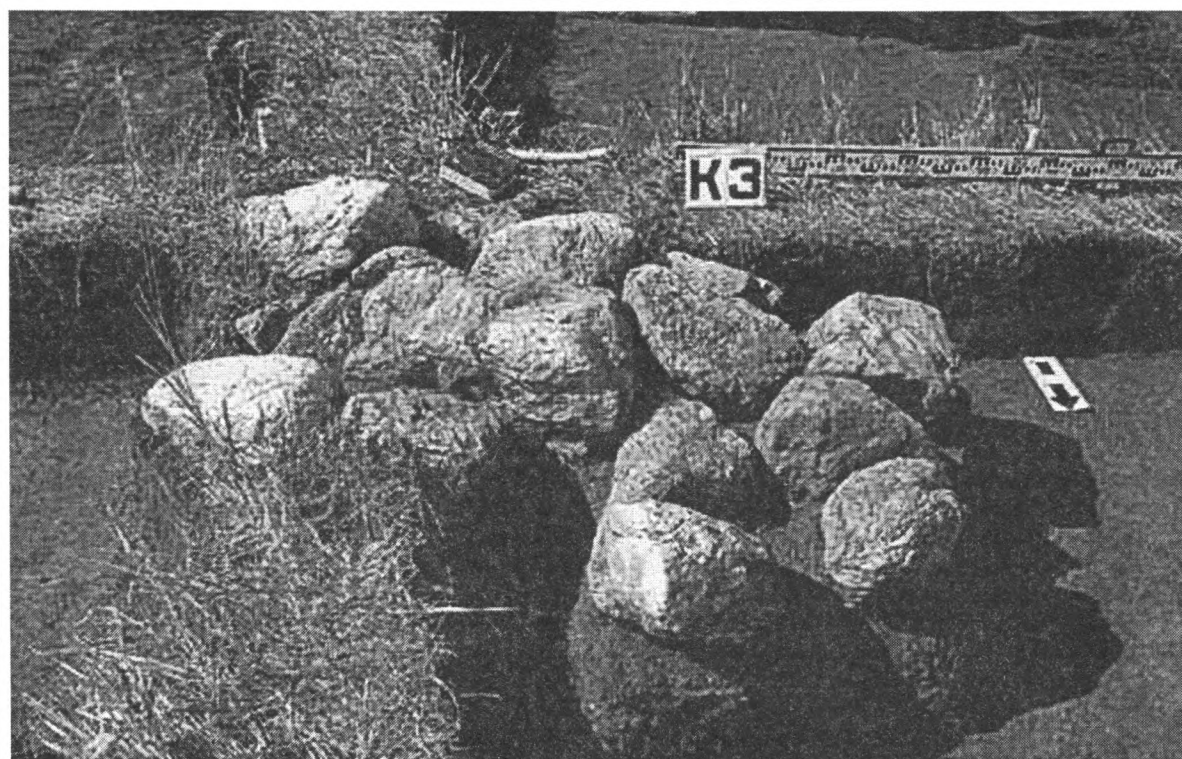

Рис. 27. Могильник Урефты I, курган 21. Каменная выкладка в кв. К, Л/3, 4

Погребение 24 (рис. 26 – 19) – среди исследованных крайнее с восточной стороны. Яма овальной в плане формы размером 1,7х1,5 м, вытянута по оси 3-В, впущена в материк всего на 5-8 см. С южной и восточной сторон могилу окружали крупные кварцевые валуны, лежавшие на расстоянии 0,2-0,4 м от ее краев (рис. 20 – 2). Еще один камень лежал над ямой около восточной стенки. В могиле зафиксирован не характерный для этого кургана обряд трупосожжения. Ближе к восточной стенке обнаружены две компактные кучки кальцинированных косточек. В одной из них находился маленький фрагмент бронзового желобчатого браслета, в противоположном конце ямы найден обломок от сосуда алакульского типа (рис. 26 – 12). Отметим, что фрагменты от этого же сосуда ранее были найдены в заполнении могилы 19 (рис. 26 – 11) и рядом с ней. Кальцинированные кости преимущественно белого или голубого цвета, реже бурого или черного. Кости мелкие, в среднем 15х10 мм, есть достаточно крупные фракции размером 30х25 мм. Поверхность со следами редкой поперечной трещиноватости. К определяемым относятся фрагменты черепа, коронки и фрагменты корней, ребра, проксимальной фаланги ноги и локтевой фаланги кисти. Погребенные останки принадлежат, скорее всего, одному человеку в возрасте 12-18 лет.

Жертвенные комплексы, выявленные в раскопе кургана 21, по своему местоположению двух видов – одни размещались на краю могил, другие обустроены на некотором удалении в неглубоких ямах, как правило, не достигающих до материка. Компактные скопления костей домашних животных

около погребений 3 и 13 (жертвенники 1 и 2) описаны выше. Жертвенник 3 находился в 0,25-0,3 м к северу от погребения 9 (рис. 20 – 2). Здесь в темноокрашенном грунте расчищены фрагменты черепа и дистальные части конечностей туши овцы. Связь этого костного комплекта с погребением 9 выглядит не слишком очевидной. Жертвенник 4 (рис. 20 – 6) находился в 1 м к югу от погребения 20. В небольшое углубление, которое не прорезало древнюю почву до материка, были уложены голова и дистальные части конечностей туши коровы (особь старая). Рядом с костями, к западу от них, стояли два сосуда (рис. 20 – 4, 5). По-видимому, эти горшки и кости являются остатками одного поминального комплекса. Еще один жертвенник(5?), возможно, находился к югу от погребения 19 (см. описание), но он, скорее всего, разрушен.

Одиночные сосуды. Помимо горшков, стоявших около жертвенника 4, в межмогильных участках обнаружено еще три сосуда: в 1,5 м от северо-восточного угла погребения 13 (сосуд 3), недалеко от могил 17 (сосуд 5) и 20 (сосуд 4). Заметим, что последний горшок был явно приурочен к скоплению валунов между погребениями 20 и 24 (рис. 20 – 2, 3).

Прочие объекты данного раскопа представлены двумя «пустыми» ямами и скоплениями камней. Яма 1, очень похожая на могильную, располагалась около юго-западного угла погребения 20. Она – подпрямоугольной в плане формы, размером 1,0х0,8 м, глубиной 0,6 м в материке, ориентирована в широтном направлении. Заполнение – темно-серый перемешанный суглинок. В 0,3 м

к северо-западу от верхнего края ямы находилась средних размеров камень. Каких-либо свидетельств погребения в данном углублении не обнаружено. **Яма 2** находилась в 1 м от юго-западного угла погребения 19. Углубление овальной формы, размером 0,6х0,5 м врезано в материковый грунт на 0,17-0,19 м, ориентировано по оси С-Ю.

Несколько крупных камней обнаружено сразу под дерном в западной части раскопа в квадратах З, И, К, Л/8-10 (рис. 20 – 2, 21), некоторые из них верхними краями выходили на поверхность. Уже на глубине 25-35 см от поверхности стало ясно, что в данной части раскопа нами расчищается выход горной породы, представленной кварцем молочно-белого и грязно-белого цвета. Кровля жилищного кварцевого тела здесь поднималась близко к современной поверхности, она сильно разрушена. Судя по расположению обломочного материала, жила вытянута в направлении СЗ-ЮВ. Трещины между отдельными камнями в верхней части массива заполнены темно-серым гумусированным грунтом, а ниже – материковым суглинком желтовато-коричневатых оттенков. Никаких остатков, связанных с функционированием могильника, в данном месте не выявлено. Несмотря на это, можно с достаточной уверенностью предположить, что крупные камни, лежавшие в верхней части кварцевого тела, могли использоваться при обу-

стройстве погребальных и иных объектов могильника Урефты I.

Наглядным примером «иных объектов» является каменная выкладка, расположенная на значительном расстоянии от кургана 21 (около 10 м к ЮЮЗ от центральной могилы – см.: рис. 20 – 2, 7). На стыке квадратов К-Л/3,4 расчищено скопление довольно крупных (до 40-60 см в поперечнике) кварцевых валунов – случайных форм, с окатанными краями, принесенных и уложенных вплотную друг к другу на участке древней поверхности размером 1,8х1,6 м (рис. 27). Еще три камня находились в 1,4-2,6 м к юго-востоку от выкладки. В толще гумусированного слоя вокруг этой каменной конструкции обнаружено около трех десятков фрагментов алакульской керамики (рис. 20 – 8-10). Связь данного сооружения именно с курганом 21 не очевидна, но то, что оно использовалось при каких-то обрядовых действиях, совершавшихся на территории андроновского кладбища, едва ли подлежит сомнению.

В качестве другого специального объекта можно выделить, пожалуй, скопление из трех кварцевых валунов между погребениями 20 и 24, рядом с которыми стоял сосуд 4. Два крупных и один небольшой валун лежали на слое выкида (из погребения 20?) цепочкой, вытянутой по линии СЗ-ЮВ. Все остальные камни, обнаруженные в раскопе, были приурочены к погребениям.

Курган 25

Располагался на западной окраине могильного поля (рис. 5). На поверхности фиксировался в виде овального всхолмления размером 15х20 м, вытянутого по оси СЗ-ЮВ. Насыпь сегментовидной формы, полы покатые, высота до 0,4 м, поверхность задернована, свободна от кустарников, видимых нарушений не зафиксировано. Раскоп площадью 192 кв.м включал всю насыпь и значительную площадь прилегающего пространства (рис. 28 – 13).

Под насыпью кургана выявлено 7 погребений – большая могила в центре, три детских погребения в 6 м к СВ от нее и еще три детских погребения рядом с ней – в 1,2-1,6 м к З, ЮЗ и ЮВ (рис. 28 – 13). Около двух малых могил (1 и 3) расчищены кварцевые валуны. Одиночный сосуд обнаружен в темноокрашенном грунте рядом с валуном, лежавшим около погребения 2.

Сразу после снятия дерна в слое гумусированной почвы стали встречаться мелкие обломки алакульской и энеолитической керамики (рис. 21 – 1-3), изделия из яшмы (пластина, отщеп). Четыре фрагмента алакульской керамики обнаружено в периферийном квадрате Б/5. В участках, соответствовавших центру насыпи, количество находок заметно возросло – на древней поверхности в кв. Г-Д/5-7 зафиксировано несколько скоплений костей животных (кв. Г/6 – ребро лошади; кв. Г/7 – левая плюсна к.р.с., и зуб взрослой овцы; кв. Д/8 – зубы к.р.с.). В кв. Д/6 в черноземном слое обнаружено

скопление костей взрослого человека. В 0,5 м к северо-западу от этого скопления обнаружены развалы двух сосудов. Сосуды были сильно фрагментированы (рис. 28, 4). Учитывая местоположение сосудов и известные примеры устройства погребений в гумусовом горизонте, можно допустить, что в этом месте тоже находились детские погребения.

Погребение 1 располагалось в 6,2 м к ССЗ от центральной могилы. Яма подпрямоугольной в плане формы со скругленными углами размером 0,48х0,32 м. Ориентирована по линии З-В. Над северным краем могилы лежал кварцевый валун средних размеров. Стенки ямы были углублены в материковую почву всего на 4-7 см, глубина ямы от уровня древней поверхности составляла 0,35-0,4 м. Останков погребенного в ней не обнаружено. Около западной стенки могилы расчищен сосуд, (рис. 28 – 12), рядом с которым лежали два бронзовых желобчатых браслета. Браслет меньшего диаметра был вложен в другой (рис. 28 – 9, 10). С другой стороны горшка найден небольшой кварцевый обломок.

Погребение 2 располагалось в 1,4 м к юго-востоку от центрального погребения 7. Яма трапециевидной в плане формы со скругленными углами, размером 0,88х0,5 м, вытянута по линии СВ-ЮЗ (рис. 28 – 14). Стенки вертикально опускались к неровному дну, отмеченному на глубине 13-18 см от уровня фиксации. В погребении обнаружены мел-

6 Заказ 1093

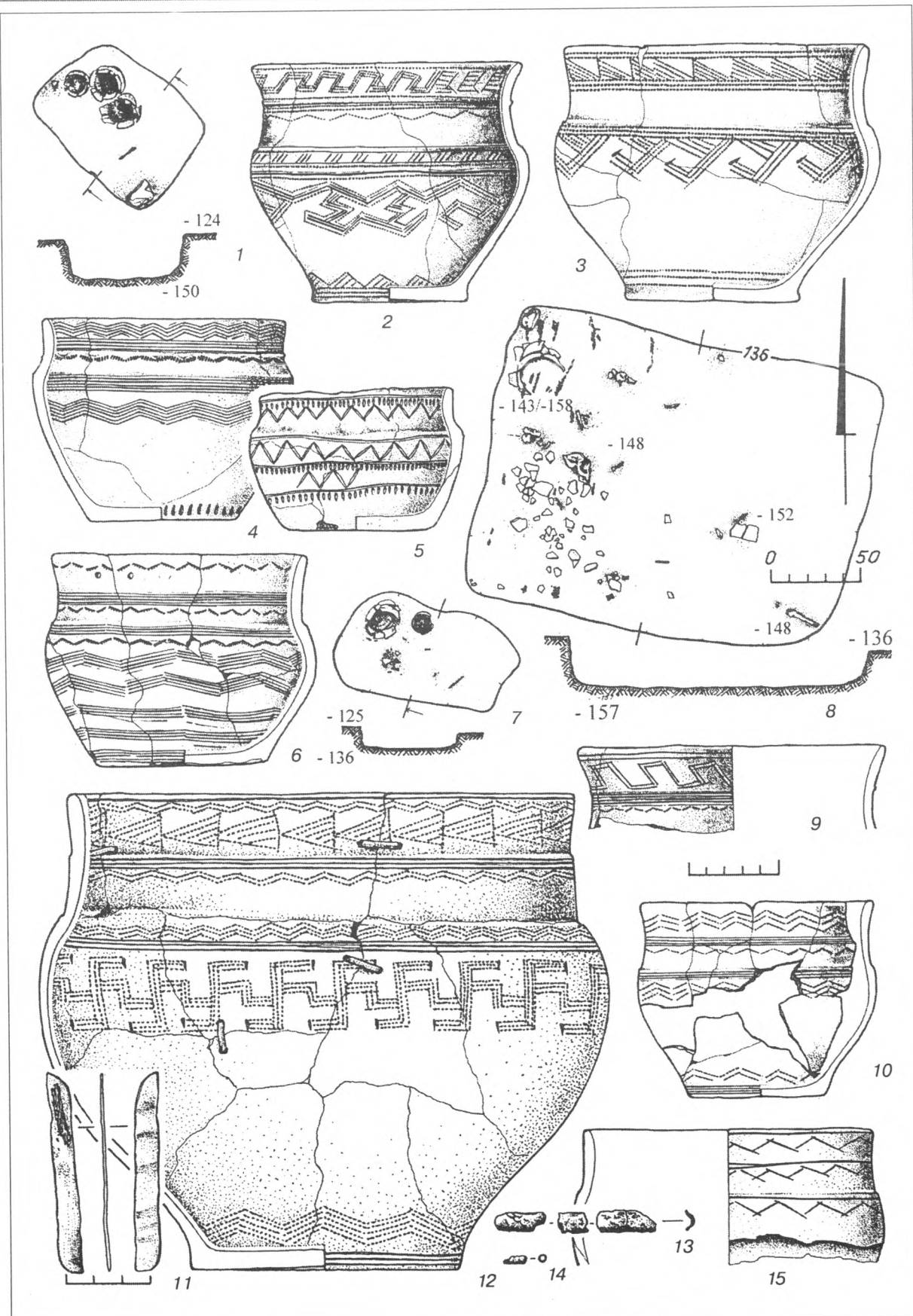

Рис. 29. Могильник Урефты I, курган 25. Погребения 3 (1-4), 4 (5-7), 7 (8-15).
11, 13, 14 – бронза, остальное – керамика.

кие фрагменты черепа, зубы, трубчатые кости. Судя по ним, здесь был похоронен ребенок в возрасте до одного года. В западном углу могилы стояли два сосуда. Сосуд 2 небольшой, целый, сосуд 1 представлен нижней частью расслоившегося тулова горшка (рис. 28 – 15-16).

Погребение 3 располагалось в 1,2 м к юго-западу от центрального погребения 7. Яма трапецевидной в плане формы, ориентирована по линии СЗ-ЮВ, размером 0,9х0,67 м, глубиной 20-25 см от уровня фиксации (рис. 29 – 1). Стенки ямы отвесные. В северном углу ямы стояли три сосуда (рис. 29 – 2-4). Горшки были поставлены целыми, к моменту расчистки погребения они оказались сильно раздавленными. Над обломками, среди них, а также около середины юго-западной стенки зафиксированы «пятна» древесного тлена. В южном углу на дне ямы лежал кварцевый обломок. В центре могилы находился фрагмент бедренной кости (диафиз) ребенка в возрасте до года.

Погребение 4 располагалось в 1,6 м к западу от центрального погребения 7. Яма подпрямоугольной в плане формы со скругленными углами и неровными стенками, размером 0,93х0,56 м, глубиной 10-12 см от уровня фиксации, ориентирована по линии СЗЗ-ЮВВ. Стенки отвесные, дно неровное (рис. 29 – 7). В юго-западном углу ямы стояли два сосуда (рис. 29 – 5, 6), рядом с ними найдены фрагменты бронзового желобчатого браслета и обломок бронзовой пронизки (рис. 29 – 13-14). Рядом с горшками, в центральной части могилы, расчищены фрагменты черепа, в противоположном конце ямы найдены мелкие обломки и бедренная кость, принадлежавшие ребенку в возрасте до года.

Погребение 5 находилось в 0,5 м к ЮЗ от соседнего погребения 6 и в 6,4 м к СЗ от центрального погребения 7. Яма подпрямоугольной в плане формы, размером 0,68х0,55 м, ориентирована по линии СВ-ЮЗ (рис. 28 – 17). Стенки отвесно опускались к неровному дну, отмеченному на глубине 20-23 см от уровня фиксации (0,3-0,33 м от древней поверхности). В западном углу ямы стоял сосуд (рис. 28 – 18), рядом с ним расчищены останки умершего ребенка в возрасте до одного года. Сохранились только фрагменты костей черепа.

Погребение 6 располагалось в 1,3 м к ЮЗ от соседнего погребения 1 и в 6,5 м к СЗ от центрального погребения 7. Могилая яма подпрямоуголь-

ной в плане формы со скругленными углами, размером 0,58х0,45 м, отвесные стенки углублены в материковую почву на 10-12 см (от уровня древней поверхности около 0,25-0,3 м), ориентирована по линии СВ-ЮЗ. Останки умершего не обнаружены. В западном углу ямы расчищен фрагментированный алакульский сосуд (рис. 28 – 8), рядом с ним лежал небольшой кварцевый обломок.

Погребение 7 (рис. 29 – 8-12, 15) располагалось под центром курганной насыпи. Яма подпрямоугольной в плане формы, размером 2,1х1,65 м, ориентирована по оси ЗСЗ-ВЮВ. Выкид в виде линзы светло-желтого рухляка фиксировался только около западного края могилы. Стенки вертикально опускались к дну, покатому к южной стороне. Глубина ямы от уровня древней поверхности составляла 0,6-0,7 м. Практически все находки, обнаруженные в придонных слоях, были сосредоточены в западной трети ямы. В северо-западном углу могилы расчищен развал крупного сосуда (рис. 29 – 12). Обломки от него лежали вперемешку с костями скелета чело-века и овцы. В западных углах могилы зафиксированы следы древесного тлена. Судя по направлению волокон, это остатки плах (?), уложенных поперек ямы вдоль западной стенки. Недалеко от середины южной стенки могилы найдено бронзовое изделие (рис. 29 – 11) неясного назначения. Остеологические остатки, обнаруженные в могиле, принадлежали одной особи овцы и включали следующие кости: фрагмент ребра, плечевую, берцовую. Два так называемых альчика (рис. 55 – 19) лежали около южной стенки ямы. Остатки скелета взрослого мужчины (25-35 лет) представлены фрагментами черепа и разрозненными костями – плечевой, локтевой, лучевой, таза и крестца. Крупный горшок из северо-западного угла могилы в свое время подвергался ремонту бронзовыми скрепами. В разных местах на дне могилы найдены обломки еще трех сосудов (рис. 29 – 9, 10, 15).

Человеческие кости, упомянутые выше среди других находок из насыпи (кв. Д/6), скорее всего, были выброшены при разграблении центрального погребения. Что касается костей овцы, то, как нам кажется, они могли упасть в могилу сверху, вместе с разрушенным перекрытием. Не исключено, что остеологические остатки, найденные в северо-западном углу могилы 7, и в кладке кургана около нее, могли составлять жертвенный комплекс, позднее также разрушенный.

Курган 27

Располагался на западной окраине могильника около пашни (рис. 5). Сильно расплывшаяся насыпь овальной в плане формы была вытянута по линии З-В. Размеры насыпи: по линии З-В – 10 м, по линии С-Ю – около 8 м. Высота всхолмления не превышала 0,15 м. Раскоп (144 кв.м), как нам казалось, включал всю насыпь и прилегающие с северной и восточной сторон участки. Позже выяснилось, что курган исследован не полностью: западная часть одной из крупных могил и, возможно, не-

сколько «малых» объектов остались за пределами раскопанной площади (рис. 30 – 1).

Под насыпью кургана 27 выявлено девять погребений и скопление кварцевых валунов. В переложном слое обнаружено 15 фрагментов алакульской керамики, несколько костей человека и животных. Могилы располагались относительно компактно на площадке размером 6х4 м, вытянутой по оси З-В. В их составе – три больших могилы, две ямы средних размеров и четыре малых.

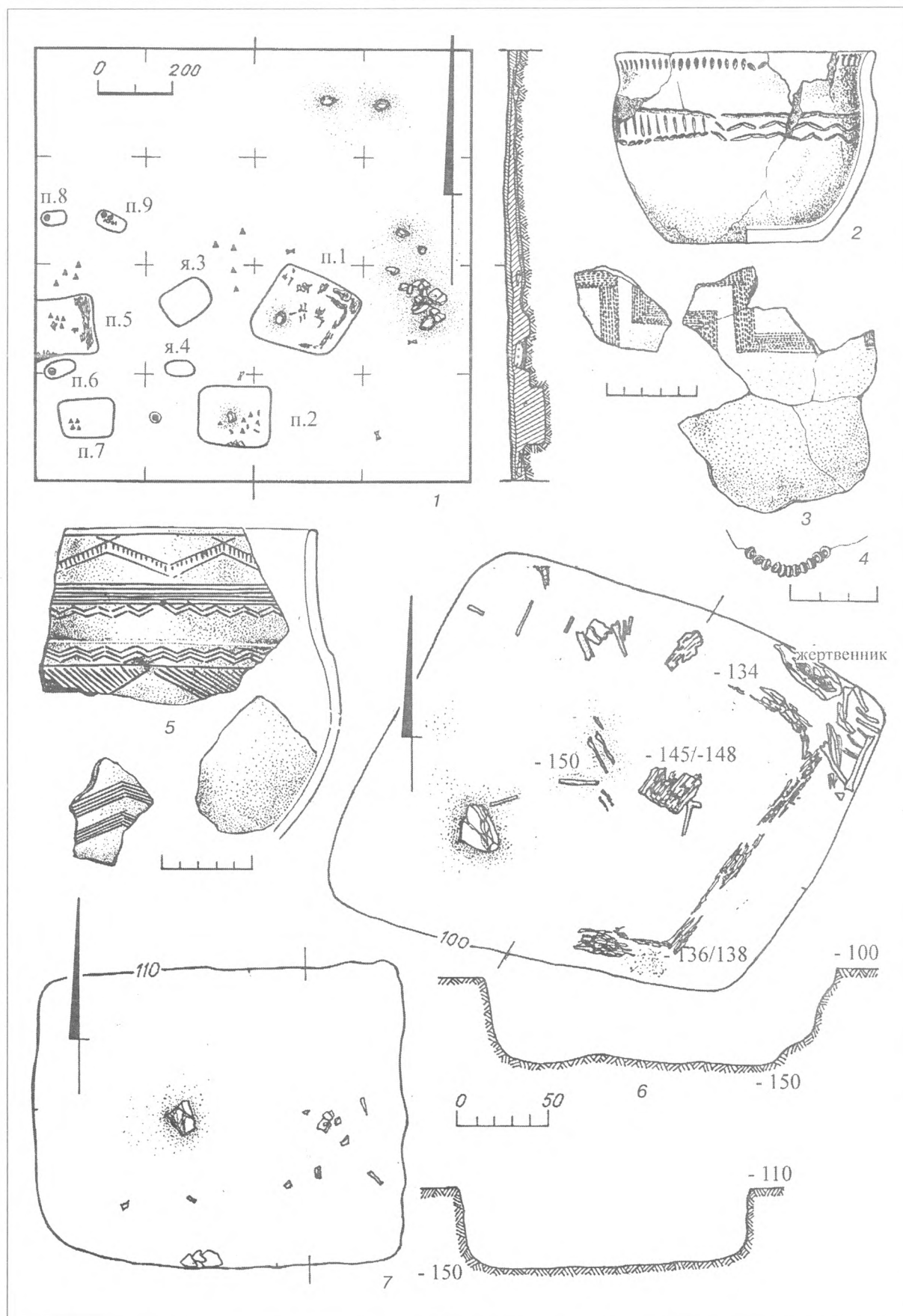

Рис. 30. Могильник Урефты I, курган 27. 1 – план и разрез раскопа. 2 – сосуд 1; погребения 1 (4, 6), 2 (7), 5 (3, 5).

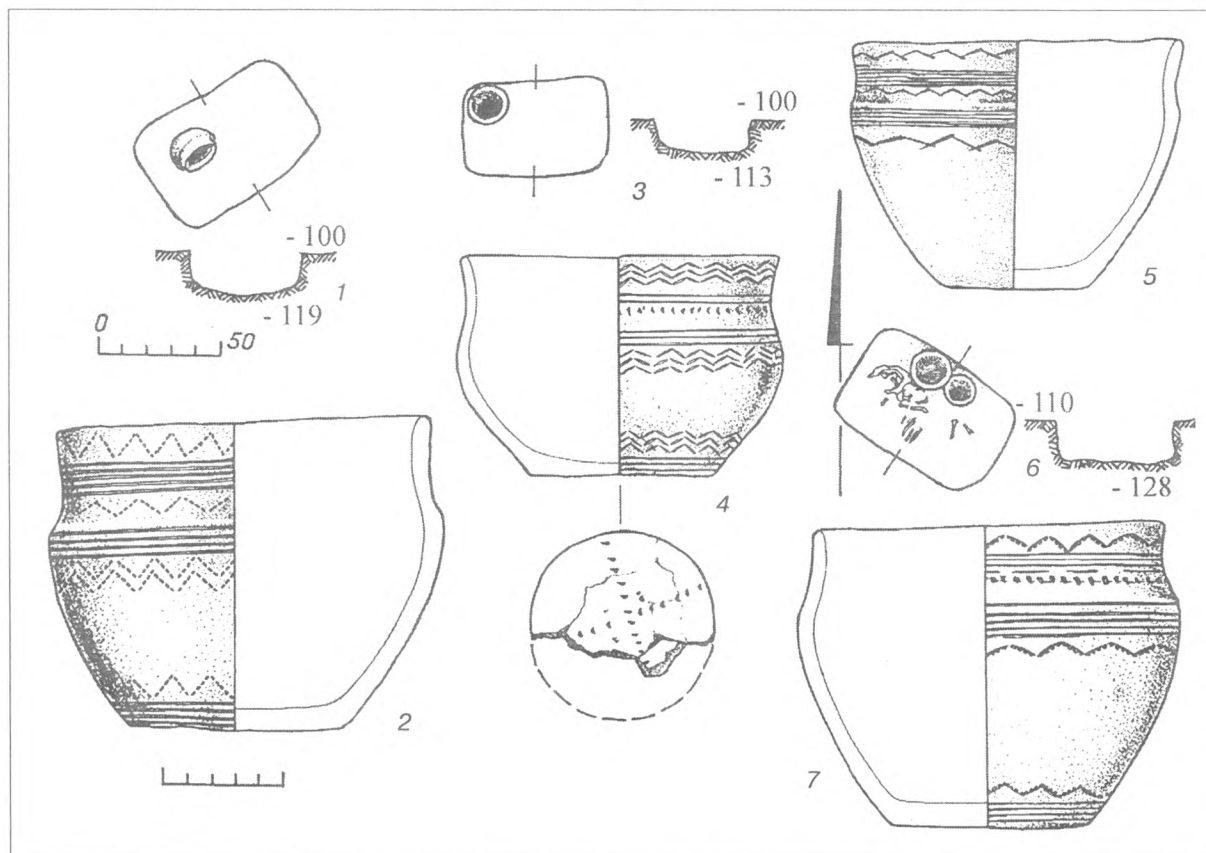

Рис. 31. Могильник Урефты I, курган 27. Погребения 6 (1, 2), 8 (3, 4), 9 (5, 6, 7).

Складывается впечатление, что детские погребения в малых и средних ямах были приурочены к могиле 5. Они располагались полукругом на расстоянии 1,2-2 м от нее, а могила 6 была устроена всего в 0,2 м к югу. За цепочкой детских погребений, на расстоянии 0,5-1,2 м к востоку от объектов 3 и 4 (рис. 30 – 1), находились большие могилы 1 и 2. Около них обнаружены черепки алакульских сосудов, единичные кости животных и человека. К востоку от могилы 1 была сооружена выкладка из кварцевых валунов и гранитных обломков характерного светло-зеленого цвета. Она занимала площадку размером 2х1 м, камни лежали вплотную друг к другу.

Погребение 1 – крайнее с восточной стороны. Оно было совершено в большой яме ромбовидной формы, размером 2,5х2,1 м, ориентированной углами почти по сторонам света (рис. 30 – 6). Стенки полого опускались к ровному дну, отмеченному на глубине 0,6 м от древней поверхности. В профиле прослеживались слабо выраженные заплечики, выбранные в гумусовом горизонте. Вдоль трех стен (кроме северо-западной) зафиксированы остатки древесного тлена. Судя по направлению волокон, березовые плахи были уложены поперек ямы, на глубине 0,1-0,15 м от верхнего края, что соответствовало положению заплечиков. На глубине, соответствующей верхней границе ямы, в восточном углу зафиксирован жертвенник: дистальные части конечностей и череп коровы были уложены, по-видимому, на настил (рис. 30 – 6). В перемешанном заполнении могилы обнаружены разрозненные кости взрослого

человека – фрагменты черепа, лопатки, плечевой. Некоторые кости были окрашены в ярко-зеленый цвет (результат контакта с бронзой). В восточном углу могилы обнаружены остатки бронзового украшения – плоские колечки, нанизанные на кожаный ремешок (рис. 30 – 4). В могиле не найдено ни одного фрагмента керамики. Недалеко от западного угла лежал крупный осколок гранита с острыми краями.

Погребение 2 располагалось в 1,5 м к югу от могилы 1. Для него на глубину 0,6 м была выкопана яма прямоугольной формы размером 2,1х1,7 м, ориентированная по оси 3-В (рис. 30 – 7). Северная стена имела уступ-заплечик шириной 0,45 м. Около восточной стенки зафиксированы следы деревянного перекрытия в виде древесного тлена. В заполнении могилы обнаружены беспорядочно лежавшие в разных местах и на разной глубине отдельные кости взрослого человека, немногочисленные фрагменты алакульского сосуда и деталь бронзового украшения.

Погребение 5 было совершено в яме прямоугольной формы со скругленными углами, ориентированной по сторонам света. Исследована часть ямы размером 1,8х1,8 м (западный край «уходит» за границу раскопа). Глубина ямы достигала 0,45-0,5 м. Юго-западный угол могилы был обставлен кварцевыми валунами. Основание камней покоилось на дне ямы. Около восточной стенки расчищены остатки деревянного перекрытия в виде полос древесного тлена шириной 0,3-0,5 м, «свисающей» от верхнего края ямы. В центре могилы обнаружено несколько обломков алакульских сосудов

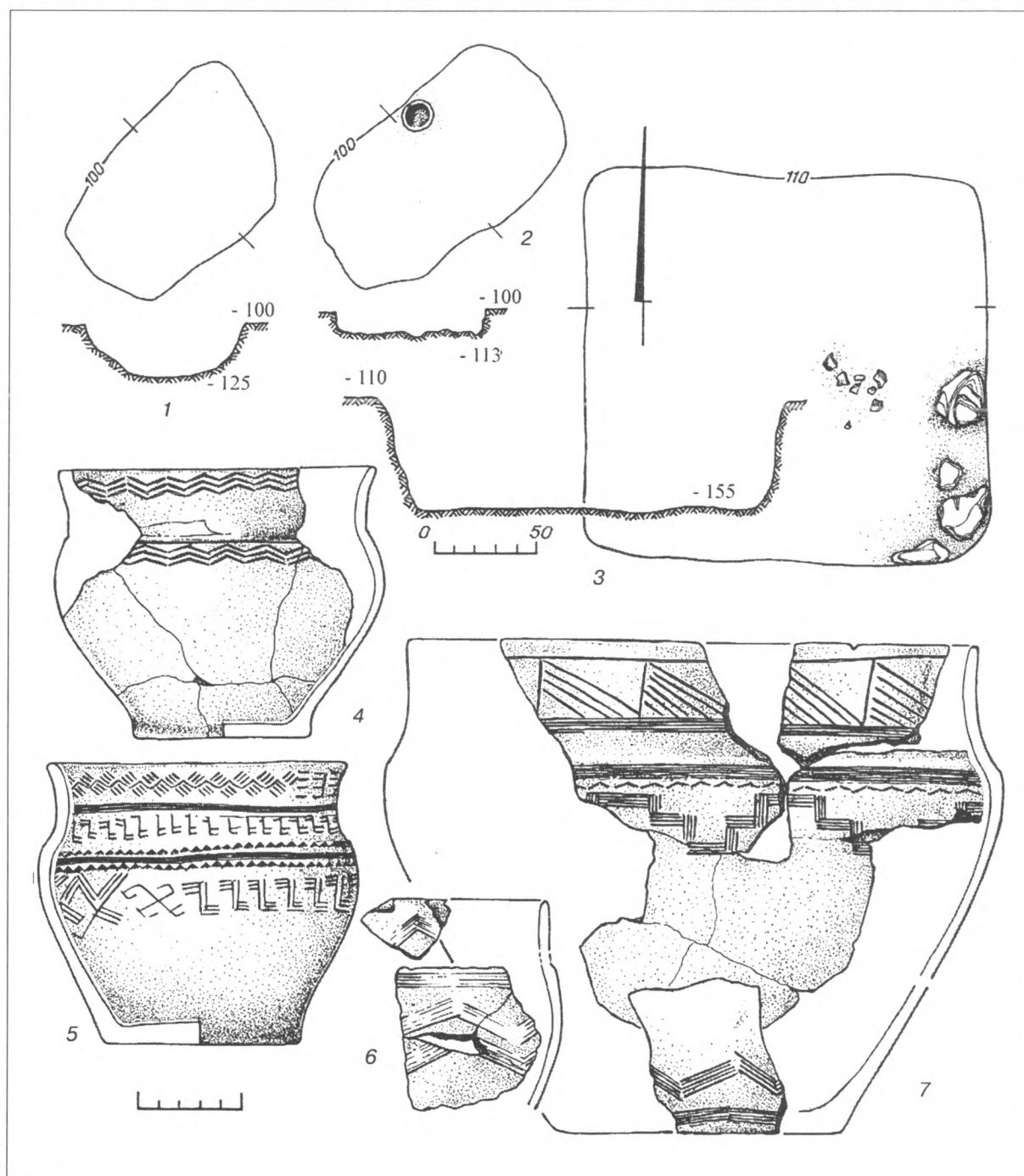

Рис. 32. Могильник Урефты I, курган 13А. Погребения 18 (1), 19 (2, 5), 20 (3, 6, 7) и одиночный сосуд 12 (4).

(рис. 30 – 3, 5) и фрагменты черепа взрослого человека. Около юго-восточного угла найдена часть бронзовой пронизки.

Вокруг погребения 5, как мы уже отмечали выше, в ямах малых и средних размеров располагались детские погребения.

Погребение 6 в яме овальной формы размером 0,9х0,5 м, ориентированной по линии ЮЗ-СВ, располагалось вплотную к южной стенке погребения 5: их разделяло всего 0,2 м. Могила была выкопана на глубину не более 0,2 м (рис. 31 – 1). В западный угол был поставлен горшок (рис. 31 – 2),

в заполнении которого обнаружен древесный тлен. Останки умершего не зафиксированы.

Погребение 7 в яме трапециевидной формы размером 1,6х1,1 м располагалось в 1,2 и 0,6 м от могил 5 и 6 соответственно и в 1,7 м от к ЮЗЗ от погребения 4. Могильная яма глубиной не более 0,2 м была ориентирована по оси З-В. В заполнении, основательно потревоженном ходами землеройных животных, обнаружено несколько фрагментов алакульской керамики.

В 1,5 м к северу от погребения 5 располагалось детское **погребение 8**, совершенное в малень-

кой яме размером 0,6х0,4 м. Яма прямоугольной в плане формы со скругленными углами была ориентирована по линии З-В. Дно зафиксировано на глубине 0,23-0,25 м от древней поверхности (рис. 31 – 3). В северо-западном углу ямы стоял один сосуд (рис. 31 – 4), останки погребенного отсутствовали.

В 0,6 м к востоку от погребения 8 и в 1,4 м к северо-востоку от большой могилы 5 расчищено **детское погребение 9**. Яма подпрямоугольной формы, размером 0,7х0,5 м, была выкопана на глубину до 0,2 м и ориентирована по оси СЗ-ЮВ (рис. 31 – 6). В яме обнаружены останки ребенка в

виде костного тлена фрагментов черепа и посткраниального скелета. Судя по их положению, ребенок был похоронен скорченно на левом боку, головой на З. За его голову в северо-западный угол было поставлено два сосуда (рис. 31 – 5, 7). В 2 м к востоку от могилы 5 зафиксирована **яма 3** – размером 1,3х1,0х0,5 м, подпрямоугольной формы, ориентированная по оси СВ-ЮЗ. Находок в ней не было. Не обнаружены находки и в малой **яме 4**, располагавшейся в 1 м к югу от ямы 3. Она овальной формы, ориентирована в направлении З-В, размером 0,8х0,4 м при глубине не более 0,2-0,25 м.

Курган 13А

Можно сказать, что этот погребальный комплекс выявлен почти случайно. В процессе исследования ансамбля детских грунтовых погребений, условно объединенных в алакульско-федоровский «курган» 13, появилась необходимость расширить раскоп в восточную сторону. В 4-5 м от крайних могил ансамбля неожиданно проявились очертания четырех углублений, только одно из которых, возможно, было отмечено на поверхности небольшим земляным холмом. Принадлежность их к иному – алакульскому – комплексу выяснилась позже, поэтому принятая ранее нумерация могильных объектов не была изменена.

Центральной в кургане 13А является крупная могила 20. Около ее надмогильного сооружения были устроены погребения 19 и детская могила с одним горшком на дне (сосуд 12 на плане раскопа – см.: рис. 41 – 1). Вырытая в черноземе, последняя не фиксировалась. Что касается погребения 18 и расположенной рядом с ним ямы 1, то они находились достаточно далеко от кургана и вряд ли имели к нему отношение. Допускаем, что к северу от могилы 20, т.е. за границей раскопа, остались неисследованные объекты.

Погребение 20. Могильная яма большого размера – 2,0х1,7 м, длинными стенами ориентирована по линии З-В (рис. 32 – 3). Стенки вертикально опускались к ровному дну, отмеченному на

глубине 0,45 м от уровня фиксации. Юго-восточный угол могилы был оформлен небольшими кварцевыми валунами. В этой же части ямы были обнаружены фрагменты черепа взрослого человека. В центре найдено несколько фрагментов двух алакульских сосудов, в том числе одного крупного (рис. 32 – 6, 7).

Погребение 19 представляло собой яму подпрямоугольной формы со скругленными углами размером 1,3х0,8 м (рис. 32 – 2). Ориентирована по линии СВ-ЮЗ. Дно отмечено на глубине 0,13 м от уровня фиксации. Стенки и дно неровные, так как сильно нарушены норами. Около северо-западной стенки стоял алакульский сосуд (рис. 32 – 5).

Предполагаемая детская могила с горшком на дне находилась в 2,5 м к югу от могилы 20 и в 1 м к западу от ямы 19 (рис. 41 – 1, 32 – 4).

Погребение (?) 18, расположенное в 8 м почти к югу от могилы 20, было совершено в трапецевидной яме размером 1,15х0,75 м, ориентированной по оси ЮЗ-СВ (рис. 32 – 1). Стенки полого опускались к ровному дну, отмеченному на глубине 0,25 м от уровня фиксации. В заполнении могилы найдено только два небольших фрагмента алакульской керамики. В 1,5 м к западу от этого объекта (рис. 41 – 1) расчищена округлая яма 1, диаметром 0,9-0,95 м, глубиной в материке 0,16-0,21 м, не содержавшая никаких находок.

Погребальные сооружения федоровской культуры

Как отмечалось выше, федоровские курганы могильника Урефты I выделялись среди остальных более правильной формой насыпей, выступающими на поверхность камнями оградок и характером растительности. Лучшая выраженность в рельефе курганов Ф-типа обусловлена, в первую очередь, использованием камня для ограждения надмогильных земляных конструкций, и, во-вторых, более крупными размерами самих земляных сооружений. Кроме большого числа каменных отделеностей, стратиграфию большинства федоровских курганов отличает присутствие прослоек и линз глинистого грунта между слоями насыпи и погребенной почвой. Происхождение этих прослоек связано с выбро-

сом грунта из могильных ям, а их нижняя граница в целом соответствует уровню древней дневной поверхности. В некоторых случаях (кург. 4, 6, 7, 16) выброшенный из ям грунт окружал могилы сплошным кольцом шириной до 2-3 м при толщине слоя 0,1-0,25 м.

Численностью федоровские курганы явно уступают алакульским. На территории некрополя они занимают периферийное положение – в юго-восточном секторе (кург. 3-8, 18, может быть, 17), вблизи южной (16) и северной (1) границ.

За время стационарных работ на памятнике исследовано восемь курганов Ф-типа: 1 (раскопки Г.В. Бельтиковой), 3-7 (С.А. Днепров), 8, 16 (О.Н. Корочкова).

Курган 1

Насыпь округлой в плане формы диаметром 12 м, высотой 0,7 м. Под ней расчищена каменная ограда округлой формы, сложенная из массивных гранитных плит и кварцевых глыб. Внешний диаметр кольца ограждения достигал 7,8-8,7 м, внутренний – 7,0-7,2 м. Камни, зафиксированные в вертикальном положении или плашмя друг на друге, составляли выкладку шириной 0,8-1,5 м, возвышавшуюся на высоту 0,45 м (рис. 33 – 3). В насыпи найдено свыше 50 фрагментов сосудов эпохи энеолита (рис. 50 – 12, 15, 17), 1 фрагмент федоровского сосуда и несколько костей животных. Основная часть ранней керамики обнаружена в северо-западном секторе ограды. За ее пределами находки единичны: три энеолитических черепка найдены с западной стороны от развала ограждения и два обломка сосуда алакульско-федоровского облика (рис. 33 – 5) – около каменной ограды в северо-восточной части раскопа.

В центре подкурганной площадки находилась одна большая могильная яма (рис. 33 – 1) прямоугольной формы, размером 2,5х1,9 м, глубиной 0,5 м от древней поверхности, ориентированная по оси ЗСЗ-ВЮВ. Продольные стены ямы имели заплечики. Все стены были облицованы большими и малыми гранитными плитами, поставленными на ребро; некоторые из них имели следы подтески. На верхних торцах плит сохранились следы деревянного перекрытия в виде фрагментов истлевшего дерева. На дне – в северо-западном углу могилы обнаружено около десятка фрагментов небольшого горшка (рис. 33 – 4), 7 мелких обломков неорнаментированного глиняного блюда с «ушками» в углах и валиком по бортику (рис. 33 – 2) и еще один неорнаментированный черепок, по-видимому, от алакульского сосуда (с тальком в тесте).

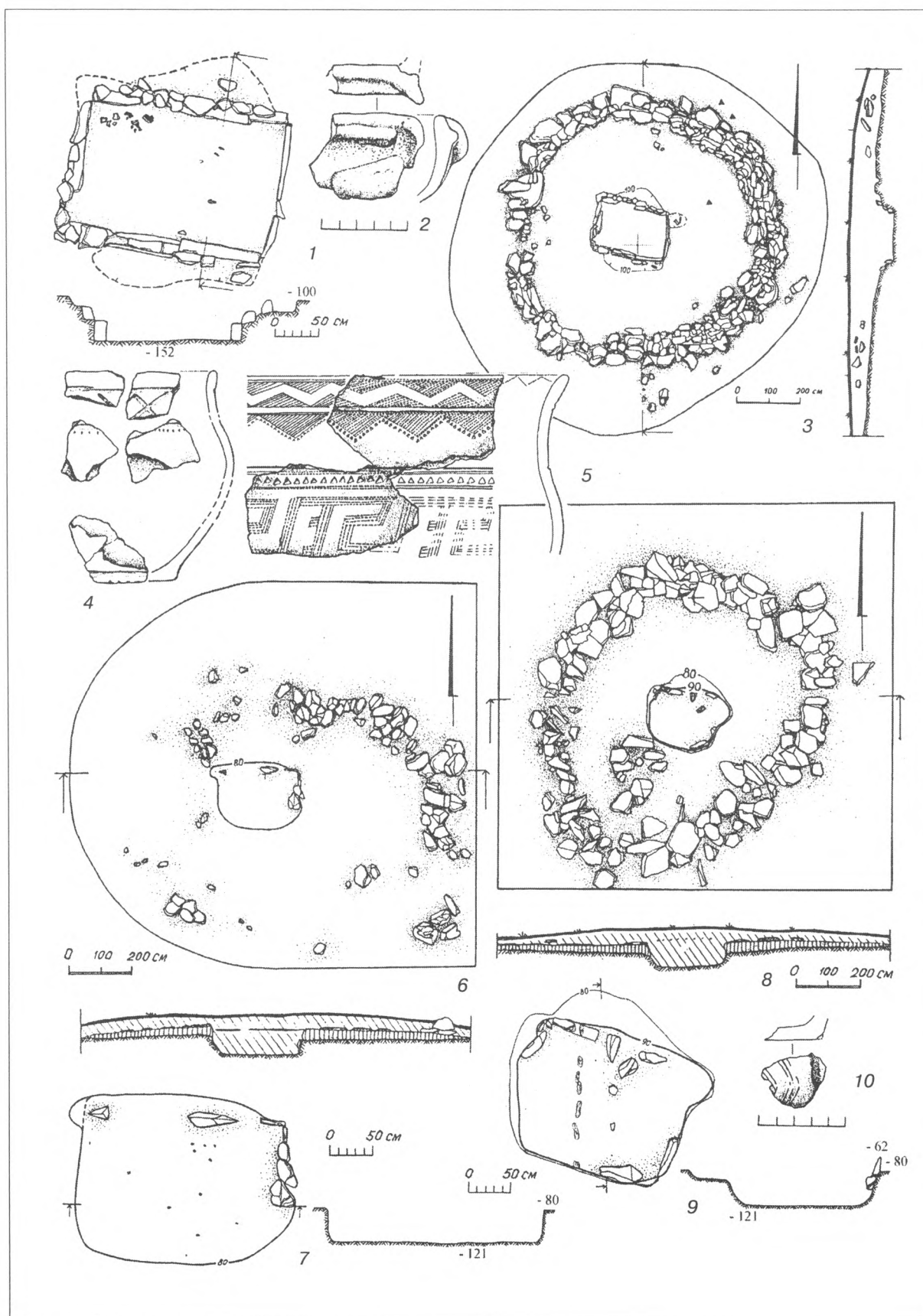

Рис. 33. Могильник Урефты I, курган 1 (1- план и разрез могилы, 3 – план и разрез кургана, 2, 4 – керамика из могилы, 5 – за оградой), курган 3 (6-7), курган 5 (8-9, 10 – керамика из могилы).

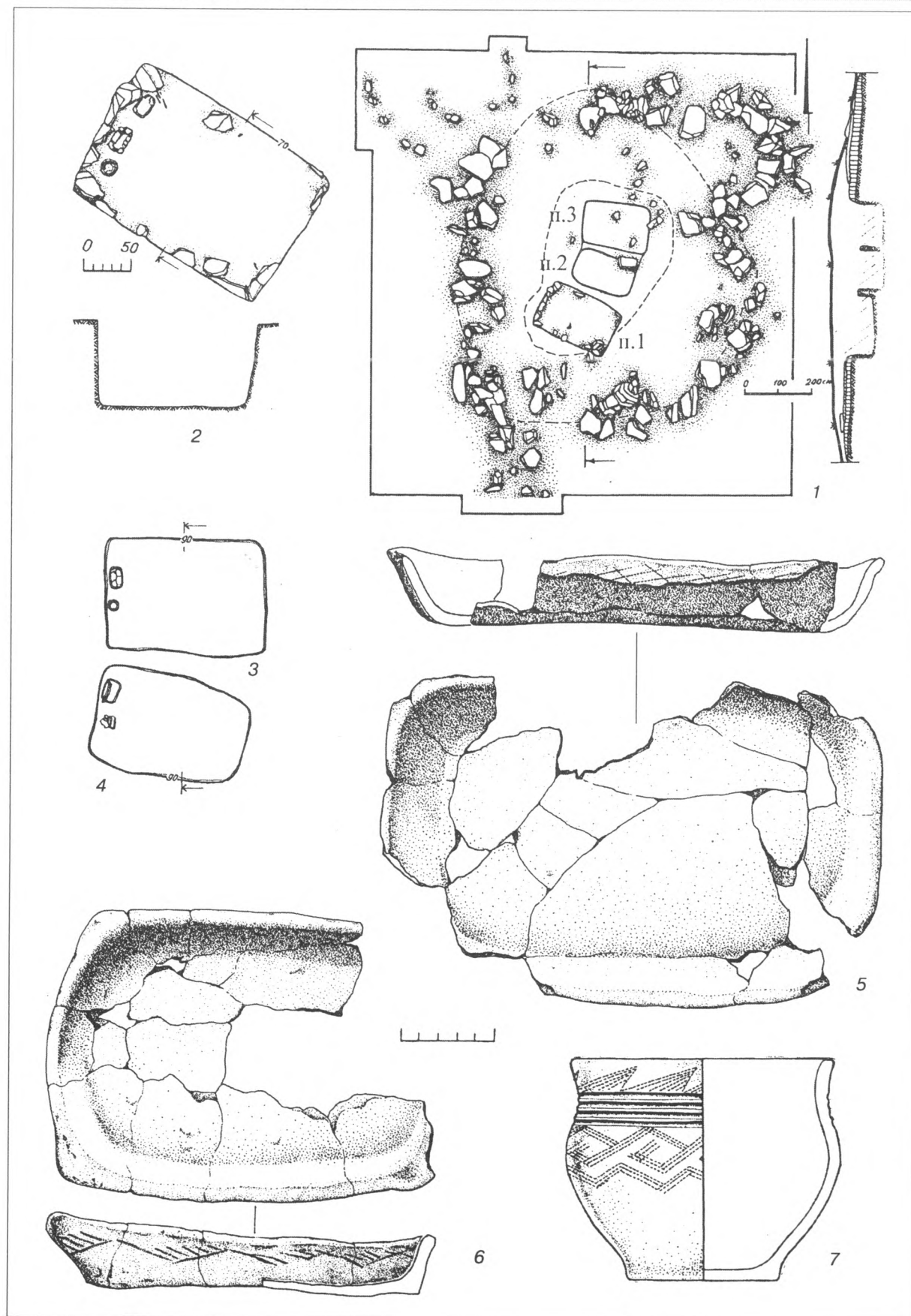

Рис. 34. Могильник Урефты I, курган 4. План и разрез раскопа (1), погребение 1 (2, 5, 6, 7), погребение 2 (4), погребение 3 (3).

Курган 3

Находился в юго-восточной части могильника (рис. 5), представлял собой сильно оплывшую насыпь овальной формы размером 12х8 м и высотой до 0,4 м. Оградка не полная: зафиксированы ее дугообразный отрезок в северо-восточном секторе и отдельные скопления из нескольких камней в юго-восточном и юго-западном секторах. Судя по сохранившимся частям, оградка была сложена из гранитных плит и кварцевых валунов, которые лежали на древней поверхности (рис. 33 – 6). В насыпи обнаружено 8 фрагментов алакульской керамики (рис. 50 – 8-11), а также много сколов и

отщепов светло-серого и серо-розового кремня (рис. 7, 8). В центре находилась одна большая могила подпрямоугольной формы, размером 2,5х2,0 м, глубиной 0,75 м от древней поверхности, ориентированная по линии 3-В (рис. 33 – 7). К восточной стенке ямы были приставлены на ребро гранитные камни, три плитки расчищены около северной стены. В северо-восточном углу сохранились остатки двух березовых плах, положенных в «стык» на дно могилы. В заполнении могилы обнаружено много кусков расколотого кремня и шесть фрагментов глиняного блюда.

Курган 4

Располагался также в юго-восточной части некрополя, в 20 м к востоку от кургана 3 (рис. 5). На поверхности прослеживался в виде овальной насыпи, ориентированной по линии 3-В, размером 11,8х10,5 м и высотой 0,6 м. Под насыпью находился развал каменной оградки высотой 0,3-0,75 м, шириной 1,5 м, с дугообразным выступом в северо-восточном секторе. Диаметр внешнего кольца ограждения достигал 8 м, внутреннего – 6,5 м (рис. 34 – 1). Гранитные отделности и кварцевые валуны покоились на кучах выкида и погребенной почве. В насыпи найден один обломок шейки сосуда алакульско-федоровского типа (рис. 50 – 6). Внутри оградки находились три могилы, расположенные почти вплотную друг к другу в ряд, вытянутый по оси ССВ-ЮЮЗ. Со всех сторон они были окружены кольцом глинистого выкида шириной от 1,3 до 2,8 м.

Погребение 1 – крайнее с южной стороны. Прямоугольная могильная яма размером 2,3х1,6 м, глубиной от древней поверхности до 1,27 м, была ориентирована по линии СЗ-ЮВ (рис. 34 – 2). Углы и частично стены по верхнему краю и низу были обложены каменными плитами. На верхних гранях

некоторых из них сохранились частицы истлевшего дерева. В северном углу ямы найдены кальцинированные кости; у северо-западной стены находились два глиняных блюда и сосуд (рис. 34 – 5, 6, 7).

Могила 2 и 3 были устроены в общем углублении, имевшем подпрямоугольную форму размером 2,7х1,7х1,6 м; ширина разделявшей их перемычки не превышала в основании 0,4 м. Могильная яма **погребения 2** располагалась в центре погребальной площадки, она прямоугольной формы с округлыми углами, размером 1,6х1,1 и глубиной до 1,6 м, ориентирована с ЗСЗ на ВЮВ (рис. 34 – 4). На дне могилы у западной стенки находились развал сосуда и глиняное блюдо с «ушками» (рис. 35 – 1, 2). В блюде в анатомическом порядке лежали три реберные кости особи мелкого рогатого скота. **Могила 3** примыкала к центральной с северной стороны, размером 1,65х1,2 м, глубиной 1,53 м, ориентирована практически по линии 3-В (рис. 34 – 3). В заполнении найдены частицы древесного тлена, около западной стенки стояли горшок и глиняное четырехугольное блюдо (рис. 35 – 3, 4).

Курган 5

Располагался в 20 м к северу от кургана 3 (рис. 5). Насыпь округлой в плане формы, диаметром 12 м, высотой до 0,5 м. На хорошо задернованной поверхности просматривались отдельные плиты каменной оградки. Оградка округло-овальной формы, слегка вытянутая по линии СВ-ЮЗ, шириной до 2 м и высотой до 0,4 м, сложенная из плит серого гранита и кварцевых валунов, покоилась на древней поверхности. Диаметр ее внешнего кольца достигал 8 м, размеры внутренней площадки – 7,5х6,0 м. В центре располагалась одна большая могила (рис. 33 – 8, 9). Рядом с юго-западным краем могилы на линзе выкида лежало несколько крупных камней.

Яма четырехугольной формы с выступом, размером 2,4х2,1, глубиной 1,2 м от древней поверхности, ориентирована по оси ЗСЗ-ВЮВ. Северная стенка имела уступ длиной 0,5 м и высотой 0,1-0,15, юго-восточный и северо-западный углы были облицованы гранитными плитками. На верхнем ребре одной из плит и в заполнении ямы обнаружены остатки березовой плахи, перекрывавшей камеру по центру. В насыпи и в могиле найдены расколотые куски желто-бурого, серого и розоватого кремня (рис. 7, 8), на дне ямы собрано около 20 чрезвычайно мелких фрагментов сосуда, имевшего орнаментированное дно (рис. 33 – 10).

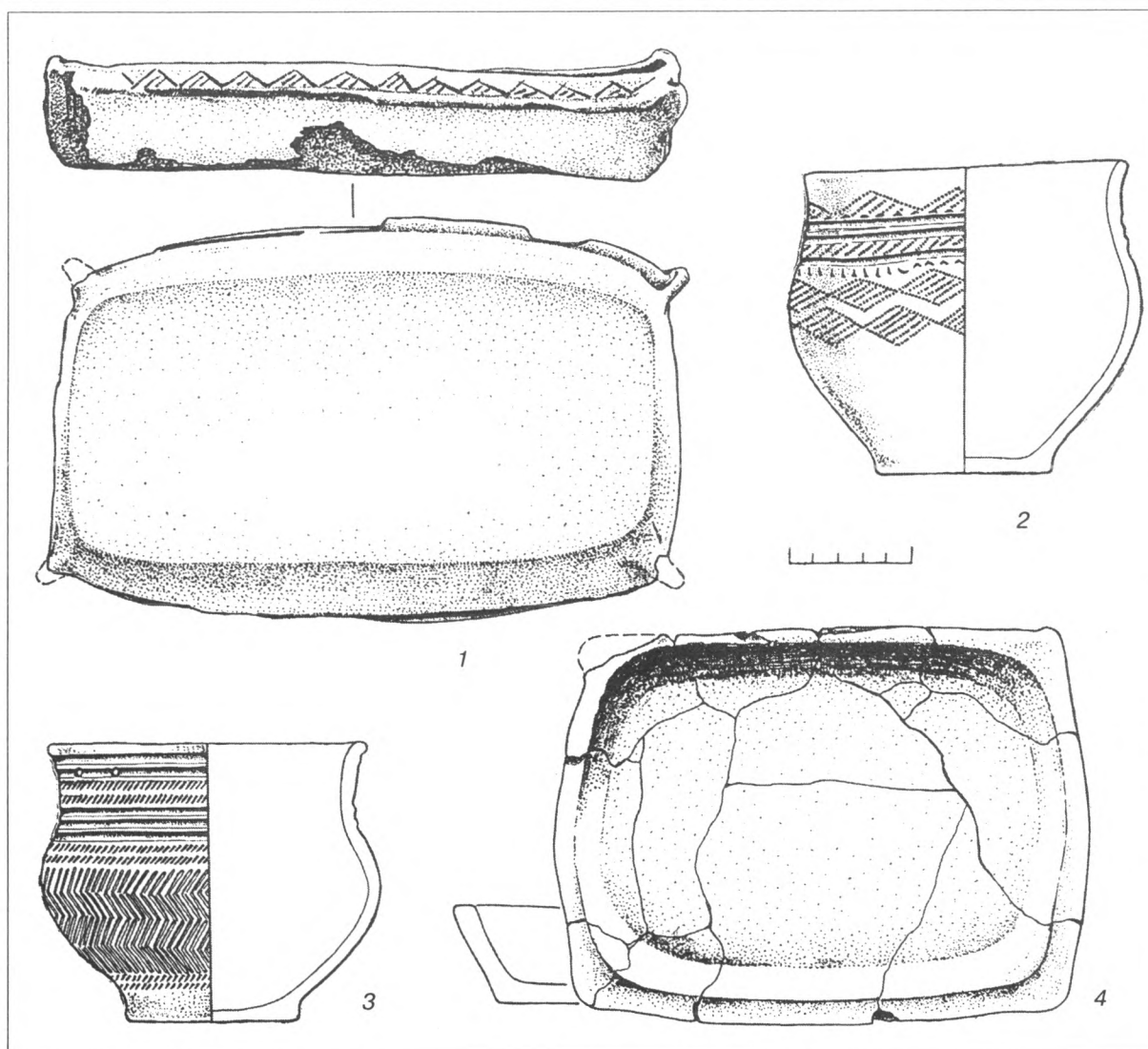

Рис. 35. Могильник Урефты I, курган 4. Погребение 2 (1, 2), погребение 3 (3, 4)

Курган 6

Находился на пашне в 40 м к юго-востоку от кургана 3 и являлся самым крайним с этой стороны объектом некрополя (рис. 5). Под насыпью овальной в плане формы, 13,5х12 м, вытянутой по линии С-Ю, расчищен развал подчетырехугольной каменной ограды размером 7х10 м (рис. 36 – 1). Ее западная и южная стенки, сложенные из небольших гранитных обломков и валунов кварца, выглядели как сплошной каменный панцирь шириной до 1,5 м. Южный отрезок ограждения, состоявший из более крупных гранитных отделеностей, имел не столь упорядоченный вид. С восточной стороны к ограде примыкали два компактных скопления камней. В северо-восточном секторе насыпи найдено 9 фрагментов сосуда федоровского облика, а при разборке камней ограды в этом же секторе кургана был обнаружен кристалл дымчатого кварца (раухтопаза). В насыпи и в погребенной почве

найдено более сотни каменных предметов, относящихся к стоянке Урефты IА. На подкурганной площадке размером около 7х4 м находились три большие могилы, располагавшиеся в ряд с севера на юг. Вокруг ям 1 и 2 прослеживалась сплошная полоса материкового суглинистого грунта, имевшая ширину 1-2 м.

Погребение 1 – крайнее с северной стороны, было устроено в прямоугольной яме размером 2,1х1,3х1,1 м, длинными стенами ориентированной по линии З-В (рис. 36 – 2). Северная, восточная и, отчасти, южная стены могилы, а также все углы были облицованы гранитными плитками, некоторые камни вдавлены в стенки у верхнего края. Как детали разрушившейся облицовки, по-видимому, следует рассматривать отдельные камни, обнаруженные в заполнении около южной и западной стен ямы. Многие камни сохранили следы

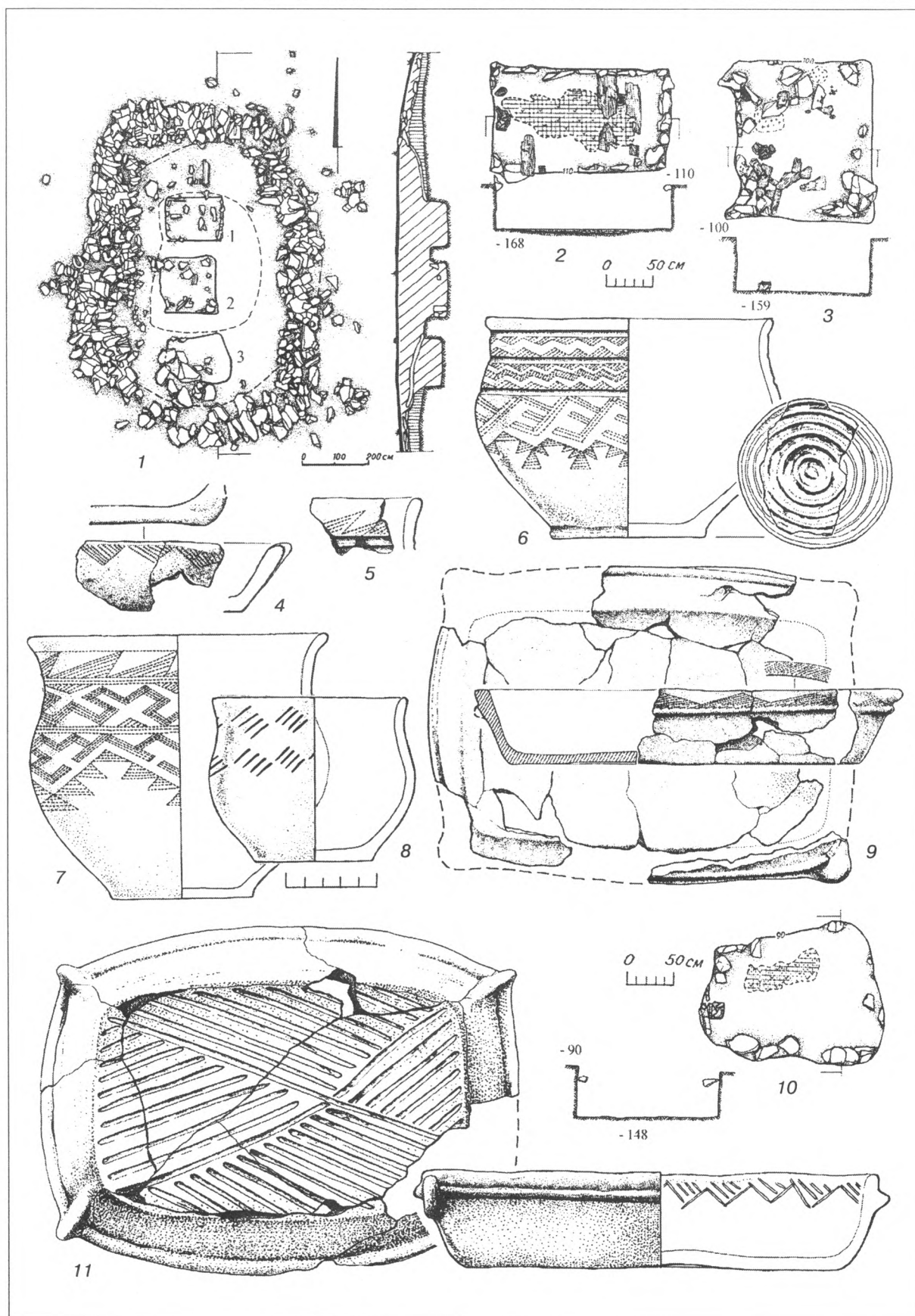

Рис. 36. Могильник Урефты I, курган 6. 1 – план и разрез кургана; погребение 1 (2, 4, 5, 6, 9); погребение 2 (3, 7, 8); погребение 3 (10, 11).

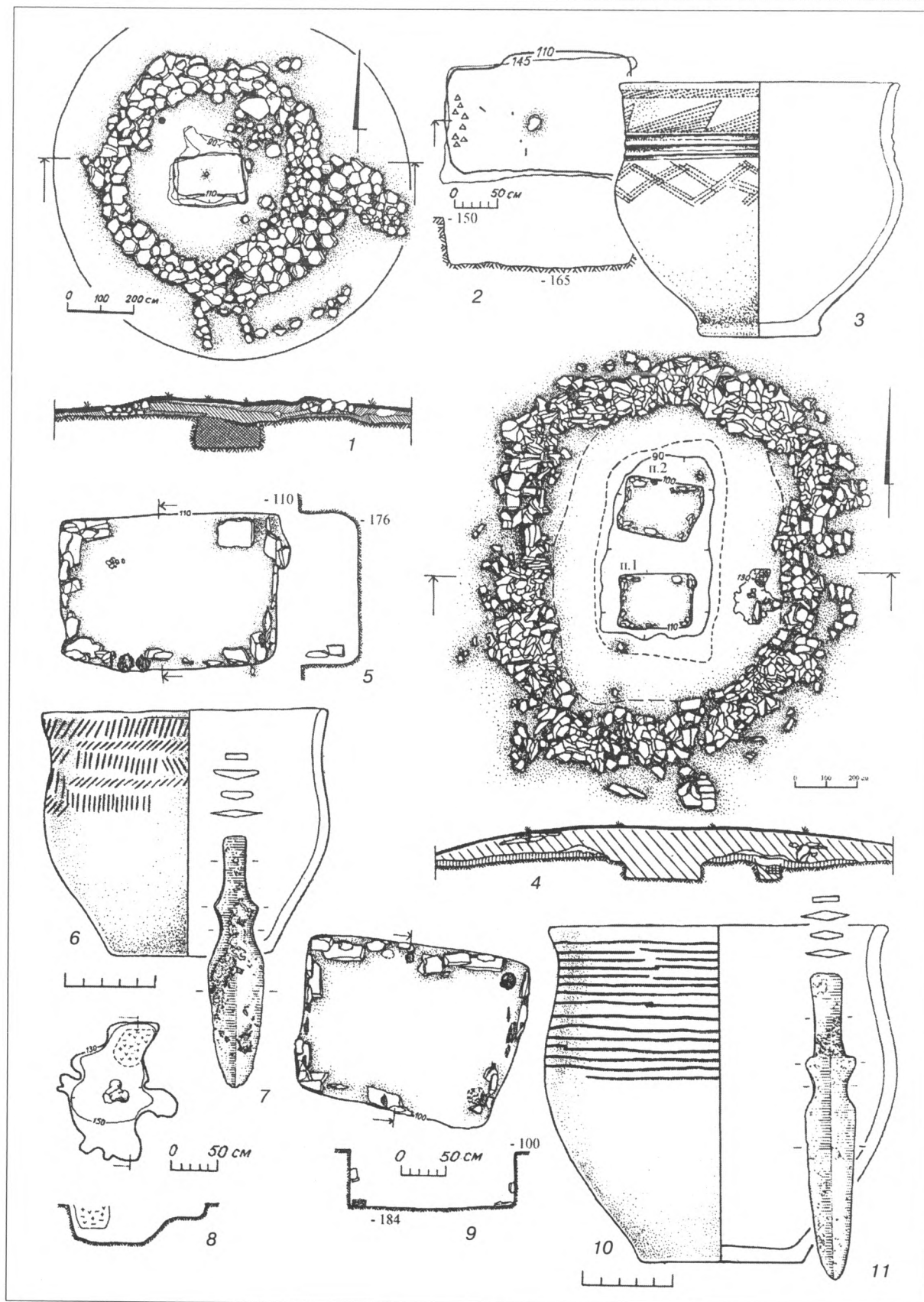

Рис. 37. Могильник Урефты I, курган 7 (4 – план и разрез кургана, 5, 6, 7 – погребение 1; 9, 10, 11 – погребение 2; 8 – план и разрез углубления с остатками плейстоценовой фауны); курган 8 (1 – план и разрез кургана, 2 – план и разрез могилы, 3 – сосуд из погребения). 7, 11 – бронза, остальное – керамика.

термического воздействия на плоскостях, обращенных внутрь ямы. Сохранились остатки перекрытия – березовые плахи, положенные поперек могильной камеры. На дне могилы обнаружено большое пятно прокала (1,5х0,7х0,08 м) с частицами угля, золой и мелкими кальцинированными косточками (рис. 36 – 2). В северо-восточной части пятна зафиксированы остатки трех вертикально поставленных жердей, здесь же найден сосуд (рис. 36 – 6). Около западной стенки могилы обнаружены обломки двух глиняных блюд и фрагмент шейки горшка Ф-типа (рис. 36 – 4, 5, 9).

Погребение 2 – центральное. Захоронение было произведено в квадратной яме размером 1,8х1,75х1,05 м, ориентированной по сторонам света (рис. 36 – 3). Все углы могилы, за исключением северо-восточного, имели каменную облицовку по верху. В юго-восточном углу и в центре ямы сохранились остатки березовых плах. В разных местах могилы на дне фиксировались пятна прокалов с углем. Следы прокалывания имелись также на верхних гранях некоторых каменных плит и

валунов облицовки. Около западной стены могилы стояли два сосуда (рис. 36 – 7, 8).

Погребение 3 являлось самым ранним среди захоронений кургана 6: в профиле (рис. 36 – 1) хорошо видно, что оно перекрыто слоем выкида из центральной могилы 2. Могильная яма неправильной подчетырехугольной формы, размером 2,1х1,6 м, глубиной 1,05 м от древней поверхности, ориентирована длинными стенами по линии З-В. (рис. 36 – 10). Южная стенка и северо-западный угол по верхнему краю были облицованы каменными плитами и валунами. В центре могилы находилось большое углистое пятно размером 0,9х0,25х0,02 м. Около западной стенки стояло подчетырехугольное блюдо с «ушками» (рис. 36 – 11).

Можно предположить, что могила 3 первоначально имела самостоятельную кольцевую ограду, которая позднее была частично разобрана и перестроена. Каменное ограждение кургана 6 приобрело окончательный вид после совершения захоронений в могилах 1 и 2 (рис. 49).

Курган 7

Находился в 25 м к северу от ближайшего кургана 5. Представлял собой сегментовидную насыпь округлой в плане формы диаметром 18 м, высотой до 0,6 м. Под ней расчищен развал ограды овальной в плане формы, сложенной из гранитных плит, обломков и кварцевых валунов (рис. 37 – 4). Размеры внешней части ограждения – 13,5х11,5 м, внутренней – 10х9 м. Ширина каменной выкладки достигала 2 м, высота – 0,5-0,7 м. В насыпи обнаружены три обломка сосудов энеолитического облика, один алакульский черепок, фрагмент глиняного блюда, а также скопление неорнаментированных черепков без примеси талька в тесте. Внутри ограды в общем углублении размером 7х4 м, окруженном сплошной полосой глинистого выкида, на расстоянии 1-1,5 м друг от друга было совершено два захоронения (рис. 37 – 4).

Для **погребения 1** была выкопана яма подпрямоугольной в плане формы, размером 2,6х1,8х0,9 м, ориентированная по линии З-В (рис. 37 – 5). Все углы и стены, за исключением северной, были облицованы плитами; у южной стенки зафиксированы остатки двух березовых бревен, стоявших вертикально. Недалеко от их верхних торцов, на одной из плит (выше дна на 0,5 м), найден бронзовый двулезвийный нож (рис. 37 – 7), лежавший клинком к центру ямы. В северо-западном углу ямы сохранились кальцинированные косточки и крупные обломки сосуда (рис. 37 – 6), остальные фрагменты которого были разнесены по всему периметру ямы.

Погребение 2 (рис. 37 – 9) было совершено в яме трапециевидной формы размером

2,5х1,9х0,65 м, ориентированной по оси ЗСЗ-ВЮВ. Стенки ямы укреплены камнем (гранитными плитами и кварцевыми валунами) в два-три яруса. Вдоль западной и восточной стен могилы расчищены остатки деревянного перекрытия в виде древесного тлена. На дне могилы, около северной стенки и в юго-восточном углу зафиксированы пятна пепла с немногочисленными мелкими экземплярами кальцинированных костей. В северо-восточном углу ямы расчищен раздавленный сосуд (рис. 37 – 10), рядом с горшком лежал бронзовый нож (рис. 37 – 11).

Помимо захоронений, внутри ограды, в 1,5 м к востоку от погребения 1, под выкидом из могилы обнаружено углубление неправильной формы, размером 1,8х1,2 м, с характерным заполнением: линзами прокаленной почвы, золы, угольками и кальцинированными косточками в северо-восточной части. Яма была достаточно глубокой – до 0,5 м от древней поверхности (рис. 37 – 8). В ее центре лежал фрагмент берцовой кости шерстистого носорога. Кость имела плохую сохранность и специфический известковый налет. В публикации 1983 г. мы высказали мнение об отсутствии связи между этой находкой и погребальным комплексом кургана 7 (Стефанов, Днепров, Корочкова, 1983. С. 162). Однако сейчас, после нахождения рога первобытного бизона в центральной могиле 13 алакульского кургана 21, мы не склонны к столь категоричному выводу и полагаем, что кость была «захоронена» здесь преднамеренно еще до возведения надмогильной конструкции.

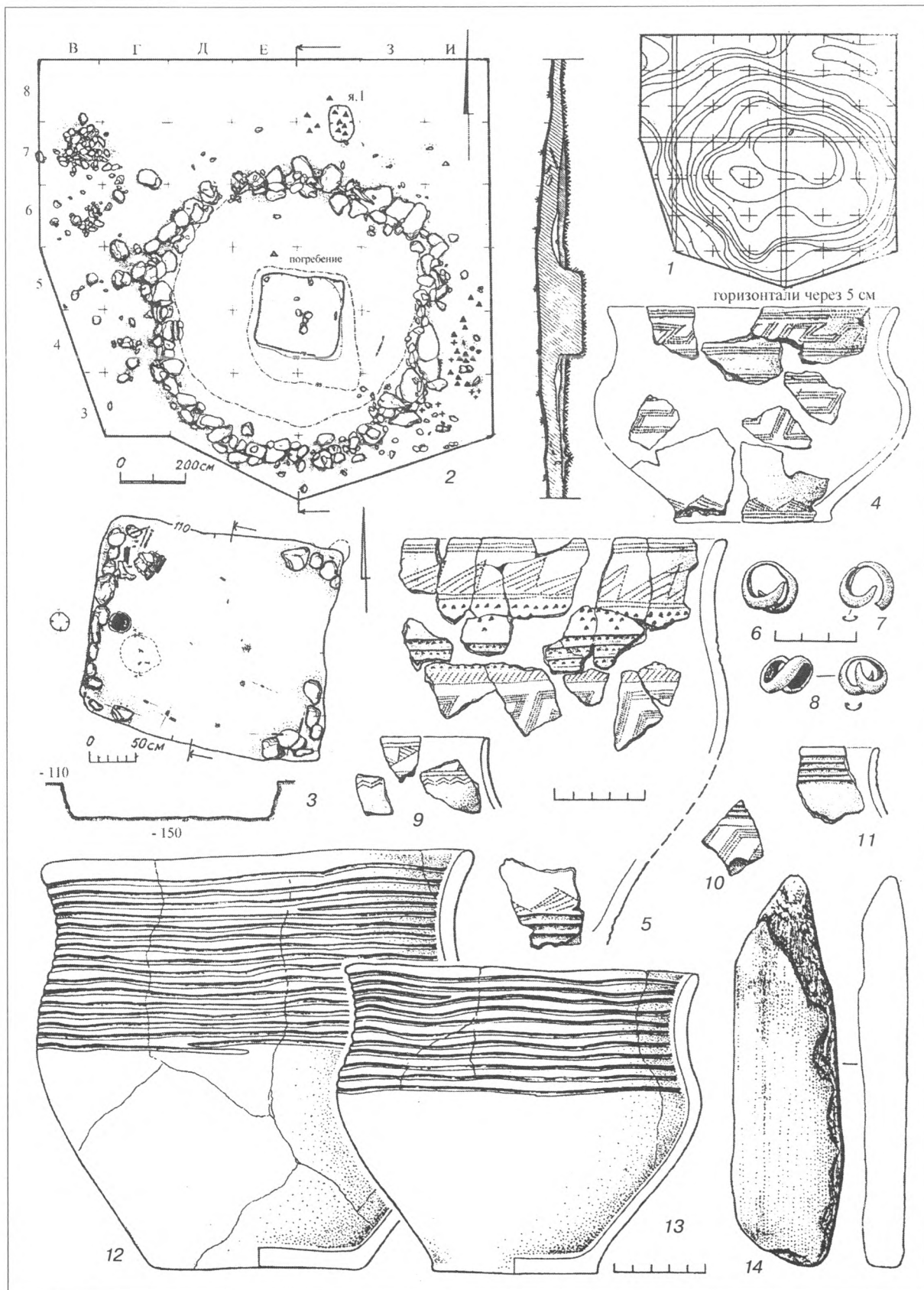

Рис. 38. Могильник Урефты I, курган 16. 1 – топографический план кургана, 2 – план и разрез раскопа, 3 – план и разрез могилы, 4, 5 – сосуды, обнаруженные за оградой, 6, 7 – кв. И/4, 8 – кв. В/6, 9, 10, 11 – керамика из заполнения могильной ямы, 12, 13 – сосуды из погребения, 14 – кв. Г/5. 6, 7, 8 – бронза, золото, 14 – камень, остальное – керамика.

Курган 8

Располагался несколько ближе к центру некрополя, в 40 м к западу от кургана 7 (рис. 5). Насыпь округлой формы, диаметром 12 м, высотой от 0,14 м в западном секторе и до 0,44 м в восточном. Под ней находилось кольцо каменной ограды внешним диаметром около 8 м и внутренним 4,8-5 м (рис. 37 – 1). Развал ограждения имел в ширину 1,2-1,4 м в северо-западной части и 2-2,2 м в восточной. Камни плотно прилегли друг к другу, только в северо-восточном секторе несколько крупных глыб завалились внутрь. С восточной стороны к оградке примыкала куча камней, оформленных в виде кладки, а с южной к ней «пристроены» короткие цепочки из камней (рис. 37 – 1). Ограда была сложена преимущественно из кварцевых глыб и валунов небольших размеров, местами встречались гранитные обломки зеленовато-серого цвета. Камни лежали на древней поверхности и линзах выкида, самые крупные из них раньше стояли вертикально, а снизу их подпирала многочисленная небольшие валуны.

Внутри ограды располагалась одна могила. На обнесенной оградой площадке выявлена, кроме того, одна ямка, возможно, от столба – диаметром 16 см и глубиной в материке 8-9 см. Она находилась к северо-западу от могил, около камней ограды (рис. 37 – 1). Никаких находок в грунте, заполнявшем внутреннее пространство ограждения, не выявлено.

Могила – подпрямоугольной в плане формы с выступом в юго-восточном углу, размером 2,4х1,65 м, длинными стенами ориентирована по линии 3-В. Стенки ямы почти вертикально опускались к довольно ровному дну, отмеченному на глубине 0,85-0,9 м от уровня древней поверхности (рис. 37 – 2). В заполнении, на глубине 0,35 м от верхнего края могилы, обнаружены три кальцинированные косточки, на глубине 0,6 м – три небольших кварцевых камня. На дне найдено 19 фрагментов одного сосуда (рис. 37 – 3), рассредоточенных вдоль западной стенки. Рядом с обломками горшка находилась реберная кость животного (баран?).

Курган 16

Располагался на южной окраине могильника (рис. 5). Объект представлял собой сегментовидную насыпь овальной в плане формы, вытянутую по линии СЗ-

ЮВ, размером 15х17 м, высотой 0,4-0,5 м (рис. 38 – 1).

Под ней расчищен развал кольцевой каменной ограды (рис. 39), внутри которой находилась

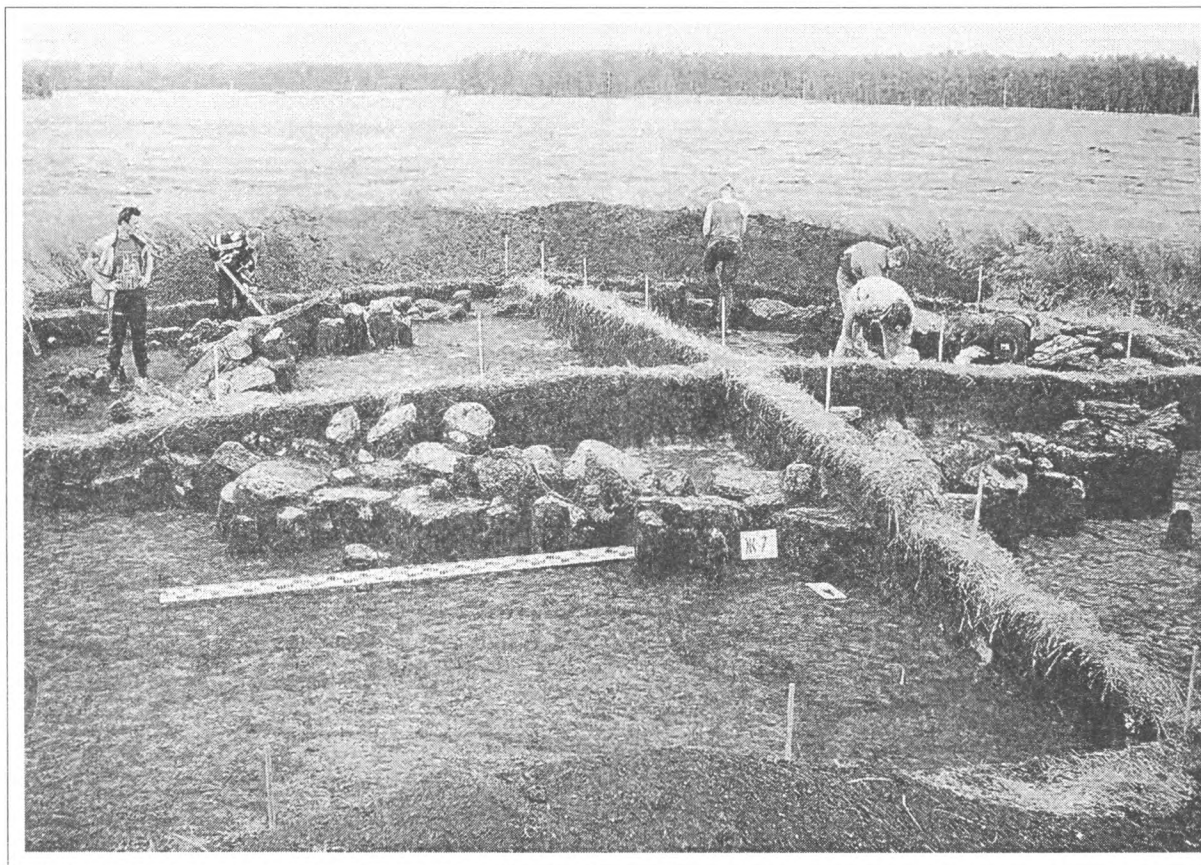

Рис. 39. Могильник Урефты I, курган 16. Расчищенная ограда, вид с северо-восточной стороны.

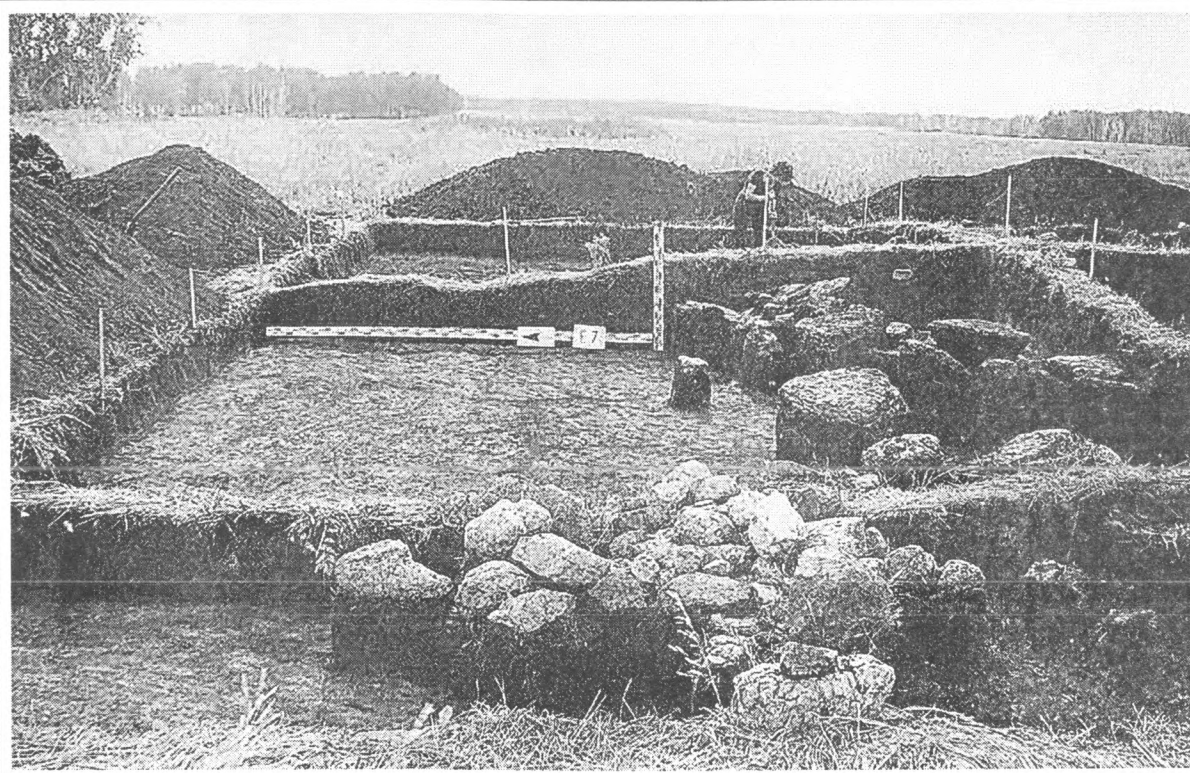

Рис. 40. Могильник Урефты I, курган 16. Каменная выкладка около северо-западного сектора ограды.

одна большая могила (рис. 38 – 2). Ограда округлой в плане формы, внешний диаметр – 8,5–9 м, внутренний – 7,5 м. Сложена в основном из гранитных плит с красноватым оттенком. Некоторые из них довольно внушительных размеров: 1,2х0,6 м, 1,0х1,2 м, 1,0х0,7 м. Однако большая часть каменного материала представлена угловатыми обломками толщиной 10–20 см, достигавшими 0,5–0,6 м в поперечнике. В ряде случаев удалось зафиксировать границы сломов плит и восстановить их первоначальный вид. В оформлении ограды использовались также кварцевые валуны. Сплошная цепь ограждения в одном месте – в северо-северо-западном секторе, была разомкнута. Возможно, этот разрыв прежде закрывала крупная плита, обнаруженная в 1,2 м к западу.

В расщелинах между плитами в западной части ограды обнаружены неорнаментированный фрагмент керамики, пережженная косточка и крупное каменное орудие (рис. 38 – 14).

С юго-восточной стороны от ограды, напротив массивных гранитных плит зафиксировано скопление мелких фрагментов керамики и кальцинированных косточек, рассредоточенных на площадке размером 3,5х1,2 м (рис. 38 – 2). Глубина залегания находок примерно соответствовала уровню древней поверхности. Всего здесь было найдено 24 фрагмента одного сосуда (рис. 38 – 4) и 7 кальцинированных косточек. В «центре» этого скопления обнаружена пара бронзовых подвесок в 1,5 оборота, обернутых золотой фольгой (рис. 38 – 6–7).

Довольно компактное скопление мелких обломков одного сосуда (рис. 38, 5) обнаружено око-

ло и в небольшом углублении, расположенном с северной стороны от ограды (рис. 38 – 2). Яма овальная, размером 1,2х0,8 м, ориентирована по линии С-Ю, в материк углублена на 5–8 см.

В 1,5–2 м от северо-западного сектора ограды (кв. В, Г/6, 7) расчищена каменная выкладка, состоявшая из двух скоплений камней. Большое скопление примерно из 50 кварцевых валунов и многочисленных мелких гранитных осколков занимало площадку треугольной формы размером 2х1,6х1,6 м (рис. 40). Под одним из камней с восточной стороны выкладки найдена массивная бронзовая подвеска, обернутая золотой фольгой (рис. 38 – 8). Скопление еще из 20 валунов и гранитных обломков в виде прямоугольной выкладки размером 0,5х0,4 м располагалось в 1,5 м к югу. Недалеко от малой выкладки найдена одна кальцинированная косточка. Судя по глубинным отметкам, основания камней покоились на древней поверхности.

Внутри ограды находилась одна могила. На уровне первой фиксации в центральной части пятна могильной ямы и около ее северной границы выявлено несколько кварцевых валунов. Вокруг могилы фиксировался выкид, занимавший все внутреннее пространство ограды.

Могила почти квадратной формы, размером 2,65х2,35 м, ориентирована практически по сторонам света, с небольшим отклонением к оси СЗ-ЮВ (рис. 38 – 3). Глубина ямы от уровня древней поверхности – около 0,7 м. Благодаря темной окраске заполнения, контур ямы четко просматривался на фоне материкового суглинка желтого или светло-коричневого цвета. Стенки и дно ямы сильно повреждены норами. Во всех углах размещались

крупные валуны, ими же сплошь отделана западная стенка могилы. На поверхности камней и рядом с ними фиксировались следы древесного тлена. Остатки деревянного перекрытия были обнаружены, кроме углов, также вдоль западной, северной и южной стен могилы (рис. 38 – 3).

Начиная с верхних слоев, в заполнении могильной ямы стали попадаться находки: мелкие кальцинированные косточки, фрагменты керамики, в том числе, три черепка от сосуда алакульского облика (рис. 38 – 9), один федоровский (рис. 38 – 10) и один фрагмент тонкостенного сосуда, украшенного характерным для федоровской посуды желобчатым орнаментом (рис. 38 – 11). По мере приближения к дну ямы, количество находок, представленных теперь исключительно пережженными косточками, стало увеличиваться. В придонном слое обнаружена основная часть (26) из общего числа найденных в яме костей. Кальцинированные остатки, представленные достаточно крупными экземплярами, были рассредоточены в южной половине могилы, скопление костей (среди них были и кости черепа) отмечено в центре ямы и в небольшом углублении около юго-за-

падного угла. Около западной стенки могилы расчищены развалы двух сосудов, украшенных одинаковым узором из желобчатых линий (рис. 38 – 12, 13). Сосуд 1 стоял около середины западной стенки, более крупный сосуд 2 лежал на боку в северо-западном углу. Между горшками, рядом с камнями, обнаружена кость левой половины таза лошади. На кости хорошо заметен след от удара длинным узким тупым орудием.

В юго-западной части могилы выявлено небольшое углубление округлой в плане формы диаметром 0,43-0,45 м. Глубина его в наиболее пониженной северной части не превышала 5 см. В нем обнаружено 14 кальцинированных косточек. Под крупным камнем в юго-западном углу могилы зафиксирован тончайший слой тлена (?) пепельно-серого цвета, вблизи южной стенки попадались угольки.

Обнаруженные в центральном погребении и с восточной стороны от ограды кальцинированные кости, по заключению антрополога Д.И.Ражева, безусловно, человеческие и принадлежат двум разным индивидам. Судя по крупным экземплярам, в могиле были захоронены кремированные останки взрослого человека.

Погребальные комплексы смешанного типа

Погребальные комплексы, отнесенные нами к смешанной – алакульско-федоровской группе, какими-то характерными внешними признаками не обладали. Кроме, может быть, одного – на их поверхности фиксировались отдельные камни. В остальном они более всего походили на алакульские курганы. Сходство с последними проявлялось и в стратиграфии объектов синкретического облика.

О количестве подобных комплексов и локализации их на территории древнего кладбища ни-

чего определенного сказать не можем, но предполагаем, что их немного. Из 18-ти курганов, исследованных на Урефтах I, к алакульско-федоровской группе отнесены два – № 13 и № 30 (раскопки О.Н. Корочковой). Основанием для выделения их в относительно самостоятельную группу является смешение некоторых черт погребальной обрядности и смешанный же, сочетающий алакульские и федоровские признаки, облик керамической посуды из погребений.

«Курган» (ансамбль детских грунтовых погребений) 13

Располагался в южной половине некрополя вблизи от алакульских курганов 13А, 15 и 21 (рис. 5). Должны заметить, что применение термина «курган» для обозначения ансамбля детских погребений, расположенных в этом месте, в значительной степени условно. Здесь не было какого-то общего, пусть даже аморфного, всхолмления, но был участок поверхности с едва заметными неровностями (формы микрорельефа) и торчащими кое-где из земли камнями. Перепад высот в границах раскопа не превышал 10-12 см. В раскопе площадью 240 кв. м обнаружено более двух десятков могил, 11 целых сосудов, стоявших вне зафиксированных ям, несколько каменных конструкций и много отдельных камней (рис. 41 – 1). Объекты, располагавшиеся в восточной половине раскопа и относящиеся к алакульскому кургану 13А (тоже весьма условному), охарактеризованы выше.

Ансамбль некрополя «кургана» 13 составляли 18 детских погребений, размещенных на площадке размером 7х10 м, вытянутой по линии С-Ю (рис. 41 – 1). Он формировался постепенно (некоторые ямы перекрыты прослойками суглинистого выброса); в разные моменты в качестве организующих погребальное пространство выступали самые «крупные» в ансамбле могилы 1, 2 и, может быть, 3. По-видимому, все могилы были отмечены на поверхности земляными (дерновыми) холмиками, вокруг или около которых часто сооружались каменные выкладки. В некоторых случаях камни устанавливались непосредственно на надмогильные холмики. Использовались исключительно кварцевые валуны разных размеров.

Погребение 1 – (центральное для северной группы погребений). Яма овально-прямоугольной в плане формы, размером 1,5х1 м, ориентирована по оси СВ-ЮЗ (рис. 41 – 2). Продольные стенки ямы отвесно опускались к неровному дну, отмеченному на глубине 0,5 м от древней поверхности. Торцевые стенки были оформлены заплечиками разной ширины: 0,3 м – у северо-восточной стенки и 0,1 м – у юго-западной. В заполнении могилы обнаружено несколько фрагментов сосуда (рис. 41 – 4, 6), черепки которого ранее встречались в насыпи в 1-1,5 м к юго-западу от погребения. На дне могилы, около западной стенки лежали бронзовые желобчатый браслет и колечко с расплюснутым концом (рис. 41 – 3, 5). Останки погребенного в яме не обнаружены.

Погребение 2 располагалось в 1,4 м к югу от погребения 1. Углубление трапецевидной формы, размером 1,06х0,93х0,55 м было ориентировано по оси СВ-ЮЗ. Стенки и дно неровные. В нижней части ямы расчищено три довольно крупных камня, других находок не было (рис. 41 – 7). Нужно отметить, что в непосредственной близости от юго-западного края могилы находился развал сосуда (рис. 41 – 9).

Погребение 3 («центральное») располагалось внутри своеобразной оградки из разрозненных кварцевых валунов небольших размеров, образующих овал размером 3х1,5 м вытянутый по оси З-В. Могильная яма округлой формы, диаметром 0,95-0,98 м, глубиной до 0,4 м. Дно и стенки – ровные. Останков погребенного в ней не обнаружено. Около юго-западной стенки найдено несколько обломков сосуда алакульского типа.

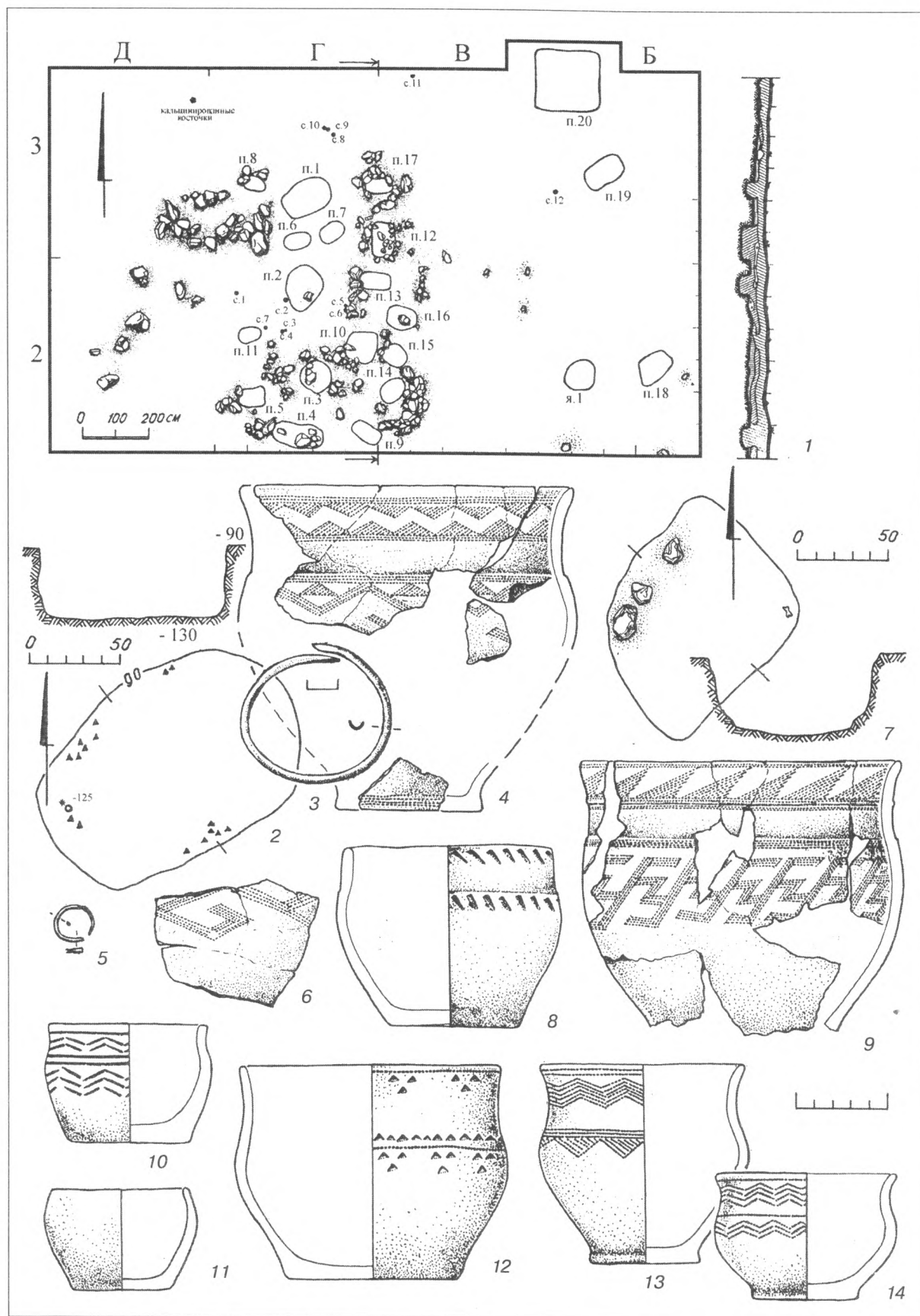

Рис. 41. Могильник Урефты I, «курган» 13. 1 – план и разрез раскопа. Погребения 1 (2, 3, 4, 5, 6), 2 (7, 9 – рядом с погребением). Сосуды 1 (8), 3 (11), 4 (12), 5 (13), 6 (14), 7 (10) из межмогильного пространства. 3, 5 – бронза, остальное – керамика.

Могила 4А и 4Б находились в одном общем углублении (рис. 41 – 1). Яма 4А округлой формы диаметром 0,6–0,65 м, глубиной 0,4 м. Сверху (на уровне перекрытия?) была оформлена закладкой из четырех кварцевых валунов. На дне, около западной стенки могилы, стоял один небольшой сосуд (рис. 42 – 4). Яма 4Б овальной формы размером 0,8х0,65 м, ориентирована по оси 3-В, углублена в материковый грунт на 5 см ниже соседней. Рядом с ямой, к западу от нее зафиксировано скопление из пяти валунов.

Для **погребения 5** была выкопана могила подпрямоугольной формы, размером 0,82х0,6 м, глубиной 0,25 м, ориентированная по оси 3-В. От могилы 3 она была удалена на 1,2 м к ЗЮЗ. Пространство между могилами 5 и 3 на уровне древней поверхности занимало скопление небольших кварцевых валунов. Несколько крупных камней зафиксировано с западной стороны от могилы 5. Немного выше дна могилы, в северо-западном углу стояли два горшка (рис. 42 – 6, 7). Останки умершего в яме отсутствовали.

Погребение 6 было совершено в 0,4 м к югу от погребения 1. Яма овальной формы, размером 0,8х0,47х0,35 м, ориентирована по оси СВВ-ЮЗЗ. Дно и стенки неровные. В могиле обнаружены останки ребенка в возрасте 2–3 года. Сохранились фрагменты черепа, кости нижней части предплечья и плюсна большого пальца. Остальные части скелета зафиксированы в виде костного тлена. Судя по положению черепа, ребенок был похоронен головой на запад, на правую руку был надет бронзовый желобчатый браслет (рис. 42 – 10). Около головы вплотную к северо-западной стенке стояли два сосуда (рис. 42 – 5, 8).

Погребение 7 располагалось в 0,6 м к юго-востоку от погребения 1 (рис. 41 – 1). Яма овальной в плане формы, размером 0,8х0,5 м, ориентирована по оси СВ-ЮЗ. Стенки вертикально опускались к ровному дну, отмеченному на глубине 0,4 м. Останков погребенного в могиле не было. Около западной стенки вплотную друг к другу стояли три сосуда (рис. 42 – 11, 12, 13).

Погребение 8 находилось в 0,6 м к северо-западу от погребения 1. Яма овальной формы, размером 0,7х0,45 м, ориентирована по линии СЗ-ЮВ. Дно и стенки ровные, глубина в материке – 0,35 м. Около северного края могилы, на уровне древней поверхности лежали три крупных кварцевых валуна. Останки ребенка в возрасте 2–3 года представлены фрагментами черепа, остатки посткраниального скелета сохранились в виде костного тлена. Умерший был положен головой на запад. Рядом с головой, у восточной стенки стоял один сосуд (рис. 42 – 14).

Погребение 9 располагалось в 1,4 м к юго-востоку от погребения 3. Яма овальной формы 0,88х0,53 м, глубиной 0,45 м, ориентирована по линии СЗ-ЮВ. Сверху яма была перекрыта перемешанным суглинком темно-желтого цвета (выкид из соседних могил?). В центре расчищены остатки костяка: фрагменты черепа, нижняя челюсть, зубы, ребра, позвонки, ключица, плечевая (рис. 42 – 15). Судя по положению костей, ребенок

в возрасте 2 года \pm 8 месяцев был похоронен скорченно головой на запад. На дне могилы около северо-западной стенки стояли четыре сосуда (рис. 43 – 16, 17, 18, 19).

В 0,7 м к северо-востоку от погребения 3 располагалось **погребение 10**. Могильная яма трапециевидной формы, ориентирована по сторонам света, размером 0,97х0,9 м, глубиной 0,5 м от древней поверхности, стенки вертикальные, дно – ровное (рис. 43 – 1). Останки умершего в могиле не обнаружены. Около западной стенки на уровне, соответствующем верхней трети ямы расчищено пять сосудов (рис. 42 – 2, 3, 4, 6, 7). Горшок, крайний с северной стороны, стоял вверх дном (рис. 43 – 2).

Погребение 11 было совершено в небольшой яме овальной формы размером 0,69х0,43 м. Ориентировка могилы соответствовала направлению ЗЮЗ-ВЗВ, глубина не превышала 0,45 м от древней поверхности. Около западной стенки ямы, на 5 см выше дна стояли два сосуда (рис. 43 – 5, 9). Останки погребенного не зафиксированы.

Погребение 12 – одно из крайних в ансамбле с восточной стороны. Яма овальной в плане формы, размером 1,05х0,6 м, ориентирована по оси С-Ю, углублена в материковый горизонт на 0,3 м (рис. 41 – 1). Над ямой и рядом с ней расчищено довольно много кварцевых валунов. Похоже, погребение 12 окружала маленькая каменная оградка. В северо-западном углу ямы стоял единственный горшок (рис. 43 – 8), останков погребенного не обнаружено.

В 0,5 м к югу от погребения 12, также в окружении камней, находилось **погребение 13**. Яма овальной в плане формы, размером 0,95х0,55 м, ориентирована в направлении 3-В (рис. 43 – 11). Стенки отвесно опускались к ровному дну, отмеченному на глубине 0,45 м от древней поверхности. В северо-западном углу ямы, вдоль участка северной стенки стояли три сосуда (рис. 43 – 10, 13, 14). Останки погребенного сохранились в виде фрагментов черепа и некоторых костей посткраниального скелета (ребра, шейные позвонки, ключица, плечевая, лучевая). Судя по всему, умерший ребенок в возрасте 4 \pm 1 год был похоронен головой на запад.

Погребение 14 было устроено в 1,6 м к востоку от погребения 3 в яме овальной формы размером 0,9х0,7 м, глубиной 0,45 м от древней поверхности (рис. 43 – 12). Ориентировка могилы – ЮЗ-СВ. С восточной стороны от верхнего края ямы зафиксирована дугообразная каменная стенка, составленная из крупных валунов и мелких отдельностей кварца. В центре на дне могилы расчищено два сосуда (рис. 43 – 15, 16), оба находились в положении на боку. Рядом с ними обнаружен фрагмент ребра от костяка погребенного ребенка.

Погребение 15 располагалось между могилами 10 и 14. Короткие стенки могилы упирались в кварцевые валуны надмогильного ограждения. Яма овальной формы размером 0,75х0,55 м, ориентирована по оси СЗ-ЮВ. Стенки отвесно опускались к ровному дну, углубленному в материковый грунт на 0,33 м (рис. 43 – 17). На дне в центре могилы стоял сосуд (рис. 43 – 18). Рядом с ним обнаружены останки погребенного – фрагменты черепа,

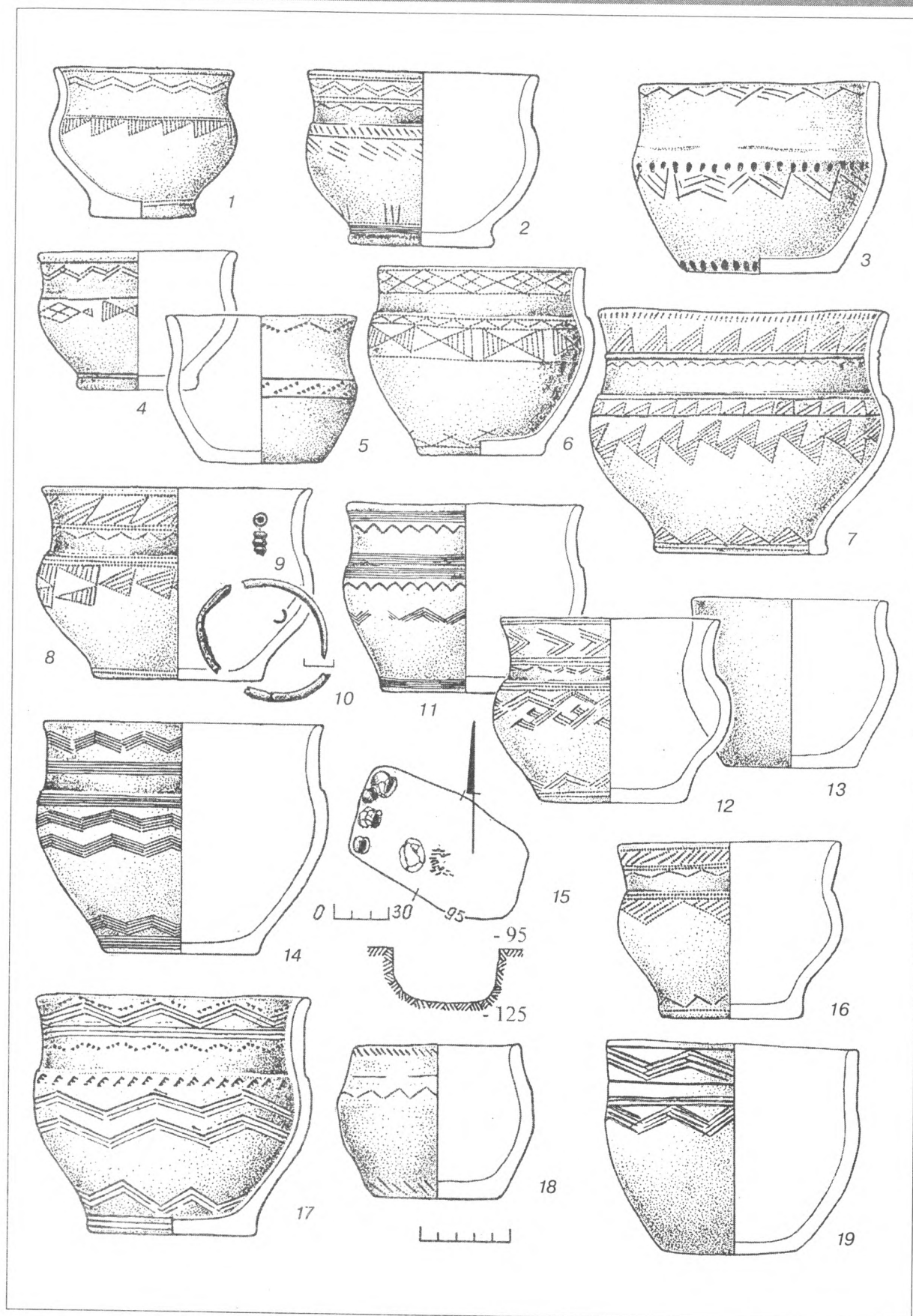

Рис. 42. Могильник Урефты I, «курган» 13. Погребения 4 (4), 5 (6, 7), 6 (5, 8-10), 7 (11-13), 8 (14), 9 (15-19) и сосуды 8 (1), 9 (3), 10 (2). 9, 10 – бронза, остальное – керамика.

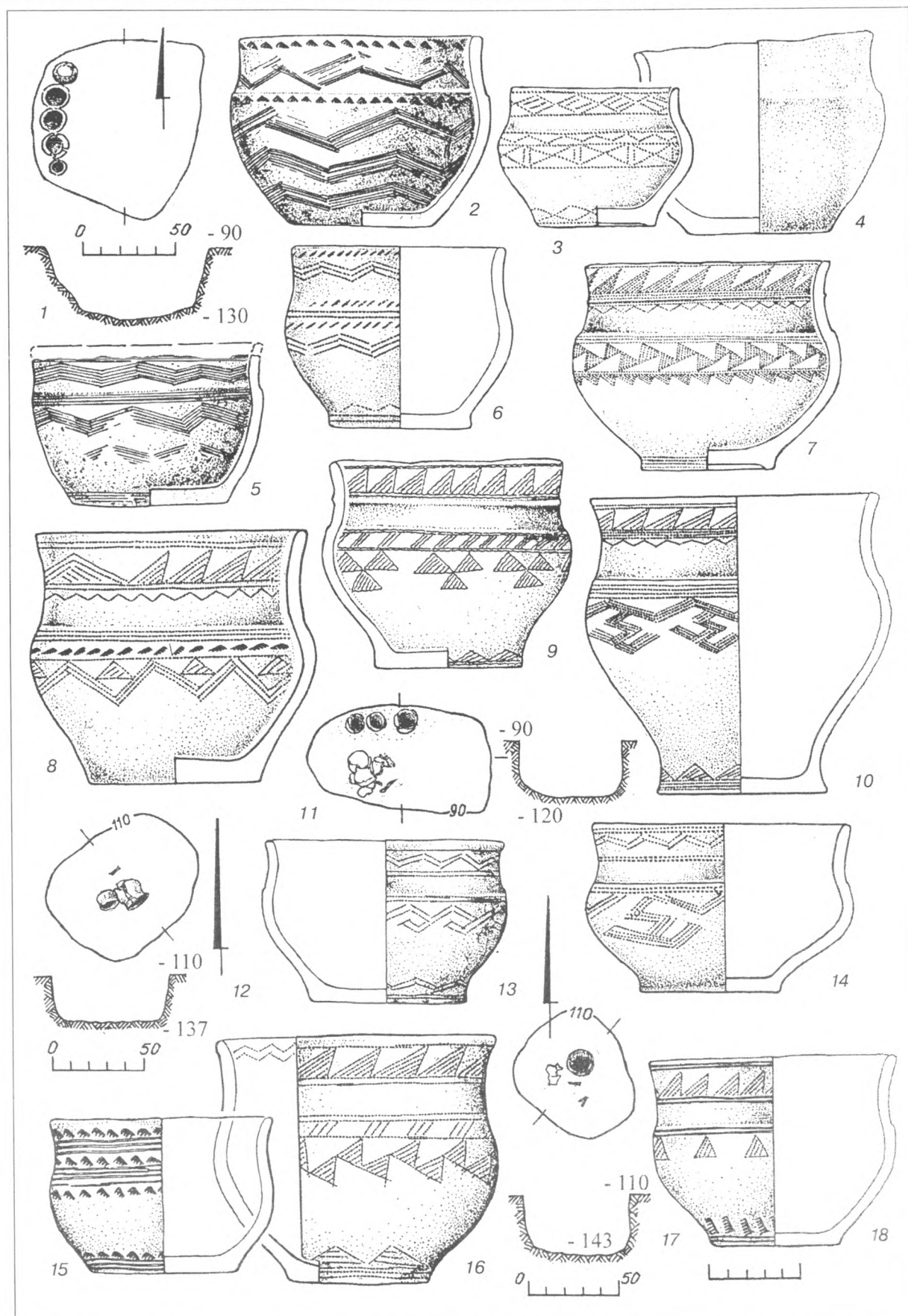

Рис. 43. Могильник Урефты I, «курган» 13. Погребения 10 (1-4, 6-7), 11 (5, 9), 12 (8), 13 (10-11, 13-14), 14 (12, 15-16), 15 (17, 18).

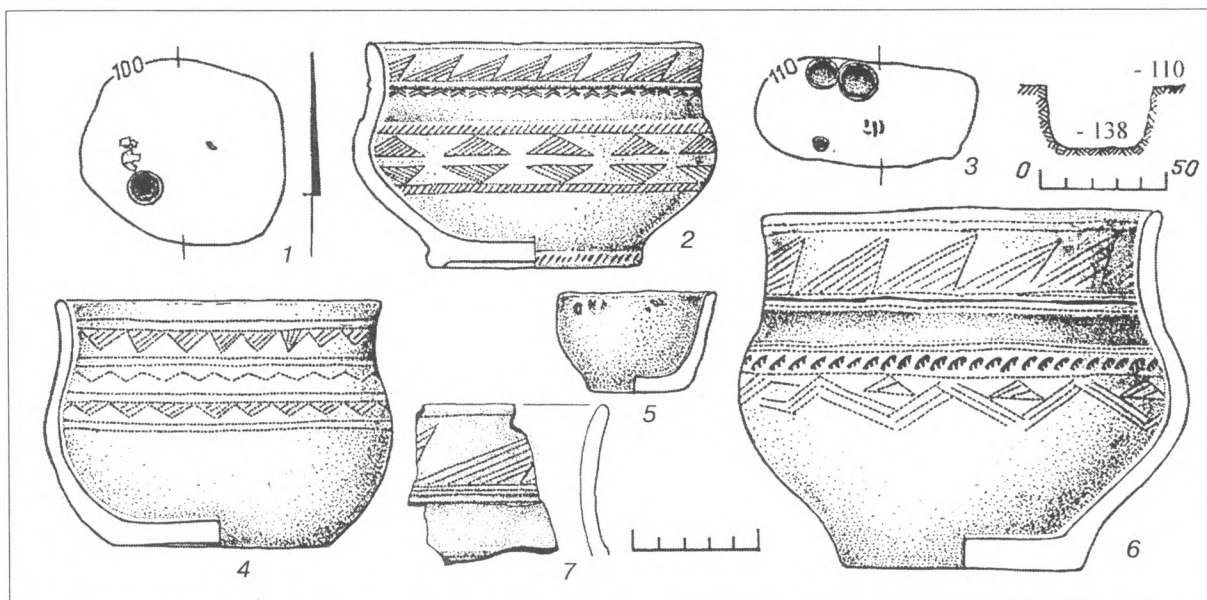

Рис. 44. Могильник Урефты I, «курган» 13. Погребения 16 (1, 2), 17 (3-6). Фрагмент сосуда (7) из межмогильного пространства.

лучевая, фрагменты бедренной и берцовой костей. Ребенок в возрасте 2-3 года был похоронен скорченно, головой на запад.

Погребение 16 также приурочено к восточной части ансамбля. Яма овальной формы, размером 0,9х0,75, глубиной 0,43 м от древней поверхности, ориентирована по линии ЗСЗ-ВЮВ (рис. 44 – 1). Над ямой, на уровне перекрытия (?), лежал крупный кварцевый валун. Около западной стенки могилы на высоте 0,1 м от дна зафиксированы остатки черепа и целый сосуд (рис. 44 – 2). Умерший ребенок в возрасте 2-3 года был положен головой на запад.

Погребение 17 располагалось в 1,0 м к востоку от погребения 1. На уровне древней поверхности яма была окружена овальной оградкой размером 1,5х1,0 м, вытянутой по оси СЗ-ЮВ. Внутри оградки находилась могила овальной формы, размером 0,9х0,45 м, глубиной 0,3 м в материке, ориентированная в направлении З-В (рис. 44 – 3). Дно ямы было усыпано мелкими камешками. Скелет умершего ребенка сохранился в виде костного тлена и двух реберных косточек. Покойник, вероятно, лежал головой на запад. Около северной стенки стояли два сосуда (рис. 44 – 4, 6), еще один маленький сосудик баночной формы с нагаром (рис. 44, 5) обнаружен в юго-западном углу могилы.

Несколько в стороне от погребального ансамбля, в 4 м к северо-западу от могилы 1, в черноземном слое расчищена небольшая грудка мелких кальцинированных косточек (рис. 41 – 1). В северное кольцо детских погребений хорошо вписывается скопление из трех горшков, располагавшееся в 1,4 м к северу от «центральной» могилы 1 (рис. 41 – 1). И эти (рис. 42, 1-3), и другие сосуды (рис. 41 – 8, 10-14), обнаруженные поодиночке и попарно в участках межмогильного пространства, находились не на древней поверхности, а в небольших углублениях, сделанных в темноокрашенном гумусовом горизонте, не достигающих до материка и потому не фиксируемых (за счет этих углублений с горшками число детских могил в ансамбле 13 можно увеличить, по крайней мере, до 22-23). Одиночный горшок найден около северной границы раскопа, еще один – в 1,5 м к западу от могилы 2, две пары горшков – к юго-западу от той же могилы.

Выкладка более чем из двух десятков крупных валунов находилась к западу от могилы 1 (рис. 41 – 1). Она окружала овальную, вытянутую в широтном направлении площадку, на которой никаких объектов не выявлено. В разрыв этой оградки вписана могила 8. Несколько крупных камней обнаружено к юго-западу от данной каменной конструкции.

Курган 30

Располагался в северной части могильника в 10 м к юго-востоку от Ф-кургана 1 и в 12 м к юго-западу от алакульского кургана 2 (рис. 5). Насыпь округлой в плане формы диаметром 12 м, высотой до 0,5 м в юго-западном секторе частично повреждена глубокой колеей. Единственное погребение находилось в центре подкурганной площадки. В 0,6-0,8 м к северу от могилы зафик-

сированы две глыбы кварца размером 0,7х0,6 м и 1,0х0,6 м (рис. 45 – 1). Расщелина между ними и прилегающее пространство в радиусе 0,5-1 м были насыщены многочисленными мелкими обломками камня. Вершина еще одной кварцевой глыбы с острыми краями, размером 0,8х0,4 м, расчищена в 3,2 м к юго-западу от угла могилы. В результате раскопок установлено, что выявленные каменные

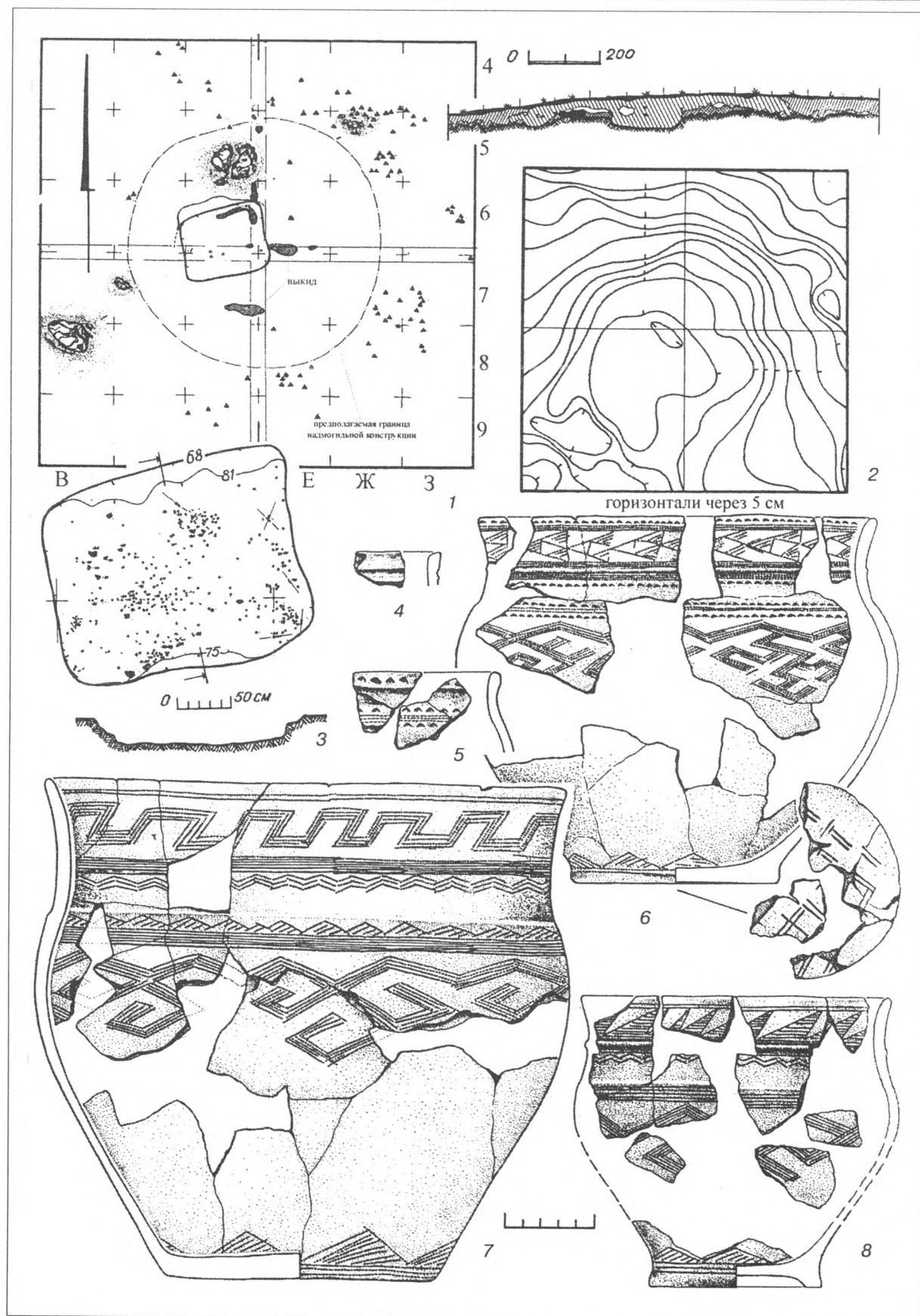

Рис. 45. Могильник Урефты I, курган 30. 1 – план и разрез раскопа; 2 – топографический план кургана; 3 – план и разрез могилы; сосуды и керамика из погребения (6) и околокурганного пространства (4, 5, 7, 8).

отдельности представляют собой обнажения кварцевого тела на древней поверхности.

Погребение было совершено в яме прямоугольной формы со скругленными углами (рис. 45 – 3). Отчетливые границы могилы зафиксированы в материковом суглинке. Яма большая, размером 2,25х1,95 м, глубина от первой фиксации составляла около 0,3 м. Ориентирована по линии ЗЮЗ-ВССВ. Дно ямы неровное, полого понижалось к западу. Вдоль длинных стен, на высоте 6 см от дна с южной стороны и 17-21 см с северной от верхнего края могилы, зафиксированы пологие выступы шириной 0,1-0,25 м, похожие на заплечики (рис. 45 – 3). В юго-восточном углу и около восточной стенки выявлены полоски тлена от деревянного перекрытия. В заполнении ямы обнаружено около 150 кальцинированных косточек, в основном очень мелких. Наиболее крупные экземпляры найдены в придонной части могилы около западной стенки, в юго-восточном углу и около южной стенки. Вперемешку с костями лежали крупные обломки одного сосуда (рис. 45 – 6). 15 обломков этого же горшка обнаружены за предела-

ми могилы – один фрагмент к северо-востоку, остальные в 3-4 м к югу. Погребение разрушено и, похоже, не только норами.

В 3 м к северо-востоку от могилы обнаружено скопление обломков (171 фр.) крупного горшка (рис. 45 – 7), стоявшего в положении верх дном в небольшой ямке: основная масса черепков зафиксирована на уровне материка. Примерно на таком же расстоянии к юго-востоку от могилы отмечено еще одно скопление черепков, в т.ч. принадлежавших красиво украшенному сосуду с поддоном (рис. 45 – 8). Несколько фрагментов этого и других сосудов (рис. 45 – 4, 5) найдены на предполагаемой древней поверхности около южной границы надмогильного земляного сооружения, а также к северу от каменных глыб (рис. 45 – 1).

Несколько слов о характере костного материала из погребения. Обнаруженные остатки явно принадлежат взрослому человеку. Цвет косточек из могилы – белый, встречаются довольно крупные экземпляры, рисунок – мраморный, кости звенят. Сумма фактов позволяет сделать вывод, что они принадлежали одному индивиду.

Погребальные сооружения, ритуалы, дополнительные структуры

Древнее кладбище Урефты I, как особое место пребывания умерших, устроено в наиболее возвышенной части южного побережья озера. В его состав входят погребальные комплексы алакульской и федоровской культур, а также смешанного алакульско-федоровского облика. Все захоронения совершались в ямах, вырытых в земле. Над крупными могилами, как правило, возводились земляные курганы. Их расплывшиеся насыпи рассредоточены на участке террасы площадью около 40000 кв. м, ограниченном с восточной стороны пологой котловиной. Восстановить точное количество курганов, располагавшихся на территории кладбища, невозможно – часть насыпей распахана, другие (сколько?) уничтожены или разрушены при прокладке подземных трубопроводов и, может быть, бульдозерной выемкой. Полагаем, что их было около 40. На этой же площадке находятся грунтовые могилы. Те из них, которые размещались на значительном расстоянии от курганных насыпей, в большинстве случаев не имеют на поверхности никаких внешних признаков. Лишь иногда их местоположение «выдают» торчащие из земли камни. Другая группа грунтовых могил обнаруживается при раскопках под полами расплывшихся насыпей (периферийные захоронения). Судя по малым размерам, грунтовые могилы в основном предназначались для захоронения умерших детей. О количестве погребений без внешних отличительных признаков можно только гадать.

Прежде чем приступить к обобщению полученных данных, сделаем два замечания, в равной степени касающиеся разнотипных объектов.

1. Надмогильные сооружения возводились над уровнем дневной поверхности преимущественно из дерновых блоков (кусков, пластов дернины) способом кладки, «... путем горизонтального (субгоризонтального) наращивания слоев из уложенных рядами блоков дерна...» (Смирнов, 1997. С. 202). Помимо того, что нарезка и переноска кусков дерна (дерн есть верхняя часть почвы с травянистым покровом, густо пронизанная многочисленными корешками) сопряжена с меньшими трудозатратами, а, следовательно, и более целесообразна, для подобного предположения есть и другие основания. Только с дерниной могли

быть доставлены к месту сооружения андроновских объектов фрагменты керамики и отдельные каменные предметы энеолитического облика (рис. 50 – 12-17). Поскольку на территории могильника культурный слой с подобными остатками не обнаружен, логично предположить, что энеолитическая стоянка находится на каком-то удалении от участка, занятого кладбищем. На этой стоянке нарезался дерн как для алакульских сооружений (курган 25), так и для федоровских (курганы 1, 7). Только с дерном в кладки курганов федоровского типа (курганы 1, 3, 16) могли попасть единичные фрагменты алакульских сосудов. Надо полагать, что конструкция из дерна, в сравнении с насыпной, обладает рядом неоспоримых преимуществ: она не рассыпается, не разваливается, более устойчива к водной и ветровой эрозии и т.д. Можно сказать, что какое-то время она сохраняет заданную форму. Специалисты, проводившие химическое исследование почв памятника, отметили повышенное содержание гумуса в насыпи кургана 30. Они также склонны объяснить этот факт тем, что могила была перекрыта дерновыми блоками, сейчас полностью истлевшими. Поддерновый грунт, наверно, тоже использовался, но, как нам кажется, во вспомогательных целях. Вероятно, с ним в курганы Ф-типа 3, 5 и 6 попадали многочисленные каменные предметы стоянки Урефты IA. Что касается степени «рыхлости» верхней части черноземной почвы, то обольщаться на этот счет не стоит – в сухое время года она с трудом поддается действию лопаты, а во влажном состоянии налипает на нее. Таким образом, употребление термина «насыпь» (в том числе в предлагаемой работе) для характеристики надмогильных земляных сооружений, подобных урефтинским, не более чем дань традиции. Это стереотип, от которого трудно избавиться. На Урефтах курганы не насыпались, они возводились (строились, сооружались, складывались и т.п.). Используемый при этом строительный материал (дерн) становился похожим на насыпной грунт только после полного истлевания исходных блоков (кусков, пластов) и утраты своих связующих качеств.

2. Абсолютное большинство, если не 100% погребений, исследованных на площади могильника, совершены в грунтовых ямах. Ямы, прорезавшие темноокрашенный гумусовый горизонт и углубленные в материк, отчетливо выделялись только на фоне серовато-желтых или желто-коричневых суглинков благодаря более темной окраске заполнявшего их грунта. Если нижнюю или «материковую» часть ямы можем охарактеризовать достаточно детально, то верхние края могил не прослеживались ни на уровне дневной поверхности могильника, ни в слое гумусированной почвы. Принимая во внимание толщину темно-серого или почти черного горизонта погребенной почвы, достигавшую 0,2-0,4 м, а местами и более (зафиксировано в ряде случаев под выкидом из ям), малую глубину большинства ям в материке и плохую сохранность органических материалов, нельзя не признать, что полученная (или извлеченная) нами информация о погребальных сооружениях является далеко не полной. Это касается, прежде всего, морфологической характеристики могильных ям, перекрытий, некоторых элементов внутримогильных и надмогильных конструкций. Естественно, еще в большей степени субъективны наши представления о могилах, вырытых в слое гумусированной почвы и не достигающих до материка. С учетом высказанных замечаний обратимся к источникам.

При раскопках **алакульских курганов** (№№ 2, 9, 10, 13А, 15, 21, 25, 27) зафиксировано не менее 66 погребений (в действительности их было больше, но об этом ниже), из которых 59 имели ямы, врезанные в материковый суглинок. *Размеры могильных ям* различны, но все они отвечали норме, вероятно, принятой в погребальной практике алакульского населения: в могиле должно свободно разместиться в определенном положении тело умершего или тела умерших, если их более одного, вместе с сопроводительным инвентарем. Между возрастом умерших и размерами могильной ямы существовала жесткая связь. Взрослых хоронили исключительно в больших могилах, имевших длину от 1,7-1,8 до 2,5 м при ширине от 1,25-1,5 до 2,0-2,1 м. Таких могил исследовано 13, их площадь колебалась от 2,0 до 5,2 кв. м. Размеры ям в этой группе различались в зависимости от того, где они располагались. Углубления, занимавшие в комплексе центральное положение, как правило, более крупные. Их параметры совпадали или имели небольшое отклонение от некоего стандарта, равного 2,2-2,5х2 м. Периферийные могилы для умерших взрослых людей имели несколько меньшие размеры.

Один из подростков, точный возраст которого не установлен, был захоронен в могиле размером 1,65х1,3 м (около 2 кв. м); кости другого обнаружены в большой яме рядом с останками взрослого мужчины.

Группа детских могил абсолютно преобладает (более 78 %). Их размеры малы – до 1,3 кв. м, а могильные ямы для младенцев просто очень малы

– от 0,07 до 0,6 кв. м (от 0,34х0,2 м до 0,9х0,67-0,7 м). Впрочем, и этого пространства было достаточно для размещения на дне ямы умершего младенца и одного или двух горшков.

Еще раз повторим – сказанное о линейных размерах справедливо по отношению к нижней части могильных ям, фиксируемой в суглинистом материковом грунте. Параметры могил для умерших всех возрастных групп на уровне древней поверхности, скорее всего, несколько отличались от нижних, но только в сторону превышения.

Для своих размеров ямы алакульских могил выглядят мелкими. Глубина крупных ям от уровня древней поверхности не превышает 0,7 м, при этом в материк они врезаны на 0,16-0,4 м. Ямы с детскими погребениями устраивались в гумусовом горизонте, более 40 могил впущено в материковый грунт на глубину от 2-6 до 20-25 см. От поверхности глубина этих ям вряд ли превышала 0,5 м. Стенки всех углублений были слегка наклонными или отвесными, дно обычно ровное. Кстати, малой глубиной ям, вероятно, объясняется отсутствие в большинстве случаев линз выброшенного материкового грунта вокруг или около могил, как детских, так и «взрослых». Сплошной глинистый «панцирь» зафиксирован только однажды – в кургане 21 вокруг периферийной крупной могилы 19, имевшей наибольшую среди алакульских погребений глубину в материке – до 0,5 м (рис. 20 – 2). Из числа алакульских только одна могила (курган 9) была сооружена в месте близкого к поверхности залегания горной породы. При ее устройстве разрушенный кварцевый материал в виде щебня и отдельных крупных кусков был выбран из ямы и выброшен рядом с ней (рис. 16 – 4).

О *форме* могильных ям мы можем судить по их нижней, фиксированной в суглинке, части. Маловероятно, что во всех случаях очертания донной части в точности повторяли верхний контур ям. Плотный суглинок мог обусловить те или иные неровности стен и дна, но в целом очертания на уровне древней поверхности и в придонной части, по видимому, совпадали. Крупные ямы имели преимущественно подпрямоугольную или подквадратную форму со скругленными углами, реже – трапециевидную. Формы могильных ям для умерших детского возраста более разнообразны, хотя и среди них преобладают подпрямоугольные. Наряду с ними встречаются овальные, округлые, трапециевидные, подпрямоугольные, с выступами и др. Такое разнообразие объясняется, скорее всего, тем, что вырыть яму малого или очень малого размера с отвесными стенками на глубину до 0,5 м, из которых нижние 20-25 см приходится на плотный материк, отнюдь не просто. Искажения контура ям в этих случаях почти неизбежны.

Ориентировка могильных ям – показатель ориентировочный (не следует забывать о магнитном склонении), а для алакульских комплексов с круговой планировкой могил и не слишком «работающий». Тем не менее, для крупных ям, содержащих останки взрослых людей, господствующей является широтная ориентировка или тяготеющая к ней. Свидетельства того, что на дне могил имелось ка-

кое-то покрытие, единичны. В погребении подростка (курган 2, мог. 1) с правой стороны от черепа на тонкой полоске древесного тлена лежал фрагмент желобчатого браслета. В погребении 6 кургана 15, на дне ямы, под крупными обломками раздавленных сосудов и около камней удалось зафиксировать следы какого-то органического покрытия (камыш, тростник?). На основании этих данных нельзя что-либо утверждать, но предполагать наличие подстилок в могилах можно. К сожалению, в здешнем грунте очень плохо сохраняются древесина и другие органические материалы, зачастую мы обнаруживаем их почти полностью истлевшими. По этой причине крайне фрагментарны сведения о внутримогильных деревянных конструкциях и перекрытиях могильных ям. Следы домовин в виде рам, сложенных из бревен, жердей или плах, на дне могил не зафиксированы ни разу. С остатками *перекрытий* дело обстоит лучше: древесный тлен и отдельные фрагменты дерева выявлены в 9 из 13 крупных ям и в 3 детских могилах. На то, что перед нами остатки перекрытия, а не деревянной рамы, указывают обстоятельства их нахождения. Тлен, фрагменты древесины во многих случаях обнаружены лежавшими на обломках сосудов, на или над костями, на верхних плоскостях камней, стоявших в некоторых могилах. В погребении 1 кургана 27 остатки березовых плах были расчищены на глубине 0,1 – 0,15 м от верхнего края ямы, т.е. значительно выше уровня дна. В поперечном разрезе этой могилы, кстати, удалось зафиксировать, что перекрытие опиралось на слабо выраженные заплечики, выбранные в гумусовом горизонте вдоль длинных стен. Данный факт представляется очень важным. Во-первых, он прямо указывает на один из двух возможных способов перекрытия могил, когда накатник из бревен (плах, жердей) держится на заплечиках. Другой вариант – перекрытие опирается на края ямы (на древнюю поверхность). Что не менее важно, он подтверждает обоснованность сделанного выше замечания о возможном существовании конструктивно значимых особенностей в оформлении верхней половины или входной части могильных ям. Аналогичным образом, очевидно, оформлялись и малые могилы: они перекрывались продольным (курган 2, погр. 16; рис. 12, 6) или поперечным накатом, выступавшим за края ям на поверхности или державшимся на заплечиках. Последние могли быть образованы путем снятия около могильной ямы дерна. Могилы взрослых, судя по сделанным наблюдениям, имели поперечный накат, уложенный в ряде случаев на продольные бревна. В качестве дополнительного аргумента за то, что могилы перекрывались по верху или около верхнего края, выступают сосуды, стоявшие на дне. Высота горшков иногда лишь немногим уступает такому показателю как глубина ямы, а некоторые экземпляры едва ли не упирались горловиной в деревянный накат. Для мелких детских могил этот аргумент иногда приобретает решающее значение.

Таким образом, стены, дно и перекрытие ям образывали пространство погребальной камеры, в ко-

торой, возможно, на специальной подстилке покоились останки умершего и сопроводительный инвентарь.

В 38 могилах из числа исследованных под расплывшимися насыпями алакульских курганов обнаружены кости, по крайней мере, 43 человек. В 34 ямах совершены индивидуальные захоронения, в 3 могилах – парные, в одной могиле захоронены тела трех умерших. В двух из трех парных могил были погребены взрослые, в одной – грудные дети. В единственной «тройной» могиле захоронены тела детей, старшему из которых было не более 2 лет. Сохранность костных остатков различная, но в целом неудовлетворительная. Данные о половозрастном составе погребенных обобщены в таблице 1, в ней учтено еще одно захоронение (№ 8), впущенное в насыпь кургана 21. Группа детских захоронений численно преобладает (28), единично представлены умершие подросткового возраста (2), в больших могилах обнаружены останки взрослых мужчин и женщин (13), в могиле, впущенной в земляное сооружение кургана 21, захоронена взрослая женщина.

Из 44 человек, чьи останки выявлены в могилах под насыпями и в одной впускной, 42 захоронены по способу труположения (95,5 %). Тела двух человек были кремированы. Удалось установить позу 19 погребенных, в том числе 18 детей и 1 женщины из впускной могилы. Они похоронены в скорченном положении с согнутыми в локтях руками и в коленях ногами. Кисти рук находились перед головой. Тела 17 детей и взрослой женщины лежали на левом боку, в погребении 9 кургана 21 зафиксировано скорченное положение человеческого эмбриона на правом боку.

Поскольку все могилы, в которых удалось проследить позу погребенных, занимают в курганных ансамблях периферийное положение, ориентировка тел усопших выглядит достаточно разнообразной: головой на СЗ – 6 случаев, западная ориентировка – 3 случая, ЮЗ – 5, ЮЮВ – 2 и СВ – 3. Можно заметить, что ориентировка в западных направлениях (СЗ, З, ЮЗ) является преобладающей – 14 из 19 случаев. Женщина из впускного погребения № 8 кургана 21 была положена головой на СЗ, о пространственном положении тел других умерших зрелого возраста ничего определенного сказать нельзя, поскольку едва ли не все крупные могилы оказались разрушенными. Рискнем высказать предположение, что в алакульских курганах урефтинского некрополя захоронения взрослых, подростков и детей разных возрастных групп совершались по сходным правилам. Мы имеем в виду, в частности, позу погребенных, ориентировку преимущественно в западных румбах, состав и размещение сопроводительного инвентаря. В качестве последнего мы рассматриваем, в том числе, глиняную посуду. В могилу помещали обычно 1-2 сосуда, погребения с 3, 4 или 5 горшками очень редки. Не исключено, что иногда большое количество сосудов обусловлено коллективным характером захоронения. Так, например, в погребении 14 кургана 21 четыре небольших сосуда найдены около трех детских скелетов. В парном захоронении взрослых мужчин (погребение 19) в кургане 21

Таблица 1

Половозрастной состав погребенных в алакульских курганах мог. Урефты I.
Площадь могильных ям (по возрастным группам)

№ кург.	дети							подростки	взрослые	
	всего	возраст (лет)							всего	пол, возраст
		до 0,5	до 1,0	0,5-1,5	1,0-2,0	2,0-3,0	6			
2	2		1					1	3	пол, возраст не опр.
13А									1	пол, возраст не опр.
15									1	пол, возраст не опр.
21	21	12	2	2	2	1	1	1	5	1 - жен., 30-45 лет ¹ 1 - мужчина, 20-30 лет 1 - мужчина, 25-35 лет 1 - мужчина, 20-25 лет 1 - ?, 12-18 лет (кальциниров. кости)
25	4	4							1	мужчина, 25-35 лет
27	1							1	3	пол, возраст не опр.
итого	28	16	3	2	2	1	1	3	14	
Σ ям кв.м	0,07-1,3	0,07-0,3	до 0,6	не фикс.	не фикс.	0,3-0,7	≈1,3	≈2	≈ 2	2,5 – 5, 25

¹ – впускное погребение в кургане 21

находилось не менее четырех горшков. Сосуды размещались, как правило, в головной части могил. В малых могилах сосуды, помещаемые перед головой ребенка, иногда занимали центральное в яме положение или оказывались смещены к северной стенке. Факты нахождения посуды в ногах умерших, то есть около восточной стены ямы, единичны.

Только в двух могилах алакульских курганов могильника Урефты I зафиксированы следы трупопожжения. Если могилу 24 в кургане 21 можно отнести к числу периферийных, то в кургане 15 она является центральной. Обе могилы крупных размеров (около 2,5 и 5 кв. м соответственно), неглубокие, ориентированы в направлении З-В (курган 21) и ЮЗ-СВ (курган 15). В погребении 24 кальцинированные кости лежали около восточной стены ямы двумя компактными кучками, в одной из них находились фрагменты бронзового желобчатого браслета. Нет уверенности в том, что обломок сосуда алакульского облика, обнаруженный в западной части ямы, не попал туда случайно. Напомним, что фрагменты этого сосуда были найдены в заполнении могилы 19 и около нее. В погребении 6 кургана 15 около десятка пережженных косточек находились возле западной стены – рядом с кварцевым валуном и на нем. Оба сосуда – из западного и северного углов могильной ямы – вполне алакульского облика и не вызывают каких-то явных инокультурных ассоциаций. Впрочем, есть два обстоятельства, позволяющих выделять это погребение из массы алакульских. Во-первых, на дне могилы рядом с кальцинированными косточками лежали два ребра лошади. Настораживает даже не то, что кости принадлежат лошади (а не КРС или МРС), а то, что в алакульские могилы Урефтов I мясную пищу не помещали. Кости животных попадали в могилы алакульской группы только если они использовались в качестве игрушек, амулетов или украшений. Второе обстоятельство – на дне могильной ямы относительно много камней, причем не беспорядочно расположенных, не случайно свалившихся, а занимавших в камере определенное место – в углах, около ЮЗ и СВ стен. Применение камня в погребальной практике алакульского населения, судя по урефтинским материалам, имело место, но носило весьма ограниченный характер.

Если рассматривать кремацию как одно из свидетельств совершения ритуалов с использованием огня, нужно упомянуть погребения одномогильных курганов 9 и 10 – в заполнении обеих могил зафиксированы линзы прокалов с золой и углями. В целом же, следы огненных ритуалов в алакульской группе захоронений очень редки, но, похоже, не исключительны.

Особого внимания заслуживают многочисленные горшки, встречавшиеся порознь или группами по 2-4 экземпляра под насыпями почти всех одномогильных алакульских курганов в темноокрашенном почвенном слое. Подобно детским захоронениям, они вписаны в кольца или образуют короткие или длинные дугообразные цепочки вокруг или вдоль некоторых отрезков земляных сооружений над центральными могилами. Иногда они группируются около крупных боковых могил, от-

дельных камней, иногда образуют планиграфически беспорядочные скопления, как будто, не связанные с крупными ямами. Наиболее показателен в этой связи курган 2. Мы полагаем, что все горшки стояли на дне мелких ям, отрытых в погребенном гумусовом горизонте. Это утверждение основывается, во-первых, на многочисленных фактах обнаружения относительно целых экземпляров и, во-вторых, как отмечалось выше, на анализе данных о глубине залегания сосудов, показывающем, что они находились ниже уровня древней поверхности. Так как заполнение ямок ничем не отличалось от окружающей почвы, об их размерах и форме можно судить только по косвенным данным. Как нам кажется, они устраивались аналогично детским могилам, во множестве зафиксированным в курганах 2, 21, 25 и других, с той лишь разницей, что их дно не было врезано в материковый грунт. Кроме сосудов, на дне таких мелких ям в ряде случаев обнаружены остатки детских скелетов (погребения 1, 2, 4-6, 10 кургана 21). В малых мелких углублениях размещалось обычно по одному, реже – по два, очень редко – более, чем по два сосуда. Кроме того, сосуды из зафиксированных в материке и не зафиксированных в черноземе мелких ям обладают несомненным технологическим, морфологическим и декоративным сходством. Для нас очевидно, что мелкие ямы имели перекрытие и небольшие дерновые холмики на поверхности, около которых или на которые нередко устанавливались кварцевые валуны (рис. 48). После разрушения деревянного перекрытия лежавшие на нем или около края ямы камни могли обрушиваться вниз. Например, в погребении 1 кургана 21 упавший камень придавил останки погребенного ребенка (рис. 48 – 2). В тех случаях, когда к надмогильному сооружению, возведенному над «основным» погребением, пристраивали крупную могилу, могло иметь место разрушение мелких ям и стоявших в них горшков. К примеру, в северо-восточном секторе развалившейся кладки кургана 2 отмечено повышенное содержание крупных обломков сосудов – именно здесь располагались пристроенные большие могилы 2 и 3 (рис. 9 – 1).

Таким образом, за счет этих мелких ям с сосудами количество детских погребений в урефтинских алакульских курганах можно значительно умножить, но далеко не факт, что в каждой из них когда-то находилось тело умершего ребенка. Безусловно, в каких-то мелких углублениях костные остатки могли полностью истлеть, но в других они могли отсутствовать изначально – подобно тому, как не было их в ряде более глубоких ям, в том числе крупных (например, погребение 13 кургана 21; погребения курганов 9 и 10). Относительно малых ям с сосудами, но без каких-либо следов погребенного, существуют разные мнения. Одни полагают, что это свидетельство имевших место символических захоронений; по мнению других, это связано с похоронными и послепохоронными обрядовыми действиями, под которыми подразумеваются жертвоприношения пищи в сосудах. Вариант интерпретации данных ям как символических погребений кажется нам более привлека-

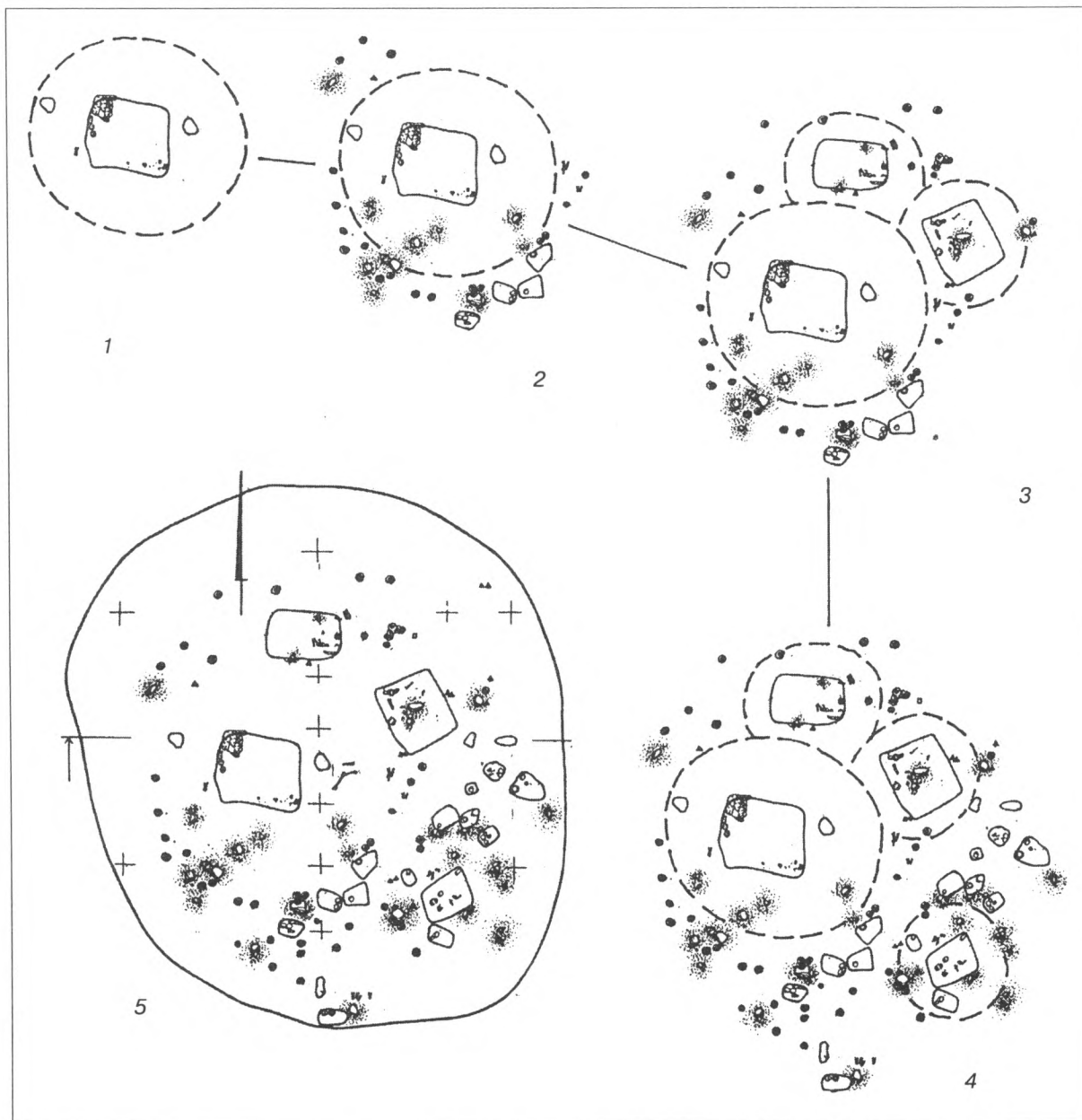

Рис. 46. Могильник Урефты I, курган 2. Этапы сооружения алакульского погребального ансамбля.

тельным, хотя, как и другие версии, он не имеет под собой доказательной базы.

Точно также не имеет однозначного решения проблема абсолютно «пустых» углублений, встреченных в многомогильных курганах 2, 21, 27 и условно выделенном кургане 13А (см., например: ямы 3 и 4 в кургане 27, яму около погребения 18 в кургане 13А, яму I кургане 21; шесть небольших ям в кургане 2). В какой-то мере показательно, что в первые годы работ на Урефтах I подобные ямы не включались в число могильных. По форме и размерам они соответствуют аналогичным характеристикам малых детских могил, углубленных в материковый суглинок. Нет ничего необычного в их местоположении на подкурганных площадках, разве что в кургане 2 три ямы расположены очень близко к центральному погребению. Отличает их отсутствие в заполнении и на дне каких-либо нахо-

док. Можно что угодно думать о назначении этих, вне всякого сомнения, искусственных углублений, но ни одно объяснение не может считаться единственно верным. Разумеется, проблема «пустых» ям влияет на полноту наших представлений о погребальных сооружениях и обрядах, но в силу малочисленности подобных объектов – не более десятка на все исследованные курганы алакульского типа, она не рассматривается нами как чрезвычайно острая.

Все могилы, в том числе детские и символические, как мы подозреваем, не засыпались. Входная часть перекрывалась по верху деревянным (бревенчатым, жердевым, дощатым, комбинированным) настилом и, может быть, дерном, но сами ямы с помещенными на дне останками умерших и предметами сопроводительного инвентаря не засыпались. К такому выводу мы пришли в результате

анализа обстоятельств позднейших проникновений в погребальные камеры. Прежде всего, мы обратили внимание на тотальную опустошенность больших гробниц. Практически все они подверглись в свое время разорению. Ни в одной из них не обнаружено полных костяков, при том, что в малых могилах сохранились скелеты младенцев и даже эмбрионов. В некоторых могилах вообще отсутствовали какие-либо антропологические остатки (курганы 9, 10, погребение 4 кургана 2). Как правило, в них не было целых сосудов; неповрежденные или полностью восстановленные из обломков горшки происходят из детских погребений. Что особенно важно – разрозненные кости скелетов, обломки сосудов и другие вещи в больших могилах залежали вперемешку либо на дне, либо на дне и в придонном слое заполнения (к. 2, п. 2, 3; к. 21, п. 13, 19, 20; к. 25, п. 7 и др. Маловероятно, что к этому имели причастность землеройные животные). Из сказанного следует, что имело место проникновение в пустотелый объем – в еще не заполненную грунтом (оплывшим, осыпавшимся и т.д.) камеру. Извлеченные из могил ненужные остатки (черепки, кости) иногда оставались на краю ямы, выбрасывались вблизи или в стороне от наземных конструкций. Можно предположить, что в каких-то из крупных ям захоронения так и не были совершены.

Что касается детских захоронений, то они, несмотря на еще большую незащищенность от внешних проникновений, разорению (осквернению?), не подвергались.

Надмогильные сооружения. Получить представление о том, как выглядели урефтинские алакульские курганы в древности, очень сложно. Современный внешний вид насыпей почти ничего не дает для воссоздания облика надмогильных конструкций. Кроме, может быть, одного: форма и параметры расплывшихся насыпей позволяют иногда оценить приблизительный объем «тела» курганов. Среди урефтинских А-курганов есть одномогильные и многомогильные; последние формировались постепенно, на протяжении какого-то отрезка времени, но и они с чего-то «начинались». Должны отметить, что многомогильные погребальные ансамбли в интересующем нас плане оказались более информативными. Округлый контур сооружения, возведенного над могилой 13 кургана 21, намечают пристроенные к нему со всех сторон детские погребения, одиночные сосуды, жертвенник 3 и отдельные камни. Они образуют не совсем правильное кольцо диаметром 5-6 м (рис. 22 – 5, 47 – 1, 2). В кургане 2 округлую форму земляного сооружения диаметром около 8 м, сложенного над центральным погребением 4, маркируют аналогичные малые объекты (рис. 46). Из материкового грунта, выброшенного при рытье могилы 19 кургана 21, оформлено сплошное кольцо внешним диаметром 3,8-4 м (рис. 47 – 3, 4), позднее перекрытое дерновой кладкой. Уже к ней были пристроены малые могилы 17, 21 и яма II. Курган 25, судя по планиграфическим данным, первоначально имел форму круга диаметром 5-5,5 м (рис. 28 – 13).

Есть много других аргументов, в совокупности доказывающих круглоплановость дерновых кон-

струкций над крупными могилами. Дальше мы с неизбежностью переходим в область догадок, мало, на чем основанных. Что представляло собой надмогильное сооружение как геометрическое тело? Из дерновых блоков можно сложить цилиндр, конус, усеченный конус, полусферу, шаровой сегмент или сложную комбинированную фигуру (цилиндр + усеченный конус, цилиндр + шаровой сегмент и т.п.). Судя по тому, что в месте расположения центральной могилы насыпь имеет, как правило, наибольшую высоту (притом, что часть грунта провалилась в могильную яму!), гипотетическая фигура должна была быть выпуклой. Во-вторых, борта надмогильного сооружения, как нам кажется, должны были быть вертикальными или слегка наклонными. Доказать это по материалам раскопок алакульских курганов невозможно, но к такой мысли подводит анализ конструктивных особенностей каменных оград курганов Ф-типа. Принимая во внимание современные параметры расплывшихся насыпей и примерный объем грунта, использованного для возведения надмогильных конструкций, рискуем высказать предположение, что их боковые стенки не были высокими.

В связи с попыткой воссоздать начальный облик алакульских курганов представляют интерес следующие соображения и наблюдения. Похоже, что наземные постройки возводились в несколько приемов. На первом этапе, вероятно, складывалась кольцевая дерновая стена – ограда, в которой оставался проем для прохода к гробнице. Поскольку могилы не засыпались и лишь перекрывались по верху, существовала возможность проникнуть в погребальную камеру. С какой целью – это другой вопрос (что-то поместить, что-нибудь извлечь). Можно допустить, что иногда захоронения детей совершались около земляной ограды тогда, когда центральная могила была еще пустой. Любопытной и не совсем понятной является ситуация с погребением 19, расположенным на периферии кургана (погребального ансамбля) 21. Относительно большая (1,8x1,25 м) могила, в которой были похоронены два взрослых мужчины, спустя какое-то время подверглась разрушению. С определенностью можно говорить о том, что к моменту проникновения в могильную яму, она не была заполнена грунтом. Извлеченные из могилы человеческие кости, обломки сосудов и мелкие металлические вещи были найдены не в слоях насыпи, а лежащими достаточно компактной кучей на материковом выкиде из ямы, близ ее западного угла (рис. 26 – 1). Кости нижних конечностей взрослого человека, предположительно, выброшенные из центральной могилы в кургане 2, обнаружены также на выкиде из ямы. Приведенные факты не имеют однозначного объяснения, но, как ни трудно в это поверить, вполне убедительной выглядит версия разрушения (разграбления, осквернения) могил в тот период, когда пространство вокруг них оставалось еще открытым, когда существовал более или менее свободный доступ к погребению. Либо, что тоже очень важно, земляная конструкция над захоронением была настолько мала, что ее можно было разобрать в нужном месте до основания

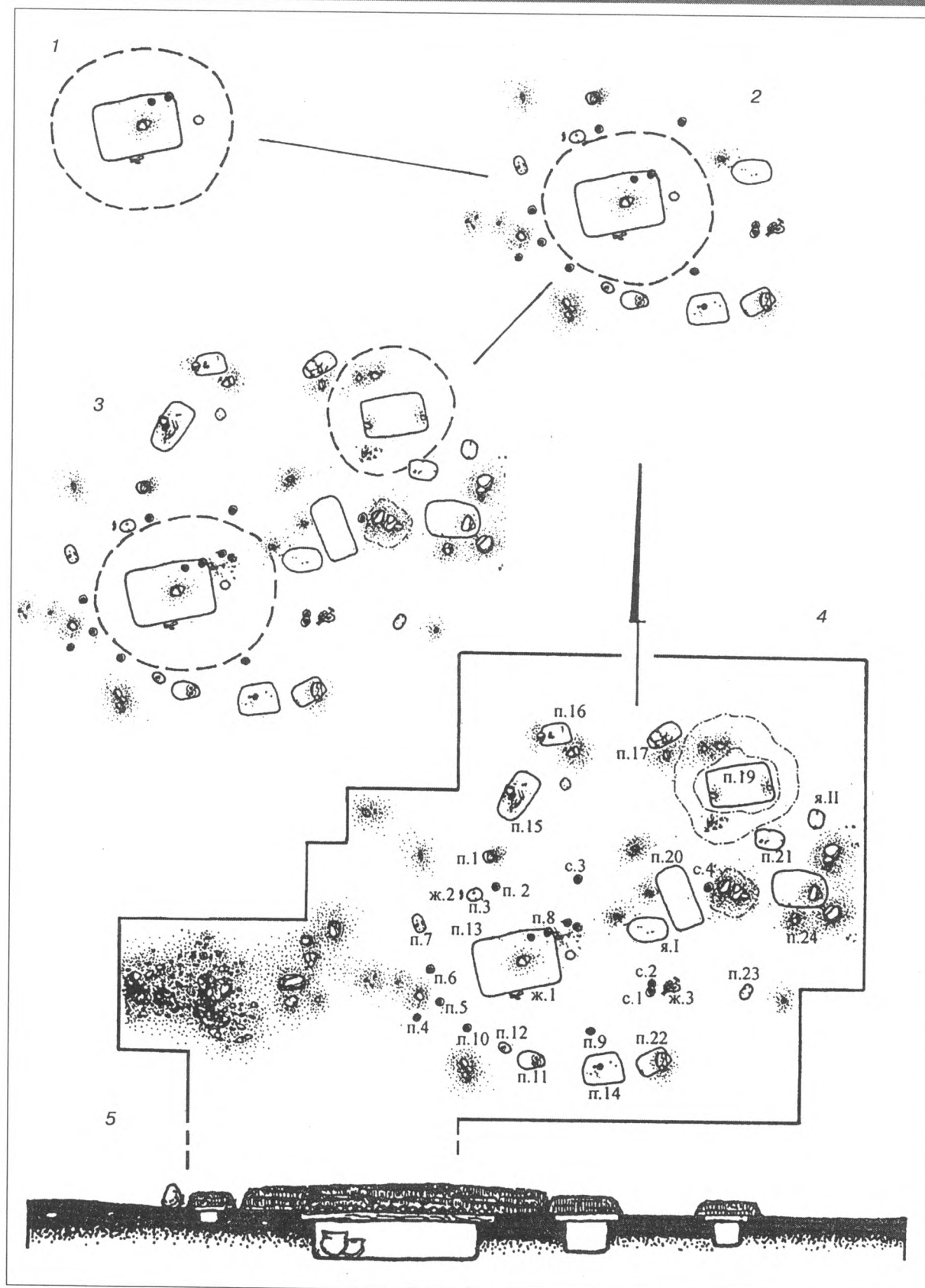

Рис. 47. Могильник Урефты I, курган 21. Этапы сооружения алакульского погребального ансамбля.

(«подолы»). На втором этапе, по-видимому, открытое пространство около и над могилой, а также проход к ней закладывались той же дерниной, пос-

ле чего сооружение приобретало законченный вид. Убежденности в том, что именно в такой последовательности строились алакульские курганы не-

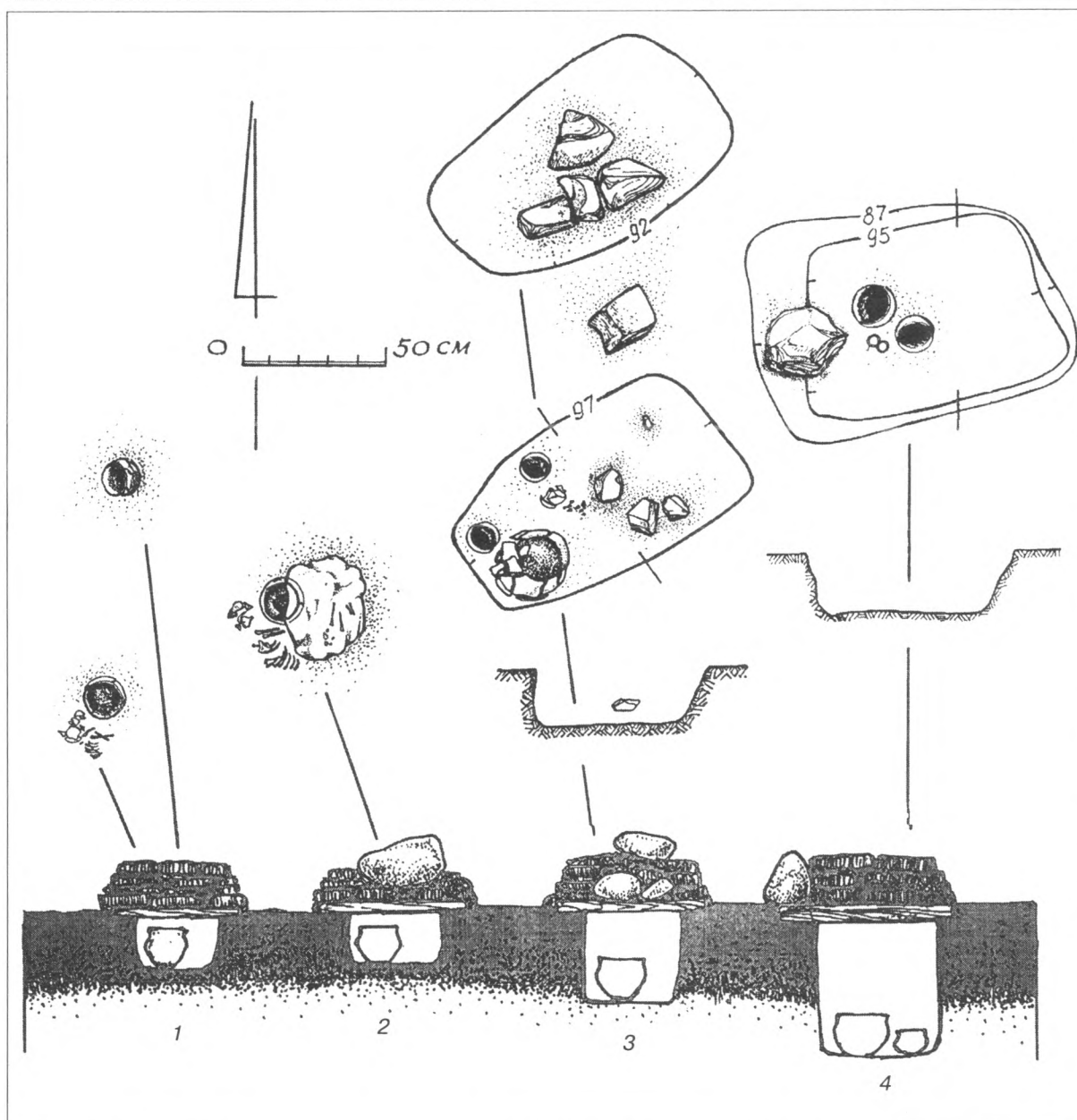

Рис. 48. Могильник Урефты I, курган 21. Варианты сооружения могил в А-комплексах (1 – в верхнем слое гумусового горизонта, 2 – в верхнем слое гумусового горизонта с каменным «обелиском», 3 – в гумусовом горизонте, чуть углубленная в материковую почву, 4 – углубленная в материковую почву).

крополя Урефты I, у нас нет. Ее и не может быть – слишком многое в наших рассуждениях основывается на косвенных данных и еще более – на интуиции. Предложенная схема, безусловно, нуждается в проверке, в том числе другими исследователями и на других материалах.

Что касается детских и, может быть, подростковых могил, то все они отмечались на поверхности земляными/дерновыми холмиками и, иногда, крупными камнями, выполнявшими *обозначающую* функцию (рис. 48). Место расположения могилы при этом не имело значения. Пристроенные к крупному надмогильному сооружению (возможно так, чтобы кладки соприкасались), со временем они оказывались перекрытыми расплывшей-

ся насыпью кургана (2, 21, 25, 27). Захоронения детей, устроенные в стороне от курганов, постепенно утрачивали внешние признаки и становились совершенно неразличимыми (см., например, погребения 1, 5 и 6 на рис. 28 – 13). Таким образом, если по отношению к умершим взрослым в основном практиковался курганный способ захоронения, то детские и подростковые погребения формально более отвечают признакам грунтовых захоронений (Краснов, 1989, с. 28-46). Дифференцированный подход к захоронению людей разных возрастных групп нашел отражение в сосуществовании на Урефтах I разнотипных погребальных памятников – одномогильных курганов, грунтовых погребений и курганно-грунтовых ансамблей. Пос-

ледние формировались поэтапно (рис. 46, 47), по определенной системе. Первоядром организованного погребального пространства в них являлась крупная прямоугольная или квадратная яма, предназначенная для захоронения одного или нескольких умерших, как правило, взрослых людей. Над такой могилой на поверхности возводилось из дерновых блоков сооружение круглой или округлой формы, около стен которого периодически устраивались периферийные могилы, большей частью малого размера. Постепенно они образовывали внешнее кольцо – сплошное или несомкнутое. Боковые могилы имели над собой небольшие по объему земляные холмы, возможно, соприкасавшиеся с центральной насыпью. Надмогильная конструкция разрасталась с каждым пристроенным захоронением, а когда пристраивались крупные могилы, контур сооружения изменялся существенно. Спустя какое-то время функция основного погребения могла перейти к другой крупной могиле, и уже вокруг нее начинало формироваться кольцо из детских захоронений, ям с горшками.

Существует еще одна группа объектов, встречающихся под насыпями курганов и характеризующих погребальную обрядность населения алакульской культуры. Мы имеем в виду *жертвенники*, выявленные по одному в курганах 2, 10, 27 и четыре (или пять?) – в кургане 21. Из семи жертвенных комплексов только один располагался на перекрытии могильной ямы (погребение 1 кургана 27, см.: рис. 30 – 6), три – у верхнего края могилы и еще три – на некотором удалении. Последние устраивались в неглубоких ямах, заложенных, вероятно, дерниной. Условия их залегания свидетельствуют о том, что жертвенники сопутствовали тем или иным погребениям, они являлись частью обрядов похоронного, а не поминального цикла. Остатки жертвоприношений представляли собой компактное скопление определенных и особым образом уложенных костей домашних животных. «Классический» набор включал череп и дистальные части конечностей коровы. Около одного из таких жертвенников стояли два сосуда (рис. 20 – 6). Набор из кургана 10 включал черепа взрослой и молодой особей крупного рогатого скота, а также кости конечностей (рис. 17 – 3). Жертвенник из кургана 2, кроме черепа и конечностей коровы, включал нижнюю челюсть и другие кости овцы, и две грифельные кости лошади. Очень близкий по составу комплект костей найден в кургане 27. Основу жертвенника 3 в кургане 21 составляли череп и дистальные части конечностей овцы. Около детской могилы 1 в этом же кургане лежали нижняя челюсть овцы, фрагменты таза КРС и две кости лошади. Основными видами жертвенных животных в урефтинских курганах алакульского типа являлись корова и овца, по количеству костей и особей им значительно уступает лошадь. Обращает на себя внимание практически полное отсутствие остатков «мясных» частей туш животных в составе жертвенников. Предполагаем, что совершавшиеся на древнем кладбище похоронные обряды не сопровождались тризной. Совместное поедание мяса жертвенных животных если и имело место,

то происходило где-то на стороне. Анализ немногочисленных прочих костных остатков, обнаруженных в насыпях курганов, около курганов и в межкурганном пространстве, также не дает основания утверждать, что на кладбище совершались тризны в связи с поминовением усопших. Происхождение этих костей, вероятно, связано с приношением на могилу мясной пищи и/или естественным разорением жертвенников (растаскиванием костей из плохо закрытых ям и т.п.), а также переотложением вместе с кусками дерна при сооружении новых надмогильных конструкций.

Завершая характеристику археологически фиксируемых элементов погребальной практики населения, оставившего на Урефтах I курганы алакульского типа, обратимся к еще одному сюжету, важному при проведении сравнительного анализа урефтинских материалов. Как отмечалось выше, в алакульских курганах зафиксировано довольно много фактов *употребления камня* при обустройстве могильных, надмогильных и других сооружений. Нужно заметить, что камень использовался не как строительный материал, а, по большей части, для обозначения места совершения того или иного захоронения, в качестве своеобразного памятного знака. Отдельные крупные валуны устанавливались у верхнего края могилы, около дернового холмика, сложенного над могилой, либо на нем. В тех случаях, когда камни сразу перекрывались землей/дерном, они не могли служить памятными знаками, и назначение их было, по-видимому, иным (камни в центральной части подкурганной площадки). Иную функцию выполняли также камни, укладывавшиеся иногда на перекрытие (после его разрушения они оказывались в яме) или, изредка, на дно могил. В нескольких случаях зафиксировано упорядоченное положение камней в могилах – в углах, около стен (курган 13А, 15), в кургане 9 могильная яма была частично перекрыта каменной плитой. Количество каменных отдельностей, использовавшихся в тех или иных целях при оформлении алакульских захоронений, как правило, невелико, а сами камни редко достигали больших размеров.

Кроме «могильных» камней на территории некрополя обнаружены *объекты, сложенные из камня*. Они представляли собой скопления крупных глыб, валунов, булыжников, уложенных на древнюю поверхность вплотную друг к другу в виде компактных куч или вытянутых выкладок. Каменные конструкции находятся близко (курган 10) или в стороне (курган 21) от земляных надмогильных сооружений, в последнем случае они производят впечатление вполне самостоятельных обособленных объектов (рис. 27). Их алакульскую принадлежность доказывают целые сосуды, изделия из металла (рис. 17 – 7-10, 12, 14) или отдельные фрагменты керамики (рис. 20 – 8, 9, 10), найденные около камней. Не вызывает сомнения связь каменных выкладок с обрядовыми действиями, совершавшимися на территории древнего кладбища (многотонные кварцевые монолиты, о которых говорили в разделе «Общие сведения о памятнике», возможно, из этого же разряда).

Еще раз отметим, что использование камня в погребальных и/или поминальных объектах алакульской группы в целом носило ограниченный характер. Можно даже предположить, что его употребление на Урефтах было обусловлено (спровоцировано) близостью источников каменного сырья и легкостью его освоения. Более чем на 95% камень из алакульских объектов представлен кварцем. Кварцевый материал подбирался с поверхности, но специально не разрабатывался – на это указывает малочисленность обломков с острыми краями.

Погребальные сооружения федоровского типа в урефтинском некрополе занимают периферийное положение. Лучшая выраженность в рельефе этих курганов объясняется тем, что: 1 – они имели более крупные насыпи, 2 – камни ограды сдерживали процесс разрушения надмогильного земляного сооружения. Действительно, по объему насыпи они значительно превосходят алакульские и алакульско-федоровские сооружения.

Экскурс 1. Любопытные результаты дала предпринятая нами попытка вычислить объем насыпей исследованных курганов. Это было сделано для того, чтобы представить хотя бы приблизительно их первоначальные размеры и возможную форму, а самое главное – для того, чтобы можно было сопоставить полученные результаты. В объективности этих результатов можно и должно сомневаться, поскольку подсчеты основываются на ряде допущений и субъективных данных. Допущения: 1 – фиксируемая на поверхности аморфная расплывшаяся насыпь по объему соответствует древнему сооружению; 2 – насыпь по форме соответствует шаровому сегменту. Субъективные данные – это линейные размеры насыпи и высота. На закономерный вопрос, для чего нужны эти исчисления, если их результаты заведомо недостоверны, можно ответить так. Во-первых, реконструируемые объемы безусловно отличаются от первоначальных, но не на порядки. Во-вторых, для нас важны не абсолютные, измеренные в кубических метрах, величины, а соотношения между ними. А это показатель «работающий». Объем насыпи вычислялся по формуле: $V = \pi r h / 6 (3r^2 + h^2)$, где h – высота сегмента, r – радиус основания шарового сегмента. Для примера возьмем относительно хорошо сохранившуюся насыпь кургана 16. Она была сегментовидной, овальной формы, размером 15х17 м при высоте 0,4–0,5 м. Приняв за радиус основания сегмента наименьшую величину 7,5 м и за высоту 0,5 м мы получим, $V = 3,14 \times 0,5 \text{ м} / 6 (3 \cdot 56,25 \text{ м}^2 + 0,25 \text{ м}^2) = 43,94 \text{ м}^3$. Теперь, зная объем насыпи, форму и диаметр древнего земляного сооружения (он равен внутреннему диаметру кольца каменной ограды, т.е. около 7,5 м), можно вычислить высоту дернового цилиндра, возведенного над могилой в этом кургане: $h = V/S = 43,94 \text{ м}^3 / 3,14 \cdot 14,06 \text{ м}^2 = 0,99 \text{ м}$, т.е. около 1 м. Был ли это цилиндр, усеченный конус или нечто другое, сказать трудно, но о том, что линия стен этого сооружения была близка к вертикальной, можно судить по характеру развала ограды: камни в основном обрушивались наружу – при том, что высота некоторых гранитных плит в ограде достигала 1–1,2 м.

Произведенные подсчеты для других курганов дали обильную пищу для размышлений. То, что федоровские сооружения по размерам превосходят алакульские, было видно невооруженным глазом. Но то, что это превосходство имеет многократный характер, стало в какой-то степени неожиданным. Например, насыпь федоровского двухмогильного кургана 7 по объему больше насыпи кургана 15 алакульской группы более чем в 20–25 раз (около 75 м³ против 3–4 м³). Насыпи федоровского кургана 16 и алакульского кургана 21 соотносятся как 4:1, но первый курган – одномогильный, а под насыпью второго оказалось более 20 погребений. Другими словами, возведение надмогильных земляных сооружений федоровского типа сопряжено с гораздо большими трудозатратами. Если предположить, что толщина кусков дерна в среднем составляла около 10 см – а для черноземной почвы с луговой разнотравно-злаковой растительностью (такой ли была в древности?) это вполне реально, нетрудно подсчитать, что для сооружения насыпи объемом 10 м³ необходимо снять дернину с площади около 100 м². Соответственно, для 44 м³ (курган 16) – с площади 440 кв.м, для насыпи объемом 70 м³ – с площади более 700 кв.м и т.д. Можно представить, как выглядела территория могильника через какое-то время после совершения первых захоронений. Хотя, в этой картине могут быть искажения. В частности, по данным химического анализа почв, около кургана 30 дерновые блоки не снимались – в нижних горизонтах профиля здесь не зафиксировано следов антропогенного воздействия.

Из 8-ми исследованных пять курганов – одномогильные (1, 3, 5, 8, 16), один – двухмогильный (7), в двух курганах находилось по три могилы (4, 6). От количества могил зависели форма и размеры насыпи. Наземная часть одномогильных комплексов представляла собой сложенное из дерновых блоков сооружение округлой формы, диаметром от 4,4 до 7,5 м и высотой от 0,6 до 1 м, окруженное кольцом каменной ограды (рис. 35, 37). Земляная конструкция, сооруженная над двумя погребениями кургана 7, судя по оградке из камней, имела близкую к овально-подчетырехугольную форму (рис. 37 – 4). Наземное сооружение одного из трехмогильных курганов (6) по форме близко к прямоугольному (около 8,4х5 м). На примере данного объекта, кстати, видно, что курганы Ф-типа иногда подвергались перестройке. Первоначально это был одномогильный курган. Спустя какое-то время его округлая оградка была разобрана, но полностью – сохранилась часть южного контура (рис. 36 – 1). После совершения двух новых захоронений, над всеми могилами была возведена общая земляная конструкция, а вокруг нее сложена каменная стенка. Таким образом, из одномогильного с округлой каменной конструкцией курган 6 трансформировался в трехмогильный с подпрямоугольной в плане насыпью и каменной оградой (рис. 49). Соответственно произошло увеличение объема надмогильного сооружения.

Обязательным атрибутом урефтинских Ф-курганов является ограда из камней. Это была каменная стенка, возводившаяся по периметру и вплотную к боковым поверхностям земляного со-

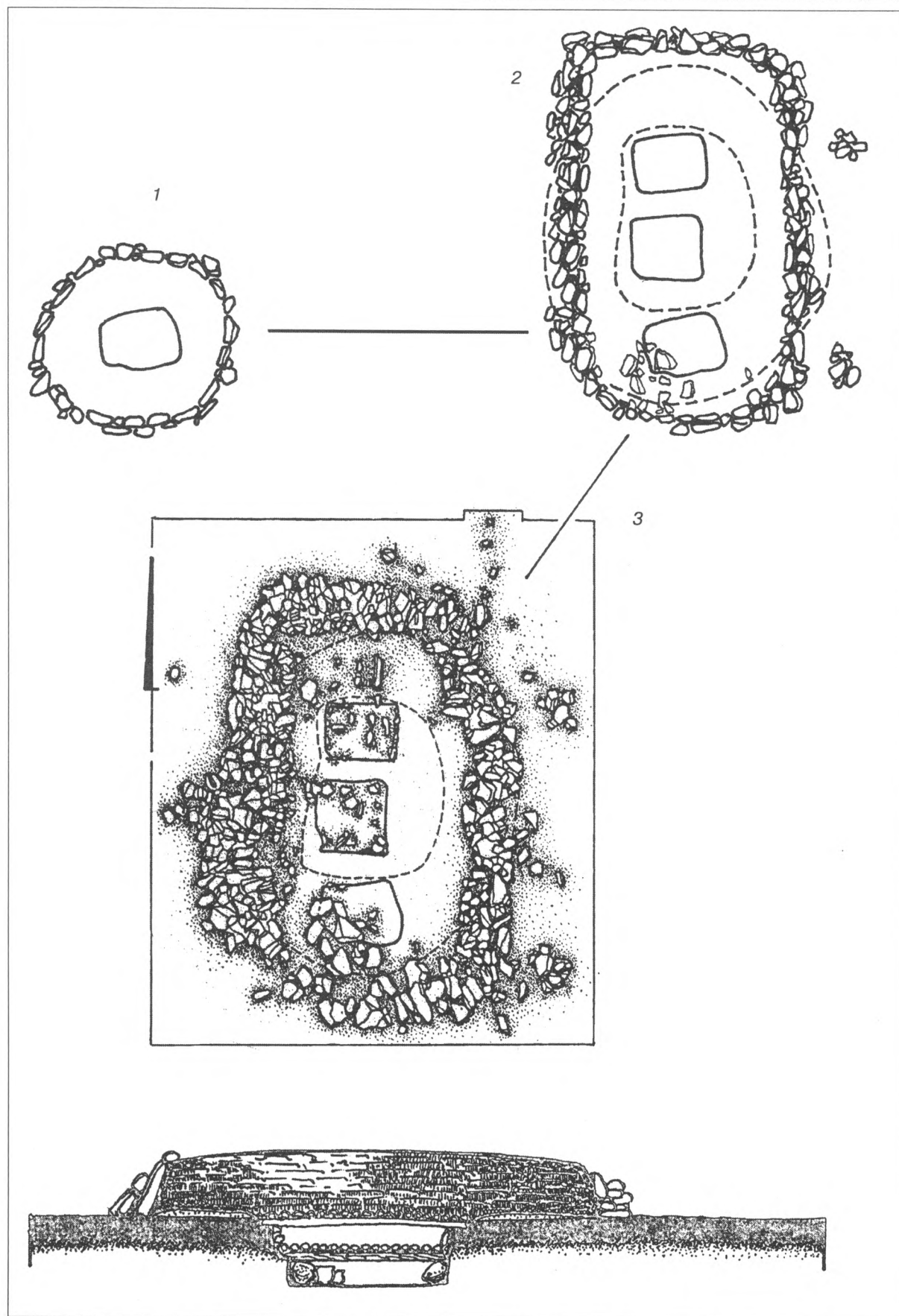

Рис. 49. Могильник Урефты I, курган 6. Этапы сооружения погребального Ф-комплекса и трансформации одномогильного кургана в многомогильный.

оружения. Внешний вид ограждения, очевидно, был обусловлен характером исходного сырья. Крупные гранитные плиты размером в поперечнике до 1,0-1,2х0,6-1,0 м при толщине до 0,15-0,2 м устанавливались на ребро и прислонялись к наклонным стенкам дернового сооружения, но при этом, как будто, не вкапывались в землю. Их положение могло дополнительно фиксироваться более мелкими камнями. Другой вариант – сооружение невысоких каменных стенок способом сухой кладки из положенных плашмя небольших плит или плотно подогнанных друг к другу глыб, валунов и других отдельных. Зафиксированы комбинированные оградки с приставленными плитами и уложенными в несколько слоев камнями. В большинстве случаев ограждение имеет замкнутую систему; лишь в одном кургане (3) насыпь ограничена каменной выкладкой только в северо-восточном и восточном секторах. Была ли здесь каменная выкладка изначально такой, или ограда данного кургана была частично разобрана, неясно. Поражают масштабы трудозатрат, связанных с добычей и транспортировкой камня для оградок курганов федоровского типа. Оградки федоровских курганов на Урефтах сооружались преимущественно из плит и обломков гранитных пород и кварцевого камня. Как и в алакульских курганах, применялись глыбы и валуны кварца местного происхождения, однако этот материал отнюдь не доминирует в оградках. В качестве основного строительного материала использовались граниты разного состава. По заключению специалистов из Долгодеревенской ГРП, среди камней оградок есть плиты (обломки, куски) своим происхождением связанные с Султаевским гранитным массивом. Султаевские граниты (раппаквиообразные, крупнозернистые с порфиробластами полевого шпата, микроклиновые) имеют характерный розоватый или метаморфический желтоватый цвет. Южная граница данного гранитного массива проходит в 6-7 км к северу от курганной группы Урефты I. В окрестностях дер. Султаево граниты до сих пор разрабатываются в двух карьерах (на обоих нам довелось побывать), а жители этой деревни вплоть до недавнего времени выламывали гранитные плиты из выходившей на поверхность породы для строительства фундаментов жилых домов, надворных построек и т.п. Такие выходы имеются на южном побережье оз. Агашкуль на расстоянии около 7-8 км к северу от Урефтов. Совокупный объем добытых здесь древними людьми гранитов исчисляется десятками тонн – только в оградке кургана 16 использовано не менее 5 тонн султаевского камня. Не меньше, а пожалуй, значительно больше употреблено гранитов и гранодиоритов Челябинского массива – серого цвета, средне- и крупнозернистых, плагиоклазового состава. Челябинский гранитный массив простирается южнее оз. Урефты, но в ближайшей округе от могильника – в радиусе 2-3 км – не зафиксированы выходы камня на поверхность или следы его разработки. Нужно заметить, что граниты как строительный материал доминировали, но не во всех без исключения оградках. В частности, в кургане 8 для ее сооружения

было использовано несколько тонн кварцевого камня, а гранитные обломки серого и зеленовато-серого цвета встречаются здесь в небольшом количестве. Кроме того, разного рода выкладки или компактные кучи камней, в ряде случаев примыкавшие к оградкам или сложенные около них (рис. 38 – 2, 40), состояли преимущественно из кварцевых глыб и валунов. Назначение этих объектов не совсем ясно. Скорее всего, они выполняли обозначающую или мемориальную функцию (Смирнов, 1997, с. 40).

Устройство могил, как и надмогильных сооружений, в урефтинских курганах Ф-типа подчинено определенным стандартам. Количество могил в них не превышало трех. В тех случаях, когда их было более одной, могилы располагались в один, вытянутый по оси С-Ю, ряд. Захоронения совершались только в крупных ямах – площадью от 2,5 до 6,2 кв.м (6 ям имели площадь от 2,5 до 3,7 кв.м, 7 – от 4 до 6,2 кв.м). Если исходить из соответствия размеров могил возрасту умерших, в федоровских курганах должны были быть захоронены останки взрослых людей или, может быть, двух-трех подростков (?). Захоронения детей в малых могилах на подкурганых площадках отсутствуют совершенно. В сравнении с алакульскими, могильные ямы Ф-курганов заметно глубже – их глубина в материковом суглинке варьирует от 0,55 до 1,2 м (т.е., подготовка этих ям также сопряжена с большими трудозатратами). В курганах 4, 6 и 7 получены данные о том, что могилы иногда выкапывались в специально подготовленном углублении. Практически все могилы имели широтную ориентировку.

В оформлении могил часто использовался камень, он – в том или ином количестве – присутствовал в 10 (из 13) погребениях. В могильной яме кургана 1 из больших и малых кусков кварца и гранитных плит, поставленных на ребро и плотно подогнанных друг к другу, был сооружен каменный ящик. На некоторых гранитных плитах имелись следы подтески. В других курганах камнем облицованы все углы и участки стен или только определенные углы и короткие отрезки стен. В кургане 16 зафиксированы следы какой-то органической подстилки (?) на дне ямы. В 11 могилах обнаружены остатки истлевшего перекрытия. Преобладала поперечная укладка бревен, жердей или плах; в нескольких случаях в древесном тлене удалось расчистить фрагменты бересты. Перекрытие держалось на уступах или заплечиках, сделанных вдоль длинных стен, но чаще оно опиралось на внутримогильную каменную конструкцию. Таким образом, если в алакульских объектах погребальной камерой являлась вся яма, то в комплексах Ф-типа погребальная камера устраивалась в нижней половине могильной ямы. Высота камеры определялась размером камней, стоявших по стенам и в углах. Кстати, перекрытия могли опираться и на вертикальные столбы – их остатки обнаружены, например, в курганах 6 и 7. Хотя, нет уверенности, что эти столбы не выходили наружу. После совершения захоронений погребальные камеры, вероятно, засыпались (или присыпались – если имелось еще одно перекрытие, державшее

еся на заплечиках или краях ямы, однако это не факт). Интересно, что в ряде могил отмечена частичная облицовка стен и углов ямы на уровне перекрытия камеры или несколько выше (кург. 6, 7).

В 6 погребениях обнаружены *следы трупосожжения* – растащенные по дну кальцинированные косточки. Кремация умерших производилась на стороне. В остальных могилах отсутствуют какие-либо останки умерших.

Сопроводительный инвентарь предельно скуден; на дне могил – в основном у западной стены – размещалось по одному-два горшка, глиняное блюдо. Отсутствуют какие-либо поделки из кости, бронзовые украшения. Коллекция металлических предметов включает два ножа; оба происходят из погребений кургана 7, в которых они находились около стен. Обращает на себя внимание плохая сохранность глиняной посуды. Складывается впечатление (возможно, обманчивое), что некоторые из горшков были изготовлены с единственной целью – для помещения в могилу. К сказанному можно добавить, что, в отличие от алакульских погребальных комплексов, на дне могил курганов федоровского типа иногда встречаются кости животных – свидетельства снабжения умерших мясной пищей. В двух погребениях найдены реберные кости мелкого рогатого скота, еще в одном – тазовая кость лошади. В то же время ни в одном из исследованных Ф-курганов не обнаружены столь характерные для алакульской погребальной практики жертвенники и другие остатки жертвоприношений животных.

Для погребальной практики федоровского населения не типично устройство каких-либо, похожих на могильные, объектов с внешней стороны от каменной ограды. Исключения редки. На Урефтах I таковым является курган 16. Напомним, что на расстоянии около метра к северу от развала ограды здесь (рис. 38 – 2) зафиксирована небольшая (1,2х0,8 м) овальная яма, впущенная в материк всего на 5-8 см (от уровня древней дневной поверхности не более 0,3 м). Около нее и в ее заполнении обнаружено два десятка мелких обломков плавногопрофилированного горшка вполне федоровского облика (рис. 38 – 5), других находок не было. По алакульским стандартам углубление соответствует малой – детской или символической – могиле, но сосуд для нее явно великоват: в неповрежденном состоянии он имел бы высоту не менее 23 см. Впрочем, был ли он целым и находился ли он первоначально в яме, неясно.

Разрозненные обломки второго сосуда (24 ед., рис. 38, 4), пара бронзовых подвесок в золотой фольге (рис. 38 – 6, 7) и до десятка кальцинированных косточек, принадлежавших одной человеческой особи, обнаружены на участке 3,5х1,2 м вдоль юго-восточного отрезка ограды (рис. 38 – 2). Можно предположить, что в этом месте находилось погребение, устроенное на небольшой глубине (в черномземном слое, и потому не выявленное) и спустя какое-то время разрушенное. Любопытно другое – горшок из этого условного погребального объекта не федоровского, а, скорее, алакульско-федоровского облика (неорнаментированная

полоса в переходной зоне, уступчатый профиль, приземистая форма).

Уникален объект из кургана 7 – яма с захороненной в ней костью шерстистого носорога. По сообщениям геологов местной геологоразведочной партии, им не известны местонахождения костей ископаемых животных в окрестностях пос. Долго-деревенское. Тем более интересно, что аналогичная находка – фрагмент рога первобытного бизона – обнаружена в центральной погребении кургана алакульского типа 21.

Наконец, нельзя обойти вниманием *свидетельства ритуальных действий с огнем*, выявленные только в одном кургане, но зато во всех трех его захоронениях. В могилах 1, 2 кургана 6 на дне ям зафиксированы большие и локальные пятна прокалов с частицами угля и золой, кроме того, следы огня имелись на некоторых камнях. В могильной яме 3 расчищено большое углистое пятно. Между тем, остатки трупосожжения обнаружены лишь в одном погребении, но и здесь нет непосредственной связи между кальцинированными косточками и прокалом, поскольку кремация умершего производилась на стороне. Неслучайный характер свидетельств огня в могилах кургана 6 очевиден.

Анализ данных, полученных в результате исследования курганов федоровского типа Урефтинского I могильника, позволяет охарактеризовать погребальную обрядность федоровской группы населения причелябинского района АКЮ как сложную каноническую систему, строго регламентирующую предпохоронные и похоронные обрядовые действия. В сравнении с алакульской она менее вариабельна и гораздо – на порядки – более трудозатратна.

Чем отличаются от алакульских и федоровских объекты, отнесенные нами к **группе смешанных алакульско-федоровских**? Если отличия есть, насколько они существенны? Чтобы ответить на эти вопросы нужно иметь, как минимум, общее представление о комплексах АФ-типа. С сожалением должны признать, что составить его по урефтинским материалам почти невозможно – слишком мала для этого источниковая база. Данную группу образуют всего два исследованных объекта – курган 30 и условный курган=ансамбль детских грунтовых погребений 13. Они совсем не похожи друг на друга: в кургане 30 совершенно одно захоронение в большой (4,4 кв. м) яме, объект 13 включал 18 малых могил, самая крупная из которых имела площадь 1,5 кв. м. В первом случае над погребением было возведено значительное по объему (13-14 куб. м) дерново/земляное сооружение; «насыпь» другого, сформировавшаяся из развалившихся надмогильных холмиков, прочитывалась настолько плохо, что мы даже не попытались вычислить ее примерный объем. Ясно, что он очень мал. Помимо 18-ти могил, ансамбль включал еще 6 мелких ям с одним-двумя горшками на дне, вырытых в темноокрашенном почвенном горизонте.

Исходя из параметров ям, все могилы должны быть отнесены к группе детских. Данный вывод согласуется с результатами анализа антропологи-

ческих остатков, обнаруженных в 8 погребениях – они принадлежали детям, умершим в возрасте до 2-3 лет (7 случаев) и 4±1 год (1 случай). В самой крупной – среди выявленных в ансамбле – могиле костей человека не было, но можно вспомнить, что в почти аналогичной по форме и размерам могиле 15 алакульского кургана 21 находился полный скелет шестилетнего ребенка. В целом, есть основания говорить о том, что малые могилы «кургана» 13 по внешнему виду, размерам, неустойчивой ориентировке ям, способу захоронения (ингумация), положению тел умерших (скорченно, на левом боку) и их ориентировке (преимущественно на запад), составу и размещению инвентаря, отсутствию во многих ямах антропологических остатков и др., аналогичны детским погребениям алакульских погребальных комплексов. Несмотря на кажущуюся бессистемность, в расположении могил прослеживается закономерность. Погребальное пространство организовано по знакомой схеме: здесь есть центральные захоронения и периферийные; в число последних попадают и мелкие ямы с горшками. То есть, мы видим характерную для алакульской традиции круговую планировку боковых могил относительно центральной с той лишь разницей, что в «кургане 13» в качестве центральных выступали те же, по-видимому, детские могилы, но чуть более крупные. Любопытно, что как и в алакульских комплексах, в здешних центральных погребениях отмечены следы проникновения, при том, что детские могилы разорению, как правило, не подвергались. Как погребальный ансамбль «курган» 13 формировался поэтапно. Трудно сказать с какого захоронения началось его «развитие», но в отдельные периоды функционирования роль центральных выполняли могилы 1 и 2. Над ними сооружались невысокие и небольшого диаметра (до 3-3,5 м) земляные конструкции, к которым со временем пристраивались другие детские могилы и мелкие ямы с горшками, обозначенные на поверхности дерновыми холмиками.

Таким образом, «курган» 13 по многим признакам погребального обряда имеет очевидные соответствия в урефтинских погребальных комплексах алакульской принадлежности. Не менее очевидны и отличия. Так, среди исследованных на Урефтах I алакульских курганов не было ни одного, состоящего только из детских погребений. Могильные ямы «кургана» 13 несколько глубже врезаны в материк, чем детские могилы около алакульских курганов. Но самое заметное, и, пожалуй, самое существенное отличие связано с использованием камня. Большая часть грунтовых погребений маркирована на поверхности бесформенными скоплениями или выкладками из кварцевых глыб и валунов (рис. 41), нередко они укладывались и на перекрытия. По объему использованного камня «курган» 13 значительно превосходит любой из алакульских курганов могильника, но также значительно уступает любому из

курганов федоровского типа (кроме, может быть, кургана 3).

Коллекция сосудов, найденных в могилах этого ансамбля (47-48 экземпляров) почти на 1/3 состоит из типичных образцов алакульского гончарства, еще 1/3 представлена не менее выразительными образцами посуды алакульско-федоровского облика. Очень важно, что керамику АФ-типа содержали центральные погребения 1 и 2 (рис. 41 – 4, 9). В кургане 30, напротив, все горшки, обнаруженные в погребении и около надмогильного сооружения (рис. 45 – 6, 7, 8), характеризуются органическим сочетанием алакульских и федоровских черт. При обустройстве могил и насыпи совершенно не применялся принесенный камень. Крупные кварцевые глыбы, одна из которых находилась около северного края могильной ямы, а другая – в юго-западном секторе раскопа (рис. 45 – 1) – естественного происхождения. Они связаны с кварцевой жилой, уходящей вглубь материнской породы. Если же допустить, что соседство могилы и каменной глыбы не случайно, и что могила была намеренно вырыта около выходившего на древнюю поверхность монолита, становится понятным, почему здесь нет принесенных камней (манупортов). Однако это из области догадок.

В отличие от погребальной практики алакульского населения, в которой абсолютно доминируют захоронения по обряду ингумации, погребение в кургане 30 совершено по обряду кремации. Сожжение тела умершего происходило на стороне; первоначальное положение кальцинированных косточек в могиле не ясно. Можно обратить внимание на довольно большое количество костей (свыше 150 ед.) и присутствие среди них фрагментов, позволивших определить возрастную группу, к которой принадлежал умерший. В сравнении с «курганом» 13, который по признакам погребального обряда в значительной степени соответствует нормам алакульской погребальной практики (в данном смысле он более алакульский, чем алакульско-федоровский), курган 30 производит двойственное впечатление. Он сопоставим и с алакульскими и с федоровскими комплексами, при этом алакульские параллели кажутся нам более явственными. В целом же определение данного комплекса как алакульско-федоровского как нельзя более точно отражает его культурное своеобразие.

Справедливости ради отметим, что если рассматривать в качестве основных признаков АФ-комплексов смешение некоторых черт погребальной обрядности и синкретический характер посуды из них, то к этой группе на Урефтах I следовало бы отнести впускную могилу 8 в кургане 21 (рис. 23 – 16, 17) и условную грунтовую могилу около ограды кургана 16 (рис. 38 – 4, 6-8). Горшки с алакульскими и федоровскими признаками присутствовали также в ряде детских могил курганов 2, 15, 21 и 25 (рис. 12 – 8, 18 – 12, 26 – 14, 15, 29 – 2 и др.).

Посмертный инвентарь

Суммарная коллекция находок, полученных при исследовании Урефтинского I могильника, невелика и в значительной степени однообразна. Она включает примерно 247-250 глиняных сосудов – целых и в обломках, 171 изделие из металла и около трех десятков предметов из камня, кости, раковин и иных материалов. Находки из слоя стоянки-мастерской Урефты IA (рис. 7, 8), энеолитической стоянки (рис. 50 – 12-17) и впускного погребения раннего железного века (рис. 50 – 2, 3) в это число не входят. Археозоологические остатки из жертвенных комплексов и «напутственной пищи» мы не склонны относить к категории погребального инвентаря, но и они, заметим, также немногочисленны (анализу костных остатков животных посвящено Приложение 2, подготовленное П.А. Косинцевым). В подавляющем большинстве случаев вещи находились на дне

могил, лишь малая часть их обнаружена в насыпях курганов, около объектов, не несущих функций погребального сооружения (разного рода каменных выкладок, стенок, оградок, отдельных валунов), или в культурном слое некрополя. По причине малочисленности коллекции (в особенности ее некерамической части) и невозможности в ряде случаев установить первоначальное местоположение находок (из-за позднейших проникновений и разрушения могил), мы воздержимся от разделения погребального (похоронного, посмертного) инвентаря на сопровождающий, сопутствующий, сопредельный и сопричастный (Смирнов, 1997. С. 73-76). Описание находок выполнено согласно логике построения предыдущих разделов. Соответственно представлены предметы из алакульских, федоровских и алакульско-федоровских комплексов.

Инвентарь алакульских погребальных комплексов

Изделия из металла. Они обнаружены в 14-ти могилах: 8-ми детских (в некоторых из них отсутствовали костяки), 5-ти предназначенных для захоронения умерших взрослых (все разграблены) и одной подростковой. Если исходить из результатов раскопок урефтинских А-объектов, «оснащенность» погребенных металлическими предметами нужно оценивать как очень низкую. Так ли было в действительности, мы не знаем: все центральные и периферийные погребения взрослых разорены, а в детских могилах, как будто не подвергавшихся разграблению, металлические вещи – большая редкость. Младенцы, умершие до года, сопровождались исключительно посудой, бронзовые и иные вещи появляются в погребениях детей старше 2-3 лет. Тем не менее, алакульский погребальный инвентарь на 2/3 состоит из вещей, найденных именно в детских захоронениях.

Из 171 металлического предмета только 10 не являются украшениями, принадлежностями одежды или обуви – это капелька меди из могилы кургана 9, непонятного назначения пластинчатое изделие из погребения 7 кургана 25 и 8 медных скоб (скрепок), использованных для ремонта глиняных сосудов. Из числа оставшихся 161 предмет – это мелкие бусины, в том числе одна из сурьмы, остальное – браслеты, обоймы, бляшки, пронизи (рис. 51, 52).

Браслеты (12 экз.) – желобчатые изделия с разомкнутыми (рис. 51 – 10, 13) или заходящими (рис. 51 – 2, 4) концами, диаметром 4-5,2 см при ширине пластин 0,7-1,0 см. У некоторых экземпляров концы слегка заострены. Наручные украшения подобных форм имеют чрезвычайно широкое территориальное и хронологическое распространение, в алакульских погребальных комплексах они являются одной из наиболее часто встречающихся находок (Аванесова, 1991. С. 67, 68; Матвеев, 1998. С. 246, 247). Представляет интерес браслет с пробитым на одном конце щелевидным отверстием, обнаруженный в погребении 16 кургана 21, не содержавшем костяка. В отверстие был продет тонкий проволоочный крючок (рис. 51 – 3), при извлечении он частично разрушился. Второй экземпляр браслета из этой могилы отверстий не имел. Н.А. Аванесова предполагает, что отверстия на концах браслетов служили замком, «... чтобы браслет не спал с руки, концы закреплялись» (1991. С. 68). Объяснение вполне здравое, но, судя по урефтинской находке, не единственно возможное. Быть может, при определенных обстоятельствах браслеты могли использоваться в качестве головных украшений, как подвески или серьги (?). К сказанному можно добавить, что в могиле 1 алакульско-федоровского «кургана» 13, тоже не содержавшей

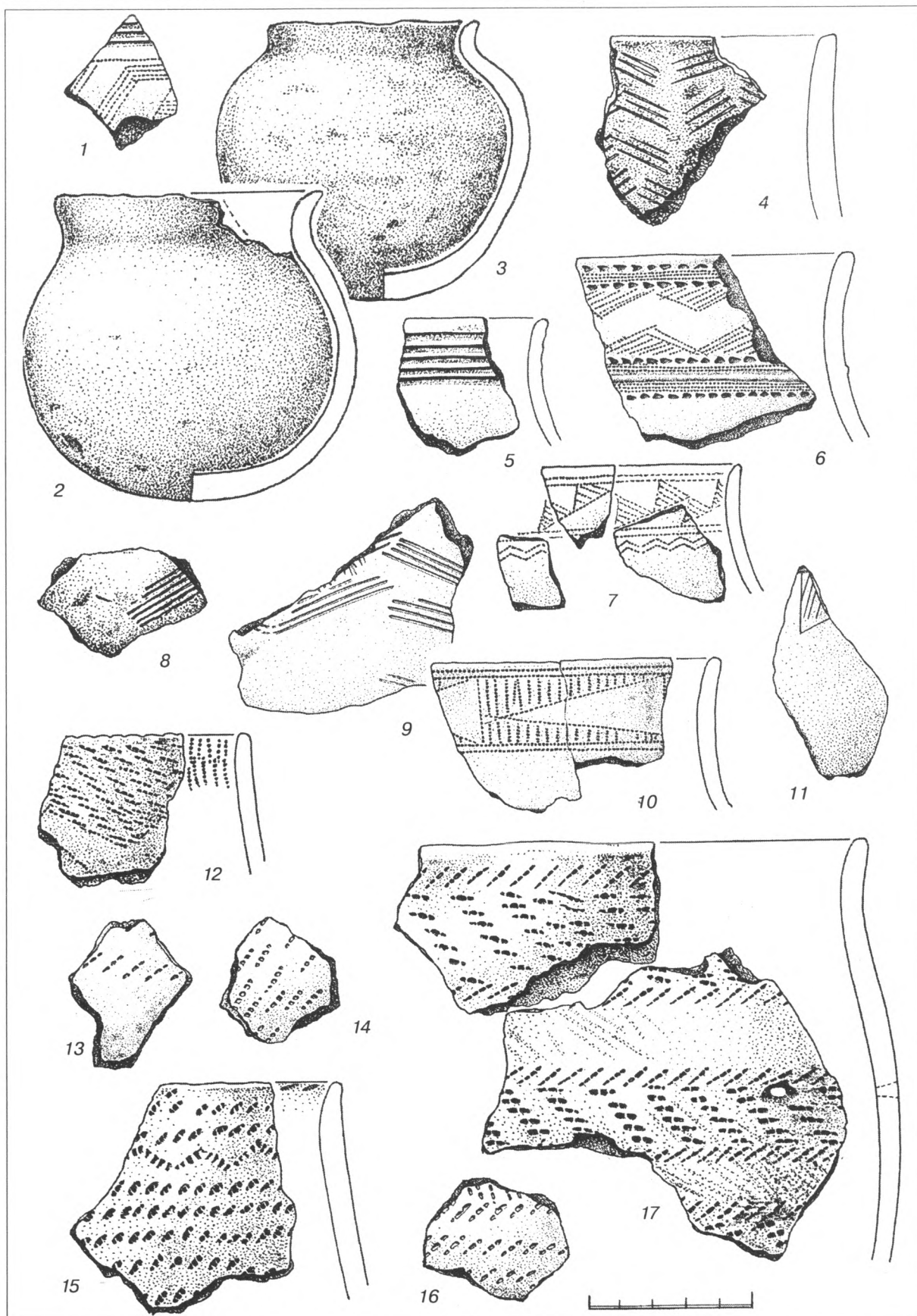

Рис. 50. Могильник Урефты I. Инокультурная керамика в погребальных объектах.
1, 5, 7 – курган 16, 2-3 – курган 2; 4 – шурф около кварцевого монолита; 6 – курган 4;
8-11 – курган 3; 12, 15, 17 – курган 1; 13, 14, 16 – курган 25.

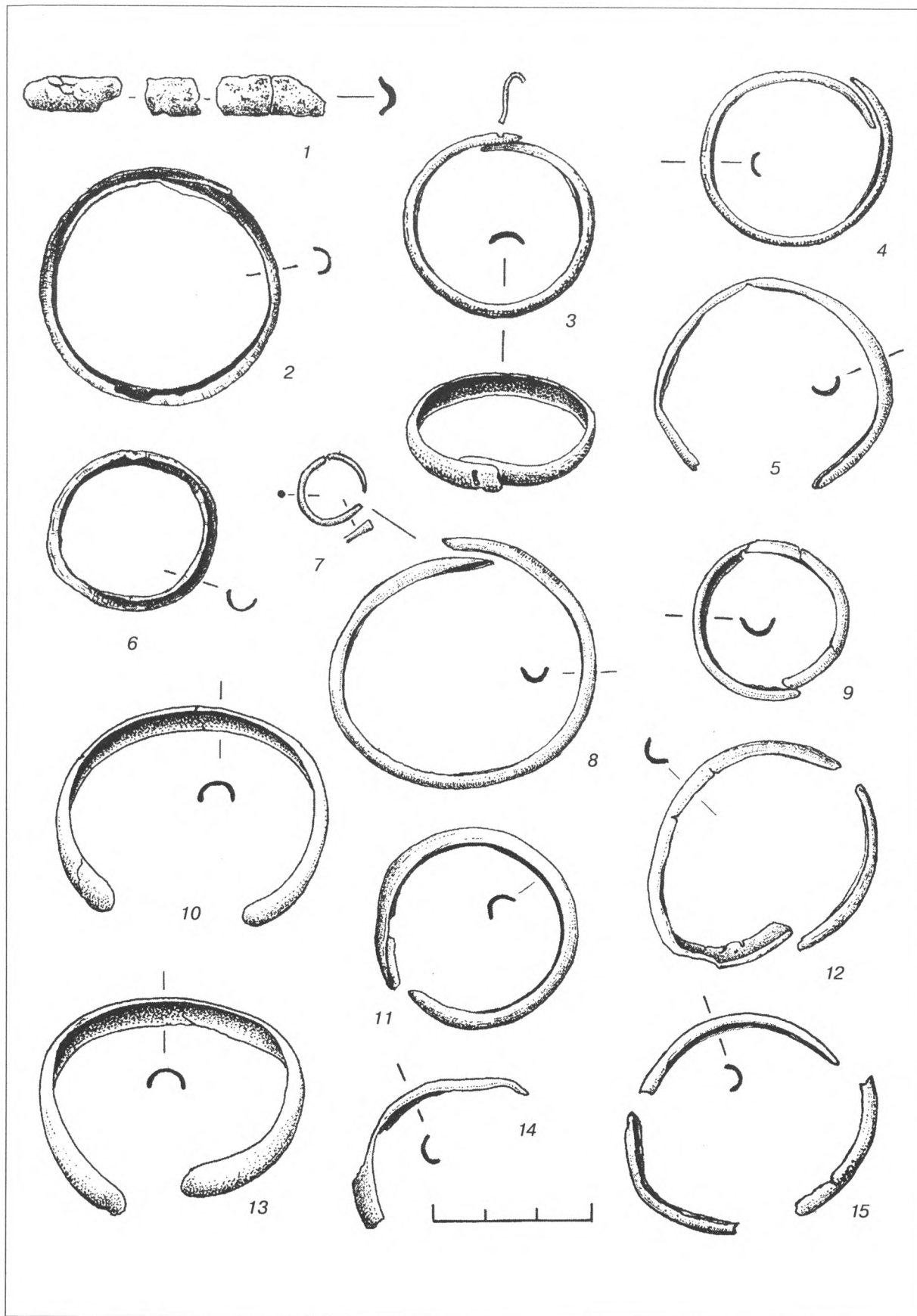

Рис. 51. Могильник Урефты I. Бронзовые украшения из А- и АФ-комплексов. Курган 2 (5 – погр. 5; 14 – погр. 1), 10 (2 – около сосуда 2; 6 – около сосуда 3; 9 – около сосуда 4); 13 (7, 8 – погр. 1; 15 – погр. 6), 21 (10, 13 – погр. 14; 3, 4 – погр. 16), 25 (1 – погр. 4; 11, 12 – погр. 1).

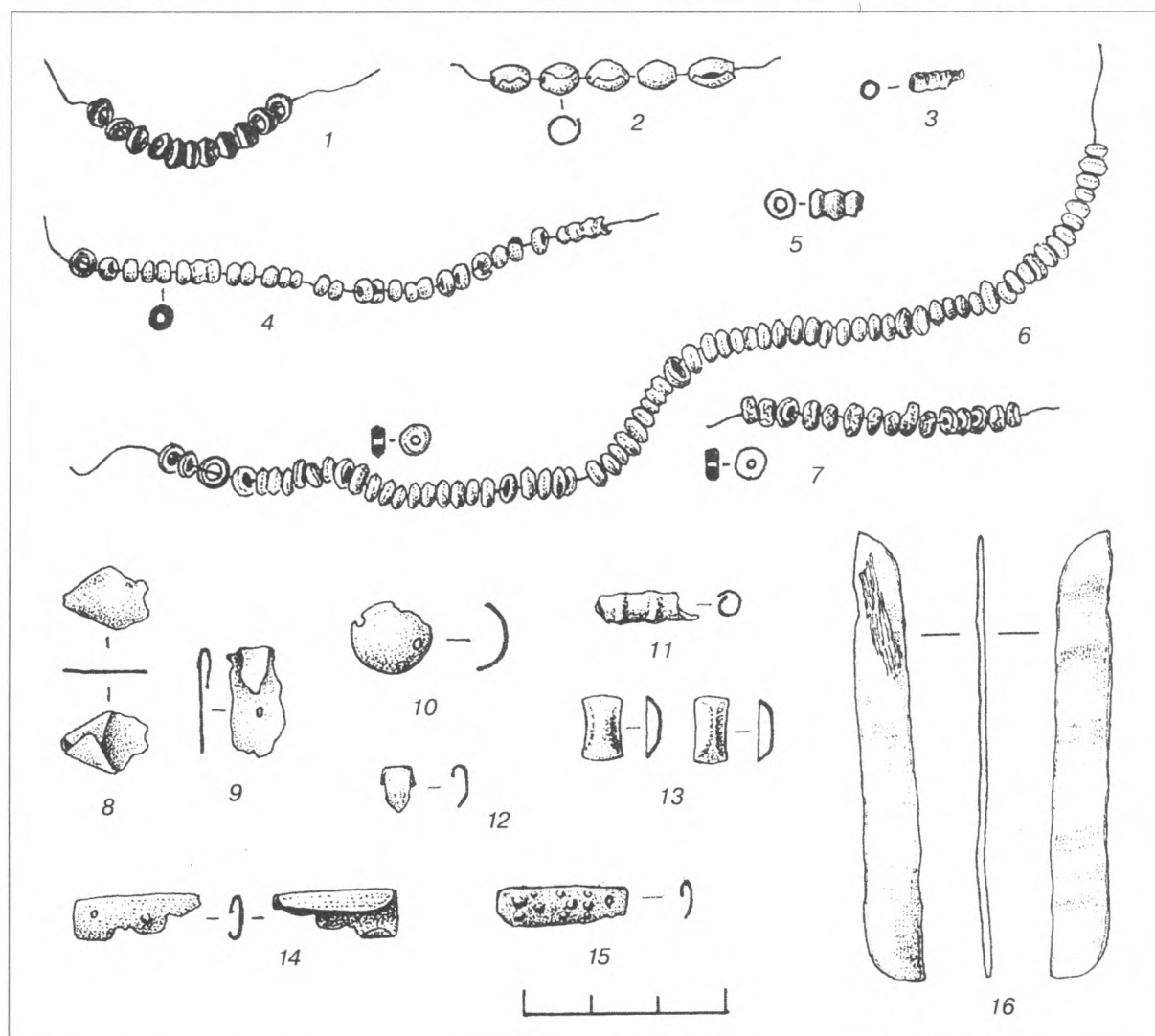

Рис. 52. Могильник Урефты I. Бронзовые изделия из А- и АФ- погребений. Курган 21: погр. 14 (6-7); 15 (2, 4, 8-10), 19 (11-15). Курган 25: 3 – погр. 4, 16 – погр. 7. Курган 27: 1 – погр. 5. «Курган» 13: 5 – погр. 6.

антропологических остатков, желобчатый браслет без отверстий найден в паре с маленьким проволочным колечком с несомкнутыми – острым и раскованным – концами (рис. 51 – 7, 8). Каково назначение этого комплекта?

Бусины бронзовые колечкообразные (126 экз., рис. 52 – 1, 4-7), диаметром 3,6-5 мм, в профиле ребристые или скругленные. В больших гробницах обычно рассредоточены по всему пространству камеры, в непогребенных погребениях детей располагаются кучно, как правило, в области голени или стоп (пп. 14, 15 кургана 21). Подобные изделия широко применялись для украшения одежды, обуви, но особенно много их употреблялось при изготовлении так называемых наконечников (Усманова, Логвин, 1998). В детском погребении 15 кургана 21, кроме колечкообразных, были обнаружены 5 бочонковидных бусин, свернутых из тонких бронзовых пластинок (рис. 24 – 17, 54 – 2), диаметром 0,5 и длиной 0,7 см.

Бляшки представлены миниатюрными выпуклыми изделиями прямоугольной формы, размером 0,5-0,6х1 см (2 экз., рис. 52 – 13) и фрагментом полушарного экземпляра, диаметром 1,2 см, с двумя отверстиями (рис. 52 – 10). Сделаны из листовой бронзы. Из тонких бронзовых пластинок изготовлены разнообразные обоймы, преимущественно, прямоугольных очертаний, в т.ч. украшенные в пуансонной технике (рис. 52 – 9, 12, 14, 15), рифленые трубочки-пронизы (рис. 52 – 3, 11) и «наконечник» кожаного ремешка (?) (рис. 52 – 8). Перечисленные вещи в том или ином количестве присутствуют в коллекциях едва ли не каждого исследованного могильника алакульской культуры.

Бронзовый предмет, обнаруженный в могиле 7 кургана 25 (рис. 52 – 16), представляет собой вытянутую узкую пластину размером 6,6х0,7-0,8 см при толщине 1 мм, концы которой дугообразно скошены в противоположные стороны. На одном из концов сохранились частицы древесного тлена.

Имеет ли это изделие законченную форму, и для чего оно предназначалось, неясно (риском сравнить его с лезвием небольшого ножа).

Бронзовые находки представлены также скрепами, при помощи которых были отремонтированы крупный сосуд из погребения 7 кургана 25 (рис. 29 – 12) и два горшка из кургана 2 (рис. 9 – 6). Трещины на первом стянуты пятью скобами, на втором – одной длинной, а поверх нее дополнительно наложена глиняная заплата. Третий экземпляр – с одной скобой. Использование бронзовых скреп для ремонта керамических сосудов – характерная примета комплексов синташтинского, петровского и алакульского времени на Южном Урале и в Зауралье (Матвеев, 1998. С. 251, 252; Зданович, Куприянова, 2002. С. 142-145; Гутков, 2000).

Костяные предметы представлены игрушками (бабками) из астрагалов м.р.с. (9 экз., по одному в погребениях 14 и 19 кургана 21, два в погребении 7 кургана 25, пять экземпляров найдено около сосудов у каменной выкладки кургана 10, см.: рис. 53 – 19), не имеющими следов подработки или изношенности, и подвесками из зубов животных. В детских погребениях 14 и 15 кургана 21 подвески из зубов представлены скоплениями по 8 экземпляров и в обоих случаях обнаружены в области черепа. Головной убор двухлетнего ребенка из погребения 14 украшали клыки и моляры собаки (рис. 53 – 2-9), в погребении 15 для такого же украшения были использованы клыки и моляры разных животных: собаки (2), выдры (3), волка (1), лисицы (2) (рис. 53 – 10-17). Все амулеты были снабжены отверстиями, просверленными в коренной части зуба. Одиночные амулеты были обнаружены в заполнении могилы 13 кургана 21 (рис. 53 – 18) и в погребении 4 кургана 2 (рис. 53 – 1).

Под черепом ребенка, захороненного в погребении 15 кургана 21, найдено две округлые створки раковины ископаемого моллюска *Restiunculus* с просверленными в области замка отверстиями (рис. 53 – 20, 21). Створки лежали сомкнутыми, являясь, по-видимому, одним целостным украшением.

Находки амулетов из зубов диких животных и собаки – явление обычное при раскопках алакульских погребений (Сорокин, 1962. Табл. XXXVIII; Сальников, 1952. Рис. 6-6; Матвеев, 1998. С. 252). В предшествующее время подобные украшения использовались в среде населения, представленного синташтинскими и петровскими памятниками (Генинг В.Ф., Зданович Г., Генинг В.В., 1992. С. 122, 194, 223; Виноградов Н., 1984. Рис. 4, 19-21, 5-7, 9, 1-14; Усманова, Логвин, 1998. С. 17-18, рис. 7 и др.). Уникальная сохранность некоторых наконечников из погребений могильников Сатан и Лисаковский и зафиксированное положение урефтинских находок в области черепа позволяют рассматривать подвески из зубов животных в качестве возможной детали наконечников или других головных украшений.

Обычной находкой в алакульских комплексах Южного Урала и Казахстана являются украшения из раковин ископаемых моллюсков (Стефанов,

1996. С. 56, рис. 10-7; Матвеев, 1998. С. 256; Сорокин, 1962. Табл. XXVIII, XXXIX; Зданович Г., 1988. С. 105, рис. 41; Виноградов Н., 1984. Рис. 9 – 45 и др.). Нетрудно заметить, что время бытования подобных украшений совпадает с первыми периодами ПБВ на территории степного Тоболо-Иртышья. Многочисленные случаи нахождения украшений из раковин в погребениях в области черепа также позволяют рассматривать их как деталь головных украшений. Не лишена интереса точка зрения А.В. Матвеева, обратившего внимание на использование раковин в качестве орнаментов (Матвеев, 1998. С. 256). Заметим, что в коллекции керамической посуды могильника Урефты I есть два сосуда, орнамент на которых, возможно, нанесен при помощи раковины (рис. 26 – 9, 43 – 9). Интересные наблюдения на этот счет высказаны И.В. Калининой и Е.А. Гаджиевой (Калинина, Гаджиева, 1993. С. 84-85).

Единственное **каменное орудие** обнаружено в насыпи кургана 2, недалеко от центральной могилы 4. Это пест для дробления твердых материалов (рис. 53 – 23), изготовленный из крупной (96x61-80x60 мм) гальки вторичного кварцита. Следы работы фиксируются на расширенной торцевой поверхности, кроме того, уплощенные боковые грани гальки использовались как наковальни. Верхний конец орудия оформлен несколькими крупными сколами. Крупные орудия из камня, в т.ч. ударные, в массе встречаются при раскопках поселений бронзового века, в Зауралье они достаточно широко представлены в материалах синташтинских могильников (Генинг В.Ф., Зданович Г., Генинг В.В., 1992; Епимихов, 2002. С. 135, 140 и др.). В алакульских погребальных комплексах подобные формы редки, но, строго говоря, связь урефтинского орудия с каким-то из погребений кургана 2 не является безусловной.

Керамика.

Экскурс 2. Предложенная в данной работе суммарная характеристика керамических коллекций несколько отличается от традиционной схемы описания андроновской посуды лесостепного Зауралья, предусматривающей выделение двух основных типов: алакульского и федоровского. Для анализа выбраны не собственно культурные типы керамики, а керамические комплексы объектов алакульского, федоровского и смешанного алакульско-федоровского облика. Это позволяет рассматривать некоторые нетипичные для того иного типа экземпляры в едином контексте, что особенно важно в плане выяснения соотношения алакульских и федоровских древностей и оценки так называемых смешанных комплексов. Культурная типология керамики в целом основана на системе индикаторных признаков, выделенных в свое время К.В. Сальниковым (Сальников, 1948) и позднее подтвержденных другими специалистами (Сорокин 1966. С. 5-8; Потемкина, 1983. С. 14; Кузьмина, 1994. С. 109-121).

Предваряя описание керамики, несколько слов о методике обработки. Практически вся керамическая коллекция могильника учтена методами статистического анализа. В качестве базовой выбрана про-

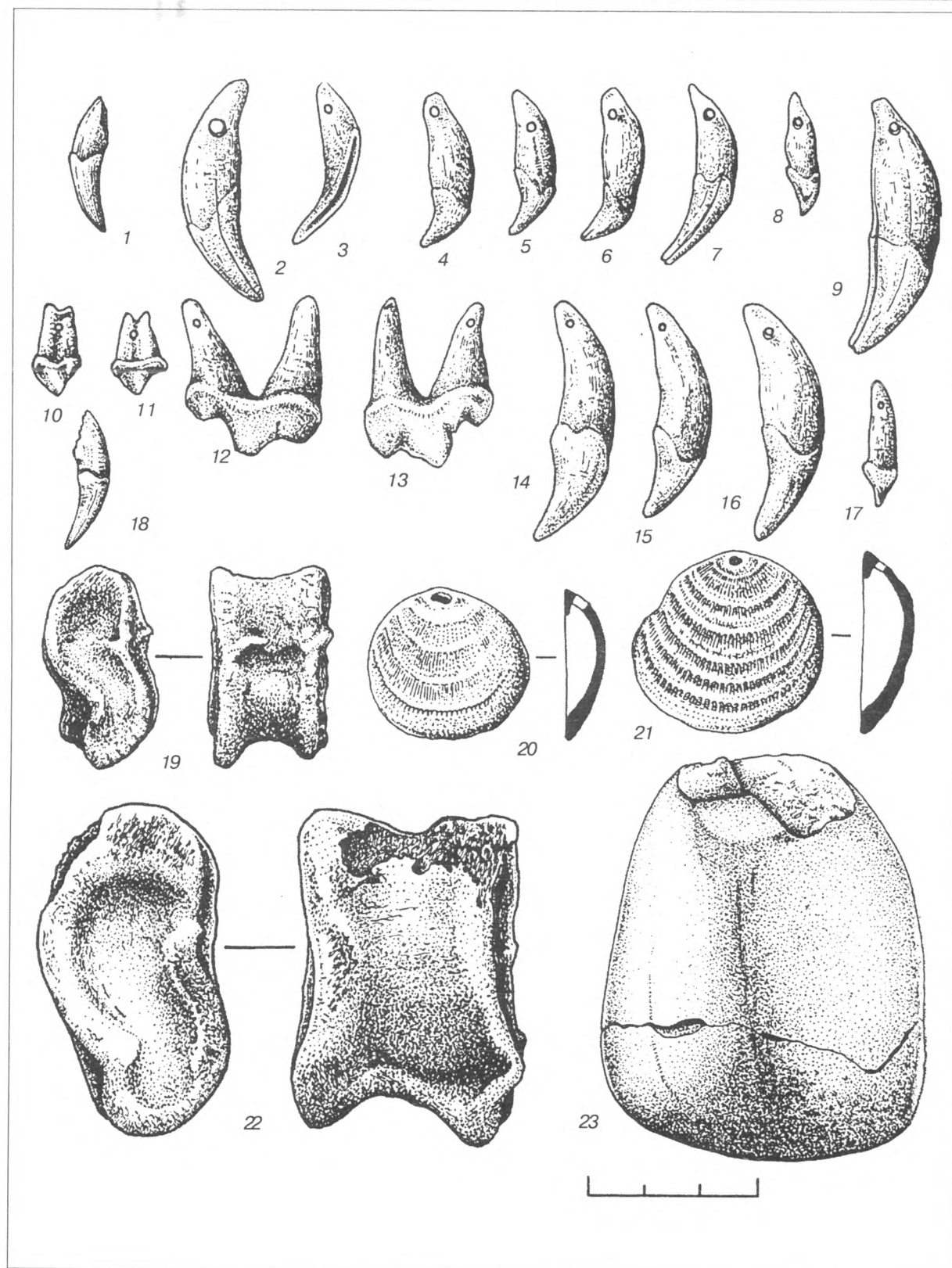

Рис. 53. Могильник Урефты I. Погребальный инвентарь алакульских погребений. Курган 2 (1, 23), курган 21: погребения 13 (18), 14 (10-17), 15 (2-9, 20-21), кв. С/9 (22); курган 25: погр. 7 (19). 1-18, – зубы, 19, 22 – кость, 20, 21 – раковина, 23 – камень.

грамма, разработанная В.Ф. Генингом (1973; 1992)¹. Система учета экстремальных точек контура для выявления стандарта формы в настоящее время является наиболее популярной (Бобринский, 1988; Корякова, 1988. С. 92-94; Глушков, 1996. С. 110/4). Учитывались следующие параметры сосудов: h – общая высота сосуда, h_1 – высота шейки, h_2 – высота плечика, h_3 – высота уступа, h_4 – высота поддона, h_5 – высота придонной части, d – наибольший диаметр тулова, d_1 – диаметр венчика, d_2 – диаметр шейки, d_3 – диаметр дна. Для характеристики основных типов посуды вычислялись указатели пропорций: $X_1 = h/d$, $X_{11} = d/h$ (общий); $X_2 = h - h_1/d$ (пропорции тулова); $X_3 = d_1/d$ (ширины горловины); $X_4 = h_2/h - h_1$ (высоты плеча); $X_5 = h_1/h$ (высоты шейки); $X_6 = d_1/d$ (профилировки шейки); $X_7 = d_1 - d_2/2h_2$ (выпуклости тулова); $X_8 = h_3/h$ (пропорции уступа); $X_9 = d_3/d$ (соотношение венчика и дна).

Все данные по каждому сосуду заносились в специальную карточку, графы которой учитывали параметры, морфологические и орнаментальные признаки сосуда, состав теста, степень сохранности, условия и особенности местонахождения. Затем они обрабатывались средствами базы данных Excel. Таким образом, была обеспечена возможность корреляции различных признаков для проверки и оценки тех или иных археологических контекстов, ситуаций и т.п. Детальная фиксация максимального количества признаков оправдывается потенциально широкими информационными возможностями данного источника. Результаты статистической обработки керамики использовались нами для характеристики и сравнения комплексов. Может показаться странным отсутствие многочисленных таблиц, которые обычно сопровождают разделы, посвященные описанию керамики. В этой связи заметим, что еще ни разу нам не удалось использовать подобные таблицы для полномасштабного сравнительного анализа, т.к. большей частью они адаптированы для конкретного исследования и зачастую открывают свои возможности только «посвященным». Мы отказались от помещения в данную работу таблицы суммарной характеристики урефтинских керамических комплексов еще и потому, что она дает мало что нового. Определение алакульской или федоровской принадлежности того или иного сосуда, серии горшков не вызывает особых трудностей у большинства андроноведов. Гораздо важнее обратить внимание на нетипичность, особенности, характерные детали, которые помогут уточнить место анализируемого комплекса в системе андроновских древностей.

Коллекция керамики, полученной при раскопках алакульских курганов, насчитывает 149 целых и обломки еще более чем от 20 сосудов. Посуду алакульского комплекса можно охарактеризовать как тальковую. Глинистая составляющая – глины и

суглинки скорее всего аллювиального, делювиального или элювиального генезиса, алевроит-пелитовой или пелит-алевритовой структуры, монтмориллонит-гидрослюдистые. Судя по характерной структуре изломов, кратковременный обжиг, а подчас недообжиг, свидетельством чему является черная внутренняя часть и светлая периферия, происходил в восстановительной или дымной среде. Тальк присутствует в нескольких видах: крупные чешуйки, мелкие чешуйки, стеатит, сочетание всех вышеперечисленных фракций, в некоторых случаях фиксируется наличие идингита, и, вероятно, сильно ожелезненного серпентинизированного талька. Доля талька в компонентном составе достигает 30-55 %. Сочетание различных видов талька в тесте посуды явление ординарное, так как он встречается и в виде тальковых сланцев, и в виде плотных разновидностей (стеатит, он же талькит, тальковый камень, мыльный камень). В тесте явно присутствовало также какое-то органическое вещество, об этом свидетельствуют сохранившиеся угольки и каверны от выгоревшей органики. В некоторых случаях количество органики достигало 30%. Кварц в качестве отощителя, видимо, не использовался, его доля не превышала 5%.

Специально обращаем внимание на высокую степень фрагментарности находок из взрослых погребений, что, скорее всего, объясняется особенностями погребальной практики послепохоронного цикла (подробнее см. в разделе «Погребальные сооружения, ритуалы...»). В некоторых случаях количество сохранившихся черепков позволяло восстановить облик сосуда полностью или большей его части (курган 2 погребение 4, курган 21, погребения 13, 19 и др.), но нередко в нашем распоряжении оказывались единичные фрагменты (курганы 9, 10, 27), не позволявшие сделать и этого.

Уже на предварительной стадии анализа керамического материала отчетливо выявилось различие посуды детских и взрослых погребений. Данный вывод надежно подтверждается результатами статистической обработки. Важно, что замеченные особенности касаются всего комплекса признаков морфологического и декоративного свойства. К этому надо добавить отмеченную выше разницу в степени сохранности посуды детских и взрослых погребений. Исходя из сделанных наблюдений, мы решили построить описание в соответствии с зафиксированной ситуацией и провести сравнительный анализ посуды детских и взрослых погребений. К керамике детских погребений отнесены также сосуды, обнаруженные между углубленными до материка могилами. В детских могилах посуда обычно ставилась перед лицом, реже за головой умершего, что соответствовало положению около западной или северо-западной стенки могилы.

¹ Используемые в данной работе обозначения и варианты пропорций несколько отличаются от тех, которые присутствуют в работах В.Ф. Генинга. Но это не меняет самих принципов обработки и выяснения основных типов посуды. Применение в качестве высотных и широтных показателей обозначений h и d облегчает работу т.к. вызывает конкретные ассоциации. Характеристика пропорций сосудов (широкогорлые, слабовыпуклые и т.п.) основана на показателях, приведенных в работе В.Ф. Генинга. Точно так же мы пользовались предложенными в его работах обозначениями частей сосуда.

Посуду детских погребений отличают небольшие размеры и многообразие морфологических модификаций. Она представлена экземплярами горшечной (115 ед.), горшечно-баночной (8 ед.) и баночной (11 ед.) форм, но в пределах морфотипа варьирует. Своеобразным стандартом отмечен показатель емкости погребальной детской посуды. Из 11 банок 8 имеют объем 0,1–0,4 л, другие три – 1–1,2 л. Около 80 сосудов вмещали до 1 л, единственный крупный горшок объемом 3,3 л стоял в погребении 17 (рис. 25 – 14), объемы остальных горшков достигали 1,5–2 л (рис. 11 – 4, 5, 11, 12 – 7, 17, 31 – 2 и др.). По-видимому, емкость погребальной посуды является достаточно надежным и устойчивым показателем. Сошлемся на похожую ситуацию, зафиксированную для погребальных комплексов таштыкской культуры. Здесь «... вместимость сосудов из детских могил неравномерно варьирует в пределах от 0,4 до 2 л. Это посуда специально детская, а вариации емкости сосудов, видимо, отражают разницу в возрасте погребенных: от младенчества до зрелости» (Виноградов А., 1991, с. 252). В то же время, исследователи обращают внимание на более разнообразный набор емкостей в таштыкских склепах, где наряду с индивидуальной посудой (около 2 л) встречаются гораздо более крупные экземпляры (от 20 до 70 л). Весьма показательный пример, который вполне соответствует картине детских и взрослых погребений могильника Урефты I.

Горшечные сосуды, составляющие очевидное большинство детской погребальной посуды, отличаются чрезвычайным многообразием вариантов формовки полого тела. Диаметр по венчику варьирует в диапазоне 10–17 см. Значения общей высоты составляют 8–16 см. Отражением пропорций алакульской посуды является показатель соотношения диаметра тулова и высоты сосуда. У сосудов стройных гармоничных пропорций они имеют одинаковые параметры, соответственно $X_{1,11} = 1$, у сосудов призмистой формы он достигает величины $X_1 = 1,4$ –1,5, но у большинства сосудов диаметр тулова чуть превосходит общую высоту ($1,2 \leq X_1 \leq 1,3$).

Наиболее характерным признаком формообразования являлся уступ, которым было снабжено 79 сосудов, что составляет 58,5 % от общего количества сосудов из детских погребений (135 экз.). У 14 сосудов зафиксирован ребристый профиль (11 %). Ребро сглаженных очертаний моделировалось на уровне верхней трети сосуда и соответствовало линии наибольшего расширения тулова. Уступ располагался в переходной зоне от шейки к плечу, чуть выше линии наибольшего расширения тулова, на 2,5–4,8 см ниже венчика, что соответствовало нижней границе верхней трети, реже четверти сосуда. Уступ вместе с шейкой составляли плавную вогнутую линию профилировки верхней части алакульских горшков. Это впечатление усиливала невысокая шейка обычно чуть отогнутая наружу ($X_6 \geq 1,03$). Сосудов с резко отогнутой шейкой в коллекции мало ($X_6 \geq 1,07$). Невелико количество горшков с прямой шейкой ($0,98 \leq X_6 \leq 1,02$). У некоторых сосудов (8 экз.) шей-

ка обращена слегка внутрь, что явилось основанием для отнесения их к группе горшечно-баночных форм (рис. 11 – 3, 15, 12 – 12, 13 – 6, 14 – 3). Заметим, что грань между горшечно-баночными и горшечными, горшечно-баночными и баночными формами в ряде случаев предельно условна (ср.: рис. 11 – 3 и рис. 13 – 1, рис. 13 – 4 (банка), 5 (горшок), 6 (горшечно-баночный сосуд). Об этом же пишет А.В. Матвеев на примере материалов Чистолебяжского и Хрипуновского могильников (Матвеев, 1998. С. 260).

Большинство сосудов широкогорлые, шейка невысокая. Показатель высоты шейки редко превышает значение $X_5 = 0,3$, у большей части сосудов он составляет $X_5 = 0,18$ –0,24, редко $0,14 \leq X_5 \leq 0,17$. В целом, моделировка верхней части сосудов обладает наиболее устойчивыми показателями, а наибольшим разнообразием отличалась формовка нижней части полого тела. В коллекции есть горшки с плавным переходом стенок к дну и через прогиб. В последнем случае получались горшки с изящной линией профиля боковой поверхности (рис. 12 – 8, 17 – 12, 23 – 10, 14, 24 – 8, 20, 25 – 15 и др.) Такие сосуды обычно лепились с дном меньшего диаметра (пропорции соотношения величины дна и устья составлял показатель $X_9 = 0,4$ –0,5). Вообще надо отметить довольно устойчивые пропорции между устьем и дном сосуда. У «детских» горшков этот стандарт выражает показатель $X_9 = 0,5$ –0,6. Это означает, что устье горшка превышало диаметр дна в 1,8–2 раза. Горшки выделяются также по степени выпуклости тулова. Четко выраженному округлому тулову соответствует показатель ($0,11 \leq X_7 \leq 0,25$), слабовыпуклому, вытянутому $X_7 \geq 0,09$. Некоторые сосуды имеют оригинальную формовку дна, предусматривающую наличие невысокого поддона (3 примера, см.: рис. 10 – 7, 13 – 13, 25 – 15) или небольшую закраину шириной не более 0,5 см (16 экз., см.: рис. 11 – 11, 12 – 8, 15 – 2, 17 – 12, 18 – 12, 23 – 10, 14). Подобная деталь характерна для сосудов изящной профилировки с выпуклым округлым туловом, стройных пропорций, украшенных особенно пышно. И в этой связи об одной замеченной сопряженности. На двух сосудах с поддоном венчик имеет характерный скос с внутренней стороны (рис. 9 – 4, 10 – 7).

Экспурс 3. Если исходить из того, что при всем многообразии вариаций одной формы, тиражируется конкретный образец, то следует признать, что специфике алакульского керамического комплекса составляет двухчастная модель, которая предусматривала моделировку уступа или, гораздо реже, ребра. Таких сосудов среди посуды детских погребений абсолютное большинство (69 %, а в группе «взрослой» посуды этот показатель достигает уже 88 %). К сожалению, в нашем распоряжении нет заключений о специфике формовки урефтинской посуды, поэтому сошлемся на известные наблюдения специалистов. Так И.Г. Глушков полагает, что ребро и уступ отражают особенности в программе формовки, в частности, резкую смену операций (Глушков, 1996. С. 50). Складывается впечатление, что это взаимозаменяемые операции. В таком случае основной особенностью алакульской посуды следует считать ломаный профиль, создаваемый за

счет уступа, реже ребра. Кстати сказать, в некоторых случаях грань между уступом и ребром весьма и весьма условна. Не случайно у исследователей можно встретить определение «уступ-ребро» (Виноградов Н., 2003. С. 247). Уступ моделировался различными способами: 1 – прикреплением верхней ленты со скосом внутрь, 2 – при изготовлении сосуда из двух слоев лоскутов, верхний не доводился до уровня полной высоты, 3 – уступ моделировался пальцем или специальным инструментом при окончательном придании формы (Кузьмина, 1986а. С. 164–165; Ломан, 1995. С. 97–98). О принципиальной роли уступа и ребра в формообразовании алакульской посуды свидетельствуют следующие показатели. Из 160 алакульских сосудов урефтинской коллекции (целых и фрагментированных, у которых восстанавливается форма) 101 оформлен уступом (63 %), 14 имеют характерное ребро (чуть менее 9 %). Для сравнения: из 54 сосудов Субботинского могильника 44 имели уступ (Потемкина, 1985. Табл. 25), В.С. Стоколос, характеризуя алакульскую керамику могильника Черняки 1, также отмечает, что в подавляющем большинстве сосуды снабжены уступом (Стоколос, 1972. С. 4. – Из 41 опубликованного в книге горшка 29 имеют выраженный в той или иной мере уступ, что составляет около 70 %).

Еще об одной технологической особенности урефтинской керамики. В единичных случаях на внутренней поверхности сосудов, преимущественно на днище, зафиксированы отпечатки ткани (рис. 12 – 2, 22 – 8).

Прослеживается своеобразная зависимость между выбранной формой и последующей орнаментацией горшка. Эту обусловленность подтверждает существование нескольких ведущих стилей в орнаментике урефтинской алакульской посуды. Общей чертой сосудов всех стилей, а также посуды и детских и взрослых погребений, является наличие специальной акцентированной неорнаментированной полосы или «пустой зоны» (Рудковский, 2003. С. 18) в переходной зоне от шейки к тулову, соответствующей уступу в профилировке. Ширина такой полосы довольно стандартная – 1,3–1,5 см. Неорнаментированная полоса («пустая зона») присутствует на 100 из 160 сосудов. При этом данный признак является абсолютно обязательным для посуды взрослых погребений. Довольно часто такая полоса подчеркивалась линией одинарного, двойного или тройного зигзага в верхней части.

Вернемся вновь к характеристике посуды детских погребений и попытаемся оценить особенности ее декора с точки зрения выделяемых групп. Напомним, самую большую серию составляют сосуды *горшечных* форм.

1. Первая группа – это горшки, у которых основной составляющей орнамента являются горизонтальные или зигзаговые полосы протасенной гребенки (рис. 11 – 11, 13 – 9, 12, 14 – 4, 13, 17 – 7, 14, 23 – 11, 24 – 7, 26 – 17, 29 – 4, 6 и др.). Из 21 сосуда, украшенного в этой манере, только два имеют плавную профилировку (рис. 25, 2, 11), остальные с уступом. Общими признаками данной группы посуды, помимо указанных, являются:

стройные пропорции и 4-частная орнаментация: шейка, переходная зона, плечико, придонная часть. При заполнении этих зон использовался ограниченный набор элементов узора. Обычно тиражировались 2, реже 3 элемента.

2. Другая группа представлена сосудами, в орнаментации которых ведущим является зигзаг из оттисков печатной гребенки или гладкого штампа (рис. 11 – 14, 12 – 16, 13 – 5, 18 – 15 и др.). Она включает 11 горшков, из них 4 экземпляра – приземистых пропорций с уступчиком, 5 – с плавной профилировкой тулова и два – с ребром (рис. 25 – 1, 29 – 5). К этой же группе можно отнести и одну банку (рис. 13 – 4). Некоторые экземпляры удивительно похожи (рис. 13 – 4, 5, 6, 28 – 8, 18).
3. С равным успехом к той или другой из вышеописанных групп можно отнести 20 горшков, орнамент на которых скомбинирован из бордюров протасенной и печатной гребенки (рис. 11 – 4, 9, 12 – 12, 14, 17, 15 – 1 и др.).
4. Довольно много (42 экз.) в алакульской коллекции сосудов, орнаментированных с использованием различных геометрических фигур – ромбов, равнобедренных или прямоугольных треугольников, простых меандров (рис. 10 – 2, 11 – 2, 5, 13, 15, 12 – 5, 8, 15, 13 – 3, 7, 8, 13, 14, 15 – 3, 4, 6, 10 и др.). Орнаментальная схема горшков характеризуется неким стандартом, предусматривающим размещение определенных элементов в той или иной конкретной зоне и сопряженность некоторых орнаментальных мотивов. Например, преимущественное расположение бордюров из треугольников – на шейке, меандра – на тулове. Хотя встречаются и иные варианты. Бордюрам из треугольников обычно сопутствует такой же или, близкий по замыслу, пояс из ромбов на тулове. На 14 сосудах орнаментальные композиции включают одно- или, реже, двухступенчатый прямоугольный меандр (рис. 13 – 7, 8, 10, 13, 17 – 12, 13). Как разновидность подобного меандра можно рассматривать фигуры в виде «уточек» (6 сосудов, рис. 13 – 3, 7, 8, 17 – 13 и др.), получившиеся в результате игнорирования одной вертикальной полосы одноступенчатого меандра (разорванный меандр). На одном сосуде путем замены положения горизонтальных перемычек меандр преобразился в ряд чередующихся квадратов (рис. 25 – 9). Меандр располагался на тулове и нередко дублировался по шейке или в придонной зоне либо такой же фигурой, либо фризом из «уточек». Для части меандровых сосудов характерны «сбои» – нарушения орнаментального ритма, проявляющиеся либо в смене основной фигуры меандра, либо в смене техники его выполнения. Как правило, меандровые узоры выполнялись в технике протасенной гребенки. Единичны примеры так называемого контурного меандра (рис. 17 – 12, 13), образованного оттисками гребенчатого или гладкого штампа. В коллекции есть два горшка, украшенных как

будто одним мастером (рис. 13 – 7, 8), у этих сосудов орнамент покрывал и днище.

5. Выше шла речь о типичных экземплярах алакульской посуды. Особую группу составляет серия сосудов (10 экз.), украшенных заметно наряднее. В основном это тонкостенные горшки стройных пропорций с четко моделированным, выпуклым туловом и высокой шейкой. Семь из них имеют изящный уступ, подчеркнутый сверху неорнаментированной полосой. Для посуды этой группы характерны более сложные геометрические узоры, выполненные преимущественно техникой печатного и прокатанного гребенчатого штампа и построенные, в том числе, на основе косой сетки (рис. 18 – 12, 24 – 20, 25 – 14, 15, 26 – 21, 29 – 2, 3). Меандры в них отличаются наличием отростков, в композициях используются редкие элементы (свастика, флажковый узор и др.). Важно отметить, что в основе меандровых орнаментов данной группы лежат зигзаговые мотивы (подобный принцип построения меандров в большей степени соответствует федоровской орнаментальной традиции). Горшки имеют высокий показатель по насыщенности узора. Количество элементов, использованных для украшения одного сосуда, достигает на некоторых экземплярах 4-7. У 8 сосудов из 10 орнамент покрывал придонную зону. Только на двух горшках из этой серии отмечен сбой в орнаменте (рис. 26 – 21, 29 – 2).

К этой же группе можно отнести два сосуда (предположительно, из детских могил), в орнаментации которых использовано сочетание техники печатной и протасенной гребенки. Один из них – это приземистый тонкостенный сосуд с сильно раздутым туловом и маленьким дном (соотношение диаметра дна, тулова и устья выглядит как 1:2,4:2,2), с изящной закраиной. Характерной приметой этого горшка, помимо не вполне нетипичной формы, является «сбой» в орнаментальном фризе на плечике: узкий ленточный зигзаг разрывается цепочкой ромбов с перекрещенным внутренним полем (рис. 15 – 2). Другой сосуд, также тонкостенный, но более высоких пропорций, оформлен по нижней линии шейки изящной нервюрой и четким уступом на плече. Линия дна также подчеркнута закраиной (рис. 12 – 8). Своеобразие этому горшку придают «крючки», прикрепленные к ромбам на тулове, и двухступенчатый контурный мотив в придонной части. На обоих горшках горизонтальные полосы протасенной гребенки окаймлены одинарными линиями гребенчатых оттисков.

В составе посуды из детских погребений есть и другие оригинальные экземпляры. В частности, сосуд, оформленный двумя (!) нервюрами, найден в погребении 4 кургана 21 (рис. 23 – 14). Стенки этого приземистого горшка переходят к дну также через закраину. Под венчиком, на внутренней стороне шейки нанесен поясик мелких подтреугольных вдавлений. Эта деталь, в алакульских комплексах очень редкая, несколько чаще встречается на сосудах алакульско-федоровского облика.

Любопытный сосуд обнаружен в погребении 4 кургана 15 – приземистый, широкогорлый, с неровной, бугристой поверхностью. Утолщенная шейка, слегка напоминающая воротничок, моделирована снизу широким желобком, имитирующим «пустую» зону. На днище сосуда – две фигуры в виде свастики (рис. 18 – 5).

К разряду нетипичных мы отнесли также два сосуда приземистых пропорций из кургана 25 (рис. 28 – 5, 15). Они украшены лентами, заштрихованными – через промежутки – наклонными оттисками гладкого штампа, сгруппированными по 3-4.

В урефтинской коллекции посуды из детских погребений имеется примерно 7 сосудов, форму которых с известной долей условности можно определить как *горшечно-баночную* (рис. 11 – 3, 15, 12 – 12, 13 – 6, 15 – 7, 22 – 7, 28 – 4). Почти с равным основанием некоторые из них можно было бы причислить к горшкам с наклоненной внутрь шейкой. Другие отличаются от классических банок только наличием уступа, может быть, не во всех случаях четко моделированного, или сглаженного ребра и тем, что орнаментированы они по схеме, принятой для посуды горшечных форм 1 и 2 групп. Это те же зигзаги и горизонтальные линии, выполненные прочерчиванием, оттисками гладкого штампа или протасенной гребенкой, размещенные в верхней части стенок, на тулове и у дна. У четырех экземпляров зона над уступом (ребром) свободна от орнамента, у одного сосуда украшено дно (рис. 11 – 3). Можно заметить, что сосуды, образующие эту условную горшечно-баночную серию, довольно небрежно орнаментированы.

Баночные сосуды представлены емкостями малых размеров (высота 5,2-7,4 см, диаметр по венчику в интервале 7,5-9,5 см). Из 11 банок 8 имеют закрытую форму, большая часть сосудов толстостенные (толщина стенок достигает 0,6-0,7 см). Срез венчика округлый. Стенки тулова плавно опускаются от плечиков, занимающих верхнюю треть сосуда (рис. 12 – 11, 13, 24 – 9, 10, 26 – 18). Показатели пропорций имеют практически одинаковые значения. Из 11 банок украшено только 5. В целом, узоры выполнены в типичном для алакульской посуды стиле.

Напомним, что до сих пор речь шла о погребальной посуде детских захоронений, отличавшейся от образцов из погребений взрослых индивидуумов. Всего в составе алакульских погребальных комплексов раскопано 13 «взрослых» погребений, в которых обнаружено 26 сосудов. Только в одной из могил сохранились целые горшки (погребение 2 кургана 2), еще в трех обнаружены компактные развалы сосудов, которые удалось восстановить почти целиком (погребение 4 кургана 2, погребение 6 кургана 15 и погребение 7 кургана 25). В остальных случаях в могилах находились отдельные фрагменты. Сосуды, развалы и разрозненные черепки были приурочены к северной стенке могил (курган 21 погр. 13 – вдоль северной стенки, курган 15 погр. 6 – горшки стояли в северо-западном и северо-восточном углах ямы, курган 25, погр. 7 – развал горшка расчищен в северо-западной части могилы и т.д.).

Сосуды из «взрослых» погребений отличаются в основном крупными размерами (3-5 л), отсутствием среди них баночных экземпляров и преобладанием в орнаментации геометрических и меандровых мотивов. Наряду с такими емкостями в этих погребениях присутствовали экземпляры средних размеров, но их немного. Для сравнения: у 7 горшков диаметр устья и показатель высоты больше 20 см (23,4-34 см и 20-29 см соответственно), и только у четырех сосудов диаметр устья варьирует в диапазоне 15-18,6 см (что соответствует наибольшим параметрам сосудов детских погребений). Большая часть отдельных фрагментов также принадлежит крупным экземплярам. Специально обращаем внимание на сосуды из больших могил 2 и 3 кургана 2 (рис. 9 – 3-6): по сохранности (все целые), малым размерам, а также наличию открытой баночки, этот комплект более соответствует картине детских погребений.

Сосуды, происходящие из крупных могил, как правило, тонкостенные, вытянутых пропорций, с высокой отогнутой наружу шейкой. За исключением двух образцов из впускного погребения 8 кургана 21 (рис. 23 – 15, 16), все остальные горшки с уступами. Уступ располагался в переходной зоне от шейки к плечу. Конфигурация тулова варьирует: есть горшки с удлиненным слабовыпуклым туловом (рис. 10 – 9, 19 – 2, 22 – 8 и др.) и сосуды с раздутым округлым туловом (рис. 23 – 17, 29 – 12). Днища некоторых горшков оформлены закраинами (рис. 19 – 2) или имеют поддон (9 – 4).

Как указывалось выше, крупноразмерные сосуды украшены заметно наряднее: основу узоров составляют 4-5 фигур. Характерной чертой декора является построение разнообразных комбинаций из равносторонних треугольников (рис. 19 – 3, 22 – 9, 26 – 11). На 10 горшках присутствуют меандры, выполненные на основе прямой сетки – в трех случаях протасенной гребенкой (рис. 10 – 9), в остальных – гребенкой прокатанной. Орнамент одного горшка (рис. 26 – 9) нанесен штампом с волнистым краем (точно такой же штамп был использован для украшения сосуда из детского погребения 11 алакульско-федоровского «кургана» 13 – см.: рис. 43 – 9). Все реконструированные горшки имели неорнаментированную полосу над уступом, у всех была украшена зона в придонной части.

По морфологическим и орнаментальным признакам в анализируемом комплексе выделяются сосуды из впускного погребения 8 кургана 21 (рис. 23 – 15, 17). Предваряя дальнейшую оценку подобных экземпляров в составе алакульских коллекций, о чем речь пойдет ниже, отметим наличие в декоре этих горшков элементов, свойственных, прежде всего, сосудам федоровского типа.

Экспурс 4. В составе глиняной посуды из алакульских объектов некрополя имеется не менее 24 сосудов (около 14 % от А-комплекса) с так называемыми орнаментальными «сбоями» (нарушениями орнаментального ритма, нерегулярными композициями и «знаками»). Еще 6-7 таких горшков обнаружено в алакульско-федоровском ансамбле – «кургане» 13 (12-14 % от АФ-комплекса). К сожалению, установить точное число подобных емкостей невозможно, поскольку

часть их дошла до нас во фрагментированном состоянии. Все сосуды происходят из детских погребений и из малых ям, не содержащих антропологических остатков. Они – небольшого размера, в основном горшковидных форм, «сбои» на баночных экземплярах единичны (последние, впрочем, малочисленны и к тому же не всегда украшались).

Можно сказать, что каждый из случаев нарушения орнаментального строя индивидуален (рис. 54, 55). «Сбои» можно обнаружить в любой из зон, но чаще они встречаются на шейке и тулове. Наиболее простыми примерами являются разрывы орнаментального яруса (фриза, пояса), когда начало и конец «записи» не стыкуются (рис. 23 – 5), исполнение одного элемента разными способами («уточки» на тулове сосуда из погр. 21 кургана 21 выполнены в технике печатной и протасенной гребенки – рис. 55 – 12), разнонаклонная штриховка фигур или непонятно с какой целью нанесенные вертикальные отрезки (рис. 54 – 2) и просто единичные отпечатки зубчатого штампа (рис. 11, 14). Довольно обычны в этой группе случаи включения в орнаментальный пояс по одной инородной фигуре (например, в цепочку треугольников вставлен ромб или тоже треугольник, но иной формы и иначе заштрихованный – рис. 55 – 2, 7, 9). На некоторых экземплярах разрыв между крайними элементами основного яруса достигает значительной величины, заполняется он подчас самым неожиданным образом: зигзаговая полоса или лента переходит в волну (рис. 54 – 5) или цепочку ромбов с перекрестным накрест полем (рис. 54 – 7), пояс из наклонных столбцов-лесенок разбивается простым меандром (рис. 54 – 1), между треугольниками встраиваются многорядный зигзаговый отрезок (рис. 54 – 6) и т.п.

В силу своей оригинальности и представительности андроновская, в том числе алакульская, керамика с разного рода аномалиями в декоре не была обойдена вниманием исследователей (Балакин, Петров, Труфанов, 1984; Жемерикин, 2000; Зданович Д., 2003; Куприянова, 2003 и др.). Анализу срубной керамики с несимметричными орнаментами, рисунками и знаками посвящена монография Е.А. Захаровой (2000), в ней приведен обширный список работ по этой теме). Подобно Е.В. Куприяновой (2003. С. 120-125), мы не склонны рассматривать алакульский керамический комплекс как строго универсальное, отвечающее жестким канонам, явление. Древние мастера – люди с разными характерами, уровнем квалификации, моторикой – ошибались, допускали небрежность, наконец, экспериментировали. По этой причине не всякий орнаментальный «сбой» следует «... интерпретировать как попытку передачи какой-либо информации в форме записи» (Куприянова, 2003. С. 123). Вместе с тем, такие «знаковые» сосуды имеются в материалах многих алакульских памятников Зауралья. Среди урефтинских наибольший интерес в этой связи представляют экземпляры из курганов 2, 13А и 27. В придонной части первого горшка (рис. 54 – 4) инструментом с острым концом начертана «строка» знаков (в ней можно различить уголки, зигзаги, короткие разнонаклонные штрихи, крестики), ограниченные сверху и снизу неровными линиями. К сожалению, сосуд фрагментирован, поэтому воспроизвести полное изображение «записи» невозможно. На шейке и тулове второ-

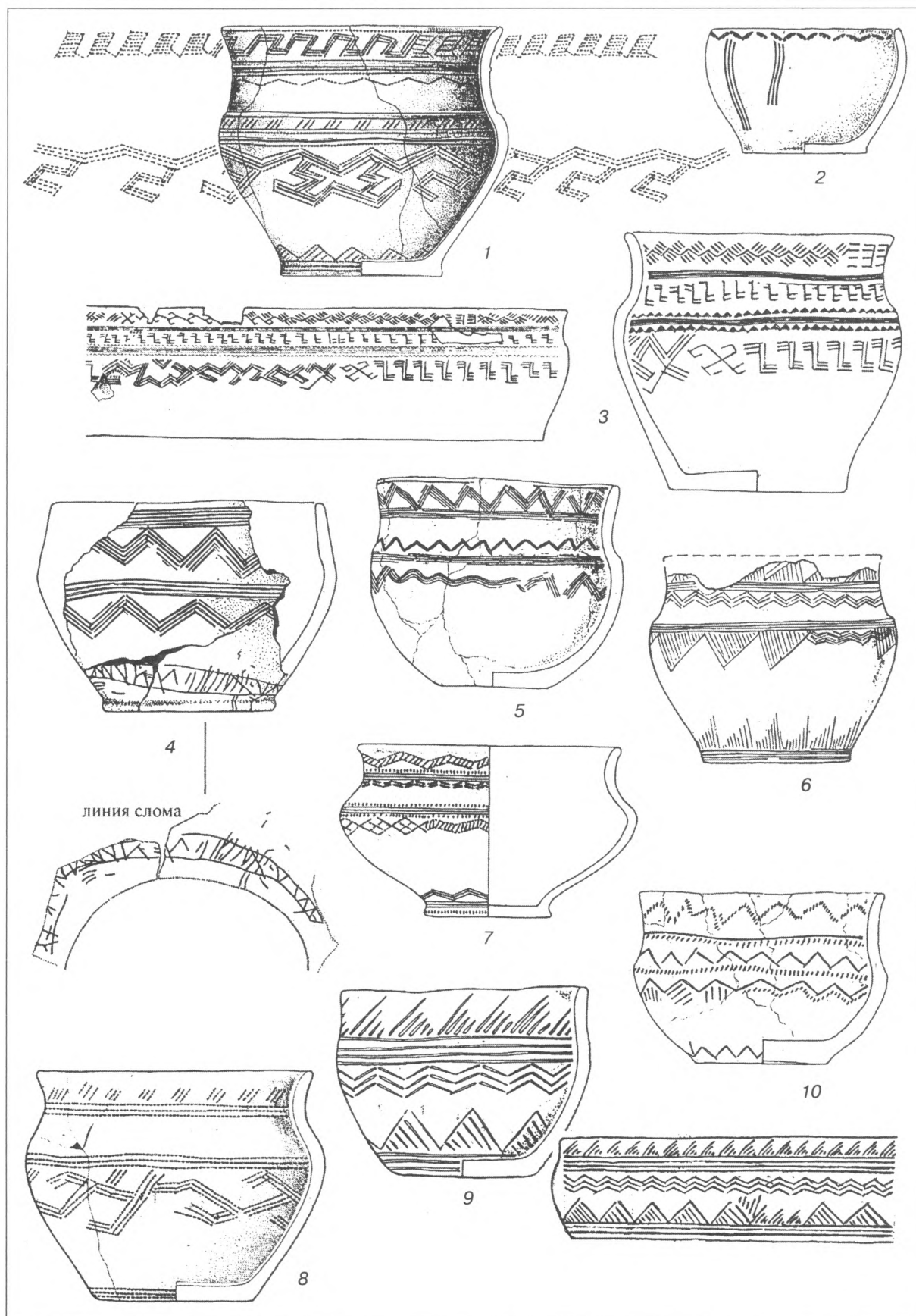

Рис. 54. Могильник Урефты I. Сосуды с орнаментальными «сбоями». 1 – кург. 25, погр.3; 2 – кург. 2, сос. 11; 3 – кург. 13A, погр. 19; 4 – кург. 2; 5 – кург. 21, погр.12; 6 – кург. 2, погр. 3; 8 – кург. 21, погр. 22; 9 – кург. 2, сос. 7; 10 – кург. 21, погр. 9.

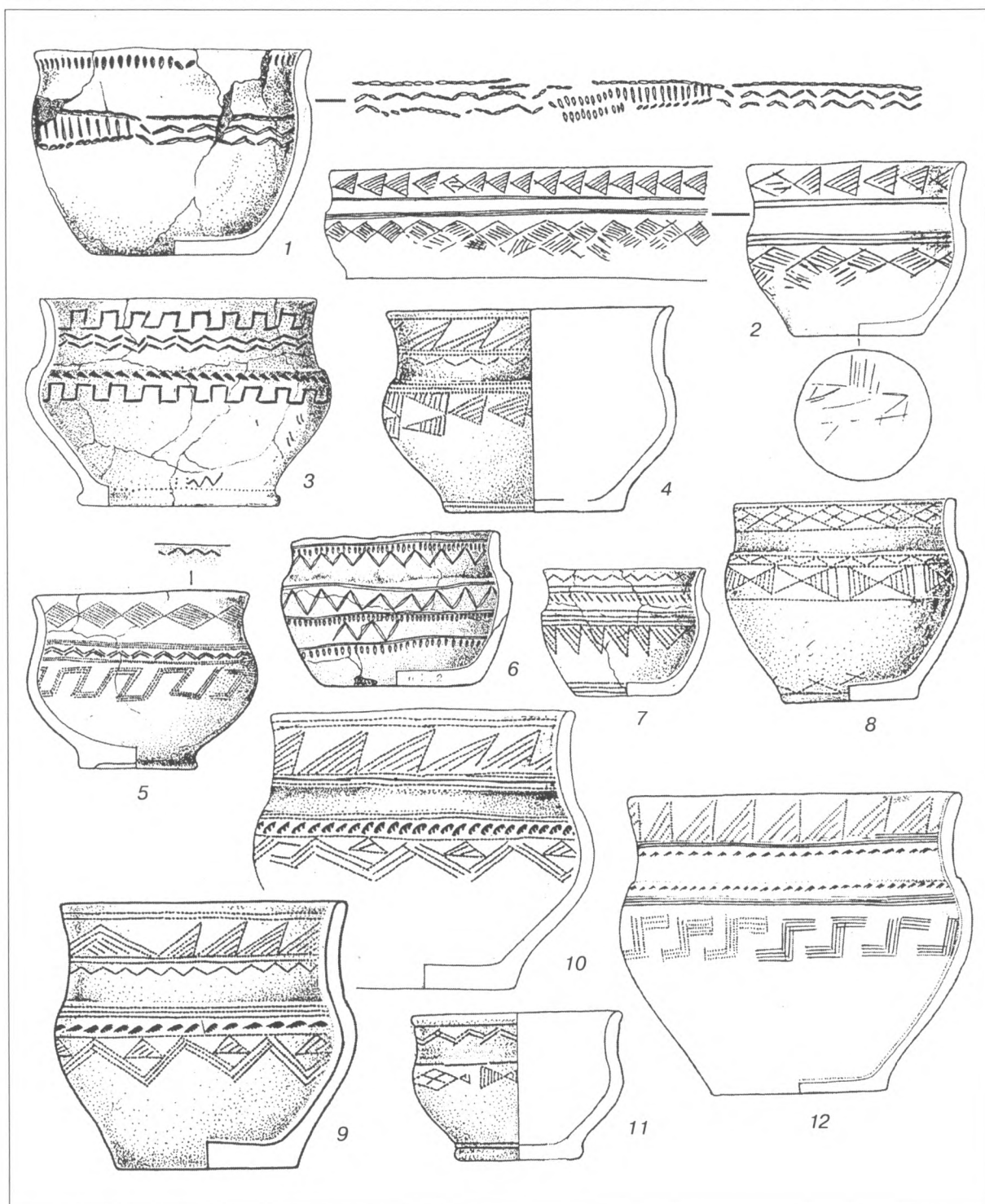

Рис. 55. Моги́льник Урефты I. Сосуды с орнаментальными «сбоями». 1 – кург. 27, сосуд 1; 2, 12 – кург. 21, погр. 21; 3 – кург. 10, сос. 4; 4 – «кург.» 13, погр. 6; 5, 11 – кург. 21, погр. 17; 6 – кург. 25, погр. 4; 7 – «кург.» 13, погр. 5; 8 – «кург.» 13; 9 – кург. 21, сос. 1; 10 – «кург.» 13, погр. 4.

го сосуда орнаментальные фризы состоят из нескольких элементов/фигур, среди которых трудно выделить основной или ведущий (рис. 54 – 3). В нижний ярус вписано одиночное свастическое изображение. Переходную зону от шейки к тулову, на алакульских горшках обычно свободную от декора,

здесь занимает цепочка схематических «уточек», нанесенных с явными дефектами. Орнаментальный ярус на третьем сосуде (рис. 55 – 1) состоит из трех примерно равных отрезков, разные мотивы в которых выполнены к тому же в различной технике (гладкий штамп и отступающе-накопчатая).

Возможно, мы недооцениваем урефтинскую серию, но, похоже, в ней не так много экземпляров со знаками-символами и только одна композиция сопоставима с «письменами» на срубной керамике (Захарова, 2000. С. 89-91). Сосудов с рисунками-изображениями конкретных предметов в ней вообще нет. Тем не менее, наличие посуды с орнаментальными «сбоями» можно рассматривать в качестве одного из основных признаков алакульской керамической традиции в районах Зауралья. Помимо алакульской, нестандартные орнаменты в той или иной степени характерны для петровской, алакульско-срубной и алакульско-федоровской керамики.

Таким образом, охарактеризовав основные группы посуды алакульских погребальных комплексов могильника Урефты I, у нас появляется возможность выделить культурные индикаторы А-керамического комплекса. Мы полагаем, что его своеобразие определяют не суммарные общие показатели, а оригинальные черты, имеющие распространение исключительно в рамках данного типа или данного памятника. К числу таковых мы относим:

- Наличие в тесте сосудов примеси талька или слюды.
- Оригинальный способ формовки полого тела, предусматривающий наличие уступа или, гораздо реже, ребра.
- Существование отчетливых различий в размерах и орнаментации погребальной посуды взрослых и детских погребений.
- Заполнение орнаментального поля «детской» посуды способом тиражирования 2-3 элемен-

тов орнамента, выполненных различными приемами гребенчатой техники.

- Более сложная орнаментация посуды взрослых погребений, основанная на использовании разнообразных элементов (до 4-5), составляющих оригинальные геометрические композиции из равнобедренных треугольников, ромбов и меандра.
- Соблюдение принципа 4-зональной (шейка, переходная зона, плечико, придонная часть) орнаментации. При этом во второй зоне орнамент, как правило, отсутствует.
- Приоритетное значение зигзаговых и горизонтальных полос протасенной гребенки в урефтинской алакульской орнаментике.
- Построение меандрового фриза из ступенчатых фигур на основе прямой сетки.
- Наличие «сбоев», нерегулярных композиций в орнаменте, выражающееся либо в смене раппортов, либо в различных вариантах технического воплощения раппортов бордюра.
- Наличие в составе алакульских погребальных комплексов посуды смешанного алакульско-федоровского облика.
- Использование в качестве погребальной посуды в центральных захоронениях сосудов со следами ремонта (бронзовые скрепы, реставрация отдельных частей сосуда).
- Наличие следов (редких) формовки сосудов на матерчатом шаблоне.

Инвентарь федоровских погребальных комплексов

Коллекция находок из раскопанных курганов Ф-типа включает около трех десятков глиняных сосудов, 5 металлических и 2 каменных предмета. Часть вещей обнаружена вне могил.

В северо-восточном секторе кургана 6 между камнями ограды найден невысокий (35 мм) кристалл дымчатого кварца – раухтопаза, не имеющий внешних повреждений и следов использования (рис. 8 – 4). Находки кристаллов или изделий из прозрачных разновидностей кварца в погребальных памятниках бронзового века достаточно редки, но уже не воспринимаются как исключительный факт (Ростовка, Синташта, Большекараганский, Чистолёбяжский могильники и др. – см.: Матвеев, 1998. С. 255; Михайлов, 1999; Попов, 2002; Сериков, 2004).

В кургане 16 в узкую щель между гранитными плитами ограды было вмуровано массивное каменное орудие (рис. 38 – 14, 56 – 6). Оно сделано на удлиненной плитке кварцита (с хлоритом и магнетитом) почти черного цвета, размером 255х56х72 мм и толщиной до 33 мм. Рабочей поверхностью служила плоская сторона плитки. Судя по следам утилизации, инструмент мог использоваться для шлифовки и заточки плоских костяных или металлических предметов, разглаживания полос, пластин металла. На тщательно зашлифованной поверхности прослеживаются участки с характерным блеском, образующиеся от направки лезвий металлических изделий. На широком конце плитки имеются поперечные бороздки от растирания, разглаживания какого-то материала.

Желобчатые подвески в полтора оборота изготовлены из бронзовых пластин, обтянутых снаружи довольно толстой золотой фольгой. Бронзовая основа сильно корродирована. Подвеска 1 (рис. 56 – 1) хорошей сохранности, сужающиеся концы заведены вверх. Подвеска 2 (рис. 56 – 2) также хорошей сохранности, имеет трещину по одной из боковых плоскостей. Подвеска 3 имеет утрату на одном конце (рис. 56 – 3). Эту пару подвесок (2, 3) отличает меньшая крутизна загиба концов. Напомним, что они найдены вместе в скоплении кальцинированных косточек и керамики за оградой кургана 16 (рис. 38 – 2). Подобные головные украшения имели широкое распространение в пределах всего андроновского ареала, в Зауралье они характерны для алакульских и предшествующих им синташтинских и петровских комплексов (Аванесова, 1975. С. 53-54;

1991, с. 53-54; Генинг В.Ф., Зданович Г., Генинг В.В., 1992. С. 169, 285; Усманова, Логвин, 1998. С. 5, 13 и др.).

Оба каменных предмета могли быть вмонтированы в ограды, как в момент строительства курганов, так и некоторое время спустя. Желобчатые подвески в 1,5 оборота вместе с сосудом и грудкой пережженных косточек были «сокрыты» около уже существовавшей конструкции. Таким образом, федоровская принадлежность этих находок (в особенности, подвесок) – не факт.

Бронзовые ножи обнаружены в кургане 7 – по одному в обеих могилах (рис. 37). Экземпляр из погребения 1 – двулезвийный, с продольным ребром по клинку и четко выраженным перехватом, ромбовидным перекрестьем и широким черенком (рис. 56 – 5). Самый кончик лезвия, возможно, обломан. Размеры: общая длина – 140 мм, длина клинка – 100 мм, лезвия 70 мм; ширина клинка 30 мм, перехвата 18 мм, перекрестья 24 мм, черенка 11-12 мм, толщина клинка 5 мм, рукояти 5 мм. Боковые выемки разной длины – 30 и 33 мм. Нож из погребения 2 – двулезвийный, с продольным ребром по клинку, четко оформленными боковыми выемками и перекрестием, резко переходящим в слегка расширяющийся к концу черенок (рис. 56 – 4). Размеры: общая длина 168 мм, длина клинка 121 мм, выемок 27 и 28 мм, лезвия 93 мм, ширина клинка 27 мм, перехвата 18 мм, перекрестия 28 мм, черенка 15-17,5 мм, толщина клинка 5 мм и рукояти 5 мм. Наибольшее расширение оба клинка имеют около выемок. Сохранность изделий – вполне удовлетворительная.

В предварительной публикации федоровских материалов некрополя мы обратили внимание на редкость подобных находок в погребальных комплексах и предположили сравнительно поздний возраст урефтинских экземпляров в типологическом ряду ножей срубно-андроновского типа (Стефанов, Днепров, Корочкова, 1983. С. 164). За прошедшие годы в Зауралье сходного облика бронзовые ножи были обнаружены при раскопках могильников Путиловская Заимка II (2 экз.; Зданович Г., 1988, С. 170, табл. 10, 13, 14) и Большеказакбаевский 2 (1 экз., Корякова, Стефанов и др., 2005). Итого 5 экземпляров – не слишком много для причелябинского района АКИО, на территории которого исследовано более 15 могильников, включавших федоровские объекты. И, конечно же,

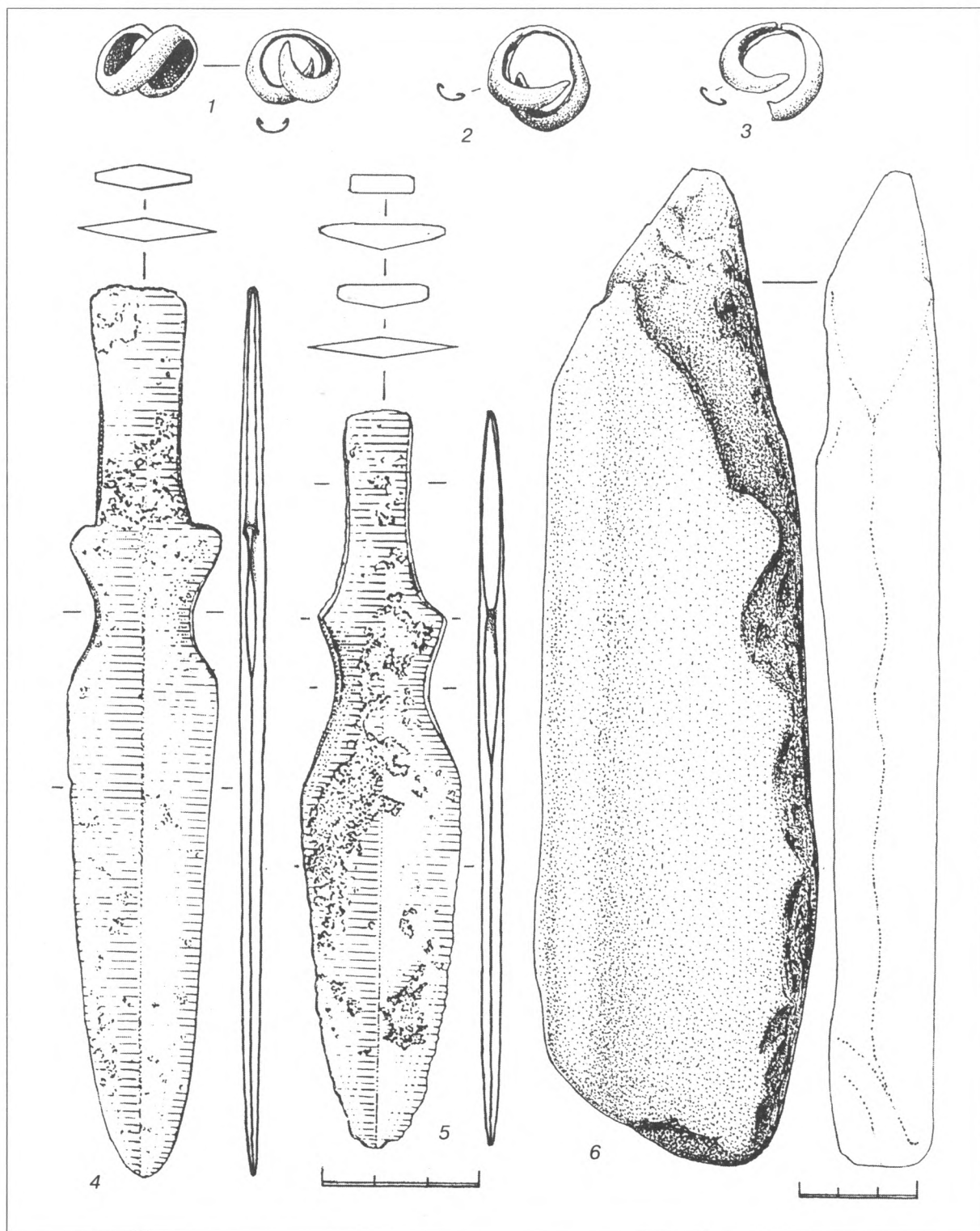

Рис. 56. Могильник Урефты I. Погребальный инвентарь Ф-погребений. Курган 7: погребения 1 (5), 2 (4); курган 16 (1-3, 6).

предложенная тогда датировка – «... возможно, в пределах последней трети или четверти II тыс. до н.э. (Стефанов и др., 1983. С. 164), в настоящее время воспринимается, в том числе нами, как явно завышенная. Е.Е. Кузьмина отнесла Урефты I (Ф-комплекс) к числу раннефедоровских памятников XV-XIV вв. до н.э., в т.ч. по результатам анализа

технологии и типологии бронзовых ножей с выемками (Кузьмина, 1994. С. 44).

Керамика. В том или ином виде она присутствовала во всех 13-ти могилах исследованных курганов Ф-типа. Первое, что обращает на себя внимание, это фрагментарность погребальной глиняной посуды. Целые или полностью восстанов-

ленные экземпляры редки. В большинстве случаев в могилах находился обломочный материал, по которому удалось воссоздать внешний облик сосудов, но не всех (рис. 33 – 4, 10, 36 – 5). Допускаем, что в некоторые могилы помещались уже не целые керамические изделия, одновременно не исключаем возможности позднейших проникновений в погребальные камеры (деятельностью землеройных животных можно объяснить перемещение черепков, но не их подчас тотальное исчезновение). Посуда федоровских погребений представлена двумя основными морфологическими типами – горшками (14 экз.) и блюдами (9 экз.), находившимися в ямах обычно около западной стенки. Керамика, найденная за пределами могил, будет рассмотрена отдельно. Заслуживает внимания еще один любопытный факт – в сравнении с сосудами из больших могил алакульских курганов горшечные экземпляры из урефтинских Ф-погребений имеют заметно меньшие размеры. Самые крупные из них (рис. 37 – 11, 38 – 12, 13) достигают в высоту 18,6–22,5 см при диаметре устья 18,8–23,5 см, аналогичные показатели у остальных сосудов варьируют в диапазоне 12–15 см и 13,5–16 см соответственно. По алакульским нормам, большинству Ф-сосудов должно находиться в детских погребениях. Мы воздержимся от комментариев по этому поводу, но заметим, что в алакульской погребальной практике данная норма допускала отклонения. Значительно более существенным представляется другое отличие – в урефтинских федоровских горшках и блюдах нет талька, при их изготовлении в качестве примесей использовался шамот, песок и, может быть, мелкотолченая кость.

Все горшки плоскодонные, с плавной профилировкой боковой поверхности, сходных пропорций. Диаметр венчика равен или чуть больше высоты сосудов ($d_1:h=1,0-1,3$) и примерно в два раза (1,8–2,2) больше диаметра дна. Максимальное расширение тулова приходится на середину высоты ($h_5:h=0,5-0,58$). Как правило, диаметр венчика чуть больше – на 0,5–1,2 см – диаметра горловины горшков. Невысокие, слегка отогнутые наружу шейки по плавной дуге переходят в выпуклое тулово. Морфологической особенностью федоровских сосудов является в той или иной степени выраженный прогиб стенок в придонной части. Днища в ряде случаев снабжены неширокой закраиной. Горшки тонкостенные, срез венчиков округлый, внешняя поверхность аккуратно заглажена. Можно отметить несоразмерность отдельных частей на некоторых сосудах (в разных местах горловины шейка имеет неодинаковую высоту, кособокость и т.п., см.: рис. 35 – 2, 38 – 12, 13), но, с другой стороны, трудно ожидать полной симметрии от изготовленной вручную посуды.

Все сосуды орнаментированы. Если с точки зрения морфологии (и технологии тоже) урефтинские горшки Ф-типа образуют достаточно однородный комплекс, то по особенностям декора он может быть разделен, как минимум, на две группы. Но прежде о чертах, общих для обеих групп. Украшались только верхняя половина или верхние 2/3

боковой поверхности сосудов, нижняя или придонная часть стенок, как правило, оставалась свободной от узоров. Орнаменты – плоскостные, ленточные; в композициях совершенно отсутствует столь характерная для алакульской керамики неорнаментированная полоса в переходной зоне от шейки к тулову. Сосуды с орнаментированными днищами единичны (2 экз.).

Для посуды 1 группы (6 сосудов, один из них представлен фрагментом шейки – см.: рис. 57 – 1–5, 8) характерен декор, выполненный в геометрическом стиле. Зону шейки занимает ярус треугольников: косых (4 экз.), равнобедренных (1 экз.) и раздвинутых равнобедренных – обращенных вершинами друг к другу так, что между ними образуется фоновая зигзагообразная лента (1 экз., рис. 57 – 5). Штриховка треугольников косая. Переходная зона от шейки к тулову оформлена 3–4-мя горизонтальными узкими и неглубокими желобками-каннелюрами. В промежутке между ними на одном сосуде вписан поясик наклонных отрисков гребенчатого штампа (рис. 57 – 1), а на другом – композиция из раздвинутых треугольников и пропущенной по фону зигзагообразной косо штрихованной ленты (рис. 57 – 5). Один горшок из этой группы не имеет в переходной зоне желобков, их заменяют горизонтальные гребенчатые линии – по три сверху и снизу, ограничивающие интересную в плане «позитив-негатив» или «узор-фон» комбинацию (рис. 57 – 8). Она состоит из ломаной меандровой фигуры, в промежутки между углами которой вписаны – вершиной вверх и вниз – равнобедренные треугольники. Фоновый «рисунок» представляет собой ритмически повторяющийся косой крест с впущенным – попеременно сверху и снизу – треугольником. Тулово сосудов украшено несложными меандрами, основой которых является горизонтальный зигзаг с прикрепленными к вершинам «крючками» в виде букв «Г» или «П» (рис. 57 – 2, 3, 5, 8). В двух случаях меандры обрамлены фестонами из мелких треугольников (рис. 57 – 5, 8). Один из горшков украшен по тулову двумя рядами ромбов (рис. 57 – 1), образующими фоновую зигзаговую полосу.

Заслуживает особого внимания сосуд из погребения 1 кургана 6 – в придонной части он опоясан желобчатой линией (рис. 57 – 5). У него орнаментировано дно (концентрические желобчатые окружности, вписанные друг в друга), у него же желобок нанесен на шейке. Узоры на посуде данной группы выполнены исключительно мелкозубчатым штампом, желобки и мелкие угловые вдавления (рис. 57 – 1) в основном использовались для разграничения орнаментальных зон.

Посуду второй группы объединяют (и отличают от первой) однообразные простые орнаменты и несоблюдение или нарушение зональности декора. Два горшка в верхней половине украшены горизонтальными желобками (рис. 57 – 12, 13), один – горизонтальными гребенчатыми линиями (рис. 57 – 14). Верхнюю часть сосуда из кургана 7 покрывает иррегулярный (со сбоями) узор из рядов разнонаклонных отрисков гребенчатого штампа (рис. 57 – 10). Параллельными отрисками гре-

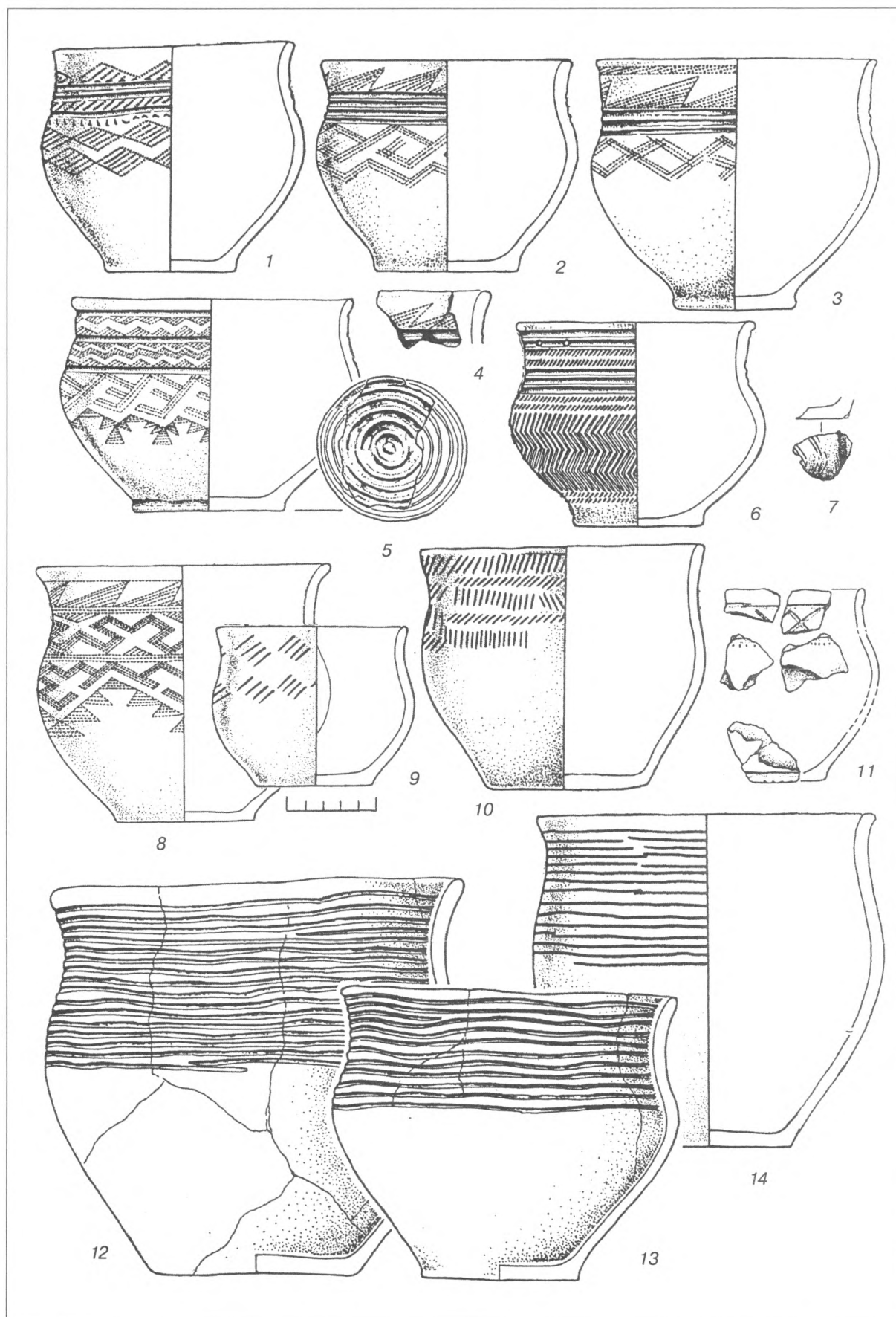

Рис. 57. Могильник Урефты I. Посуда из погребений Ф-курганов.

бенчатого штампа образованы «незакрытые» ромбовидные фигуры, двумя рядами опоясывающие самый маленький в Ф-серии сосуд (рис. 57 – 9), найденный в погребении 2 кургана 6. Он и пышно украшенный сосуд из этой же могилы (рис. 57 – 8) интересны как типичный пример андроновского ДКК – дифференцированного керамического комплекса (Хлобыстина, 1989).

Федоровскую принадлежность рассмотренных выше сосудов – обеих групп – едва ли нужно доказывать. Аналогичного облика керамика, в т.ч. с небрежно выполненными елочными орнаментами, в лесостепном Зауралье известна по материалам раскопок курганов Ф-типа на Смолино, Туктубаево, Путиловской Заимке II, Приплодном Логу, Кинзерском могильнике и др. Что касается еще двух горшков, найденных на Урефтах в по всем признакам федоровских курганах 1 и 4 и отнесенных ко второй группе (рис. 57 – 6, 11), то мы не рискнули бы атрибутировать их как безусловно федоровские. Более того, если бы обломки этих сосудов попались, например, в разведочном шурфе или в слое на каком-нибудь андроновском поселении, мы отнесли бы их, пожалуй, к черкаскульскому типу керамики (обратив внимание при этом на отсутствие талька в глине) или к черкаскульско-андоновскому. Неявственные черкаскульские ассоциации вызывают желобки на шейке и у дна (по этой причине мы особо выделили нарядно украшенный горшок из кургана 6 – рис. 57 – 5), косые кресты, похожие на ромбическую сетку, и елочный мотив, исполненный в технике гладкого штампа. В самом факте присутствия в Ф-объектах керамики, наделенной теми или иными черкаскульскими чертами, нет ничего экстраординарного. Достаточно вспомнить в этой связи материалы упомянутых могильников Туктубаево, Кинзерского, Приплодный Лог (Кузьмина, 1973; 1975; Малютина, 1984), а также Черняки II (Стоколос, 1968а), Большеказакбаево 2 (Корякова, Стефанов, 2005) и др. Заметим, что черкаскульская керамика присутствует и среди находок из Федоровского могильника. В кургане № 13 (с захоронением собаки) «... на дне могилы найден один черепок от верхней части глиняного сосуда, украшенный двумя широкими бороздками, рядами косых нарезок и заштрихованным меандром» (Сальников, 1940. С. 64). Далее о нем же – «фрагмент сосуда из кургана № 13 содержит так много талька, что на ощупь кажется скользким (Там же, с. 66). Нам удалось отыскать и зарисовать этот черепок (рис. 62 – 5), в его черкаскульской принадлежности нет ни малейшего сомнения.

Глиняные блюда находились в 7-ми погребениях (курганы 1, 3, 4, 6), в 5-ти из них – вместе с горшком. В двух могилах их было по два. Абсолютно целых изделий нет, даже у восстановленных экземпляров имелись какие-либо изъяны (например, отбито ушко – см.: рис. 35 – 4). Некоторые блюда представлены всего двумя- тремя мелкими обломками (рис. 33 – 24, 36 – 4). Изделия – плоскодонные, подпрямоугольной или овально-прямоугольной формы, с отогнутыми наружу невысокими бортиками (рис. 33-36). В верхней части стенок по

углам расположены ушки – горизонтальные или вертикальные, сформованные или прилепленные. По крайней мере, 4 экземпляра опоясаны сверху наlepным валиком (рис. 33 – 2, 35 – 1, 36 – 9, 11). Срез венчиков округлый или, в двух случаях, плоский. Размеры блюд – от 20,5х15,7х2,6-3,7 см до 27х17х3,5-4 см. На 6-ти блюдах имеется орнамент. Гребенчатым, в т.ч. мелкозубчатым, штампом по внешней стороне бортиков в зоне под венчиком нанесен ярус равнобедренных треугольников – вершиной вверх (2 экз.) или вниз (2 экз.). У одного изделия поясok резных треугольников вершиной вниз расположен на внутренней стороне стенок (рис. 36 – 11). У этого блюда украшено и дно – треугольные зоны, образованные двумя диагональными линиями, «заштрихованы» под разным углом; узор выполнен в желобчатой технике. Только однажды украшен венчик (плоский, рис. 36 – 9); орнамент на блюде из погребения 1 кургана 4 (рис. 34, 5) не «прочитывается» из-за разрушения поверхностного слоя. Формовку и обработку поверхности всех блюд отличает небрежность (у одного из них на внешней стороне заметны отпечатки ткани, некоторые экземпляры имеют следы прокаливания).

Оригинальные керамические изделия, какими являются блюда, в причелябинском районе АКИО встречаются только в погребальных памятниках. В последние годы они уже не воспринимаются как очень редкая находка – кроме Урефтов блюда найдены в могильниках Смолино, Сухомесово, Исаково, Федоровском, Приплодный Лог, Кинзерском, Туктубаево (всего около 40 экземпляров). Более десятка блюд или, как их называет автор раскопок, «сковородок», происходит из федоровских погребений Лисаковского могильника в степном Притоболье (Усманова, 1995. С. 176). К.В. Сальников упоминает о фрагментах сосудов, похожих на овальные блюда, среди керамики Береговского I селища (1967. С. 204, 205, рис. 28 – 10). Обломки «глиняных блюд с лепешкообразными ручками» были найдены на поселениях Тасты-Бутак и Ушкатты (Сорокин, 1966. С. 13). По сообщению Э.Р. Усмановой, один фрагмент блюда найден на Лисаковском поселении (Усманова, 2005. С. 91). Среди керамики из федоровского слоя поселения Усть-Кенетай (Центральный Казахстан) присутствует один обломок глиняного блюда с толстыми днищем и стенками (Евдокимов, 1982. С. 9, 11; Евдокимов, Варфоломеев, 2002. С. 34). Что касается сведений о четырехугольных блюдах, обнаруженных в восточной части ареала АКИО (Теплоухов, 1929, цит. по Антологии... 1995. С. 81; Комарова, 1952. С. 28, 30), то мы относимся к ним с осторожностью. По-видимому, прав В.И. Молодин, допуская, что «... этот тип сосудов каким-то образом связан с керамикой с четырехугольным в плане венчиком» (1985. С. 102). В частности, фрагмент блюда с ушками по углам из Томского могильника (Комарова, 1952. С. 29, рис. 16 – 4) мы склонны уподобить четырехугольному сосуду из Черноозерского I могильника (Генинг, Стефанова, 1994. С. 40, рис. 6). У него отсутствуют угловые наleпы, но четыре ушка с отверстиями имеются у открытой ба-

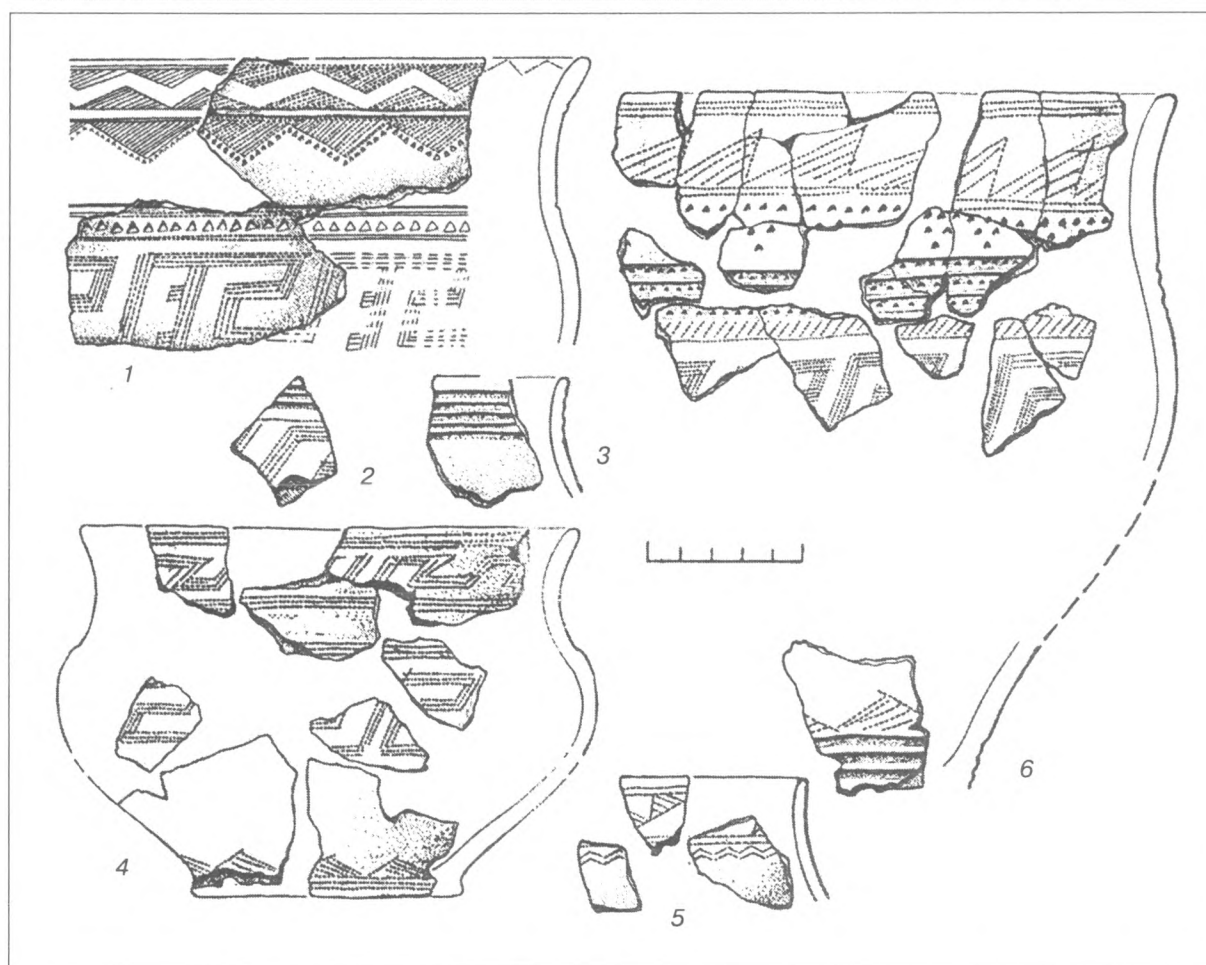

Рис. 58. Могильник Урефты I. Посуда алакульско-федоровского облика из Ф-курганов 1 (1), 16 (2-6).

ночки из погребения 8 того же некрополя (Там же. С. 36, рис. 2).

В материалах андроновских поселений лесостепного Зауралья глиняных блюд, аналогичных найденным в федоровских погребениях, как будто, нет. Вероятно, в силу своей малочисленности эти оригинальные керамические изделия еще не подверглись специальному изучению. Их назначение остается неясным, хотя многие археологи готовы согласиться с предположением С.Н. Дурылина (1927. С. 117) о производстве их как ритуальных предметов для могилы, «на мертвеца».

О керамике, найденной вне могильных ям. С внешней стороны от каменных оград курганов 1 и 16 обнаружены обломки трех сосудов – без талька в глине, но с блестками слюды. Нарядно украшенный горшок, представленный черепками из насыпи кургана 1 (рис. 58 – 1) и первоначально атрибутированный как федоровский (Стефанов и др., 1983. С. 163), сейчас мы таковым не считаем. Полагая, что он и приземистый горшок из кургана 16 (рис. 58 – 4) могут быть отнесены к синкретическому, сочетающему алакульские и федоровские признаки, типу керамики. Определенно алакульского происхождения неорнаментированная полоса и

слабо выраженный плечевой уступ, а тонкая жила-нервюра на шейке сосуда из кургана 1, похоже, является для зауральской АФ-керамики своеобразным опознавательным знаком. У этого горшка на внутренней стороне шейки нанесен гребенчатый одинарный зигзаг. В составе смешанных комплексов подобные случаи редки, но не исключительны (см., например, рис. 59 – 8, 60 – 3, 8), для федоровской керамики эта черта не свойственна совсем. Другой горшок, найденный около ограды кургана 16 (рис. 58 – 6), вполне федоровского облика. В нем интересна одна деталь – в желобках, разграничивающих узоры на шейке и тулове, нанесены мелкие треугольные вдавления. Пожалуй, следует обратить внимание еще на один факт – в отличие от сосудов из погребений, «внемогильные» горшки украшены в придонной зоне бордюром из мелкогребенчатых треугольников (геометрические мотивы в нижней части стенок – одна из особенностей урефтинской керамики из АФ-объектов; см.: рис. 59 – 8, 12, 13, 60 – 9-11 и др.).

Несколько черепков обнаружено в заполнении могильной ямы Ф-кургана 16: один – от сосуда федоровского облика (рис. 58 – 2), три – от сосуда алакульского или алакульско-федоровского типа

(рис. 58 – 5), еще один фрагмент – от горшка, украшенного каннелюрами, но с тальком в глине (рис. 58 – 3).

Посуда урефтинских погребальных комплексов Ф-типа отличается от алакульской по целому ряду признаков, в том числе, имеющих принципиальный характер:

- Федоровский погребальный сервиз включает горшки и блюда, баночные формы в нем отсутствуют. Блюда – исключительно федоровский и исключительно погребальный вид керамики. Горшки – плавно профилированные, без плечевых уступов.

- Декор федоровских горшков реализован на основе двух стилей – нарядного (геометрического) и ненарядного (бедного, простого, примитивного). Узор сплошной полосой – без пустых зон – покрывает верхнюю половину или 2/3 боковой поверхности. Геометрические орнаменты (сложные комбинации из треугольных, зигзаговых, меандровых фигур) нанесены мелкозубчатым штампом по косой сетке. Каннелюры, использовавшиеся как разделительный или самостоятельный элемент декора, также претендует на статус индикаторного признака.
- Федоровская посуда изготовлена из формовочных масс без тальковых добавок.

Инвентарь алакульско-федоровских погребальных комплексов

Изделия из металла (4 ед.). В погребении 1 ансамбля детских захоронений («кургана») 13 обнаружены бронзовый желобчатый браслет с заходящими концами и, рядом с ним, проволочное колечко диаметром 13 мм (рис. 51 – 7, 8). У последнего один конец заострен, а другой немного приплюснут. Фрагменты еще одного желобчатого браслета, а также бронзовая ребристая проноза, найдены в погребении 6 этого же условного кургана (рис. 51 – 15, 52 – 5). Бронзовые украшения из АФ-объектов урефтинского некрополя не имеют каких-либо отличительных признаков, они полностью вписываются в алакульский металлокомплекс.

Керамика. В единственной могиле кургана 30 находились обломки одного горшка (рис. 45 – 6), фрагменты еще 4 сосудов (рис. 45 – 4, 5, 7, 8) обнаружены по периметру надмогильного земляного сооружения. Из «кургана» 13 происходят 42 целых и обломки 5-6 сосудов (рис. 41-44). Примечательно, что, во-первых, по одному неполному горшку найдено в могиле 1 и около могилы 2, являвшихся, по нашему представлению, в данном ансамбле центральными, и, во-вторых, эти горшки по своим размерам превосходят любой другой сосуд из «кургана» 13 и в то же время значительно уступают экземплярам из взрослых погребений (сравни: рис. 59 – 1, 4 и рис. 60 – 4, 9, 10). Суммарная коллекция керамики из АФ-объектов, таким образом, насчитывает около полусотни сосудов.

Как отмечалось выше, основанием для выделения курганов 13 и 30 в относительно самостоятельную группу послужил, кроме некоторых особенностей погребального обряда, смешанный облик глиняной посуды. О том, насколько сложное впечатление оставляет эта керамика, лучше судить по материалам условного кургана 13. Керамический комплекс данного погребального ансамбля, как минимум, на треть состоит из сосудов, алакульская принадлежность которых для нас кажется очевидной. Это маленькие баночки (3 экз., рис. 41 – 11, 42 – 18, 44 – 5) – последняя, со следами нагара на наружной поверхности, снабжена двумя сквозными отверстиями, расположенными друг против друга и горшки (13 экз.), с тальком в глине, обычных для алакульской посуды пропорций, с плечевым уступом, неорнаментированной зоной, с преобладанием линейных и зигзаговых мотивов в декоре, в том числе выполненных протасенной гребенкой (см., например, рис. 42 – 11, 14, 17, 43 – 2, 5) и

т.д. Никаких федоровских признаков в этой группе нет. Вторая группа, насчитывающая немногим более десятка сосудов (26-28 %), выделена в значительной мере условно. Ее можно охарактеризовать как алакульскую с отдельными, очень неопределенными инородными проявлениями. Плавная профилировка тулова, наличие закраины у дна, отсутствие талька в тесте, отмеченные у ряда отнесенных к этой группе сосудов (рис. 59 – 2), как было показано выше, отчасти присущи и посуде А-типов. По алакульской схеме построены композиции, а в составе орнаментальных мотивов нет ни одного откровенно чуждого. Настораживают нюансы. К примеру, на трех сосудах в композиции включены бордюры из соприкасающихся вершинами треугольников в виде бабочки (рис. 42 – 4, 6, 43 – 3). Нельзя сказать, что данный мотив очень характерен для орнаментов на алакульской посуде, но изредка он встречается. Если исходить только из урефтинских материалов, то обнаруживаются любопытные связи. Прежде всего, сосуды с «бабочками» определено тяготеют к объектам, содержащим, помимо прочего, горшки с разнообразными фигурами из мелких соприкасающихся треугольников в декоре. Кроме «кургана» 13 подобная керамика обнаружена в курганах 30, 15 и 21, причем в погребениях или около погребений, совершенных с заметными отклонениями от стандартов алакульского погребального обряда. Так, в единственной могиле кургана 30 зафиксированы остатки кремации, в центральной могиле кургана 15, оформленной камнями, найдены кальцинированные кости человека, в периферийном погребении 24 кургана 21 обнаружены две кучи кальцинированных человеческих костей. Простейшие меандровые узоры, но выполненные по косой сетке (рис. 60, 7), мы тоже склонны отнести к инокультурным проявлениям (в алакульских комплексах Урефтов I они, как правило, прямоугольные). Еще раз отметим, что в целом посуда второй группы имеет вполне алакульский облик.

Третья или, собственно, алакульско-федоровская группа (около 40 %) представлена только горшечными экземплярами – приземистых, средних и изящных высоких пропорций, сделанными из формовочной массы с тальком или без него, с уступчатым или плавно профилированным туловом, с прогибом стенок в придонной части и поддонами (последние редки). Характерной особенностью АФ-керамики является узкая жилка-нервюра

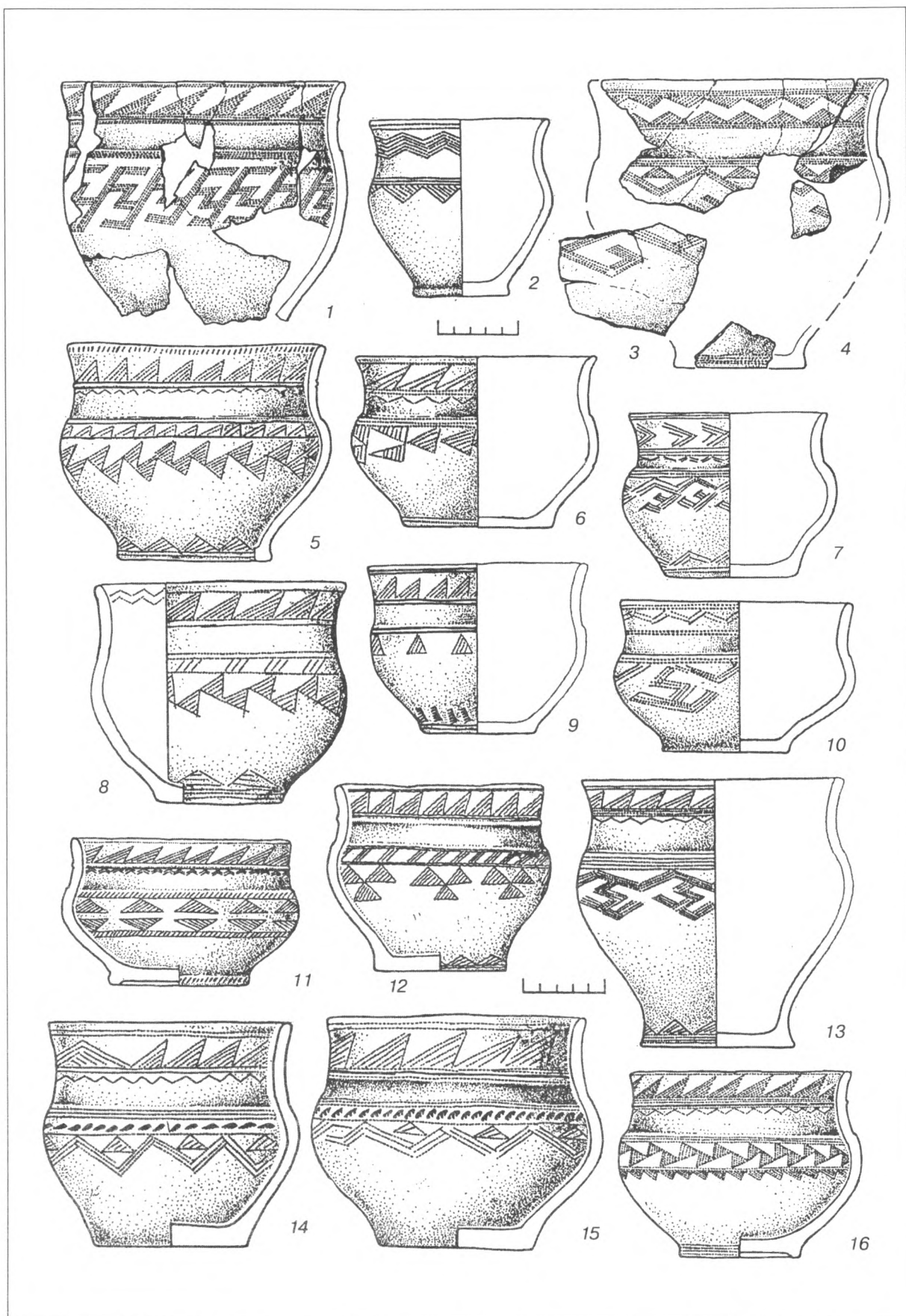

Рис. 59. Могильник Урефты I. Посуда алакульско-федоровского облика из АФ-«кургана» 13.

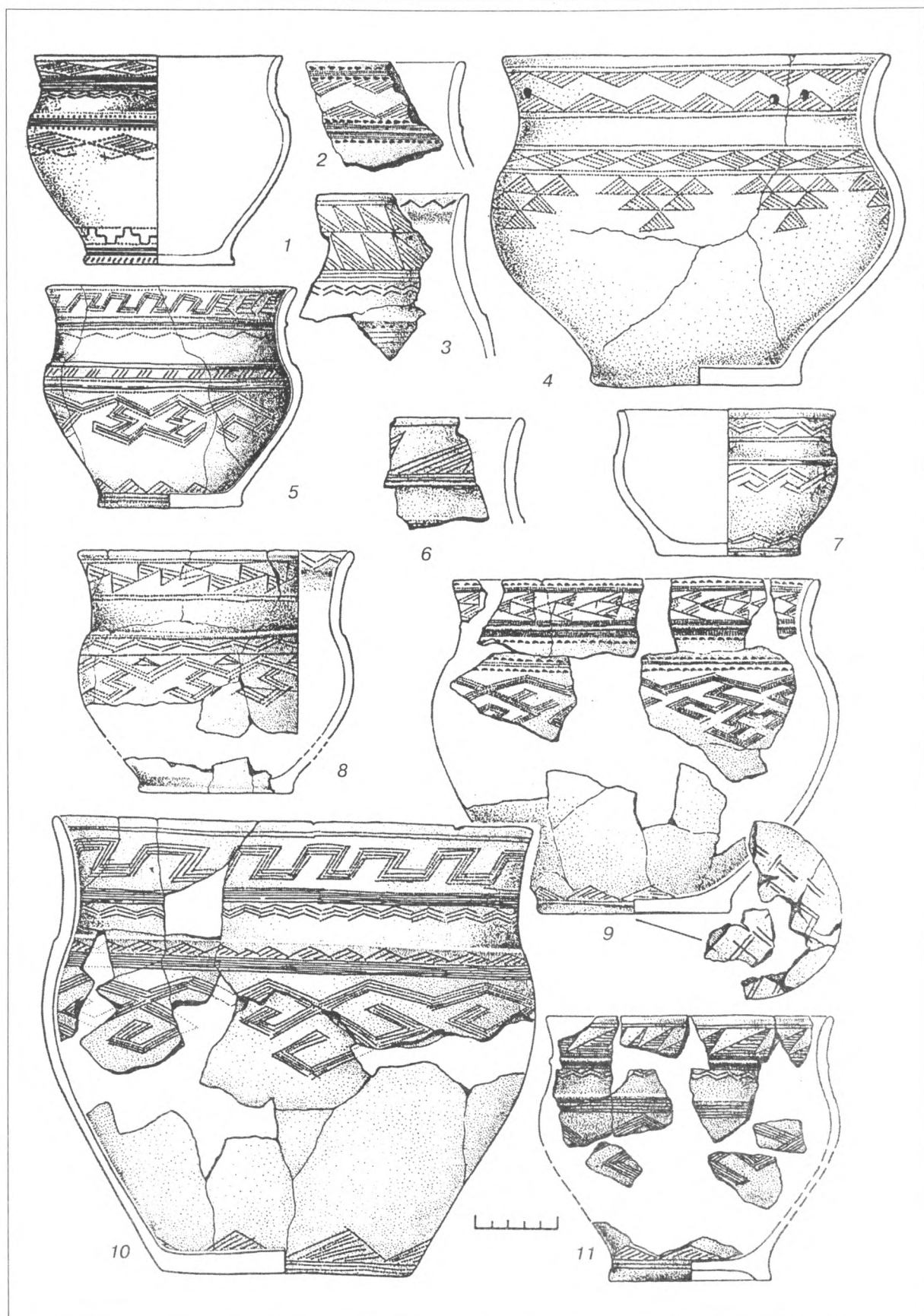

Рис. 60. Могильник Урефты I. Посуда алакульско-федоровского облика из А-курганов 2 (1), 21 (3, 4), 25 (5, 8), АФ-курганов 13 (6, 7), 30 (9, 10, 11) и Ф-кургана 4 (2).

на шейке (6 сос.), образованная двумя горизонтальными линиями глубоко вдавленной гребенки (рис. 59 – 1, 5, 16), или сформованная по сырой глине (рис. 59 – 11, 12). Горшки тщательно обработаны и аккуратно орнаментированы. Узоры нанесены практически только мелкогребенчатым штампом. Как заметил в свое время С.Н. Дурылин, они «...имеют изысканно правильный вид, доставляющий геометрическое наслаждение» (1927. С. 119). Абсолютно все горшки украшены в геометрическом стиле, у всех наличествует неорнаментированная полоса в основании шейки, иногда напоминающая лощеную дорожку (рис. 59 – 11, 12). У большинства сосудов орнаментирована придонная зона (рис. 59; 60), в единичных случаях горшки украшены изнутри – под венчиком нанесен ярус одинарных или двойных зигзагов (рис. 59, 8). Нередки в этой группе экземпляры с орнаментальными «сбоями» (рис. 59 – 6, 14 и др.).

В сравнении с алакульскими, орнаменты на АФ-посуде выглядят более сложными. Усложнение композиций достигалось за счет включения в них различных комбинаций соприкасающихся мелких треугольников, ломаных меандровидных фигур с отростками, нанесения «ковровых» узоров и отдельных фигур верхнего фриза по косой сетке (рис. 59, 60), «игры» узора и фона. Зону шейки занимает ярус треугольников, но, если на алакульских сосудах они имеют прямоугольный или равнобедренный контур, то в АФ-комплексе доминируют косые (тупоугольные) треугольники (9 экз.). Равнобедренные фигуры представлены лишь в композиции из «раздвинутых» треугольников (рис. 59 – 4). Первая орнаментальная зона ограничена сверху одной-двумя горизонтальными гребенчатыми линиями, а снизу – теми же линиями и, дополнительно, нервюрой. Под нервюрой обычно расположен узкий поясик одинарного или двойного зигзага (рис. 59, 5, 11 и др.). Ниже следует пустая зона шириной 1,5-2 см. Признак пустой зоны является обязательным для алакульско-федоровских сосудов, независимо от того, имеют ли они уступчатый профиль или плавный. Горшков с акцентированным или слабо выраженным плечевым уступом в данной группе более 80 %.

Разнообразны узоры в зоне максимального расширения тулова. Почти у всех сосудов они «начинаются» с 2-3 (редко более) горизонтальных линий, нанесенных вплотную друг к другу под уступчиком или, на плавно профилированных экземплярах, под неорнаментированной полосой (рис. 59 – 8). Снизу к ним прикреплены зигзаговые ленты, меандры или цепочки по-разному расположенных и соединенных косо штрихованных треугольников (пирамидки, двойные флажки, свисающие и др.). Будучи вписанными в поле между углами зигзага, треугольники образуют фоновые фестоны (рис. 59 – 4, 14, 15). Среди сосудов АФ-группы едва ли не каждый второй украшен по тулову узором, включающим треугольные фигуры. Меандровые мотивы использовались не так часто (5 сос.). В их основе – ленточный зигзаг, к углам или середине сторон которого снизу прикреплялись простые крючки в виде букв «Г», «П», «F» или более слож-

ные фигуры (рис. 59; 60). В одном случае меандр построен из уточкообразных фигур (рис. 59 – 1). Штриховка полос меандров – параллельная. В нижней части стенок обычны горизонтальные линии и равнобедренные треугольники, образующие бордюрный ряд. Прочие элементы в этой зоне редки.

Хронологическое единство керамического комплекса «кургана» 13 доказывается многочисленными примерами совместного нахождения алакульских и алакульско-федоровских сосудов в одних могилах (рис. 41-44).

Три горшка, обломки которых найдены в погребении и около надмогильной конструкции кургана 30 (рис. 45 – 6-8), полностью соответствуют характеристикам АФ-керамики (плечевой уступ, нервюры, поддон, неорнаментированная полоса, косые треугольники, фигуры из соприкасающихся треугольников, простые одноступенчатые и сложные косые меандры, орнамент в придонной зоне, мелкогребенчатая техника, с тальком и без него и т.д.). Алакульские и федоровские черты переплетены в них самым органичным образом. Кроме этих горшков под насыпью обнаружены фрагменты небольшого сосуда алакульского облика (рис. 45 – 5) и обломок шейки другого сосуда – с федоровским орнаментом (каннелюры, рис. 45 – 4), но с примесью талька в тесте (А-признак).

Не раз упоминалось, что единичные экземпляры сосудов АФ-типа отмечены среди находок из других урфтинских курганов, как алакульских (кург. 2, 15, 21, 25 – см.: рис. 12 – 8; 18 – 12; 23 – 17; 26 – 14, 15; 29 – 2), так и федоровских (кург. 1, 4, 16 – см.: рис. 33 – 5; 38 – 4; 60 – 2). Аналогичные ситуации во множестве зафиксированы и на других андроновских могильниках и поселениях причелябинского района (Смолино, Синеглазово, Сухомесово, Федоровский, Черняки 2, Ново-Бурино, Коркино I и др.).

Подведем итоги. АФ-керамика – не фикция. Она есть. В зауральских памятниках ее достаточно много. Своеобразие подобной керамики заключается в использовании при ее изготовлении характерных приемов, присущих исключительно алакульской и федоровской гончарным традициям. К сожалению, нам нечего сказать о способах формовки урфтинских сосудов АФ-группы. По некоторым наблюдениям, не подтвержденным результатами соответствующих тонких анализов, среди них доминируют изготовленные по алакульской технологии (формовочные массы, конструирование емкостей), но есть и экземпляры, мало отличимые от федоровских. Плечевой уступ и неорнаментированная полоса в переходной зоне от шейки к тулову (более 80 и около 100 % соответственно) однозначно трактуются нами как сугубо алакульские приметы. Сосуды плавной профилировки особыми морфологическими свойствами не отличаются. Такие формы отчасти характерны и для алакульских комплексов, в федоровских материалах они господствуют. По алакульской схеме построены композиции, из алакульского декора заимствованы некоторые элементы (ромбы, флажковые гирлянды, равнобедренные треугольники). Федоровский колорит орнаментам

придает использование таких мотивов, как наклонный меандр на основе зигзага со сложной конфигурацией отростков, косые треугольники, «собранные» из мелких треугольников «пирамидки». Федоровского происхождения, по-видимому, орнаментальный пояс из двух рядов треугольников, обращенных вершинами друг к другу и образующих фоновую зигзаговую ленту. Мелкогребенчатая техника орнаментации в большей степени соответствует федоровской традиции. Характерные для АФ-посуды нестан-

дартные композиции или орнаментальные «сбои» - алакульский признак. Отсутствие в урефтинской АФ-серии сосудов баночных форм сближает ее с федоровскими материалами. Даже такая, казалось бы, исключительно алакульско-федоровская примета, как нервюра на шейке, имеет аналогии в алакульской керамике (кург. 2, рис. 10 – 9).

Что касается общей оценки, то, на наш взгляд, алакульский компонент в урефтинском АФ-керамическом комплексе преобладает.

Соотношение алакульских, алакульско-федоровских и федоровских древностей на могильнике Урефты I

За время полевого исследования некрополя на оз. Урефты не отмечено ни одного факта, прямо указывающего на хронологическую позицию (раньше-позже-синхронно) разнокультурных андроновских погребальных комплексов. Не зафиксировано ни одного случая перекрывания насыпей, прорезания могил, совместного нахождения классических образцов алакульской и федоровской посуды в закрытых комплексах и т.п. Попытаться разрешить этот чрезвычайно важный вопрос можно лишь на основании косвенных данных.

1. Заметная концентрация курганов Ф-типа в юго-восточной части территории некрополя (кроме исследованных здесь курганов 3-8 к их числу относится, судя по внешним признакам, курган 18) и наличие их на южной (курган 16) и северной (курган 1) окраинах (рис. 5), как будто, свидетельствует за относительно поздний возраст федоровских объектов. Но что, если формирование погребального памятника происходило не от центра, а, например, от южных границ по направлению к озеру? Или от северных вглубь террасы?
2. К любопытным выводам приводит анализ артефактов, обнаруженных в насыпях разных курганов. В тело надмогильных земляных конструкций они могли попасть только с дерном и/или рыхлым грунтом, взятым на каком-то удалении от сооружаемых погребальных объектов. Например, в насыпях – именно в насыпях, а не под ними – алакульского кургана 25 и федоровских курганов 1 и 7 найдены фрагменты энеолитической керамики (рис. 50 – 12-17), а в кургане 25 еще и каменные изделия (пластина, отщеп) энеолитического облика. С высокой степенью уверенности можно предположить, что грунт для возведения этих А- и Ф-конструкций забирался в том числе на территории одной (?) энеолитической стоянки, местоположение которой пока не установлено. Очень существенным представляется другое наблюдение – в федоровских курганах достаточно регулярно встречались обломки сосудов бесспорно алакульского облика. В насыпи кургана 3 обнаружено восемь таких черепков (рис. 50 – 8-11), в насыпи кургана 7 – один. Алакульские черепки найдены в заполнении могильной ямы кургана 16

(рис. 50 – 7), на дне могилы кургана 1 (1 фрагмент), фрагменты сосудов А-типа находились в непосредственной близости от каменных оградок курганов 3 и 16, т.е. там, где алакульские погребальные объекты отсутствовали. В кладку кургана 3 алакульские фрагменты, как и многочисленные кремневые изделия архаического облика, могли попасть с землей, взятой рядом – на площади стоянки Урефты IА. Что касается синкретической алакульско-федоровской керамики, то она систематически обнаруживалась как в алакульских курганах и погребениях, так и в Ф-объектах (курганы 1, 4, 16). В последних она находилась в насыпях, среди камней ограды, около них, в заполнении могильных ям (рис. 33 – 5, 38 – 4, 50 – 6). При этом ни в одном из исследованных алакульских курганов не встречено ни одного достоверно федоровского сосуда или черепка. Из приведенных фактов непреложно вытекает, что в момент сооружения федоровских погребальных объектов на территории некрополя уже сформировался культурный слой, содержащий, кроме всего прочего, керамику алакульского и алакульско-федоровского типов. Следовательно, Ф-курганы на Урефтах I в целом не могут датироваться раньше алакульских и алакульско-федоровских. Их можно синхронизировать, можно допустить более позднюю дату Ф-комплексов, но говорить о хронологическом приоритете федоровских древностей на данном памятнике нельзя.

3. В связи с темой данного раздела представляет определенный интерес ситуация с впускным погребением (8) в алакульском кургане 21. Оба горшка, стоявшие перед лицом похороненной женщины (рис. 23 – 16), не алакульские. Целый сосуд (рис. 23 – 17) – довольно крупный, с плавным профилированным туловом, без талька в формовочной массе, с геометрическим орнаментом, выполненным в гребенчатой технике – вполне федоровского облика, если бы не одна деталь – неорнаментированная полоса в переходной зоне от шейки к плечикам. А это характерный признак алакульской керамики. Второй горшок (рис. 23 – 15) – меньшего размера, с неорнаментированной шейкой и широкими желобками на плечиках, плавно профилированный, тоже без талька – не поддается

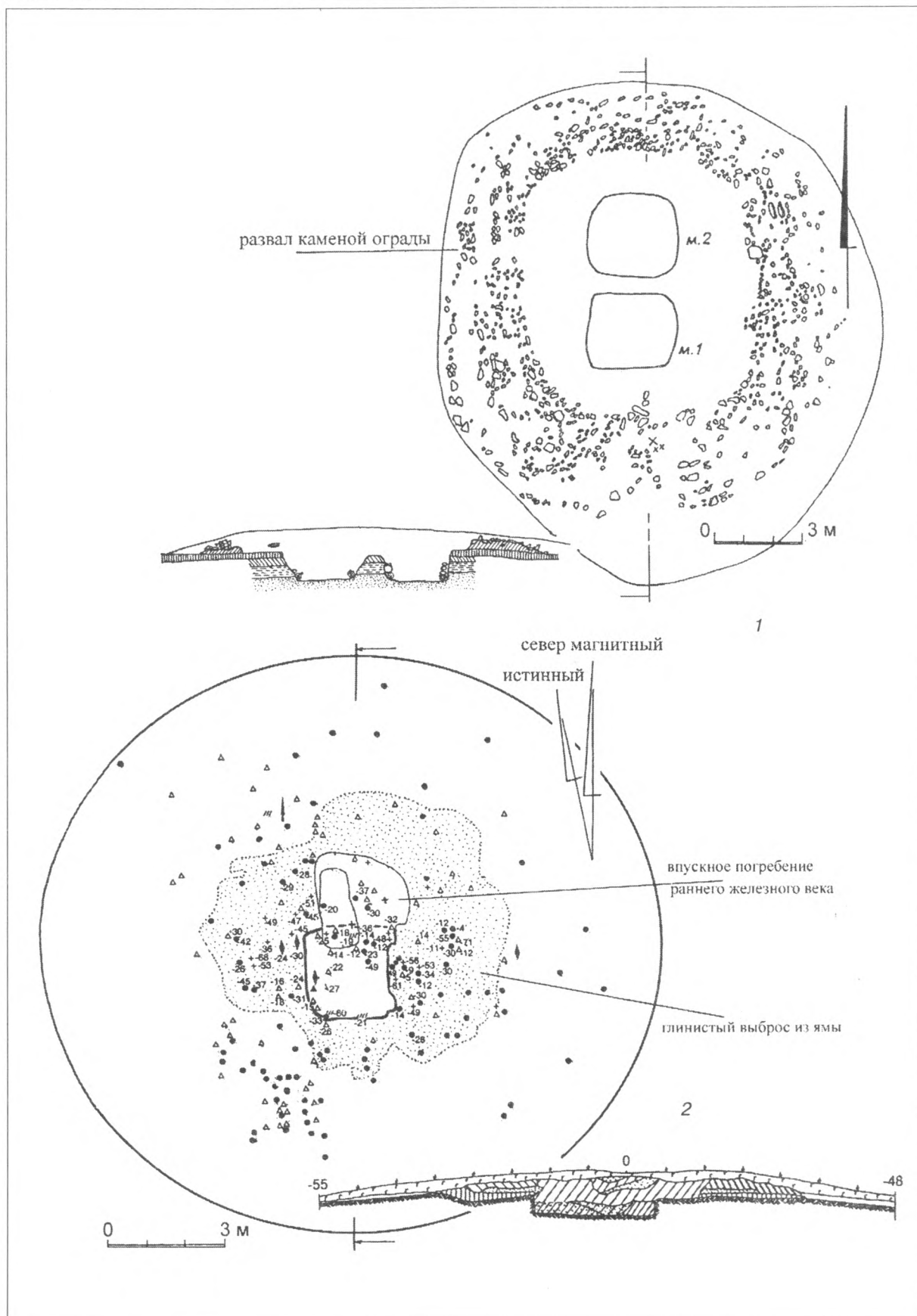

Рис. 61. 1 – Федоровский могильник, курган 39 (по: Сальников, 1940. С. 61);
2 – Большеказакбаевский 2 могильник, курган 18.

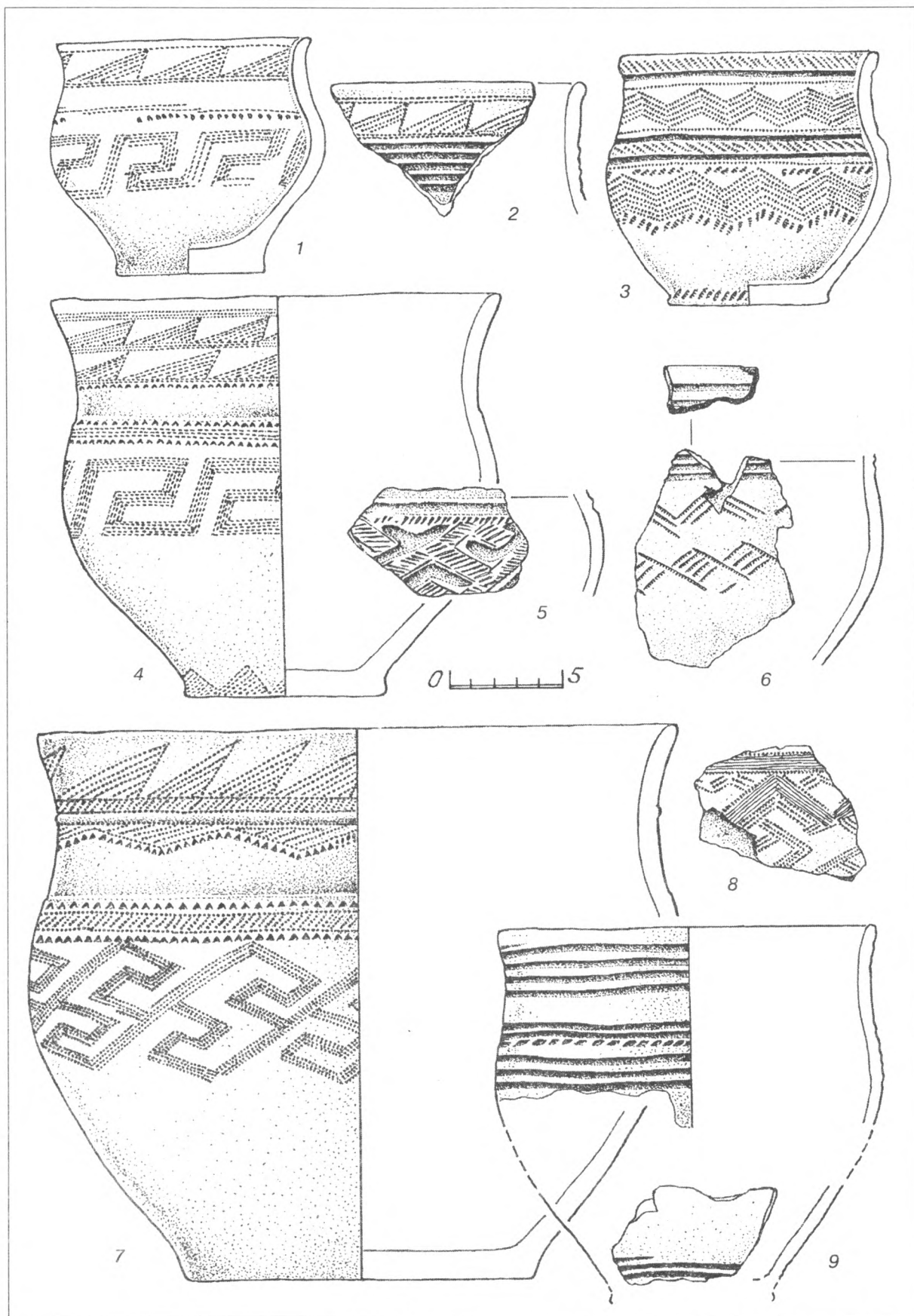

Рис. 62. Могильник Федоровский. 1, 2 – курган 60, 3 – курган 39, погребение 1; 4, 7 – курган 39, погребение 2; 5 – курган 13; 6 – курган 42; 8, 9 – курган 38, заполнение могильной ямы.

определению до типа. В нем есть что-то от бишкульской посуды, позднеалакульской или алакульской в одном из «поселенческих» вариантов. Важно другое – в классический алакульский объект врезана могила, содержащая по крайней мере один сосуд с явными федоровскими чертами, а не наоборот.

4. В небольшой ямке под насыпью федоровского кургана 7 обнаружена берцовая кость шерстистого носорога, а в центральной могиле 13 алакульского кургана 21 лежал фрагмент рога первобытного бизона. Присутствие остатков крупных плейстоценовых животных в позднебронзовых памятниках и, тем более, в двух курганах (расстояние между ними около 100 м) на территории одного могильника – исключительная редкость. Трудно представить, что кость носорога и рог бизона были подобраны в разных местах и в разное время. Как нам кажется, данный факт свидетельствует скорее об одновременности урефтинских А- и Ф-погребальных комплексов, нежели об их разновременности.
5. В отличие от других алакульских могильников при Челябинском районе, на Урефтах зафиксировано применение камня для устройства могильных и надмогильных сооружений, разного рода дополнительных конструкций. Оно носило ограниченный характер и, по-видимому, было «спровоцировано» близостью и доступностью сырья: кварцевые валуны, глыбы, обломки могли подбираться непосредственно на территории кладбища или в обрыве на берегу озера. Но откуда появились гранитные плиты в алакульском кургане 9, перекрывавшие единственную могильную яму (рис. 16 – 4)? Откуда взялись гранитные обломки в алакульском кургане 27, вместе с валунами кварца образовавшие выкладку с восточной стороны от могилы 1 (рис. 30 – 1)? Ведь ближайшие места, где граниты выходят на поверхность, находятся за несколько километров от Урефтов? Теоретически, они могли быть добыты далеко от некрополя. Но напрашивается и другой ответ – эти камни «позаимствованы» из оградок расположенных здесь же федоровских курганов (неполная оградка зафиксирована, например, в Ф-кургане 3) Другой пример: ограда федоровского кургана 8 сложена преимущественно из кварцевых валунов, тогда как в остальных раскопанных курганах Ф-типа материал оградок представлен в основном гранитами.

Каждый из приведенных фактов, рассмотренный отдельно, не дает четкого ответа на вопрос о соотношении алакульских, алакульско-федоровских и федоровских погребальных объектов могильника Урефты I. Если же их суммировать и соотносить с данными, полученными при раскопках других андроновских памятников при Челябинском районе, то мы приобретем достаточно веские основания для, по крайней мере, частичной синхронизации комплексов перечисленных культурных

типов. К сожалению, очень редко удается извлечь полезную для наших целей информацию из публикаций результатов раскопок могильников. Тем не менее, такие примеры есть. В кладке Ф-кургана 20 Большеказакбаевского 2 могильника (р. Караболка, север Челябинской области) найдены обломки бесспорно алакульского сосуда (рис. 64 – 2). Алакульский черепок обнаружен в насыпи кургана 18 того же некрополя (рис. 63 – 4). В единственной могиле этого кургана, кроме скопления кальцинированных костей, расчищены сосуды федоровского и алакульско-федоровского облика (Корякова, Стефанов и др., 2005). По мнению авторов раскопок, с данным погребением можно связать бронзовый нож, найденный в северо-западном секторе насыпи (рис. 63, 9; см.: Daire M.-Y., Koryakova L., 2001), типологически близкий ножам из урефтинского кургана 7 (рис. 36 – 7, 11).

В кургане 2 Субботинского могильника (около 75 км к востоку от Челябинска) в могиле 4 обнаружены остатки захоронения «... по обряду трупоположения, возможно частичного сожжения...», бронзовые украшения и два сосуда, которые Т.М. Потемкина относит к федоровскому типу (рис. 65 – 6, 7). На наш взгляд, указанные сосуды имеют отчетливый алакульский признак – неорнаментированную полосу в основании шейки. Периферийное положение могилы 4 по отношению к центральным алакульским погребениям «... свидетельствует о более позднем ее сооружении. Возможно и одновременное совершение захоронений» (Потемкина, 1985. С. 238).

В насыпи кургана 61, расположенного особняком на западной окраине Алакульского могильника (около 60 км от Челябинска к востоку), «... найдены предметы энеолитического облика», а под насыпью обнаружены два погребения с остатками кремации и горшками федоровского (на наш взгляд, алакульско-федоровского) типа, захоронения ребенка с алакульскими сосудами и центральная могила без следов костяка, но с развалами двух неорнаментированных сосудов. С.Н. Шиллов предполагает, что материалы этого кургана маркируют завершающий период функционирования Алакульского некрополя (Доклад прочитан 12 мая 2004 г. на научно-практическом семинаре по охране памятника археологии Алакульский могильник в Курганском университете. См. также: Горбунова, Исаков, 2003. С. 167-168).

Синхронность существования посуды алакульского и федоровского типов зафиксирована В.С. Стоколосом стратиграфически при раскопках кургана 1 могильника Черняки II. (р. Миасс, юго-западнее Челябинска). Впрочем, сам автор раскопок обращает внимание на взаимовлияние двух керамических традиций, проявляющееся «... в форме, орнаментации и технологии: горшечные формы среди алакульского комплекса, некоторое сходство орнамента..., примесь талька, иногда уступчик и несплошная орнаментация венчика федоровских сосудов...» (Стоколос, 1968а. С. 215). Мы более склонны отнести посуду федоровского – по В.С. Стоколосу – типа с могильника Черняки II к алакульско-федоровской.

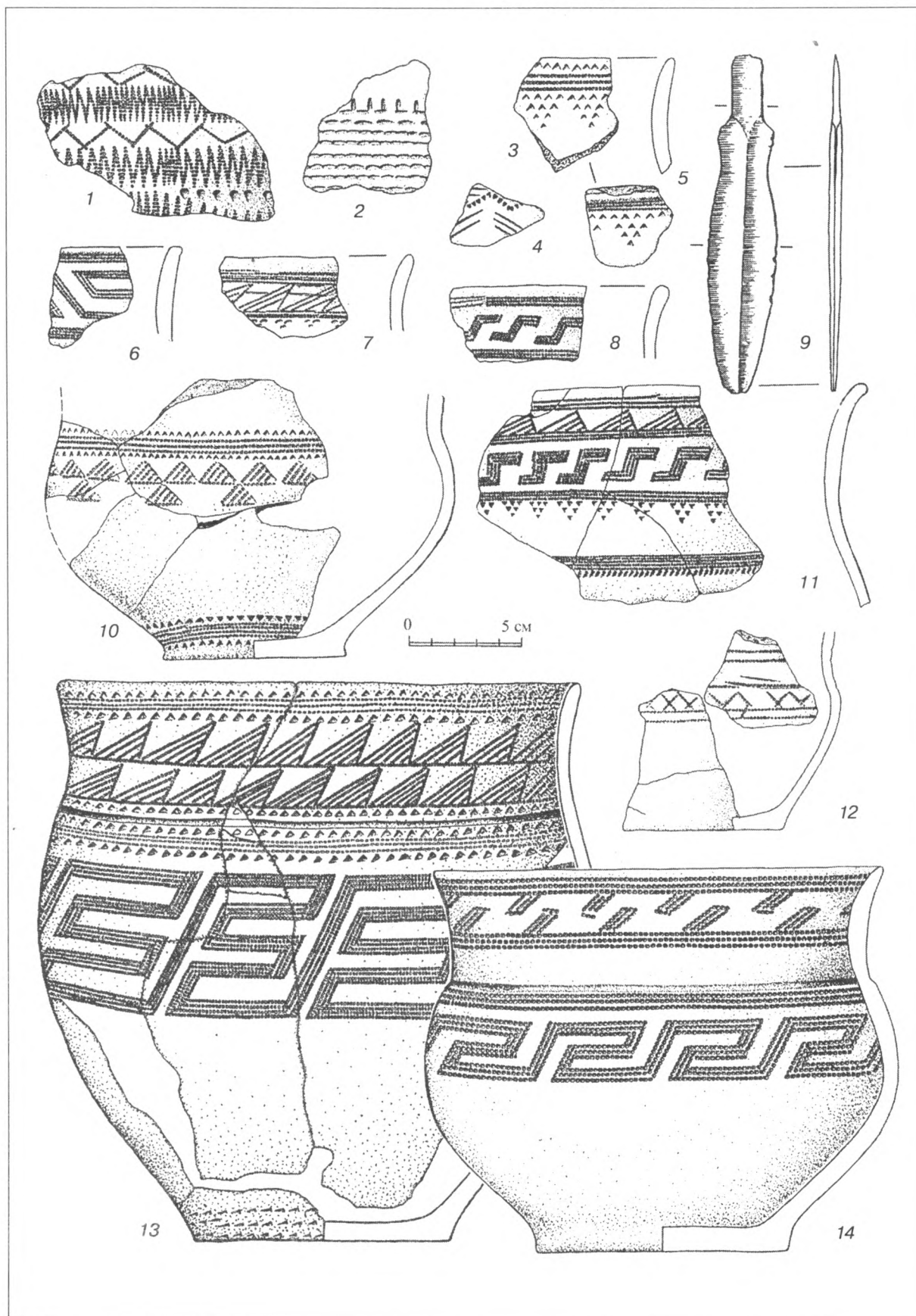

Рис. 63. Большеказакбаевский 2 могильник, курган 18. Находки из насыпи (1-9)
и могилы (10-14). 9 – бронза, остальное – керамика.

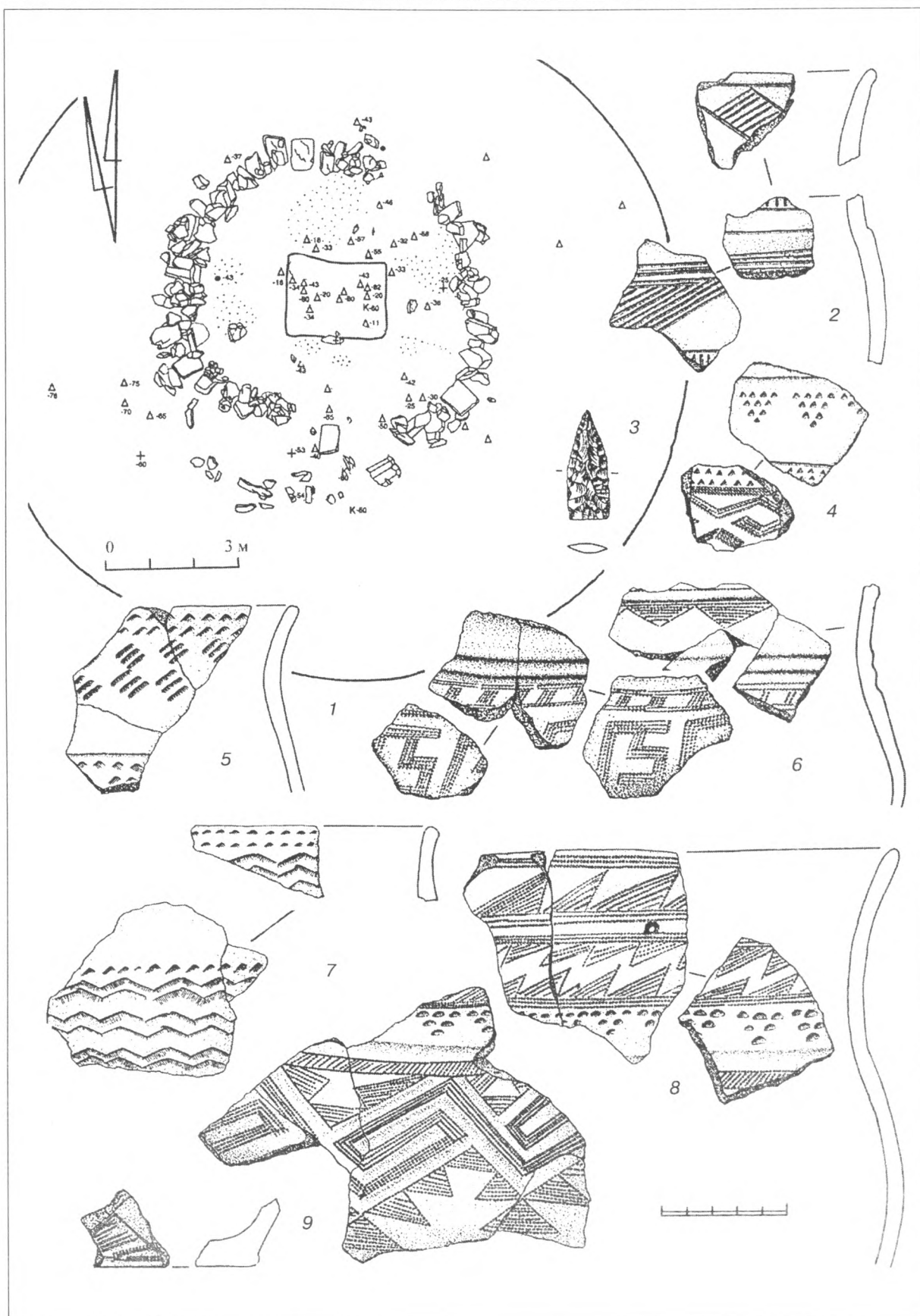

Рис. 64. Большеказакбаевский 2 могильник, курган 20. План раскопа (1), инвентарь (2-4, 9 – из насыпи; 5-8 – из могилы).

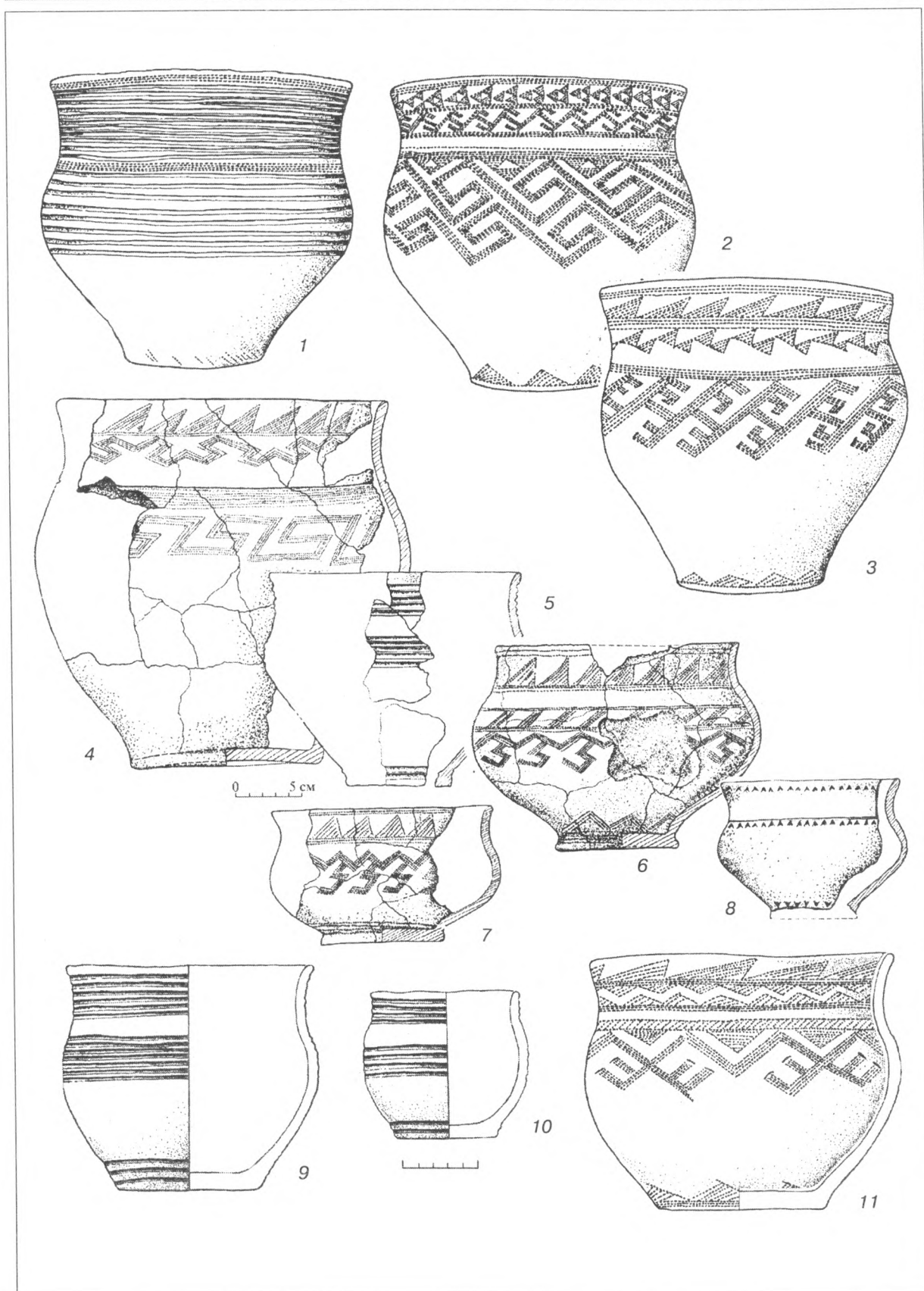

Рис. 65. Могильники Нурбаково (1-3), Субботино (4-8, по: Потемкина, 1985, рис. 100), Касарги (9-11). Прорисовки сосудов из раскопок могильника у дер. Нурбаковой сделаны с фотографий из отчета С.И.Руденко (без масштаба).

Сосуществование алакульских и федоровских традиций демонстрируют материалы Лисаковского I могильника в Верхнем Притоболье (Усманова, 2005).

Перечень подобных примеров можно было бы расширить, в том числе за счет привлечения поселенческих материалов, но и без этого ясно, что зафиксированная на Урефтах I ситуация вполне типична для позднебронзовых могильников лесостепного Зауралья, включающих алакульские, федоровские и синкретические комплексы. Новые источники не приблизили разрешение алакульско-

федоровской проблемы, но добавили еще несколько аргументов в пользу гипотезы, допускающей возможность частичной синхронизации этих культур, при том, что в целом Ф-культурный комплекс в Зауралье сформировался позже алакульского.

Для могильника Урефты I получены три радиоуглеродные даты, выполненные в С14 лаборатории Оксфорда. Образцы, отобранные для датирования, имели надежную археологическую привязку и представляли собой костные остатки, залежавшие на дне центральных могил курганов 15, 25 и 16 (табл. 2)

Таблица 2

Радиоуглеродные даты захоронений могильника Урефты I

Lab. index	Site, location in site/ material	Date BP	Date BC 68.2% probability	Date BC 95.4% probability
OxA-12523	Urefty cemetery, kurgan 15, burial 6 / bone,	3345±30BP	1685BC (58.1%) 1600BC 1555BC (10.1%) 1535BC	1735BC (2.7%) 1715BC 1690BC (92.7%) 1520BC
OxA-12522	Urefty cemetery, kurgan 25, burial 7 / bone,	3330±31BP	1685BC (8.3%) 1665BC 1660BC (6.3%) 1645BC 1640BC (26.9%) 1595BC 1590BC (1.8%) 1580BC 1570BC (25.0%) 1525BC	1685BC (95.4%) 1520BC
OxA-12521	Urefty cemetery, kurgan 16, burial 1 / bone,	3440±30BP	1860BC (8.7%) 1840BC 1775BC (59.5%) 1685BC	1880BC (17.1%) 1835BC 1830BC (8.3%) 1795BC 1780BC (68.9%) 1680BC 1670BC (1.1%) 1660BC

Почти идеально совпадают даты погребений алакульских курганов 15 и 25, хотя в курганной группе их разделяет 80-метровый участок пространства (рис. 5). Федоровский курган 16, расположенный юго-восточнее кургана 15, оказывается несколько более ранним. Мы не склонны преувеличивать значение этого факта, поскольку, во-первых, это едва ли не первая и единственная – для причелябинского района АКЮ – абсолютная дата достоверно федоровского объекта, во-вторых, расхождение не слишком велико, и, в-третьих, калиброванный возраст всех трех погребений совпадает – для значения 1σ около 1685 г. до н.э., а для значения 2σ в интервале 1685-1660 гг. до н.э. Кроме того, нельзя за-

бывать, что в заполнении могильной ямы Ф-кургана 16 найден обломок алакульского сосуда, а один из горшков, обнаруженный около каменного ограждения, по ряду признаков (уступчатое плечо, неорнаментированная полоса, гребенчатая техника, меандровые мотивы) имеет сходство с сосудами из датированных могил курганов 15 и 25 (сравни: рис. 19 – 23, 29 – 12, 37 – 4). Конечно, серия очень мала, и, тем не менее, результаты радиоуглеродного датирования в целом не противоречат выводу, сделанному исключительно на основании косвенных данных: алакульские, алакульско-федоровские и федоровские захоронения на территории могильника Урефты I могли совершаться одновременно.

Алакульская и федоровская культуры в лесостепном Зауралье: проблемы взаимодействия¹

Андроновская культурно-историческая общность (АКИО) в интересующем нас при Челябинском районе представлена памятниками/комплексами петровского, алакульского, федоровского и синкретического алакульско-федоровского типов. Петровские древности выделяют в качестве самостоятельного культурного образования (Зданович Г.Б., 1988; 2002; Кузьмина, 1994; Григорьев, 2000), либо атрибутируют как раннеалакульские (поскольку в них оформлены основные алакульские культурные стереотипы – см.: Виноградов Н., 2002; 2003, Ткачев В., 1998; 2003). Вслед за многими исследователями мы склонны рассматривать их как более поздние по отношению к синташтинским и генетически с ними связанные. Основной территорией распространения памятников синташтинского типа является степное Зауралье. Известны они и в бассейне р. Уй, т.е. на границе лесостепной и степной зон (Черноречье III, Степное, Кривое Озеро и др.). Поселения с синташтинскими и петровскими материалами, расположенные в непосредственной близости от Челябинска, исследованы недавно Д. В. Нелиным и С. А. Григорьевым (Шибаетов 1, Мочище I – см.: Нелин, 2000. С. 120-125; 2004; Васина, Григорьев и др., 2004). Имея представление о степени археологического обследования данного района, можно не сомневаться в том, что синташтинские древности будут здесь еще обнаружены. Петровские памятники распространены более широко – на карте, помещенной Н.Б. Виноградовым в последней монографии (2003. С. 11), в при Челябинской лесостепи отмечено около десятка пунктов, где были зафиксированы характерные петровские остатки. На этой карте не обозначены Мочище I и петровские памятники, открытые екатеринбургскими археологами, том числе однослойное (?) поселение вблизи с. Шатрово в древней долине р. Чумляк (Чемакин, 1978. С. 20). Убеждены, что со временем их число умножится.

Таким образом, проникновение степных племен в лесостепное Зауралье началось, по-видимому, еще в доандоновский (синташтинский) период и заметно усилилось на раннем (петровском) этапе АКИО. К сожалению, в настоящее время от-

сутствует возможность подробно охарактеризовать здешние петровские комплексы, они практически не исследованы. Если же говорить о первом впечатлении, то, как нам кажется, петровские керамические материалы поселений Шибаетов 1 и Шатрово IX не имеют принципиальных отличий от посуды однокультурных памятников степной зоны. Остается загадкой – с каким населением вступали в контакт/взаимодействие синташтинские и петровские коллективы на этой территории? Кто были эти гипотетические потомки энеолитических (по В.С. Мосину – кысыкульско-суртандинских) племен, в III тыс. до н.э. населявших горно-лесные и лесостепные районы Зауралья? Как происходило это предполагаемое взаимодействие и нашло ли оно отражение в петровских древностях? Была ли вообще заселена эта территория к началу синташтинских проникновений? Эти и множество других вопросов останутся без ответа до накопления и изучения соответствующих источников. Заметим только, что, по мнению Н.Б. Виноградова, результатом тесных контактов петровских и южнолесных среднеуральских племен явилось формирование памятников коптяковского типа (Виноградов Н., 2003. С. 271). Ранее коптяковскую керамику поселения Липовая Курья (около 65 км к западу от Челябинска, Ильменский хребет) Л.П. Хлобыстин характеризовал как «... сплав двух традиций: местной, опирающейся на достижения аятской культуры, и привнесенной извне – алакульской» (Хлобыстин, 1976. С. 56-58). В контексте данной работы эти сюжеты не являются определяющими, для нас представляет важность следующий вывод – в при Челябинском районе алакульскому культурному массиву, безусловно, предшествовали древности петровского типа. Из этого следует, что становление алакульской археологической культуры в ее классическом виде, представленном материалами многочисленных поселений и могильников (в т.ч. эпонимного), могло происходить и, скорее всего, происходило на петровской основе в лесостепном Зауралье.

Экскурс 5. Не претендуя на роль больших знатоков древностей петровского типа, мы, тем не менее, позволим себе высказать, хотя бы в виде тезисов,

¹ В сокращенном варианте этот раздел книги опубликован в журнале «Российская археология» (Стефанов, Корочкова, 2004). К сожалению, из-за нашей невнимательности был напечатан плохо отредактированный текст.

некоторые замечания и соображения по их поводу. 1. Пытаясь вникнуть в нюансы дискуссии по вопросам атрибуции и периодизации памятников петровской культуры (этапа, фазы, типа), мы испытываем затруднения из-за того, что многие материалы, в т.ч. эталонные, либо не опубликованы, либо опубликованы в недостаточном объеме. 2. Полагаем все же, что сходство между материальной культурой племен, оставивших в Северном Казахстане памятники петровского типа и сопоставимые с ними в Южном Зауралье, не является абсолютным. 3. На процессы сложения и оформления петровской культуры в Приишимье определенно повлияло западносибирское лесостепное население (Зданович Г., 1988. С. 139), в южноуральских комплексах свидетельств таких контактов мы не видим. 4. Если региональная специфика имеет место, то насколько правомерно и целесообразно в таком случае использование термина «петровский (е)» для обозначения южноуральских комплексов типа Кулевчи III и близких ему? Тем более, если «ядро петровского населения локализовалось» на Южном Урале и прилегающих территориях (Ткачев В., 1998. С. 44) и, что формирование и история «петровки» теснейшим образом связаны с Южным Зауральем (Зданович Г., 2002. С. 45; Зданович Г., Зданович Д., 2005. С. 115). Не повторяем ли мы ошибку, допущенную в свое время по отношению к федоровским древностям: опорный и эпонимный могильник находится под Челябинском, а в «чистом» виде они представлены в восточной части ареала АКИО, почти за 2 тысячи километров от Федоровского некрополя. 5. Разделяя позицию тех исследователей (Кузьмина Е.Е., Виноградов Н.Б., Ткачев В.В., Епимахов А.В., Нелин Д.В. и др.), которым эволюция или постепенная трансформация петровских древностей в алакульские представляется очевидной, мы исходим из того, что на разных территориях близкие варианты «петровки» трансформируются в разные культурные варианты «алакуля». Иначе как объяснить, например, почему 30% алакульской посуды могильника у с. Семипалатное в Северном Казахстане украшено «шагающим» штампом (Зданович Г., 1973. С. 29), а в причелябинском районе таких сосудов нет вообще. 6. Можно ли трактовать петровские комплексы в целом как раннеалакульские? Насколько правы В.В. Ткачев и Н.Б. Виноградов, утверждая, что «памятники петровского типа характеризуют ранний этап алакульской культуры» (Ткачев В., 1998. С. 46), и, что «материальная культура (петровских племен – Авт.) повсеместно и эволюционно сменяется памятниками «развитого» этапа алакульских и очень близких им по облику культур» (Виноградов Н., 2005. С. 133)? Должны заметить, что поначалу эта проблема не рассматривалась нами в качестве принципиально важной. Со временем мы пришли к мнению, что подобное толкование петровских (в разных вариантах) памятников может внести путаницу в разработку схемы развития алакульской культуры. Если петровские материалы таких памятников как Кулевчи III, Устье, Кривое Озеро, Шибаво I, характеризовать как раннеалакульские, а могильники Алакульский, Черняки I, Миасский I относить к ее «развитому» или, лучше, классическому этапу, то как поступать с памятниками/комплексами петровско-алакульского – уже не раннего, но еще не классического – облика. В периодизации

алакульских памятников Урало-Казахстанского региона, предложенной А.В. Матвеевым (1998), эти памятники объединены в рамках «чистолесяжского» этапа. В Южном Зауралье он представлен, в частности, материалами могильника Кулевчи VI (Виноградов Н., 1984), который В.В. Ткачев относит к раннеалакульскому кулевчинскому этапу (2003).

Алакульская культура – это позднебронзовая зауральская культура, ее сложение и развитие приходится на второй период функционирования Евразийской металлургической провинции в азиатской зоне (Черных, 1978; Черных, Агапов, Кузьминых, 1990). Развивалась она не изолированно, алакульские общины несомненно взаимодействовали с населением сопредельных областей, как близкородственным (степное Зауралье, лесостепное Притоболье), так и инокультурным (горно-лесное Зауралье). О характере и глубине последних связей судить очень сложно. К примеру, в южноуральских степях не вызывают сомнения взаимодействие и взаимовлияние срубной и алакульской культур, настолько очевидны их следы в археологических источниках. В материалах североказахстанских алакульских памятников отчетливо просматриваются элементы, связанные с западносибирскими лесостепными культурами типа Вишневки и Кротово. Алакульско-ташковские контакты предполагаются некоторыми исследователями в подтаежном Притоболье. В причелябинских комплексах инокультурные проявления есть, но улавливаются они с трудом. В отличие от синхронных постпетровских образований степного Зауралья, здешняя алакульская культура испытала минимальное срубное воздействие. Контакты с лесными племенами документируются редкими находками изделий, выполненных в традициях сейминско-турбинской металлообработки (наконечники копий разрядов КД-28, 32 на алакульском поселении Коркино I, кельт). Вместе с тем, в орнаментации алакульской керамики отсутствуют выразительные мотивы, происхождение которых можно было бы определенно связывать с культурами горно-лесных районов. Кроме, может быть, мотива в виде «уточки». Но, во-первых, он встречается уже на синташтинской посуде (хотя и крайне редко, см.: Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В., 1992. С. 303, рис. 172 – 7); во-вторых, он имеет очень широкое распространение в керамических коллекциях АКИО, не только алакульских; и, в третьих, в андроновском орнаментальном комплексе этот мотив вряд ли воспринимался как изображение водоплавающей птицы. Схематизированная «уточка» на керамике культур степной зоны андроновской общности, вероятно, превращается в простой декор (Викторова, Чаиркина, Широков, 1997. С. 50). Что касается добавления тальковой дресвы в глиняное тесто, то эта традиция, по-видимому, унаследована алакульскими гончарами от своих синташтинских и петровских предшественников, а не воспринята из инокультурной среды. Взаимодействуя с коллективами, обитавшими в лесном Зауралье и в горно-лесном поясе Уральских гор, алакульское население причелябинской лесостепи, похоже, мало, что от них восприняло.

В этой связи представляют интерес следующие наблюдения. Северная граница территории, освоенной алакульскими общинами, предположительно, проходила по р. Синара (правый приток Исети). К северу от нее не известно ни одного алакульского поселения или могильника, исключительно редки здесь и находки алакульской керамики. На западе алакульские памятники подступают почти вплотную к склонам Уральских гор (Сарафаново), но в горной части их нет. Исключение – стоянка близ с. Идрисово на р. Юрюзань, где в слое с разновременными остатками найдено несколько алакульских черепков (Петрин, 1976, С. 19). Алакульские древности отсутствуют на обследованных озерах восточных предгорий Урала – Тургояк, Большое Миассово, Аргази, Иртяш и др. Оценивая потенциальный объем памятников ПБВ в лесостепном Зауралье и сопредельных районах как очень высокий, а степень археологического обследования территории как предельно низкую, мы, тем не менее, готовы утверждать, что для алакульского населения связи с коллективами, обитавшими в районах горно-лесного Зауралья, не имели определяющего значения.

Вряд ли мы ошибемся, предположив, что наиболее тесные связи у местных алакульских племен установились с восточными и юго-восточными соседями – андроновцами Притоболья и Северного Казахстана. Сходство природных условий, отсутствие естественных преград, с одной стороны, и общность происхождения и исторических судеб населения, с другой, способствовали этим связям (взаимовлиянию, взаимопроникновением, нивелировке культуры) в такой степени, что зачастую практически невозможно отличить зауральские алакульские комплексы от притобольских. Показателен такой пример – в составе алакульской посуды с памятников Притоболья имеется много сосудов, изготовленных из глины с добавкой талька. Между тем, месторождения талька расположены на Среднем и Южном Урале, а тальковая примесь является одним из индикаторов зауральской керамики разных археологических периодов, в т.ч. алакульской. Большинство каменных изделий с притобольских поселений изготовлено из пород, месторождения которых известны на Урале (Потемкина, 1985. С. 70, 334-340).

Целесообразность выделения причелябинского района в ареале андроновской КИО мотивируется не экстраординарностью местного алакульского массива, а в первую очередь тем, что в его границах наряду с алакульскими широко представлены памятники алакульско-федоровского (АФ) и федоровского (Ф) типов. В Среднем Притоболье они до сих пор либо не выявлены, либо не исследованы. Федоровская и смешанного облика АФ-керамика систематически встречается здесь – как правило, в небольшом количестве – на позднебронзовых поселениях (Потемкина, 1985), но погребальных объектов, бесспорно относящихся к Ф-культуре, в лесостепном Притоболье нет, по крайней мере, пока. Нет их в степном Зауралье, хотя и здесь в слоях алакульских поселений попадаются фрагменты сосудов Ф и АФ-типов. В степ-

ной зоне на Тоболе федоровские курганы присутствуют в Лисаковском I могильнике (любопытно, что памятники Лисаковского археологического микрорайона располагаются вблизи бродов через реку – см.: Усманова, 2005. С. 6).

В зауральском лесостепном районе ситуация иная. Федоровские и синкретические материалы (комплексы, объекты, памятники) в нем многочисленны, но их культурная самостоятельность и место в системе позднебронзовых древностей остаются неопределенными. Периодизация андроновской культуры К.В. Сальникова (Сальников, 1951; 1967), в которой федоровские древности предшествуют алакульским, утратила свое значение и сейчас воспринимается как неподтвердившаяся научная гипотеза. Широко обсуждаются два альтернативных варианта разрешения алакульско-федоровской «интриги»: 1 – трансформация алакульской культуры в федоровскую через переходный кожумбердинский или амангельдинский этап (Г.Б. Зданович, Н.А. Аванесова, Т.С. Малюткина, Н.Б. Виноградов, А.В. Матвеев), 2 – это разные культуры (Е.Е. Кузьмина, В.Н. Чернецов, М.Ф. Косарев, В.С. Стоколос, Т.М. Потемкина, В.В. Евдокимов, С.А. Григорьев, Э.Р. Усманова, А.А. Ткачев), взаимодействие которых демонстрируют комплексы смешанных типов. Вторая версия имеет нюансы, связанные с разным решением вопросов генезиса и хронологии федоровской культуры. Надо ли говорить, как важно при обосновании той или иной точки зрения корректно относиться к источникам. Например, упоминавшееся выше поселение Коркино I в монографии Н.А. Аванесовой фигурирует как однослойный федоровский памятник, соответственно уникальные вещи с него привлекаются для датировки федоровской культуры (Аванесова, 1991. С. 91). А.Ф. Шорин характеризует Коркино I как черкаскульско-федоровский поселок (1999. С. 102). В действительности же, на этом поселении выделяются два слоя: ранний – алакульский (основной, с ним связаны обломки горшков федоровского и амангельдинского типов) и поздний – черкаскульский (Чемакин, 1998. С. 277).

Проанализировав доступные материалы, мы пришли к убеждению, что федоровские древности в лесостепном причелябинском районе не могли сформироваться на местной алакульской основе. Попытаемся аргументировать нашу точку зрения путем сопоставления основных диагностических признаков обеих культур. Поскольку алакульская культура изучена лучше, и, учитывая особую остроту «федоровской» темы, последней будет уделено приоритетное внимание.

Керамике алакульского и федоровского типов посвящено множество работ; в них подробно рассмотрены общие и частные вопросы технологии, морфологии, орнаментики, функциональности и др. Обстоятельный анализ посуды всего андроновского ареала проделан М.Н. Комаровой, В.С. Сорокиным, Е.Е. Кузьминой (Комарова, 1962; Сорокин, 1962; Кузьмина, 1986а; 1994 и др.). Большинство ученых, обращавшихся к этим вопросам, сходятся во мнении, что фиксируемое несходство алакульского и федоровского керамических комплексов

носит принципиальный характер, а по некоторым признакам – принципиально несовместимый (Зотова, 1965; Кузьмина, 1994; Рудковский, 2003; Ломан, 2003). Представление о федоровском керамическом комплексе (ФКК) причелябинского района АКИО сформировалось в основном по сосудам, входящим в состав погребального инвентаря. Уже по этой причине оно не является всесторонним. Тем не менее, поскольку аналогичные образцы регулярно встречаются в культурных слоях алакульских поселений, можно охарактеризовать некоторые, составляющие зауральский ФКК, группы. В качестве его культурного индикатора (или «социального паспорта» – см.: Бобров, Михайлов, 1989. С. 87) выступают плавнопрофилированные высоких и средних пропорций горшки с открытым устьем, тщательно обработанные и украшенные сложным геометрическим орнаментом (косые треугольники, бордюры из раздвинутых треугольников, зигзаги, нанесенные по косой сетке меандры, фестоны из соприкасающихся треугольников), выполненным исключительно зубчатым штампом, мелким и средним. Границы орнаментальных зон обозначены горизонтальными гребенчатыми линиями или каннелюрами. Как правило, это средне- или крупноразмерные емкости. Горшки второй группы отличаются от первой только декором – их верхняя половина сплошь покрыта горизонтальными желобками (= каннелюрами). Не слишком представительную в составе погребальной посуды третью группу образуют экземпляры горшечной формы, украшенные – подчас небрежно и без соблюдения принципа зональности – простыми узорами из отпечатков зубчатого штампа (пояски разнонаклонных оттисков, елочные, ромбовые мотивы). Вопреки устоявшемуся мнению, для федоровских горшков лесостепного Зауралья мало характерны поддоны. Специфической особенностью ФКК причелябинского района являются глиняные блюда подпрямоугольной или, реже, овальной формы с невысокими бортиками и «ушками» по углам. Иногда они оформлены налепными валиками по верхнему краю бортиков и орнаментированы. Им свойственны неплотное рыхлое тесто, плохой обжиг. В отличие от сосудов горшечных форм, блюда встречаются почти исключительно в могилах. Важно отметить – в федоровских погребениях лесостепного Зауралья совершенно отсутствуют сосуды малых или миниатюрных размеров и баночных форм.

Облик поселенческой (бытовой, хозяйственной) федоровской керамики неизвестен, поскольку в этом районе до сих пор не исследовано ни одного однослойного Ф-поселения. Если бы такое обнаружилось, то на нем, по аналогии с поселениями других районов АКИО, наверняка присутствовали бы плавно профилированные горшки с геометрическим и желобчатым орнаментом, причем, в небольшом количестве, и сосуды горшечной, горшечно-баночной и, возможно, баночной формы с простыми узорами, похожие на третью группу погребальной Ф-посуды. Среди последних должны быть экземпляры с налепными или формованными валиками. Именно в таком ассортименте

те федоровская керамика представлена на поселениях подтаежного Притоболья Черемуховый Куст и Дуванское XVII (Зах, 1995; Стефанов, Корочкова, 2000. С. 51-68). Нельзя сказать, что точно в таком же составе она присутствует в слоях зауральских позднебронзовых поселений, но подобные примеры есть (Мирный II, У Спасского Моста, Миасское).

Что отличает федоровский керамический комплекс от алакульского и в чем они сходны? Горшки обоих типов изготовлены ленточным способом (хотя при конструировании Ф-сосудов ленты накладывались со скосом наружу, а алакульских – со скосом внутрь), они имеют близкие пропорции (хотя алакульские в целом выглядят более приземистыми), у них совпадают орнаментальные композиции и размещение мотивов по зонам (Кузьмина, 1994. С. 117). Вместе с тем, для федоровской посуды не характерны такие специфические алакульские черты, как: уступчики на плечиках (в алакульских коллекциях число горшков с уступчатым профилем достигает 60 % и более), ребристые формы, неорнаментированная полоса (пустая зона) в нижней части шейки. «Признак пустой зоны» отличает алакульскую керамику Южного Зауралья даже от однокультурных комплексов других районов АКИО (Рудковский, 2003. С. 17). Прямоугольные меандры алакульского декора мало похожи на замысловатые «ковровые» орнаменты Ф-керамики (Зотова, 1965). Для федоровской посуды очень характерна гребенчатая техника орнаментации, но типично алакульская «проташенная гребенка» не использовалась совершенно. Различаются сравниваемые материалы по удельному весу каннелюров, степени характерности орнаментальных «сбоев» и другим признакам. Е.Е. Кузьмина полагает, что на инородность федоровского комплекса в Зауралье прямо указывает отсутствие в тесте федоровских горшков примеси талька (Кузьмина, 1994. С. 114). Действительно, если для алакульского гончарства добавка дробленого талька в глину – это норма, то для федоровского, скорее, исключение.

Различия, обнаруживаемые при сопоставлении керамических материалов алакульской и федоровской культур, настолько значительны, что вывод об отсутствии генетической связи между ними кажется очевидным. Такому заключению не противоречат результаты анализа керамики смешанного АФ-облика. Какое-то время алакульско-федоровская посуда из памятников лесостепного Зауралья воспринималась нами как в целом алакульская с инокультурными, в данном случае – федоровскими, признаками. Вместе с тем, при ознакомлении с коллекциями андроновских поселений и могильников причелябинского района, нам нередко попадались экземпляры, федоровский компонент в которых явно преобладал. Варианты подобных алакульско-федоровских комбинаций разнообразны, а культурная доминанта не всегда поддается определению. Есть множество горшков, выполненных по алакульской технологии (формовочные массы, конструирование полого тела), но украшенные в федоровском декоративном стиле,

есть горшки федоровские с неорнаментированной зоной в нижней части шейки, со сложными «ковровыми» узорами, в которых отдельные элементы нанесены протасенной гребенкой. Заимствуются или сохраняются культурно-диагностирующие признаки: уступчик, неорнаментированная полоса, тальк – из алакульской традиции, косые треугольники и меандры, фестоны, мелкая гребенка, изящные пропорции, плавная профилировка – из федоровской. АФ-комплекс включает разных размеров горшки (иные формы неизвестны), с открытым устьем, прогибом стенок при переходе к дну, нередко с поддонами, с пышным или моносюжетным (каннелюры) орнаментом, размещенным по конструктивным зонам, с тальком в тесте или без него (последние преобладают). В составе посуды этого комплекса встречаются, правда, очень редко, экземпляры, украшенные по внутренней стороне шейки гребенчатой зигзаговой линией (рис. 59 – 8, 60 – 3, 8). Иногда такие зигзаги нанесены по заранее подготовленному «скосу». Должны заметить, что и «скосы» по венчику, и орнаментация внутренней стороны стенок, относятся к числу признаков, имеющих раннее происхождение – вплоть до энеолита (см., например, фрагменты энеолитических сосудов с Урефтов I на рис. 50 – 12, 15). Другой специфической и редкой деталью, имеющей аналогии в синташтинских и петровских материалах, являются узкие рельефные утолщения в виде жилки (нервюры) в средней части шейки. С точки зрения морфологических и декоративностилевых особенностей посуда АФ-типов выглядит в целом более изящной и нарядной, нежели алакульская или даже федоровская. Она представлена в коллекциях многих зауральских поселений и могильников (в т.ч. Федоровского) и везде эта керамика сопутствует алакульской и федоровской.

Зная, что эволюция алакульской керамики в Зауралье происходила в направлении сокращения удельного веса и состава геометрических мотивов в орнаменте, снижения роли желобчатой техники (Стефанов, 1996. С. 61; Матвеев, 1998. С. 320-321, 328-329), трудно представить, что яркий АФ-комплекс мог сложиться в результате трансформации местных алакульских древностей. Без мощного внешнего импульса это было невозможно. Интерпретация АФ-керамики как смешанной, отражающей процессы взаимодействия алакульской и федоровской культур, кажется нам более правильной, если не единственно возможной.

Экспурс 6 – о керамике АФ- и амангельдинского типов. Амангельдинский тип керамики выделен Г.Б. Здановичем по материалам североказахстанских памятников Амангельды I, Петровка II (Зданович Г., 1973. С. 33, 35, 36). Сначала появление подобных комплексов в Северном Казахстане объяснялось не генетической связью федоровских и алакульских племен, а взаимовлияниями различных культур (Зданович Г., 1973. С. 42), взаимодействием федоровских и алакульских традиций (Бухонина, 1984. С. 56). Позднее эта точка зрения подверглась кардинальному пересмотру и сменилась на диаметрально противоположную. «Переходные комплексы кожумбердынского (амангельдинского) типа, в которых сочетаются ала-

кульские и федоровские черты ... отражают не сосуществование, а генетическую взаимообусловленность двух культур, сменяющих друг друга во времени» (Зданович Г., 1988. С. 153). Сходную позицию по вопросу интерпретации амангельдинских комплексов заняли Н.А. Аванесова (1991), Т.С. Малютина (1994. С. 23), А.В. Матвеев (1998. С. 329). О генезисе федоровской культуры на алакульской основе высказывались В.А. Зах (1995. С. 88) и некоторые челябинские археологи (Виноградов Н. и др., 1996). Иной точки зрения придерживается Е.Е. Кузьмина, последовательно отстаивающая тезис о смешанном, а не переходном, характере амангельдинских, кожумбердынских, таутаринских древностей Казахстана (1985; 1994 и др.). По ее мнению, памятники смешанных типов, во-первых, определяют «... представления об андроне как об особом культурном образовании степей эпохи бронзы...», и, во-вторых, позволяют «...говорить об интенсивном шедшем процессе ассимиляции и интеграции исходных компонентов андроновской общности – алакульского и федоровского» (Кузьмина, 1994. С. 122). Как смешанную характеризуют амангельдинскую керамику Т.М. Потемкина (1985. С. 283, 284; 1995б. С. 11), А.А. Ткачев (2002а. С. 198) и другие исследователи. Происхождение керамики, сочетающей алакульские и федоровские признаки, в Северном и Центральном Казахстане В.Г. Ломан объясняет смешением разного по генезису алакульского и федоровского населения (Ломан, 2003. С. 150).

Что есть керамика амангельдинского типа в нашем представлении? Прежде всего, погребальную посуду североказахстанских могильников Амангельды I (Зданович С., 1974; Зданович Г., 1973. С. 35, 36; 1988. С. 60-71), Куропаткино II (Бухонина, 1984), Петропавловский (Оразбаев, 1958. С. 259-263) мы воспринимаем как сложные комплексы, включающие разнообразные по форме, размерам и декору сосуды. Их основу составляют тщательно изготовленные горшки – с уступчатым плечом или с ребром-уступом, нарядно украшенные мелкогребенчатыми геометрическими узорами, состоящими в основном из различных по конфигурации треугольников, в т.ч. косых, сложных меандров и зигзагов. Преобладают сосуды небольших размеров, но есть в коллекциях и крупные экземпляры. Переходная зона от шейки к тулову у большинства горшков свободна от орнамента. У некоторых сосудов в средней части шейки имеется похожий на жилку-нервюру рельефный выступ, «... в результате чего профиль шейки... составляется как бы из двух дуг» (Зданович С., 1974. С. 71). Их всех типов андроновской керамики смешанного облика амангельдинские горшки имеют наибольшее сходство с алакульско-федоровскими лесостепного Зауралья. Вероятно, по этой причине их иногда отождествляют. Так, например, Ю.П. Чемякин отмечает присутствие амангельдинской керамики в материалах поселения Коркино I (1998. С. 277); А.В. Матвеев пишет о керамике и погребальном обряде амангельдинских групп, обитавших на Южном Урале (1998. С. 329). Между тем, посуда горшечных форм в материалах упомянутых североказахстанских некрополей имеет ряд особенностей, совершенно не свойственных АФ-керамике (как, впрочем, алакульской и федоровской) при Челябинского района АКИО. Помимо способа моделировки нервю-

ры, ее отличают высокий удельный вес шагающей гребенки в декоре и специфические треугольники – равнобедренные, малой высоты, но с широким основанием, заштрихованные вертикальными или имеющими небольшой наклон отрезками, расположенные в основании шейки, вершиной вверх или вниз, часто незамкнутые (Зданович Г., 1973. С. 35; 1988. С. 64, рис. 26 – 2, 5, 6, 7, 9; Бухонина, 1984. С. 54, рис. 3 – 1, 8, 10). Это, во-первых. Во-вторых, кроме горшков в состав амангельдинских керамических комплексов входят сосуды баночных и горшечно-баночных форм. Их много – до 50 % и более, но о них почему-то забывают. Для этой части амангельдинской посуды, особенно для банок, характерными являются небольшие размеры, сплошная орнаментация, включение в композиции мотивов, исполненных в желобчатой технике и технике шагающего штампа – гребенчатого или гладкого. Встречаются на баночных сосудах и специфические низкие треугольники с вертикальной штриховкой (Оразбаев, 1958. С. 260, рис. 29 – 1; Бухонина, 1984. С. 55, рис. 4 – 15). В облике амангельдинских сосудов баночных форм есть черты, связывающие их с северо-казахстанскими алакульскими и даже петровскими и вишневыми керамическими комплексами (об этом же см.: Григорьев, 2000. С. 336, 337), но ничего похожего на классическую федоровскую керамику в них нет. Отмеченные декоративно-морфологические особенности позволяют распознавать амангельдинскую посуду в материалах не только приишимских могильников и поселений, но и притобольских, и среднеиртышских. В памятниках лесостепного Зауралья такая керамика отсутствует.

Погребальные комплексы. В причелябинском районе известно много андроновских могильников – крупных, очень крупных, средних и совсем небольших, насчитывающих менее десятка курганов. Из собственного опыта и практики наших коллег мы знаем, что приводимые в отчетах или публикациях данные о количестве фиксируемых на поверхности курганов, особенно на крупных могильниках, редко соответствуют их реальной численности. То есть, в составе, например, Федоровского некрополя наверняка было больше 148 насыпей, на Алакульском их было больше 70, на Кинзерском больше 78 и т.д. В том или ином объеме раскопанные работы проводились примерно на 30 могильниках, но лишь один из них – Черняки I – исследован сравнительно полно (47 из 50 насыпей, см.: Стоколос 1972). Практически нигде не раскапывалось межкурганное пространство. Иными словами, полнота наших представлений о культурно-компонентном составе андроновских некрополей лесостепного Зауралья оставляет желать лучшего.

Не вызывает возражений алакульская атрибуция могильника Черняки I. Должны заметить при этом, что на площади могильника Черняки II, расположенного всего в 150–170 м (судя по плану – см.: Стоколос, 1972. С. 31, рис. 4) к юго-западу от первого памятника, выявлены погребения с керамикой алакульского, федоровского и федоровско-черкаскульского типов (Стоколос, 1968а). Мы бы добавили – и с алакульско-федоровской (Там же. С. 213, рис. 2 – 1, 3, 4, 5). Из 19 курганов Алакульского могильника, раскопанных в разные годы К.В. Саль-

никовым, Е.Е. Кузьминой и С.Н. Шиловым, лишь в одном обнаружены два погребения с остатками кремации и сосудами федоровского (?) облика (Горбунова, Исаков, 2003). Из 63 погребений Миасского I могильника (раскопки Е.И. Морева, Ю.П. Чемякина; материалы не опубликованы) только два содержали обломки сосудов, сопоставимых с федоровскими. Остальные захоронения – алакульские. Впрочем, и этот могильник исследован не полностью, к тому же он сильно разрушен. Тем не менее, наличие в лесостепном Зауралье «чистых» алакульских некрополей вполне возможно. Вместе с тем, здесь до сих пор не обнаружено ни одного достоверно – на 100 % – федоровского или алакульско-федоровского могильника. Как правило, Ф- и АФ-курганы/объекты соседствуют на одном могильном поле с алакульскими (Черняки II, Урефты I, Троицк-7 и многие др.), образуя при этом, как на Урефтах, более или менее компактные группы. Иногда к ним добавляются черкаскульские погребальные объекты (Приплотный Лог, Большеказакбаево-2 и др.). На дне единственной могилы кургана 13 Федоровского могильника (Сальников, 1940. С. 64), кроме костяка собаки, находился черепок, судя по специфическому декору и обилию талька в глине, несомненно, от черкаскульского сосуда (рис. 62 – 5). Т.е. черкаскульские древности имелись и на этом памятнике. Погребения с керамикой федоровского и черкаскульского типов исследованы на могильниках Кинзерском и Туктубаево (Кузьмина, 1973; 1975). Нам известен всего один пример впускной могилы – в насыпи алакульского кургана 21 могильника Урефты I была погребена женщина; около ее костяка стояли два «неалакульских» горшка, один из которых имеет характерные АФ-признаки (почти аналогичный случай зафиксирован в кургане 3 могильника Солнце-Талика в степном Зауралье (Виноградов Н. и др., 1996).

Алакульские и федоровские погребения отмечены на поверхности курганами. По нашему убеждению, земляные конструкции над могилами сооружались из дерновых блоков. О преимуществах этого строительного материала говорилось выше. Возведение федоровских курганов связано с очевидно большими трудозатратами. Важная подробность – в лесостепном Зауралье для алакульской погребальной практики характерно возведение курганов только над крупными могилами. Детские и подростковые погребения, размещавшиеся у границ/стен земляных конструкций или в стороне от них, отмечались на поверхности небольшими холмиками и, иногда, каменными валунами. Со временем, после разрушения основных дерновых сооружений, соприкасавшиеся с ними погребения оказывались «под лапами курганных насыпей», а располагавшиеся в стороне теряли всякие внешние признаки. Таким образом, алакульской культуре рассматриваемого района, по-видимому, одинаково присущи как курганные, так и бескурганные захоронения.

Замечательной особенностью федоровских курганов являются каменные оградки. Из плит, валунов и прочих отдельных по периметру дерновой конструкции возводилась – цистовой клад-

кой, из поставленных на ребро плит или комбинированным способом – каменная стенка. Внешний вид и форма оградений обусловлены характером каменного сырья, его объемом и контуром земляного сооружения. Масштабы трудозатрат, связанных с добычей и транспортировкой камня для оградок курганов Ф-типа, впечатляют. Напомним, что для строительства оградки вокруг одномогильного кургана 16 на Урефтах I было перемещено на расстояние около 6-7 км не менее 5 тонн гранитных плит, еще около тонны кварцевых валунов было подобрано в ближней округе. К.В. Сальников отмечал, что камень для оградок Федоровского могильника мог доставляться за 3 км (Сальников, 1940. С. 60). На Большеказакбаево-2 камень доставляли не менее чем за 2-2,5 км (Корякова и др., 2005). Практически везде, где для этого были условия, Ф-курганы имеют каменные ограды (могильники Кинзерский, Приплодный Лог, Путиловская Заимка II, Туктубаево, Нурбаково, Смолино, Федоровский, Урефты I, Касарги-1, Большеказакбаевский 2 и др. Кроме того, на ряде могильников зарегистрированы факты разборки каменных оградок жителями близлежащих населенных пунктов для своих хозяйственных нужд). По этому признаку (использование камня при обустройстве курганов) федоровский погребальный комплекс не имеет аналогов в культурах энеолита-ПБВ лесостепного Зауралья, кроме черкаскульской, которая в свою очередь, безусловно, связана с федоровской. С другой стороны, игнорирование камня как строительного материала при сооружении погребальных конструкций в алакульской среде, возможно, является еще одним доводом в пользу идеи о местном происхождении алакульской культуры в причелябинском районе АКЮ.

Устройство могил, как и надмогильных сооружений, в курганах Ф-типа подчинено определенным стандартам. В большинстве случаев в центральной части подкурганной площадки располагалась одна большая квадратная или прямоугольная яма (площадью от 2,5-3 до 6,2 кв.м). Реже их 2 или 3; случаи, когда количество могил превышает 3, единичны. Зафиксированы примеры трансформации одномогильных курганов в двух- и трехмогильные с соответствующим изменением контура наземной конструкции и оградки. В неодномогильных объектах могилы выстроены в ряд, обычно по оси С-Ю. Совпадая с алакульскими по форме и линейным размерам, федоровские могилы заметно глубже (на Урефтах – до 1,2 м против 0,5-0,7 м). Нередко в их оформлении использовался камень, а в могильниках Федоровском, Смолино, Туктубаево, Урефты I, Путиловская Заимка II обнаружены впущенные в ямы каменные ящики. В отличие от алакульских могил, где погребальной камерой являлось все углубление, в сооружениях Ф-типа

она устраивалась в нижней половине могильной ямы.

Центральные могилы А- и Ф-курганов ориентированы в основном в широтном направлении, ориентация периферийных ям в А-курганах зависит от их местоположения в ансамбле. В Федоровских курганах периферийные объекты, как правило, отсутствуют (исключения – чрезвычайно редко).

Не вдаваясь в другие детали оформления наземных сооружений, подкурганного пространства и самих могил, обратимся к останкам погребенных. Для федоровского обряда характерно размещение на дне могил кремированных останков умерших (сожжение происходило на стороне). Высказанная М.П. Грязновым идея о захоронении «кукол» (сделанных из органического материала и потому не сохраняющихся) с прахом усопших представляется интересной, но едва ли ее удастся доказать. Суждение, что погребальную практику алакульского населения причелябинского района АКЮ характеризуют труположения – в скорченной позе на левом или, очень редко, правом боку, справедливо, хотя и с известной оговоркой. Именно в такой позе многократно зафиксированы кости умерших детей, в т.ч. грудных, и подростков во многих алакульских некрополях. Сложнее с захоронениями взрослых людей – в крупных могилах, как правило, находятся либо разрозненные кости скелетов, либо антропологические остатки в них вообще отсутствуют (по этой причине, кстати сказать, до сих пор неясно, для какого количества умерших они предназначались). На факт тотальной опустошенности крупных могил в алакульских курганах обращали внимание многие исследователи (К.В. Сальников, В.С. Стоколос, Т.М. Потемкина и др.), но только А.В. Матвеев попытался найти ему объяснение (Матвеев, 1998, с. 200-204). Исключая возможность полного истлевания костного материала, поскольку в аналогичных условиях сохраняются кости скелетов детей даже грудного возраста, и допуская, что какая-то часть могил являлась кенотафами¹, а какая-то была подчистую разграблена еще в древности, мы, как и А.В. Матвеев, не находим данному факту толкового объяснения. Остается предположить, что мы сталкиваемся здесь с какими-то малоизученными специфическими обрядовыми действиями послепохоронного цикла (обезвреживание? осквернение?), характерными для посмертного обращения с умершими в зауральских алакульских общинах. Впрочем, и в федоровских курганах есть могилы, не содержащие никаких следов умерших.

В пользу вывода о принципиальном несхождении погребальной практики алакульского и федоровского населения свидетельствуют и другие факты. В федоровских курганах совершенно отсутствуют жертвенники, тогда как для алакульских

¹ Довольно крупная и весьма своеобразная коллекция антропологических остатков происходит с алакульского поселения Коркино I, которое, как считает автор раскопок, погибло от военного набега (Чемякин, 1998; Чемякин, Епимахов, 2004). Кроме многочисленных предметов вооружения об этом говорят найденные возле жилищ, в жилых постройках и в колодцах скелеты убитых людей – с пробитыми черепами и без черепов, общим числом около десятка. Интересно, отмечены ли погибшие здесь люди символическими погребениями на каком-нибудь могильнике?

погребальных комплексов они – почти неотъемлемый атрибут (у края могилы, на перекрытии, около наземной конструкции). Федоровской обрядности свойственны: оформление подкурганной площадки выбранным из могильной ямы грунтом, устройство в могилах заплечиков вдоль длинных стен, подчеркнуто ограниченный комплект сопроводительного инвентаря (блюдо, 1-2 горшка, очень редко другие вещи), помещение в могилу ребер или лопатки лошади, иногда быка или барана. Особенностью федоровской культуры лесостепного Зауралья, выделяющей ее на фоне других культур андроновской общности, является полное отсутствие в ее могильниках детских погребений. В существование сепаратных детских кладбищ или каких-то альтернативных способов захоронения умерших детей и подростков верится с трудом – первые здесь до сих пор не обнаружены, а вторые вообще могут не оставлять археологизированных следов. На наш взгляд, проблема детских погребений Ф-культуры может быть разрешена, но при одном обязательном условии – нужно просто отказаться от мысли, что они выглядели как уменьшенные копии могил взрослых людей. Мы допускаем, что умерших детей не кремировали, что над их могилами не возводили сколько-нибудь значительных по объему земляных сооружений, что использование камня в оформлении погребальной камеры и наземной конструкции, если и имело место, то наверняка носило ограниченный характер, и, наконец, в такие могилы не ставились горшки и блюда классического федоровского облика. В итоге мы получаем практически неотличимые от алакульско-федоровских и даже алакульских комплексы (подобный ансамбль из 17 детских погребений, условно объединенных в курган 13, исследован на Урефтах I). К похожему выводу пришла Э.Р. Усманова в результате анализа материалов могильника Лисаковский I. Она также допускает, «... что детей из «федоровского» клана могли хоронить вместе с алакульской посудой» (2005. С. 113).

Что представляют собой алакульско-федоровские погребальные объекты в некрополях причелябинского района АКИО? Не можем сказать, что им не уделялось внимания. Курганы и погребения с синкретической посудой и специфическими чертами алакульской и федоровской обрядности привлекались исследователями для доказательства генетической связи А- и Ф-культур, либо рассматривались как свидетельства контактов, взаимодействия носителей разных культурных традиций. Интерес к ним возрос после выхода работ Е. Е. Кузьминой, в которых она затрагивала тему смешанных памятников (1985; 1994), а также в связи с раскопками могильников Солнце-Талика и Урефты I (Виноградов Н. и др., 1996; Корочкова, 2002. – Интересно, что, используя сходные материалы и ситуацию, авторы приходят к противоположным выводам).

Задавшись целью подробно охарактеризовать АФ-погребальные комплексы, мы неизбежно столкнемся с необходимостью перечисления почти всех основных признаков алакульских и федоровских ритуалов. Как самостоятельное явление ала-

кульско-федоровская погребальная обрядность отсутствует, у нее нет ни одной специфической, только ей присущей приметы. АФ-комплексы сопоставимы и с алакульскими и с федоровскими, при этом степень соответствия нормам той или иной погребальной практики может сильно различаться на конкретных памятниках. Погребения с горшками синкретического облика могут образовывать изолированные ансамбли и могут «пристраиваться» к алакульским наземным конструкциям. Сосуды АФ-типа находят вместе с алакульскими в одной могиле, они же встречаются в погребениях, среди камней или около оградок федоровских курганов. Показателен пример с давно известным Федоровским могильником – в погребении 2 кургана 39 (с каменной оградой, остатками трупопожжений, костями лошади, с блюдом в могиле 1 – см.: Сальников, 1940) обнаружены три сосуда, два из которых алакульско-федоровского облика – с неорнаментированной полосой, слабо выраженным уступчиком, жилкой-нервюрой на шейке (рис. 62 – 4, 7). Случаи нахождения горшков АФ-типа в алакульских и федоровских погребальных комплексах имеют важное значение для разработки вопросов относительной хронологии. Что касается отмеченных выше фактов обнаружения типично алакульских черепков в кладке курганов Ф-типа на Урефтах (3, 5, 7) и Большеказакбаево-2 (20), то они доказывают лишь одно – что данные объекты не могут датироваться более ранним временем, чем алакульские. Справедливости ради надо отметить, что в насыпях/кладках урефтинских алакульских курганов ни разу не найдены обломки сосудов Ф-типа. Наконец, в андроновских могильниках лесостепного Зауралья не зафиксировано ни одного случая совместного нахождения в закрытом комплексе классических алакульских и федоровских сосудов.

Анализ данных, полученных при изучении и сопоставлении погребальных памятников алакульской и федоровской культур, позволяет со всей определенностью утверждать, что: 1 – по основным культурно-определяющим признакам Ф-погребальная обрядность в причелябинском районе не имеет местных корней; 2 – на исходной для прошлого компонента территории должны, как минимум, иметь распространение обряд кремации и существовать традиция оформления камнем погребальных сооружений; 3 – проникновение носителей Ф-культурных традиций не могло произойти кроме как в алакульскую среду. В лесостепном Зауралье федоровский культурный комплекс формировался и существовал в условиях алакульского окружения. Таким образом, проблема хронологического соотношения древностей этих культур для причелябинского района теряет остроту, на смену ей приходит проблема взаимодействия алакульских и федоровских групп. При такой постановке особое значение приобретают погребальные комплексы АФ-типа, изучение которых находится в начальной стадии.

Проверить обоснованность изложенных выводов на поселенческих материалах чрезвычайно сложно – особенностью зауральской федоровской

культуры является отсутствие поселений. В общей сложности здесь исследовано около полутора десятков андроновских памятников с объектами жилого и хозяйственного назначения (Ново-Бурино, Сарафаново, Камбулат I, II, Черняки I, II, Миасское, Коркино I, Шибаетово I, Мочище I, Ачликуль, Каменная Речка III и др.). Среди них нет ни одного, содержащего исключительно федоровские или алакульско-федоровские материалы, в частности, керамику. Посуда классических АФ- и Ф-типов везде представлена небольшими сериями и почти на всех поселениях она сопутствует основному алакульскому комплексу. Иногда вместе с ними встречается черкаскульская керамика. Случаи прямой стратиграфии на большинстве памятников либо не выявлены, либо они не безупречны и потому уязвимы для критических замечаний. Впрочем, если гипотеза о параллельном существовании алакульской и федоровской культур верна, следует ожидать самых разнообразных стратиграфических и планиграфических ситуаций, в т.ч. преобладания неопределенных.

Можно ли надеяться на открытие «чистых», однослойных Ф-поселений? Такую возможность исключать нельзя, принимая во внимание топографические особенности размещения андроновских поселенческих памятников. Многие из них явно тяготеют к пойме и низким участкам надпойменных террас. В этом плане весьма типичным является пример с не раз упоминавшимся Коркино I – занятая жилыми, хозяйственными постройками и иными объектами площадка возвышается над подступающим болотцем (в последние годы в нем сформировалось зеркало чистой воды) всего на 0,5-1 м. Такие памятники сложно обнаружить (в силу объективных причин они могут не иметь отчетливых признаков в рельефе, да и разведочные маршруты обычно пролегают в стороне от подобных мест) и еще сложнее раскапывать – из-за близости грунтовых вод. Трудно представить, что абсолютно все гипотетические поселения Ф-культуры приурочены к низким гипсометрическим отметкам, но их нет и на высоких участках речных или озерных террас. Думать так, будто для федоровской культуры не характерны стационарные поселки, а жилища не углублялись в землю, оснований тоже нет. Тем не менее, если однослойные Ф-поселения будут здесь когда-нибудь открыты, то проблема алакульско-федоровских взаимодействий значительно упростится.

Однако нельзя исключить и другой вариант – в лесостепном Зауралье таких памятников нет. На эту мысль наводит постоянство, с каким АФ- и Ф-керамика «примешивается» к алакульским материалам. Речь идет не только о памятниках, исследованных раскопками. Кроме них известны десятки поселений, в разведочных сборах с которых наряду с алакульской керамикой регулярно встречаются федоровские и/или алакульско-федоровские черепки. Аналогичная картина наблюдается в степном Зауралье и лесостепном Притоболье. Полагаем, что данный факт можно расценивать как еще один аргумент в пользу гипотезы о синхронизации алакульских и федоровских древностей (по-

чему-то у нас не вызывает вопросов обнаружение, например, алакульской керамики в срубных поселениях, сузгунской – в ирменских и т.д., но сочетание алакульских и федоровских материалов порождает желание расчленить комплекс на хронологические группы). Принципиальный вывод об отсутствии «чистых» федоровских памятников в Зауралье, о сосуществовании здесь носителей местной алакульской и пришлой андроновской (федоровской) культур впервые прозвучал в работе В.С. Стоколоса (Стоколос, 1972. С. 101, 132). Справедливым и обоснованным кажется нам его вывод о приоритете алакульской культуры в андроновское время в Зауралье. Другое дело, что в этой ситуации федоровские древности причелябинского района АКИО перестают отвечать традиционному пониманию археологической культуры. Но об этом чуть ниже.

Федоровские памятники/материалы лесостепного Зауралья, безусловно, оригинальны, а их генетическая связь с местным вариантом алакульской общности маловероятна. Существует только одно направление, откуда могли проникнуть носители культурных традиций, нашедших отражение в древностях федоровского и АФ-типов – это казахстанские степи. С территории Казахстана специфический культурный комплекс распространился не только в Зауралье, но и в лесостепные области Западной Сибири, в предгорья Алтая, Кузнецкую котловину и на Енисей, т.е. в зону расселения племен вишневской, кротовской, самусьской, елунинской и окуневской культур. Миграции казахстанских групп в чуждую инокультурную среду и взаимодействие их с аборигенными обществами в местах вселения привели к сложению андроновской культуры. Подчеркнем – не федоровской, а именно андроновской. Что касается зауральской лесостепи, то проживавшее в ней алакульское население для пришельцев было, во-первых, этнически родственным, и, во-вторых, близким по типу и уровню развития хозяйства. Надо полагать, прямому переселению предшествовал этап контактов. Не отбрасывая полностью идею о возможности чересполосного проживания алакульских и федоровских групп, мы, тем не менее, склоняемся ко второму варианту интерпретации Ф-культурного комплекса.

Судя по археологическим материалам, взаимодействие мигрантов и местного зауральского населения не было симметричным (равноправным). Есть основания полагать, что наряду с тенденцией к глубокой интеграции в действие вступали обычные в такой ситуации процессы консолидации. В результате этих сложных интеграционно-консолидационных процессов сформировалась оригинальная федоровская культура, которую мы склонны рассматривать как субкультуру пришлого андроновского населения. «В широком плане под субкультурами в социологии понимают те социальные образования внутри общества, которые отличаются от преобладающей и нормативной культуры по некоторым культурным признакам: обычаями, нормами, ценностными ориентациями, стилем поведения, а иногда

и институтами» (Ерасов, 2000. С. 259). Археологическая характеристика федоровской культуры лесостепного Зауралья, как будто, соответствует этому определению. Прежде всего, она не изменила кардинально культурную обстановку в регионе, приоритет остался за местной алакульской культурой. Во-вторых, она не оказала существенного влияния на систему жизнеобеспечения алакульской культуры, вернее сказать, не оказала вовсе. Экономика и бытовой уклад местного населения не изменились с появлением мигрантов. Если последние и обладали какими-то достижениями в тех или иных отраслях хозяйства, решающей роли они не сыграли. Наконец, культура мигрантов проявила свою специфику исключительно в соционормативной сфере, где содержится наибольшая доля этнически специфичного и сосредоточены ценностные ориентации и ценностное маркирование (Арутюнов, 1989. С. 151). При этом алакульская культура в основном сохранила собственную систему погребальной обрядности, «разрешив» только некоторые инновации, не нарушавшие ее устоев.

Тема субкультур в археологии разработана недостаточно. Поиск их критериев только начинается, поэтому рассуждения о специфике Ф-субкультуры не могут быть проиллюстрированы соответствующими археологическими параллелями. Относительно разработанными можно считать сюжет о субкультурах металлопроизводства (Е.Н. Черных, В.С. Бочкарев, С.В. Кузьминых), воинов (Е.Е. Кузьмина, Д.Г. Зданович, Н.М. Малов). Обсуждаются вопросы о субкультурах аристократии, жрецов, воинских сословий и т.д. Для каждой из них наиболее существенные признаки фиксируются в погребальных комплексах. Самое приблизительное представление о характере Ф-субкультуры можно получить, воспользовавшись методом исключения. Судя по размерам могил, это определенно не культура детской возрастной группы; это не культура металлургов и кузнецов, т.к. их профессиональные атрибуты в Ф-погребениях отсутствуют. Вряд ли это культура воинов, поскольку кроме 5-ти бронзовых ножей (Путиловская Заимка II, Урефты I, Большеказакбаево-2) в Ф-объектах не найдено ничего, что могло быть истолковано в пользу этой версии. Маловероятно, что это субкультура жрецов, иначе как объяснить многочисленность Ф-погребений в причелябинском районе андроновского ареала. Не похоже, что перед нами женские погребальные комплексы, т.к. найденные в них украшения исчисляются единицами (попутно заметим, что в Зауралье не найдено ни одной серьги с растреском). С большей или меньшей уверенностью

можно предположить, что это этническая субкультура взрослой части населения и даже, может быть, мужского населения.

Стремление пришельцев сохранить и подчеркнуть свою этническую и культурную самобытность, пусть и в родственном, но все-таки чужом окружении, могло быть реализовано только в сакральной сфере. При этом отдельные элементы/черты погребальной обрядности приобрели в новых условиях несвойственную им на исходной территории гипертрофированную значимость (100%-кремация, хотя в казахстанских степях она представлена наряду с ингумацией; обязательность земляного надмогильного сооружения, каменных оградок, исключительная трудозатратность и др.). Ситуация, когда ассимилируемое меньшинство активно сопротивляется процессу слияния, является типичной при взаимодействии любых культур. В этих условиях маргинальные черты культуры приобретают особенно сильную этническую нагрузку (Арутюнов, 1989. С. 120).

Независимо от того, какой из возможных вариантов интерпретации получит преобладающее развитие, мы должны признать оригинальность федоровского культурного комплекса в рамках всей андроновской общности. Это исключительно зауральское образование. Поэтому использование термина «федоровские» для обозначения родственных культур в центральных и восточных областях андроновского ареала сейчас (выделено нами – Авт.) не кажется нам правомерным. Нестороженность вызывает у нас и расширительное – от Урала до Иртыша – толкование ареала алакульской культуры, поскольку в своем классическом виде она сформировалась в зауральской лесостепи (мы не рискули бы, например, утверждать, что материалы среднеиртышского некрополя Ермак IV имеют ближайшие аналогии в памятниках типа Алакульского могильника – см.: Сотникова, 1988. С. 77).

Федоровская культура лесостепного Зауралья охарактеризована в данной главе в самых общих чертах. Вне нашего внимания осталось много вопросов, касающихся ее динамики, связей, влияний, исторических судеб. Тем не менее, как мы полагаем, уже имеются достаточные основания для выделения в позднем бронзовом веке этого региона самостоятельного этапа, содержание которого определялось сосуществованием и взаимодействием носителей алакульских и федоровских культурных традиций. В культурно-хронологической колонке алакульско-федоровский этап следует за алакульским и сменяется, по-видимому, федоровско-черкаскульским. Но это тема другого исследования.

Очерки андроновской культуры

О начальных этапах изучения андроновской культуры и возможности переименования «андроновской» общности. Андроновская культура впервые открыта С.А. Теплоуховым и названа по деревне Андронове Ачинского уезда Енисейской губернии, около которой в 1914 г. А.Я. Тугаринов «... доисследовал 3 могилы, а из разрушенных могил от рабочих получил вещи» (Максименков, 1978. С. 9). В докладе, прочитанном С.А. Теплоуховым в 1923 г. в Русском музее, андроновская культура выделена как особая культура Минусинского края (Кузьмина, 1994. С. 13). Доклад получил резонанс в среде археологов, и уже в 1927 г. С.Н. Дурылин, характеризуя культуру челябинских памятников Смолино, Исаково и им подобных, отмечает, что она «... смотрит» вместе с тем и на Восток, – имея, например, точки соприкосновения с недавно открытой Андроньевской культурой Красноярского края» (1927. С. 121). Тогда же М.П. Грязнов, публикуя материалы раскопанных могильников около Орска, обратил внимание на факты совместного нахождения сосудов плавнопрофилированных форм и с уступчатым плечом в западных районах (1927). Им была зафиксирована определенная связь этих типов посуды и установлен факт отличия западноандроновских комплексов от восточноандроновских, намечены территориальные и хронологические границы андроновской культуры. Из узколокальной минусинской культуры она превратилась в гигантское образование, простирающееся от Урала до Енисея (Кузьмина, 2002. С. 50). С.И. Руденко включает в свой отчет о раскопках в 1928 г. трех могил близ дер. Нурбаковой в Башкирской республике замечание, что «... все добытые сосуды весьма типичны для андроновской культуры» (1929)¹. В статье, датированной 1929 г., С.А. Теплоухов говорит об андроновской культуре бронзового века, распространенной в степных и лесостепных районах Западной Сибири и Казахстана (1929а

– цит. по «Антология...», 1995. С. 81, 82). В том же году вышел первый том «Сибирской советской энциклопедии», статья «Андроновская культура» в котором была написана С.А. Теплоуховым. В ней территория андроновской культуры обозначена следующим образом – «... в Западной Сибири от Енисея до Урала и от широты г. Томска на юг за Семипалатинск» (1929б. С. 116), «определяющим моментом» для нее названы «... сосуды с вогнуто-выпуклыми стенками, хорошей техники, покрытые по гладким полям геометрическими узорами (треугольники, ромбы, меандры, свастика и др. сложные фигуры)» (Там же). Таким образом, понимание «Андроньва» как территориально обширной культуры утвердилось еще в 20-30-е годы прошлого века. Справедливости ради отметим – в том, что единообразной в своих археологических проявлениях андроновской культуры от Урала до Енисея не существовало, мало кто сомневался уже тогда. Тезис о локальных различиях внутри ее ареала не вызывал возражений и лишь находил новые подтверждения при раскопках андроновских памятников на Урале, в Казахстане и Сибири. Впрочем, далее отнесения их к западному – южноуральскому или восточному территориальному варианту андроновской культуры, дело не шло.

К западному варианту и позднему периоду андроновской культуры были отнесены, например, памятники Алексеевского культурного комплекса (поселение, могильник, жертвенное место), исследованные в Верхнем Притоболье О.А. Кривцовой-Граковой в 1930-1939 гг. (в статье «Андроновская культура», помещенной в 1 томе «Большой советской энциклопедии» (2 изд., 1950. С. 435), они названы ее основными памятниками). Большое значение для андроноведения имели вышедшие в 1948 и 1951 гг. работы К.В. Сальникова, в которых впервые были выделены и обоснованы три стадии андроновской культуры Зауралья – федоров-

¹ На карте памятников западных районов андроновской культуры в Своде археологических источников (Вып. В 3-2, 1966, табл. I) могильник Нурбаково отмечен к северу от Челябинска, причем на весьма значительном расстоянии. Аналогичным образом отмечено местоположение этого некрополя на карте основных памятников андроновской культурной общности в книге Е.Е. Кузьминой (1994. С. 384, 385, карта I, N 1). Из отчета С.И. Руденко следует лишь, что «... могильное поле ... расположено у С. В. края башкирской деревни Нурбаковой (Токтыбаево – тоже)» (1929). К.В. Сальников указывает местоположение данного могильника в 30 км к западу от Челябинска (1967. С. 272, 304) – вблизи дер. Туктубаево, на левом берегу р. Бишкиль. По правому берегу этой речки – правого притока р. Миасс – располагается Нурбаковский ленточный бор (Сысоев, 1959. С. 144). Возникает вопрос: Нурбаково и Туктубаево (Кузьмина, 1973) – не один ли это могильник?

ская, алакульская и замараевская. Уже вскоре западноандоновские памятники станут называть алакульскими, а восточноандоновские федоровскими. Таким способом были минимизированы неудобства, возникавшие в связи с использованием термина «Андроновский» по отношению к конкретным комплексам, памятникам и т.п. Проблема соотношения федоровских и алакульских древностей с этого времени стала, пожалуй, самой актуальной.

Нельзя не вспомнить еще одну работу, как выяснилось позднее, имевшую для андроноведения знаковый характер. В 1951 г. был напечатан доклад А.А. Формозова, прочитанный годом раньше на заседании сектора первобытной археологии ИИМК, «К вопросу о происхождении андроновской культуры». Сейчас можно по-разному относиться к мнению А.А. Формозова о роли энеолитических культур в формировании андроновского единства на большой территории, для нас же представляют интерес мысли, высказанные автором по поводу термина «андоновская культура». Одним из первых он сформулировал по отношению к «Андронову» понятие общности (единства, культурной области), в рамках которой предусмотрел возможность выделения локальных вариантов – подлинных культур отдельных племен (1951. С. 18). «Культурами» следует называть именно эти локальные варианты. Термин же «андоновская культура» ... должен быть заменен» (Там же). Аналогичная мысль буквально в это же время излагается в докладе В.Н. Чернецова (1951) на совещании по методологии этногенетических исследований. К сожалению, работа В.Н. Чернецова опубликована в малоизвестном для широкого круга специалистов сборнике, поэтому не всегда учитывается.

Идея о том, что в пределах андроновского ареала могут быть выделены отдельные, имеющие различный генезис культуры, появилась в начале 1950-х гг. как итог серьезных достижений в изучении андроновских древностей на всей территории их распространения. К этому времени был установлен факт отличия западноандоновских материалов от восточноандоновских, выделены основные типы андроновской керамики (алакульский, федоровский, замараевский, кожумбердынский, алексеевский), представлены первые варианты обоснования хронологии, периодизации и происхождения андроновской культуры (Сальников, 1948; 1951; Кривцова-Гракова, 1948; Киселев, 1949 и др.). Однако понадобилось почти 20 лет, чтобы «идея общности» получила всеобщее признание (Корочкова, 2004. С. 202).

Чем вызвано наше обращение к начальному этапу изучения андроновской культуры, почему мы вспомнили об эпизодах из ее истории, в общем-то, давно всем известных? Вспомнили мы о них в связи с вопросами, которые занимают нас на протяжении ряда лет. Как получилось, что одна из культур бронзового века вполне конкретной территории спустя короткое время «утратила» свое первоначальное название? Каким образом существенно различные типы памятников, материалы

оказались объединены в рамках гигантского культурного образования – сначала «культуры», затем «общности»? Почему в качестве опорных памятников «Андроновской культуры» рассматривались верхнетобольские Алексеевское поселение и могильник, имевшие мало точек соприкосновения с Андроновским могильником Минусинского края? Почему К.В. Сальников и другие археологи, предполагая своеобразие исторического развития племен на территории от Урала до Енисея, характеризовали культуру бронзового века Южного Зауралья как андроновскую? Почему андроновские древности Минусинской котловины и прилегающих районов стали именоваться «восточно-федоровскими», «андоновско-федоровскими» и даже просто «федоровскими»? И что произошло бы, если бы, например, А.А. Формозов предложил заменить и название общности? Да, история не знает сослагательного наклонения, но такое предложение можно выдвинуть и сейчас (Корочкова, 2004. С. 207).

Следуя методическому правилу номинировать культуры и типы по первооткрытому памятнику (Ковалевская, 1995 – цит. по: Кузьмина, 2005. С. 75), наименование «андоновская» должно быть сохранено за локальной культурой Минусинской котловины и, может быть, прилегающих районов. Что касается общности, включающей множество культурных образований – близких по содержанию и внешним проявлениям, разнородных, смешанных, переходных и т.п., то она, на наш взгляд, могла (может) быть названа по какому-то яркому – географически нейтральному, необязательно массовому, но непременно общему – признаку. Идея не нова, достаточно вспомнить в этой связи выделенные В.А. Городцовым культуры – ямную, катакомбную, срубную. Или – культуры шнуровой керамики, ямочно-гребенчатой керамики, ладьевидных топоров и др. Есть удачные примеры из недавней истории – общность культур валиковой керамики (Е.Н. Черных), культуры крестовой керамики (М.Ф. Косарев). Идея не нова, но по-прежнему перспективна и конструктивна (Кожин, 2001. С. 176).

Во вступительной статье к выпуску «Свода археологических источников», вышедшему в 1966 г. и посвященному памятникам западных районов андроновской культуры (Вып. В 3-2), В.С. Сорокин в самом общем виде сформулировал 11 устойчиво повторяющихся признаков, характеризующих эту культуру и позволяющих считать памятники андроновскими. При внимательном ознакомлении с данным списком нетрудно заметить, что в большинстве своем они носят либо всеобщий, либо альтернативный характер (с позиций сегодняшнего дня ясно, что они и не могли быть иными). К примеру, андроновские погребения могут быть обозначены на поверхности курганами, но курганов может и не быть; то же с каменными оградками; могилы могут иметь каменную или деревянную облицовку, но могут и не иметь; погребения могут быть совершены по обряду трупоположения или трупосожжения; горшки могут иметь плавный или уступчатый профиль и т.д. В.С. Сорокин отмечает, что жилища на андроновских поселени-

ях – большие, площадью до 200-300 кв.м. и более, типа полуземлянок. Между тем, на алакульском поселении Ук III в подтаежном Притоболье исследованы остатки жилищ, имевших котлованы площадью всего 22 и 34 кв.м. (Стефанов, Корочкова, 2000. С. 28, 30). Кстати, на этом памятнике почти не было костей домашних животных, хотя наличие большого количества костей домашних животных является одним из признаков андроновских поселений (Сорокин, 1966. С. 6).

В перечнях основных признаков андроновской культуры, составленных В.С. Сорокиным и другими авторами, есть только один, отвечающий заданным условиям – это геометрический орнамент на керамической посуде. Но и с ним не все так просто. Во-первых, геометрические орнаменты характерны и для других культур эпохи бронзы, а, во-вторых, этот признак уже «использован» при обосновании выделения общности урало-казахстанских и западносибирских энеолитических культур (культуры геометрической керамики или гребенчатого геометризма – см.: Калиева, Логвин, 1997; Шорин, 1999; Мосин, 2000; 2003 и др.). С другой стороны, андроновские геометрические орнаменты включают, по крайней мере, один очень яркий элемент (мотив), никоим образом не свойственный керамике энеолитических племен Урала, Казахстана и Западной Сибири. Это – меандр.

В разных изданиях можно встретить различные определения меандра, общими в них являются два условия – непрерывность (линии, ленты) и наличие равномерных изломов или изгибов. Классический пример – меандровые орнаменты в искусстве Древней Греции. Криволинейных (волнообразных, с завитками) меандров на андроновской керамической посуде нет (из этого не следует, что они отсутствуют и на других предметах), но есть прямоугольные, т.е. с изломами под прямым углом, или близкие к ним косоугольные. Первые распространены преимущественно в культурах алакульской линии развития (по Е.Е. Кузьминой), вторые – в культурах федоровского круга. Меандровые узоры, как правило, встречаются на сосудах горшечных форм в зоне максимального расширения тулова, хотя на алакульской посуде простейшие меандровые фигуры иногда размещались на шейке (см., например, рис. 19 – 2). На федоровских горшках меандры включались в состав сложных «ковровых» узоров в качестве вписанных фигур (Зотова, 1965).

Меандровые фигуры разной степени сложности свойственны керамике всех культур и культурных типов, относимых к андроновской общности. И не только андроновской – они встречаются на сосудах южноуральских абашевских (Кузьмина О., 1992. С. 30), синташтинских и даже ташковских (Ковалева и др., 2000. С. 54). Они характерны для керамической посуды всех так называемых «андроноидных» культур (черкаскульская, сузгунская, пахомовская, еловская), а также для керамики населения, имевшего прямые или опосредованные связи с «андроновцами». По частоте употребления меандровые мотивы занимают в андроновских и андроноидных орнаментальных комплексах

достаточно скромное место (разумеется, где-то их больше, а где-то они совсем редки). Но всюду они узнаваемы и почти везде они маркируют андроновскую принадлежность, андроновское влияние, андроновский «след» и т.п. Нелишне напомнить, что С.В. Киселев рассматривал «геометрический и особенно меандровый узор» как свидетельство нового уровня представлений и интересов, занимавших «андроновцев», и, со ссылкой на мнение искусствоведов, говорил «... о связи геометрического и меандрового орнамента с кругом представлений и символикой солнечного культа земледельческих племен (1951. С. 86).

Таким образом, избрав меандр, меандровые узоры в качестве, быть может, единственного общего и внешне наиболее выразительного признака, исследуемую общность можно было бы определить как «общность культур меандровой керамики». Отнюдь не уверены, что, будь такое переименование, предложено в середине прошлого века, оно получило бы поддержку со стороны специалистов. В то, что переименование «андроновской» общности возможно сейчас, верится еще меньше. Под этим названием она «существует» уже 80 лет, под этим названием она известна как уникальное явление в археологии Старого Света, под этим наименованием она фигурирует в работах, число которых давно перевалило за тысячу (см., например, список литературы в книге Е.Е. Кузьминой «Откуда пришли индоарии», вышедшей в 1994 г.). Остается сетовать на неудобства, доставляемые использованием термина «андроновский», но заменить его на всеми приемлемый едва ли удастся, по крайней мере, в ближайшей перспективе.

2. О прародине федоровской культуры. Исходя из результатов анализа различных источников, авторы данной книги пришли к убеждению, что в причелябинском районе андроновской общности федоровский культурный комплекс не мог сформироваться на базе местной алакульской культуры. Носители Ф-культурных традиций проникли (проникали) в лесостепное Зауралье, к тому времени заселенное алакульскими племенами, из какого-то другого региона. Из какого? Попытка отыскать прародину федоровской культуры сопряжена с определением ее основных поисковых признаков. Как следует из предыдущих разделов, на исходной для пришлого компонента территории должны иметь распространение: 1 – обряд трупосожжения с последующим помещением останков в могилу; 2 – традиция оформления погребальных объектов (могил, погребальных сооружений) камнем; 3 – возведение над могилами курганов. В составе керамической посуды искомым культурным образований должны непременно присутствовать горшки плавного профилированных форм, украшенные: 1 – сложными геометрическими узорами, в т.ч. «ковровыми», нанесенными по кошой сетке, исключительно в гребенчатой технике; 2 – каннелюрами. Этим горшкам, в свою очередь, не должны быть присущи «пустая» зона в декоре и тальковая примесь в формовочной массе. Оригинальные глиняные блюда, столь характерные для погребальных комплексов Ф-культуры причеля-

бинской лесостепи, по-видимому, тоже следует отнести к числу поисковых признаков. Нет сомнения в том, что определяющей сферой хозяйства для носителей Ф-культурных традиций было скотоводство. По объективным причинам мы не можем сформулировать особенные признаки поселенческих памятников на исходной территории, но, принимая во внимание материалы раскопок поселений Павловка, Черноозерье I, Черемуховый Куст, Дуванское XVII и др., полагаем, что они не должны сильно отличаться от алакульских. Естественно, археологические комплексы с перечисленными признаками не могут датироваться позже, чем федоровские в Зауралье.

Поиски прародины федоровского комплекса абсолютно бесперспективны в горно-лесной части Урала. В здешних районах известно менее десятка одиночных грунтовых захоронений доандроновского (добронзового) времени, совершенных на территории поселений или приуроченных к пещерам, гротам, скальным навесам (Шорин, 1982; 1991; 1999; Мосин, 2000. С. 225-232). Некоторые из них оформлены камнем, кое-где зафиксированы следы огненного культа. Пожалуй, на этом сходство с Ф-погребальной обрядностью заканчивается. Более поздние древности коптяковского типа (Липовая Курья) или памятники с посудой так называемого нерасчлененного типа (Березки I, V – см.: Обыденнов, Шорин, 1995. С. 30, 44, 45), во-первых, очень малочисленны, а, во-вторых, не отвечают комплексу заданных условий.

Федоровский культурный комплекс не мог сформироваться на территории к западу от Уральских гор, маловероятно его сложение в степной зоне Приуралья и Зауралья. Хотя, должны заметить, в южноуральских степях есть материалы, представляющие интерес в связи с проблемой происхождения Ф-культуры. Мы имеем в виду не свидетельства скотоводческого хозяйства, не традиции домостроительства и организации поселений, не курганы, кольцевые каменные ограды, каменные ящики или редкие случаи трупосожжений (как, например, на могильнике Тасты-Бутак 1). На наш взгляд, значительно большего внимания заслуживает керамика, обнаруженная в ряде погребений (№№ 2, 3, 8, 27, 30, 32 и др.) синташтинского могильника СМ (Генинг В. Ф. и др., 1993), которую С.А. Григорьев характеризует как раннефедоровскую (2000. С. 270, 354). Ее отличают горшечная форма, плавная профилировка стенок, изящные пропорции (короткая шейка, раздутое тулово, маленькое дно, иногда поддоны), тщательная обработка поверхности и нестандартная – по синташтинским меркам – орнаментация. Нельзя сказать, что узоры на этих горшках похожи на федоровские, к тому же у всех экземпляров имеется неорнаментированная полоса в переходной зоне от шейки к плечикам. Но из всех типов синташтинской посуды данная группа в наибольшей степени соответствует морфологическим стандартам федоровской керамики причелябинского района АКИО. В материалах могильника СМ таких сосудов немного, есть ли они в других памятниках синташтинского типа, к сожалению, неизвестно. Можно ли

трактовать их как раннефедоровские и, на этом основании, говорить «... об участии раннефедоровского компонента в синташтинской миграции» (Григорьев, 2000. С. 354)? Полагаем, что для подобного рода высказываний оснований пока нет. Другое дело, что интересующая нас керамика вместе с сопутствующими типами (желобчатая, баночных форм посуда) при определенных обстоятельствах, например, при взаимодействии ее носителей с представителями иных обществ и иных гончарных традиций, могла трансформироваться и приобрести раннефедоровский облик. Если подобное переформливание имело место, то произойти оно могло на другой территории, т.к. в степной зоне Южного Урала не зафиксировано свидетельств, подтверждающих эту гипотезу.

Не доказана другая гипотеза – о формировании федоровского культурного комплекса в лесном Зауралье или в полосе южной тайги и северной лесостепи Зауралья и прилегающих районов Западной Сибири. Выдвинутая В.Н. Чернецовым более полувека назад, она основывалась почти исключительно на сходстве федоровского орнамента с угорским декором, истоки которого восходят к нео- и энеолитической керамике. Большого количества сторонников она не приобрела, детально обоснованию никогда не подвергалась, но обсуждается, хотя и не слишком активно, до настоящего времени. Критический разбор основного положения этой гипотезы – о полном соответствии андроновского федоровского орнамента обско-угорскому и, на этом основании, о финно-угорской принадлежности «федоровцев» – проделала Е.Е. Кузьмина (1994. С. 119, 120). По ее мнению, «... пережитки андроновской орнаментальной традиции у урало-самодийских народов не являются доказательством угорязычности федоровцев, а лишь указывают на активное и длительное воздействие андроновцев на предков финно-угров, как и других народов Сибири» (1994. С. 120). В капитальном труде, посвященном орнаментальному творчеству сибирских народов, О.М. Рындина уделила особое внимание проблеме соотношения андроновской и обско-угорской орнаментации (1995. С. 349, 350, 376-383). Происхождение андронидных узоров, круг которых был ею значительно сужен, О.М. Рындина связывает с сильным, но не определяющим, влиянием андроновских орнаментальных стереотипов на южные группы обских угров (1995. С. 379, 380). Трансляция андроновских культурных традиций в лесные области Обь-Иртышья осуществлялась во-многом благодаря миграционной подвижности населения андронидных культур (еловской, пахомовской, сузгунской), сформировавшихся вдоль северных границ андроновского ареала в постфедоровское время (Потемкина и др., 1995. С. 114-121). «Лесная гипотеза» происхождения федоровской культуры не выдерживает критики и по другим позициям. Для погребальных обрядов населения лесной зоны периода энеолита-бронзового века не характерно возведение земляных курганов и каменных конструкций в виде оградок. Основным строительным материалом здесь всегда служило дерево. В лес-

ной зоне не могли зародиться ковровые орнаменты. В Среднем Зауралье на протяжении тысячелетий посуда формовалась из глины с примесью тальковой дресвы. Имеется эта добавка и в керамике предкоптяковского и коптяковского типов, отличающихся, кроме всего прочего, ребристым профилем стенок. Что касается происхождения среднеуральских памятников коптяковской культуры, то, судя по последним данным (Викторова, 1999; 2001), предпочтение отдается позиции Е.М. Берс и Л.П. Хлобыстина, объяснявших их сложение в результате продвижения ранних алакульцев (Хлобыстин, 1976. С. 55-58) или андроновцев (Берс, 1963. С. 65) в горно-лесную полосу Зауралья и их ассимиляционного воздействия на местное население. О невозможности размещения Ф-прародины в лесной зоне есть основание говорить в связи с анализом хозяйства и домостроительных традиций местных народов. Наконец, можно считать установленным факт одновременности алакульских и федоровских памятников в подтаежном Притоболье (Зах, 1995; Матвеев, 1998. С. 295; Стефанов, Корочкова, 2000. С. 43). Алакульские группы появились здесь раньше и, как полагает А.В. Матвеев, на определенном этапе своей истории они вступили в контакты с представителями ташковской культуры, принадлежность которой к дофедоровскому периоду очевидна (Матвеев, 1998. С. 295).

Похоже, у сторонников этой гипотезы остались только два аргумента. Первый – захоронения периода энеолита совершались по обряду труположения и трупосожжения, последний на некоторых памятниках преобладает (могильники на Андреевских озерах близ Тюмени – см.: Панфилов, 1990; Зах и др., 1991; Зах и др., 2005). Но неолитические захоронения по обряду кремации или со следами огненного культа известны и в других регионах, в т.ч. в лесостепной и степной зонах (Кузьмина, 1985. С. 32). Между ними и федоровскими погребальными комплексами существует громадный хронологический разрыв, в том же Тюменском Притоболье, например, «заполненный» древностями, с Ф-культурой никак не связанными. А.Ф. Шорин ставит под сомнение генетическую связь большинства раннебронзовых культур пограничья тайги и лесостепи с энеолитическими культурами гребенчатого геометризма, и предполагает, что участие этих раннебронзовых культур в сложении АКЮ не было определяющим (Шорин, 1999. С. 92-94).

Есть еще один довод, с которым нельзя не считаться. Дело в том, что федоровские глиняные блюда имеют определенное сходство с нестандартными типами керамической посуды, получившими распространение в таежной зоне Западной Сибири с эпохи неолита. Так называемые «ладьевидные» сосуды (Васильев, 1984) известны по находкам в памятниках неолита – бронзового века Нижнего и Среднего Приобья, бассейна р. Конды, восточных склонов Уральских гор. Они не единообразны в деталях формы и по орнаментальным характеристикам. Древнейшие экземпляры, как правило, имеют овальное устье, округлое или небольшое уплощенное дно. Намного более вариативна нестандартная

глиняная посуда энеолита – начальных этапов бронзового века. Кроме сосудов с овальным устьем в это время начинают изготавливать оригинальные емкости с небольшим плоским или уплощенным доньшком и устьем в форме усеченного в обеих вершинах овала, иногда с налпами по венчику и выступами в углах. По профилю бортиков Е.А. Васильев выделяет подтипы открытых и закрытых усеченных ладьевидных сосудов, для последних характерны более сложные орнаментальные композиции (Васильев, 1984. С. 9-14). Культовый характер сартыньинских (Нижнее Приобье) закрытых усеченных ладьевидных сосудов представляется Е.А. Васильеву несомненным (Там же). Нестандартная керамика других культур лесной зоны Западной Сибири, к сожалению, известна лишь по немногочисленным иллюстрациям и редким упоминаниям в публикациях (Визгалов, 1988. С. 51; Кокшаров, 1991. С. 93, 97; Чемякин, Карачаров, 1999. С. 28). Судя по имеющимся у нас данным, в т.ч. полученным при ознакомлении с неопубликованными материалами, на смену сосудам ладьевидных форм постепенно приходят плоскодонные изделия с овальным, подпрямоугольным, четырехугольным устьем, в зависимости от высоты и профилировки стенок более похожие на миски, чаши и блюда. Подобные экземпляры, в частности, обнаружены в бассейне р. Конды при раскопках поселений Волвонча I и Геологическое III – в волвончинских комплексах позднего энеолита и в полымьятских бронзового века (Кокшаров, 1991). Представлены они и в материалах могильника сейминско-турбинского типа Сатыга XVI. Сравнивая глиняные блюда Ф-культуры с необычными образцами керамической продукции таежных мастеров, можно сделать следующий вывод – они сопоставимы, но только по признакам формы и принадлежности к категории культовых предметов. Попутно заметим, что оригинальные глиняные «тарелки» Горбуновского торфяника, отнесенные к кокшаровским древностям черкаскульской культуры (Хлобыстин, 1976. С. 42, 43; Косарев, 1981. С. 136, 137) и единодушно квалифицируемые как культовые, также имеют прототипы в керамике памятников Кондинского бассейна.

Имея достаточно полное представление о состоянии источниковой базы по энеолиту и бронзовому веку лесной зоны Зауралья и Западной Сибири, мы готовы утверждать – комплекс признаков федоровской культуры не мог сформироваться на территории к северу от причелябинского лесостепного района. Поиски Ф-прародины бесперспективны в западном и южном направлениях от него. При этом мы не отвергаем возможность тех или иных контактов «федоровцев» с населением сопредельных районов. Остается одно – посмотреть на восток, за Тобол.

Из числа обсуждаемых можно сразу исключить те районы, в которых носители Ф-культурных традиций появились в результате миграции. Всеми признана, например, миграция людей андроновской (федоровской) культуры в Минусинскую котловину (Киселев, 1951. С. 104; Максименков, 1975. С. 49; 1978. С. 123, 124; Членова, 1998. С. 672 и др.). Говоря об исходной территории, с

которой андроновцы-федоровцы двинулись в Минусинскую котловину, Н.Л. Членова замечает, что «... там должны были быть каменные ограды и ящики-цисты, а также кроме труположений должны были практиковаться и трупосожжения» (Членова, 1998. С. 673). Происхождение андроновской (федоровской) культуры Обь-Чулымья, также связывается с миграцией ее носителей из какого-то, пока не установленного, центра (Бобров, Михайлов, 1989. С. 102-104). «Со второй половины XVI в. до н.э. на территории степного и лесостепного Алтая интенсивно расселяются андроновские племена, что приводит к полному вытеснению или ассимиляции какой-то части оставшихся групп елунинцев» (Кирюшин, 2002. С. 104). Ранее Ю.Ф. Кирюшин высказывал предположение о двух волнах андроновцев, заселивших Алтай – первая, более древняя, была чисто федоровской, а вторая – смешанной федоровско-алакульской, но с преобладанием федоровских черт (Кирюшин, 1988. С. 62, 63; 1994. С. 58). Федоровское население было пришлым в Присалаирье (Зах, 1997). Благодаря исследованиям В.И. Матющенко (1973; 2004), М.Ф. Косарева (1965; 1974; 1981; 1984), В.И. Молодина (1985) и других археологов можно считать доказанным факт отсутствия генетической связи между андроновскими (федоровскими) и местными раннебронзовыми культурами в Новосибирском Приобье, Барабе, Томском Приобье. В этих районах, как и в Среднем Прииртышье (Генинг и др., 1970; Генинг, Стефанов, 1993. С. 82-87), появление андроновских памятников связано с проникновением нового населения. Керамические комплексы прииртышских поселений включают, помимо федоровской, посуду смешанного алакульско-федоровского = амангельдинского облика (Генинг, Стефанов, 1993. С. 82). Похожая картина зафиксирована в лесостепном Приишимье (Стефанов, Корочкова, 2000. С. 45-47; Ткачев А., 2002в. С. 225).

Таким образом, расширение ареала андроновской общности происходило за счет освоения южных районов Западно-Сибирской равнины, Алтая, Кузнецкой и Минусинской котловин племенами Ф-линии развития. Этно-культурная «чистота» мигрировавших коллективов, особенности природной среды, хозяйственных занятий, характер и глубина связей с аборигенными обществами в местах вселения и другие причины, в том числе хронологического свойства, обусловили некоторые отличия (в инвентаре, домостроительстве, погребальной обрядности) андроновских культурных комплексов в отмеченных районах.

Многочисленные данные о распространении памятников степной бронзы в Средней Азии, связанным с постепенной инфильтрацией племенных групп с северных территорий, приведены в работах С.П. Толстова, А.Н. Бернштама, В.М. Массона, М.А. Итиной, А.М. Мандельштама, Е.Е. Кузьминой и других исследователей. Андроновские проникновения и взаимодействие с земледельческим населением, по мнению Е.Е. Кузьминой, происходило уже на новокумакском этапе (2000. С. 20). Свидетельства подобных контактов есть и в мате-

риалах андроновских памятников – гончарная среднеазиатская керамика на поселениях Павловка и Черноозерье I (Малютина, 1991. С. 151-160; Викторов, Борзунов, 1974. С. 23; Генинг, Стефанов, 1993. С. 78), некоторые виды украшений (Виноградова, Кузьмина, 1986). Высказывалось предположение, что ритуальные формы федоровской посуды появились в Центральном Казахстане в результате контактов степного пастушеского населения и среднеазиатских земледельцев (Виноградов Н. и др., 1996. С. 145). Особое мнение по вопросу генезиса Ф-культуры имеет С.А. Григорьев. Согласно его представлениям, истоки федоровского комплекса лежат в Передней Азии, откуда через Иран и Среднюю Азию федоровские племена продвигаются на Иртыш (Григорьев, 1999. С. 247). «Основной поток далее движется по лесостепи на запад, хотя часть продвигается южнее. В лесостепи мигранты контактируют с кротовской культурой (по-видимому, имеется в виду население кротовской культуры – Авт.), а в степной зоне с алакульской. Эта миграция была довольно сложным процессом» (Там же). В Урало-Иртышском междуречье, по мнению С.А. Григорьева, разрабатывается в своем классическом виде федоровский орнаментальный стиль (1999. С. 239). Не углубляясь в проблематику раннего – по С.А. Григорьеву – периода истории Ф-культуры, обратим внимание на важный для нас эпизод в его схеме – из Средней Азии мигранты проникают сначала на территорию современного Казахстана (за исключением его западных областей), и уже отсюда происходит распространение комплекса элементов Ф-культуры в другие районы.

Наиболее перспективной в настоящее время является казахстанская гипотеза происхождения андроновских федоровских культур. Поскольку на западе Казахстана федоровских памятников нет (а в Уральской и Гурьевской областях вообще отсутствуют андроновские древности – см.: Кушаев, 1992. С. 65-67), нас могут интересовать его центральная, северная и восточная части. В ареале андроновской общности – это центральные области, все остальные районы, о которых говорилось выше, по сути, составляют ее (АКИО) периферию.

Изучение андроновской эпохи в Казахстане имеет длительную историю. Раскопками разных лет исследовано множество могильников, поселений, рудников (Кузьмина, 1994. С. 367-370); результаты первичной классификации, анализа и интерпретации имеющихся источников отражены в многочисленных же публикациях. Предложены и продолжают разрабатываться локальные культурно-хронологические схемы и межрегиональные периодизации памятников эпохи бронзы (Кривцова-Гракова, 1948; Акишев, 1953; Оразбаев, 1958; Максимова, 1959; Черников, 1960; Маргулан, Акишев, Кадырбаев, Оразбаев, 1966; Арсланова, 1973; Зданович Г., 1975; 1984; 1988; Евдокимов, 1984; 2000; Евдокимов, Варфоломеев, 2002; Аванесова, 1991; Кадырбаев, Курманкулов, 1992; Малютина, 1994; Ткачев, 2002а, 2002б; Ткачева, 1997 и др.). Внимательнейшим образом казахстанские матери-

алы рассмотрены в целом ряде обобщающих работ Е.Е. Кузьминой (1986в; 1988в, 1994 и др.). Признавая определенные достижения в изучении андроновских древностей Северного, Центрального и Восточного Казахстана, мы не склонны идеализировать положение дел: проблем в казахстанском андроноведении не меньше, чем в зауральском. А может и больше. Самой острой из них, на наш взгляд, остается проблема генезиса и хронологии памятников федоровского типа, в Центральном Казахстане именуемых также федоровско-нуринскими, нуринско-федоровскими или нуринскими, в Северном – бишкульскими, а в Восточном – канайскими. Однако вернемся к теме данного очерка.

На интересующей нас территории памятники, сопоставимые по комплексу признаков как с зауральскими федоровскими, так и с федоровскими восточных районов, есть. Похоже, что их не очень много. О повсеместном сокращении количества Ф-памятников в урало-казахстанских степях высказывался Г.Б. Зданович (1988. С. 144, 145). А.А. Ткачев отмечает, что в Сары-Арке памятников нуринской культуры заметно меньше, чем атасуских, при этом они равномерно распределены по степной и полупустынной зонам чересполосно с атасускими (2002б. С. 193). По данным В.В. Евдокимова и В.В. Варфоломеева, в степной части Центрального Казахстана известно не более полутора десятков федоровских поселений и могильников (2002. С. 31). На факт расположения Ф-памятников чересполосно с алакульскими в Северном и Центральном Казахстане обращала внимание Е.Е. Кузьмина (1986а. С. 168). В отличие от Зауралья, здесь исследованы поселения с относительно чистым федоровским слоем (Бишкуль IV, Усть-Кенетай, Новоникольское I, Атасу, Павловка, Икпень). Важно отметить, что приемы федоровско-нуринского домостроения имеют прямые соответствия в алакульской культуре. Что касается малочисленности Ф-памятников в Казахстане, то здесь напрашивается вопрос – а почему их должно быть много, если значительная часть нуринского населения мигрировала в сопредельные (Зауралье, юг Западной Сибири) и отдаленные (Кузнецкая, Минусинская котловины) районы? Едва ли могут быть сомнения в производящем характере экономики казахстанских андроновских племен, основу которой составляло животноводство.

Традиция использования камня при сооружении погребальных объектов получила распространение в Казахстане, по-видимому, достаточно рано. В частности, при раскопках ямного (с афанасьевскими чертами) кургана Карагаш в Карагандинской области были обнаружены каменные плиты в насыпи и в могилах, в одном случае образовавшие каменный ящик (Евдокимов, Ломан, 1989). Каменные конструкции – ограды, ящики, цисты – широко представлены в Сары-Арке в могильниках нуртайского, алакульско-атасуского и нуринского типов, в усть-буконьских и канайских погребальных комплексах Восточного Казахстана. Известны они и в Северном Казахстане, преимущественно, в памятниках Ф-типа. Отмечены случаи примене-

ния камня как строительного материала при возведении жилищ и хозяйственных объектов на поселениях (Атасу, Бугулы II).

Наличие курганных насыпей над могилами – признак в целом характерный, но не повсеместный и отнюдь не преобладающий. Довольно часто они встречаются в андроновских некрополях Северного Казахстана, и в то же время единичны, например, в алакульских атасуских могильниках Сары-Арки (Евдокимов, Варфоломеев, 2002. С. 26). Вполне обычны курганы в нуринских погребальных памятниках.

Обряд кремации – как поисковый признак – в единичных случаях зафиксирован в погребальных комплексах нуртайского (Ткачев А., 2002б. С. 186) и атасуского (Маргулан и др., 1966. С. 67; Евдокимов, Варфоломеев, 2002. С. 26; Ткачев А., 2002б. С. 193) типов, но в большей степени характеризует ритуальную практику нуринских племен, хотя и не доминирует в ней. Во всех андроновских культурах Казахстана ведущим способом погребения являлось труположение. В свое время М.Д. Хлобыстина пришла к выводу, что биритуальные андроновские могильники в основном тяготеют к Северному и Центральному Казахстану (1976. С. 14).

В погребальной обрядности зауральской и казахстанских культур Ф-типа есть много других сходных черт (оформление погребальной площадки глинистым грунтом, количество могил в пределах ограды, размеры взрослых могил, их ориентировка, малочисленность погребального инвентаря), хотя, должны заметить, еще более велико сходство казахстанских могильников с восточными андроновскими (в том числе по антропологическому типу погребенных).

Близость, нередко доходящая до тождества, керамики федоровских андроновских культур на всей территории АКЦИО – факт настолько общеизвестный и непреложный, что едва ли нуждается в дополнительном обсуждении. В составе всех керамических комплексов Ф-типов, в том числе казахстанских нуринских и канайских, присутствуют сосуды горшечных форм с округлым плечом, украшенные сложными геометрическими узорами и каннелюрами. В композициях отсутствует неорнаментированная полоса в нижней части шейки, что, по мнению И.В. Рудковского, характеризует «восточный» тип зонирования (1989; 2003). С.В. Зотовой отмечено соответствие Ф-орнаментальной системы, построенной на основе косой сетки, плетеным и ковровым изделиям Средней Азии и Казахстана (1965. С. 177-181).

Кроме нарядных горшков неотъемлемой частью керамической посуды Ф-типов Казахстана, равно как и Алтая, Обь-Чулымского междуречья, Минусинской котловины и других восточных районов, являются горшки с простым монотонным узором, а также банки, как правило, небольших размеров, без орнамента или украшенные весьма примитивно. Яркие примеры таких ДКК – дифференцированных керамических комплексов – во множестве зафиксированы в погребальных памятниках Центрального и Северного Казахстана (Хлобыстина, 1989), есть они и в других районах. Мно-

гочисленны факты нахождения разнотипных экземпляров в закрытых комплексах, причем их число увеличивается с каждым новым раскопанным или опубликованным памятником. Весьма показателен в этом плане комплект из четырех сосудов, найденных в погребении 1 кургана 6 могильника Старый Тартас-4 в Новосибирском Приобье (Молодин и др., 2002. С. 57, рис. 7 – 1-4). Напомним, что в зауральских федоровских погребениях баночные формы отсутствуют практически полностью. Напротив, в инвентаре причелябинских памятников довольно крупную серию образуют глиняные блюда, тогда как в Казахстане они до сих пор не выявлены. Похоже, в Зауралье формируется свой вариант ритуального ДКК.

Таким образом, по большинству признаков прародина Ф-культурного комплекса может быть предварительно локализована в пределах центральной, северной и восточной части Казахстана, в зоне распространения памятников федоровско-нуринского облика. Только отсюда могли мигрировать коллективы, положившие в местах вселения (лесостепное Зауралье, юг Западной Сибири, Кузнецкая котловина, енисейские степи, Памир, Тянь-Шань и др.) начало андроновским федоровским культурам. Интересно, что в чуждой этнической среде (окружении) культура мигрантов претерпевает значительно меньшие изменения, нежели в условиях совместного проживания с родственным населением («андроновцы» на Енисее или в Барабе и «федоровцы» в причелябинской лесостепи – это совершенно разные ситуации, поведенческие модели). Существует ли возможность уточнить первоначальную для Ф-комплексов территорию? В свое время Г.А.Максименков предположил, «... исходя из единства федоровского этапа андроновской культуры на разных территориях, что она должна была возникнуть где-то в одном месте, а не в нескольких и не из разных культур. В противном случае при наличии обмена, распространении скотоводства, земледелия и металлургии в этих отдельных центрах возникновения андроновской культуры должны были бы проявиться этнографические особенности, свойственные более ранним культурам. Возникшие таким путем культуры имели бы такие же отличия, какие наблюдаются между однопорядковыми андроновской и срубной культурами» (1978. С. 86). Значительного увеличения источников по более ранним (доандроновским) культурам с тех пор не произошло, да и сама схема развития андроновских культур подверглась радикальному пересмотру, однако установка Г.А. Максименкова на поиск Ф-прародины в каком-то одном месте сохранила свое принципиальное значение.

Судя по некоторым последним работам, археологи, в чьи научные интересы входят проблемы казахстанских культур эпохи бронзы, кажется, определились с прото- и раннефедоровскими памятниками. В вышедшем недавно учебном пособии В.В. Евдокимов и В.В. Варфоломеев прямо указывают, что «... примерно с XVI в. до н.э. на алакульскую территорию из Восточного Казахстана проникает население, которое лепило горшки

плавной профилировки, без уступки на плече сосуда. Это племена федоровской культуры, оставившие могильники Боровое, Бурлук, Алыпкаш, Приплодный Лог I, Аксу-Аюлы II, Акмола ...» и др. (2002. С. 86). Гипотеза о формировании протофедоровских памятников в пределах Восточного Казахстана активно разрабатывается в последнее время А.А. Ткачевым и Н.А. Ткачевой (Ткачев А., 1992; 2002б; Ткачева, 1997 и др.). В предельно схематичном изложении она выглядит следующим образом: подоснова – восточно-казахстанское энеолитическое население, далее – усть-буконьский этап, древности которого сопоставимы с памятниками круга культур раннебронзового века Северного Казахстана и Западной Сибири (особенно близки вишневым), на основе усть-буконьских комплексов в первой четверти II тыс. до н.э. складывается канайская культура (посуда с округлым плечом, орнаментированная гребенчатой и резной техникой, косые треугольники в придонной части). На канайском этапе завершается формирование скотоводческо-земледельческого хозяйства, Восточный Казахстан становится крупнейшим металлургическим центром (Ткачев А., 2002б. С. 190). На раннем или марининском этапе канайской культуры прииртышское население начинает мигрировать – на восток до Енисея; на север, по долине Иртыша, в лесостепную зону, где переселенцы сосуществуют с кротовским населением; на запад, в среду петровских племен Приишимья, а также в центрально-казахстанские степи, где в результате взаимодействия с атасускими коллективами формируются комплексы нуринского типа. Федоровские древности Зауралья и нуринские Центрального Казахстана предстают как производные от канайской культуры Восточного Казахстана (Там же. С. 191, 219). Более того, по мнению А.А. Ткачева, «... в процессе контактов андроновско-канайских групп с автохтонным населением (на осваиваемых территориях – Авт.) возникают новые культурные стереотипы: в Зауралье складывается черкаскульская культура..., на Енисее – карасукская..., в Новосибирском Приобье – ирменская..., в Барнаульском Приобье – корчажнинская...», а в лесной зоне Западной Сибири формируются андронидные культуры (Там же. С. 198, 199).

К сожалению, представление о древностях эпохи бронзы Восточного Казахстана авторы данной книги могли получить только из публикаций, количество которых, надо сказать, не слишком велико. Вполне допускаем, что какие-то работы, очень важные для понимания происходивших здесь процессов, содержащие развернутую систему доказательств гипотезы о ведущей роли канайского населения в сложении андроновских федоровских и андронидных культур и культурных типов, остались вне нашего внимания. Тем не менее, рискнем предположить, что на территории Восточного Казахстана (Верхнего Прииртышья) федоровский культурный комплекс сформироваться не мог, а роль канайского комплекса в андроновском культурогенезе сильно преувеличена. Как нам кажется, Верхнее Прииртышье до появления андроновских групп было освоено населени-

ем, относящимся по культуре к совершенно иному миру. Об этом свидетельствуют факты обнаружения в левобережной и правобережной части региона памятников, сопоставимых с кротовскими, кротовско-елунинскими и самусьскими (Мерц, 2002а; 2002б. С. 78; 2004). В.К. Мерц склонен в этой связи отодвинуть границу расселения кротовско-елунинских племен далеко на запад (2003. С. 141). Ю.Ф. Кирюшин включает районы Восточного Казахстана, прилегающие к Алтайским горам, в основную территорию формирования елунинской культуры, и предполагает сдвиг части елунинских племен по Иртышу в Омское Прииртышье, вытесненных в процессе расселения андроновских групп (Кирюшин, 2002. С. 87). Вероятно, с доандроновскими комплексами связаны случайные находки сейминско-турбинских бронз из этих мест (Черных, Кузьминых, 1989). О воздействии доандроновского субстрата на продвигавшиеся через Восточный Казахстан «волны андроновских миграций и экспансий» высказывался П.М. Кожин (1991. С. 68). Что касается пары горшков из могильника Усть-Буконь и черепков из могилы 9 из аула Канай, составлявших в свое время источниковую базу усть-буконьского этапа (Черников, 1960. С. 94, 95), то они действительно имеют некоторое сходство с керамикой раннебронзовых западносибирских культур, в т.ч. вишневской (Зайберт, 1973; Зданович Г., 1973. С. 25, 26). Их можно сравнивать и с андроновскими экземплярами – той группы, которую характеризуют простые орнаменты. С классическими федоровскими горшками усть-буконьские сосуды имеют только одну общую черту – округлое плечо.

Состояние восточно-казахстанских источников таково, что позволительно представить другую ситуацию – по Иртышу проходила граница между массивами культур андроновских типов и западносибирских елунинско-кротовского облика. По данным В.К. Мерца в Павлодарском Прииртышье получены материалы петровского типа, которые он определяет как наиболее ранние андроновские (2002а. С. 14). В степной части Омского Прииртышья открыто несколько памятников с инвентарем алакульского типа, в т.ч. могильник Ермак IV. С.В. Сотникова отодвигает восточную границу расселения алакульцев до Иртыша и допускает эпизодические проникновения небольших алакульских групп на территорию Верхнего Приобья (Сотникова, 1988. С. 76-78; Хабарова, 1994). Впрочем и в этом варианте мы не видим местной основы, на которой могла бы сложиться канайская федоровская культура.

Представляется маловероятной возможность обнаружения самых ранних федоровских комплексов в районах Северного Казахстана, в том числе в Петропавловском Приишимье. Федоровские древности распространяются здесь сравнительно поздно. Предшествуют им памятники с текстильно-ямочной керамикой и вишневского типа, безусловно, относящиеся к кругу западносибирских лесостепных культур, а также поселения, в т.ч. укрепленные, и могильники петровской культуры (Зайберт, 1973; Зданович, 1973). В петровских и

алакульских керамических материалах прослеживаются черты, восходящие к местным культурам – постботайской неопределенного облика и вишневского типа (Зданович Г., 1988. С. 139. – Иного мнения в вопросе о преемственности ботайских, вишневских и петровских комплексов придерживаются Глушковы И.Г. и Т.Н. – см.: 1992. С. 118, 119). Не исключены культурные заимствования из среды племен, обитавших в сопредельных областях, в т.ч. более северных. Проблема соотношения древностей алакульского и федоровского типов в Северном Казахстане сохраняет свою актуальность. Как нам кажется, самого пристального внимания в этой связи заслуживают комплексы амангельдинского типа.

До сих пор мы ничего не сказали о притобольском регионе. В качестве возможной прародины Ф-культуры он никем не рассматривался, хотя свидетельства контактов местных алакульских групп с носителями федоровских культурных традиций многократно зафиксированы в андроновских памятниках лесостепной и, реже, степной зон (Потемкина, 1983; 1985; 1995а; 1995б; Евдокимов, 1983). По мнению Т.М. Потемкиной, эти контакты не прекращались на всем протяжении раннеалакульской стадии и заметно усиливаются на развитом этапе алакульской культуры (1985. С. 283-286; 1995. С. 11). Сосуществование алакульских и федоровских племен в Кустанайском Притоболье не исключает В.В. Евдокимов (1983. С. 44, 45), более определенно в пользу этой версии высказывается Э.Р. Усманова (2005. С. 138-141). Кроме того, обнаружение федоровских сосудов в комплексе с петровскими в ранних могильниках Лисаковской округи дало основание Э.Р. Усмановой предположить соседство алакульцев и федоровцев в здешних краях уже на начальных этапах существования андроновской общности (Там же. С. 140). Со своей стороны заметим, что полученные ею при исследовании могильника Лисаковский I материалы по алакульской и федоровской культурам степного Притоболья настолько значительны, что потребуется время для их осмысления (один из первых вопросов, возникших у нас при ознакомлении с книгой Э.Р. Усмановой – не отмечают ли Лисаковские некрополи один из пунктов на маршруте движения носителей Ф-культурных традиций из Казахстана в зауральскую лесостепь?).

Итак, если наши предположения верны, круг поисков прародины андроновских федоровских культур можно ограничить территорией Центрального Казахстана – колоссальной по своим размерам и разнообразной по географическим условиям. На наш взгляд, именно здесь мог сложиться специфический комплекс, давший начало культурам федоровской линии развития. Далее мы попадаем в область неизвестного. Неясно, когда и на какой основе формировался этот комплекс. Энеолитические памятники Центрального Казахстана, в отличие, например, от Кустанайского Притоболья или Петропавловского Приишимья, изучены очень слабо. Постэнеолитические и раннебронзовые древности, синхронные тем же вишневским или елунинским, остаются во многом гипотетически-

ми. Это тем более досадно потому, что от них, по мнению А.А. Ткачева, ведут свое развитие и нуртайские памятники (2002б. С. 188). Впрочем, уверенности в том, что сложение культуры раннефедоровского облика происходило только на местной постэнеолитической основе, у нас тоже нет. В чем мы не сомневаемся, так это в том, что со временем в Центральном Казахстане интересующие нас комплексы будут непременно выявлены и изучены (о трудностях, связанных с поиском поселений и некрополей эпохи бронзы в долинах рр. Ишима, Сары-Су, Нуры и их притоков – см.: Маргулан, 2003. С. 62-64).

Исходя из того, что в своем классическом виде федоровская культура есть исключительно зауральское явление, возникает потребность определиться с наименованием искомого центрально-казахстанского образования. Полагаем, за ним нужно закрепить название, предложенное еще в 60-х годах прошлого века (Маргулан и др., 1966) и достаточно широко используемое казахстанскими археологами поныне – нуринская культура, нуринские памятники, древности и т.д. Проблема Ф-прародины, таким образом, сводится к разрешению вопросов происхождения вполне конкретных археологических комплексов – нуринских. Возможность их частичной синхронизации с петровскими или нуртайскими памятниками нас нимало не смущает по следующим соображениям. Во-первых, распространению андроновских памятников на Алтае, в Обь-Чулымском междуречье и в других восточных районах должен предшествовать период сложения и оформления нуринской культуры в Казахстане. И если, например, на Алтае, как полагает Ю.Ф. Кирюшин, андроновские племена расселяются со второй половины XVI в. до н.э. (2002. С. 104), то начальный этап нуринской культуры должен быть отнесен к более раннему времени. Можно вспомнить, что радиоуглеродные даты, полученные для алтайских андроновских могильников Турина Гора и Быково III, «... уложились в отрезок с XVIII по XV вв. до н.э.» (Кирюшин, 1991. С. 46). Что касается федоровских комплексов лесостепного Зауралья, то хронологический приоритет ранненуринских древностей по отношению к ним не вызывает у нас сомнения. Во-вторых, одновремен-

ность части петровских и нуринских материалов предполагается нами в связи с нахождением сосуда федоровского облика на могильнике у с. Петровка (Зданович Г., Зданович С., 1980. С. 190), данными А.А. Ткачева о контактах нуртайских и канайских групп (2002 б. С. 190, 191) и замечанием Э.Р. Усмановой о «ранних могильниках Лисаковской округи», содержащих сосуды петровского облика в комплексе с федоровскими (2005. С. 140). К сожалению, ранние лисаковские материалы не опубликованы, а прочие свидетельства не безупречны. Возможность иного подхода к решению проблемы культурно-хронологического соотношения раннеалакульской (петровской) и федоровской культур Урало-Казахстанского региона предусматривает В.В. Ткачев в связи с тем, «... что на большинстве памятников петровского времени в незначительном количестве присутствует керамика, сопоставимая с федоровской» (1998. С. 46).

Весьма спорным представляется суждение А.А. Ткачева, будто в глубине урало-казахстанских степей имело место обособленное, не подверженное влиянию извне, развитие нуртайских племен, и, что нуртайские древности показывают более «чистую» линию развития от местных энеолитических и раннебронзовых племен (2002б. С. 187-189). Примеры изолированного развития отдельных групп населения в эпоху бронзы не известны даже в таежной зоне Западной Сибири, тем более сомнительно оно в казахстанских степях. Ни нуртайские, ни, если подтвердится наша гипотеза, нуринские комплексы Центрального Казахстана не могли сформироваться без внешних культуроопределяющих импульсов. Уверены, что истоки всех культур и культурных типов андроновской общности так или иначе восходят к массиву синташтинских древностей. Если говорить о нуринских материалах, то в них, как нам кажется, присутствует еще и очень неясный среднеазиатский «след».

Все сказанное выше нужно рассматривать как одну из исследовательских версий. Разумеется, она может быть подвергнута сомнению и отклонена, либо, наоборот, будет подкреплена новыми достоверными фактами. Главное сейчас – качественные источники.

Список литературы

- Аванесова Н.А. Серьги и височные подвески андроновской культуры // Первобытная археология Сибири. Л. 1975.
- Аванесова Н.А. Культура пастушеских племен эпохи бронзы азиатской части СССР. Ташкент. 1991.
- Акишев К.А. Эпоха бронзы Центрального Казахстана: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Л. 1953.
- Андроновская культура. Памятники западных районов // САИ. 1966. Вып. ВЗ-2.
- Арсланова Ф.Х. Памятники андроновской культуры из Восточно-Казахстанской области // СА. 1973. № 4.
- Арутюнов С.А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие. М., 1989.
- Архипова Н.П. Заповедные места Свердловской области. Свердловск, 1984.
- Балакин Ю.В., Петров А.И., Труфанов А.Я. Астральные знаки и их числовое содержание (по материалам керамических орнаментов Еловского II могильника) // Искусство и фольклор народов Западной Сибири. Томск, 1984.
- Берс Е.М. Археологические памятники Свердловска и его окрестностей. Свердловск, 1963.
- Бобринский А.А. Функциональные части в составе емкостей глиняной посуды // Проблемы изучения археологической керамики. Куйбышев, 1988.
- Бобров В.В., Михайлов Ю.И. Комплекс андроновской–Ф культуры поселения на берегу Тамбарского водохранилища // Проблемы археологических культур степей Евразии. Кемерово, 1987.
- Бобров В.В., Михайлов Ю.И. Памятники андроновской культуры Обь-Чумынского междуречья. Кемерово, 1989. Деп.38518.
- Бухонина Т.А. Могильник эпохи бронзы Куропаткино II на р. Чаглинка // Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1984.
- Васильев Е.А. Ладьевидные сосуды эпохи ранней бронзы из Нижнего Приобья // Искусство и фольклор народов Западной Сибири. Томск, 1984.
- Васина Ю.В., Григорьев С.А., Петрова Л.Ю., Плешанов М.Л., Тидеман Е.В. Поселение эпохи поздней бронзы Мочище I в Южном Зауралье // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Мат. II региональной научно-практич. конф. Челябинск, 2004.
- Визгалов Г.П. Поселения с гребенчато-ямочной керамикой бассейна Конды // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. Свердловск, 1988.
- Викторов В.П., Борзунов В.А. Городище эпохи бронзы у села Черноозерье на Иртыше // Из истории Сибири. 1974. Вып. 15.
- Викторова В.Д. Коптяковская культура в горно-лесном Зауралье // III Берсовские чтения: материалы научно-практической конференции. Екатеринбург, 1999.
- Викторова В.Д. Погребальные комплексы на острове Каменные Палатки // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Екатеринбург, 2001.
- Викторова В.Д., Чаиркина Н.М., Широков В.Н. Гора и водоплавающая птица в мировидении древнего уральского населения // Уральский исторический вестник, № 4. Урал в системе культурных и хозяйственных связей в древности и средневековье. Екатеринбург, 1997.
- Виноградов А.В. Этуд о таштыкской керамике // Клейн Л.С. Археологическая типология. Л., 1991.
- Виноградов Н.Б. Кулевчи III - памятник петровского типа в Южном Зауралье // КСИА. 1982. Вып 169.
- Виноградов Н.Б. Кулевчи VI - новый алакульский могильник в лесостепях Южного Зауралья // СА. 1984. № 3.

- Виноградов Н. Б. Проблема соотношения и интерпретации памятников синташтинского и петровского типов в Южном Зауралье // Степи Евразии в древности и средневековье. Мат-лы Междунар. научн. конф., посвященной 100-летию со дня рождения Михаила Петровича Грязнова. Книга 1. СПб., 2002.
- Виноградов Н.Б. Могильник бронзового века Кривое Озеро в Южном Зауралье. Челябинск, 2003.
- Виноградов Н.Б. Памятники петровского типа в Южном Зауралье и Северном Казахстане: культурная атрибуция и внутренняя периодизация // Археология Урала и Западной Сибири (к 80-летию со дня рождения Владимира Федоровича Генинга). Екатеринбург, 2005.
- Виноградов Н.Б., Костюков В.П., Марков С.В. Могильник Солнце-Талика и проблема генезиса федоровской культуры бронзового века в Южном Зауралье // Новое в археологии Южного Урала. Челябинск, 1996.
- Виноградова Н.М., Кузьмина Е.Е. Контакты степных и земледельческих племен в Средней Азии в эпоху бронзы // Восточный Туркестан и Средняя Азия в системе культур древнего и средневекового Востока. М., 1986.
- Генинг В.Ф. Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок // СА, 1973. №1.
- Генинг В.Ф. Древняя керамика: методы и программы исследования в археологии. Киев, 1992.
- Генинг В.Ф., Гусенцова Т.М., Кондратьев О. М., Стефанов В.И., Трофименко В.С. Периодизация поселений эпохи неолита и бронзового века Среднего Прииртышья // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск, 1970.
- Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В. Синташта (археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей). Челябинск, 1992.
- Генинг В.Ф., Стефанов В.И. Поселения Черноозерье I, Большой Лог и некоторые проблемы бронзового века лесостепного Прииртышья // Памятники древней культуры Урала и Западной Сибири. Екатеринбург, 1993.
- Генинг В.Ф., Стефанова Н.К. Черноозерье I - могильник эпохи бронзы Среднего Прииртышья/Препр. Екатеринбург, 1994.
- Глушков И.Г. Керамика как исторический источник. Новосибирск, 1996.
- Глушков И.Г., Глушкова Т.Н. Текстильная керамика как исторический источник (по материалам бронзового века Западной Сибири). Тобольск, 1992.
- Горбунова С.А., Исаков К.Р. Раскопки Алакульского могильника в 2002 г. // Культура Сибири и сопредельных территорий в прошлом и настоящем. Мат-лы Всерос. (с международным участием) 43-й археолого-этнографической конф-и молодых ученых. Томск, 2003.
- Гордцов В.А. Культура бронзовой эпохи в Средней России // Отчет Российского исторического музея за 1914 г. М., 1916.
- Григорьев С.А. Древние индоевропейцы. Опыт исторической реконструкции / Сер. Южный Урал: природно-географические факторы и историко-культурные процессы. Челябинск, 1999.
- Григорьев С.А. Бронзовый век // Древняя история Южного Зауралья. Челябинск, 2000. Том I.
- Грязнов М.П. Погребения бронзовой эпохи в Западном Казахстане // Казаки. Л. 1927. Вып.2.
- Гутков А.И. О традиции ремонта глиняной посуды // Археологический источник и моделирование древних технологий. Челябинск, 2000.
- Дурылин С.Н. Раскопки под Челябинском // Зап. УОЛЕ. Том 40, вып. 2. Свердловск, 1927.
- Евдокимов В.В. Поселение эпохи бронзы Усть-Кенетай // Вопросы археологии и этнографии Центрального Казахстана. Караганда, 1982.
- Евдокимов В.В. Хронология и периодизация памятников эпохи бронзы Кустанайского Притоболья // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1983.
- Евдокимов В.В. Народонаселение степного Притоболья в эпоху бронзы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1984.
- Евдокимов В.В. Историческая среда эпохи бронзы степей Центрального и Северного Казахстана. Алматы, 2000.
- Евдокимов В.В., Ломан В.Г. Раскопки ямного кургана в Карагандинской области // Вопросы археологии Центрального и Северного Казахстана. Караганда, 1989.
- Евдокимов В.В., Варфоломеев В.В. Эпоха бронзы Центрального и Северного Казахстана: Учеб. пособие. Караганда, 2002.
- Епимахов А.В. Южное Зауралье в эпоху средней бронзы. Челябинск, 2002.
- Ерасов Б.С. Социальная культурология. М., 2000.
- Жемерикин Р.В. К вопросу о нерегулярностях в андроновском орнаменте // Наследие древних и традиционных культур Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 2000.
- Зайберт В.Ф. Новые памятники ранней бронзы на р. Ишим // КСИА. 1973. Вып. 134.

- Зах В.А. Поселок древних скотоводов на Тоболе. Новосибирск, 1995.
- Зах В.А. Эпоха бронзы Присалаирья (по материалам Изылинского археологического микрорайона). Новосибирск, 1997.
- Зах В.А., Зотова С.В., Панфилов А.Н. Древние могильники на Андреевском озере близ Тюмени // Древние погребения Обь-Иртышья. Омск, 1991.
- Зах В.А., Скочина С.Н., Пархимович С.Г. Грунтовый могильник Чепкуль 21 на севере Андреевской озерной системы // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень, 2005. Вып. 6.
- Захарова Е.А. Сосуды со знаками срубной общности эпохи поздней бронзы. Воронеж, 2000.
- Зданович Г.Б. Керамика эпохи бронзы Северо-Казахстанской области // ВАН. Свердловск, 1973. Вып. 12.
- Зданович Г.Б. Периодизация и хронология памятников эпохи бронзы Петропавловского Приишимья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1975.
- Зданович Г.Б. Относительная хронология памятников бронзового века Урало-Казахстанских степей // Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1984.
- Зданович Г.Б. Бронзовый век Урало-Казахстанских степей. Свердловск, 1988.
- Зданович Г.Б. Аркаим: арии на Урале или несостоявшаяся цивилизация // Аркаим. Исследования. Поиски. Открытия. Челябинск, 1995.
- Зданович Г.Б. Урало-Казахстанские степи в эпоху средней бронзы / Диссерт. в виде науч. докл. ... докт. истор. наук. Челябинск, 2002.
- Зданович Г.Б., Зданович Д.Г. Проблема освоения евразийских степей в эпоху бронзы и «Страна городов» Южного Зауралья // Археология Урала и Западной Сибири (к 80-летию со дня рождения В.Ф.Генинга). Екатеринбург, 2005.
- Зданович Г.Б., Зданович С.Я. Могильник эпохи бронзы у с. Петровка // СА. 1980. № 3.
- Зданович Д.Г., Куприянова Е.В. «Use life» глиняной посуды и динамика стилевых изменений (к исследованию Синташтинской проблемы) // Степи Евразии в древности и средневековье. СПб., 2002. Книга I.
- Зданович Д.Г. Сосуд из могильника Чекатай: к исследованию «знаковых» орнаментальных композиций эпохи бронзы // Древняя керамика: проблемы и перспективы комплексного подхода. Челябинск, 2003.
- Зданович С.Я. Курганы эпохи бронзы у совхоза им.Амангельды по раскопкам 1970г. // ИИС. Вып.15. Томск, 1974.
- Зотова С.В. Ковровые орнаменты андроновской керамики // МИА. 1965. № 130.
- Итина М.А. Могильник бронзового века Кокча-3 // Материалы Хорезмской экспедиции. 1961. Вып. 5.
- Итина М.А. История степных племен Южного Приаралья (II-начало I тысячелетия до н.э.). М., 1977.
- Кадырбаев М.К. Шестилетние работы на Атасу // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1983.
- Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж.К. Культура древних скотоводов и металлургов Сары-Арки. Алма-Ата, 1992.
- Калинина И.В., Гаджиева Е.А. (Устинова). Архаические орнаменты для керамики // AD POLUS. СПб., 1993.
- Калиева С.С., Логвин В.Н. Скотоводы Тургая в третьем тысячелетии до нашей эры. Кустанай, 1997.
- Киришин Ю.Ф. Периодизация культур неолита и бронзы Верхнего и Среднего Приобья // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. Тезисы докладов и сообщений к науч. конф. Барнаул, 1988.
- Киришин Ю.Ф. Проблемы хронологии памятников энеолита и бронзы Южной Сибири // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. Тез. докладов к всесоюзной научной конференции. Барнаул, 1991.
- Киришин Ю.Ф. Миграционные процессы в Верхнем Приобье в эпоху энеолита и в бронзовом веке // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и средневековье. Барнаул, 1994.
- Киришин Ю.Ф. Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. Барнаул, 2002.
- Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. МИА. 1949. № 9.
- Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951.
- Ковалева В.Т., Рыжкова О.В., Шаманаев А.В. Ташковская культура: поселение Андреевское озеро XIII. Екатеринбург, 2000.

- Кожин П.М. О последовательности формирования и периодизации андроновской культурной общности // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. Тез. докладов к всесоюзной научной конференции. Барнаул, 1991.
- Кожин П.М. Расселения и миграции племен бронзового века в Поволжско-Приуральском регионе // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. Самара, 2001.
- Кокшаров С.Ф. Хронология памятников бронзового века р.Конды // ВАУ. Вып. 20. Свердловск, 1991.
- Комарова М.Н. Томский могильник, памятник истории древних племен лесной полосы Западной Сибири // МИА. 1952. № 24.
- Комарова М.Н. Относительная хронология памятников андроновской культуры // Археологический сборник. Л., 1962. Вып. 5.
- Корочкова О.Н. К оценке специфики федоровских комплексов Зауралья // Комплексные общества Центральной Евразии в III-I тыс. до. н.э. Челябинск, 1999.
- Корочкова О.Н. Алакульско-федоровские комплексы Зауралья: к постановке проблемы // Проблемы археологии Евразии. М., 2002.
- Корочкова О.Н. К обсуждению термина «андроновская общность» // Проблемы первобытной археологии Евразии. М., 2004.
- Корочкова О.Н., Стефанов В.И. Поселение федоровской культуры // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1983.
- Корочкова О.Н., Стефанов В.И. О некоторых особенностях погребальной обрядности населения алакульской культуры // XIV Уральское археологическое совещание. Тезисы докладов международной научной конференции. Челябинск, 1999.
- Корочкова О.Н., Стефанов В.И. О федоровских древностях Зауралья // XV Уральское археологическое совещание. Тезисы докладов международной научной конференции. Оренбург, 2001.
- Корякова Л.Н. Ранний железный век Зауралья и Западной Сибири (саргатская культура). Свердловск, 1988.
- Корякова Л.Н., Стефанов В.И., Микрюкова О.В., Берсенева Н.А., Шарапова С.В. Позднебронзовый могильник близ села Больше-Казакбаева на севере Челябинской области // Археология Урала и Западной Сибири (к 80-летию со дня рождения Владимира Федоровича Генинга). Екатеринбург, 2005.
- Косарев М.Ф. О культурах андроновского времени в Западной Сибири. СА. 1965. № 2.
- Косарев М.Ф. Этнокультурные ареалы Западной Сибири в бронзовом веке // ИИС. Томск, 1973. Вып. 7.
- Косарев М.Ф. Древние культуры Томско-Нарымского Приобья. М., 1974.
- Косарев М.Ф. Бронзовый век Западной Сибири. М., 1981.
- Косарев М.Ф. Западная Сибирь в древности. М., 1984.
- Краснов Ю.А. Раскопки грунтовых могильников // Методика полевых археологических исследований. М., 1989.
- Кривцова-Гракова О.А. Алексеевское поселение и могильник // Тр. ГИМ. 1948. Вып. 17.
- Кузьмина Е.Е. Могильник Туктубаево и вопрос о хронологии памятников федоровского типа на Урале // Проблемы археологии Урала и Сибири. М., 1973.
- Кузьмина Е.Е. О соотношении типов андроновских памятников Урала (по материалам Кинзерского могильника) // Памятники древней истории Евразии. М., 1975.
- Кузьмина Е.Е. Классификация и периодизация памятников андроновской культурной общности // Международная ассоциация по изучению культур Центральной Азии. Информационный бюллетень ЮНЕСКО. М., 1985.
- Кузьмина Е.Е. Гончарное производство у племен андроновской культурной общности (об одном археологическом аспекте проблемы происхождения индоиранцев) // Восточный Туркестан и Средняя Азия в системе культур древнего и средневекового Востока. М., 1986а.
- Кузьмина Е.Е. О некоторых археологических аспектах проблемы происхождения индоиранцев // Переднеазиатский сборник. М., 1986б. Вып 4.
- Кузьмина Е.Е. Древнейшие скотоводы от Урала до Тянь-Шаня. Фрунзе, 1986в.
- Кузьмина Е.Е. Еще раз о хронологии и этнической атрибуции памятников федоровского типа андроновской общности // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири: Тез. докл. и сообщ. научн. конф. Барнаул, 1988а.
- Кузьмина Е.Е. Культурная и этническая атрибуция пастушеских племен Казахстана и Средней Азии эпохи бронзы // ВДИ. 1988б. № 2.

- Кузьмина Е.Е. Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 1988в.
- Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоарии? Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. М., 1994.
- Кузьмина Е.Е. Первая волна миграции индоиранцев на юг // ВДИ. 2000. № 4.
- Кузьмина Е.Е. М.П.Грязнов и изучение культуры андроновских племен // Степи Евразии в древности и средневековье: Материалы междунаrod. науч. конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Михаила Петровича Грязнова. СПб., 2002.
- Кузьмина Е.Е. Памятники эпохи финальной бронзы степной Евразии (в порядке дискуссии) // Актуальные проблемы археологии, истории и культуры: Сб. науч. тр. – Том 2. Новосибирск, 2005.
- Кузьмина О.В. Абашевская культура в лесостепном Волго-Уралье: Учебное пособие к спецкурсу. Самара, 1992.
- Куприянова Е.В. Эстетика древней керамики (по материалам эпохи поздней бронзы Южного Зауралья) // Человек в пространстве древних культур. Мат-лы. всерос. научн. конф. Челябинск, 2003.
- Кушаев Г.А. Новое в бронзовом веке Западного Казахстана // Маргулановские чтения. Петропавловск, 1992.
- Ломан В.Г. Андроновское гончарство: общие приемы изготовления сосудов // Культуры древних народов степной Евразии и феномен протогородской цивилизации Южного Урала. Мат-лы междунаrod. конферен. «Россия и Восток: проблемы взаимодействия» Челябинск, 1995. Ч. V, кн. 1.
- Ломан В.Г. Общие принципы выделения историко-культурной информации по данным гончарной керамики // Степная цивилизация Восточной Евразии. Т.1. Древние эпохи. Астана, 2003.
- Максимова А.Г. Эпоха бронзы Восточного Казахстана // Тр. ИИАЭ АН Каз.ССР. 1959. Т. 7.
- Максименков Г.А. Современное состояние вопроса о периодизации эпохи бронзы Минусинской котловины // Первобытная археология Сибири. Л., 1975.
- Максименков Г.А. Андроновская культура на Енисее. Л., 1978.
- Малютина Т.С. Могильник Приплотный Лог // Археология Волго-Уральских степей. Челябинск, 1984.
- Малютина Т.С. Стратиграфическая позиция материалов федоровской культуры на многослойных поселениях казахстанских степей // Древности Восточно-Европейской лесостепи. Самара, 1991.
- Малютина Т.С. Федоровская культура урало-казахстанских степей. Автореф. дис. канд. ист. наук. М., 1994.
- Мандельштам А.М. Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане. МИА. 1968. № 145.
- Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев А.М., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966.
- Маргулан А.Х. Главнейшие памятники эпохи бронзы Центрального Казахстана // Степная цивилизация Восточной Евразии. – Т.1. Древние эпохи. Астана, 2003.
- Матвеев А.В. Первые андроновцы в лесах Зауралья. Новосибирск, 1998.
- Матющенко В.И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья. Часть 3. Андроновская культура / ИИС. Томск, 1973. Вып. 12.
- Матющенко В.И. Еловский археологический комплекс. Часть вторая. Еловский II могильник. Доирменские комплексы. Омск, 2004.
- Мерц В.К. Некоторые итоги и перспективы изучения археологических памятников Павлодарского Прииртышья // Изучение памятников археологии Павлодарского Прииртышья. Павлодар, 2002а.
- Мерц В.К. Погребение каменного века и энеолитический комплекс стоянки Шидерты 3 // Изучение памятников археологии Павлодарского Прииртышья. Павлодар, 2002б.
- Мерц В.К. О новых памятниках эпохи ранней бронзы Казахстана // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. Барнаул, 2003.
- Мерц В.К. Новые материалы по энеолиту и ранней бронзе Северо-Восточного Казахстана // Новые исследования по археологии Казахстана. Тр. Научно-практической конференции «Маргулановские чтения-15». Алматы, 2004.
- Михайлов Ю.И. Божество «хрустального неба» в культурных традициях древнеиранского населения // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 1999. Т. V.
- Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск, 1985.
- Молодин В.И., Новиков А.В., Жемерикин Р.В. Могильник Старый Тартас-4 (новые материалы по андроновской историко-культурной общности) // Археология, этнография и антропология Евразии. 3(11) 2002.

- Мосин В.С. Каменный век // Древняя история Южного Зауралья. Том I. Каменный век. Эпоха бронзы. Челябинск, 2000.
- Мосин В.С. Энеолитическая керамика Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 2003.
- Нелин Д.В. Поселение эпохи бронзы Шибаетово-I: результаты исследования (предварительная публикация) // Проблемы изучения энеолита и бронзового века Южного Урала. Орск, 2000.
- Нелин Д.В. Шибаетово 1: поселение эпохи бронзы в Южном Зауралье // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. Серия 1. Исторические науки. Челябинск, 2004.
- Оразбаев А.М. Северный Казахстан в эпоху бронзы // Тр. ИИАЭ АН Каз. ССР. Алма-Ата, 1958.
- Обыденнов М.Ф., Шорин А.Ф. Археологические культуры позднего бронзового века древних уральцев (черкасская и межевская культуры). Екатеринбург, 1995.
- Панфилов А.Н. Новый энеолитический могильник на озере Андреевском // Обряды народов Западной Сибири. Томск, 1990.
- Петрин В.Т. Отчет об исследованиях наскальных изображений на Урале в 1976 году. Т. III. Свердловск, 1976. АКА УрГУ, ф. II, д. № 239.
- Попов В.А. Горный хрусталь из кургана 25 Большекараганского могильника // Аркаим: некрополь (по материалам кургана 25 Большекараганского могильника). Кн. 1 / Сост. Д.Г. Зданович. Челябинск, 2002.
- Потемкина Т.М. Топографическая и гидрографическая приуроченность поселений эпохи бронзы в Среднем Приобье // Особенности естественно-географической среды и исторические процессы в Западной Сибири. Томск, 1979.
- Потемкина Т.М. Алакульская культура // СА. 1983. № 2.
- Потемкина Т.М. Бронзовый век лесостепного Приобья. М., 1985.
- Потемкина Т.М. Проблемы связей и смены культур населения Зауралья в эпоху бронзы (ранний и средний этапы) // РА. 1995а. № 1.
- Потемкина Т.М. Проблемы связей и смены культур населения Зауралья в эпоху бронзы (поздний и финальный этапы) // РА. 1995б. № 2.
- Потемкина Т.М., Корочкова О.Н., Стефанов В.И. Лесное Тоболо-Иртышье в конце эпохи бронзы. М., 1995.
- Руденко С.И. Отчет о раскопках летом 1928 г. в Башреспублике. Л., 1929. Архив ИИМК РАН. Д. 140. Рудковский И.В. Типы зонирования в андроновской орнаментике // Вопросы археологии Центрального и Северного Казахстана. Караганда. 1989.
- Рудковский И.В. Системообразующие инварианты андроновской орнаментики: Автореф. дис. . канд. ист. наук. Барнаул, 2003.
- Рындина О.М. Орнамент // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 3. Томск, 1995.
- Сальников К.В. Андроновский курганный могильник у с. Федоровки // МИА. 1940. № 1.
- Сальников К.В. К вопросу о стадиях в памятниках андроновской культуры // Первое Уральское археологическое совещание. Молотов, 1948.
- Сальников К.В. Бронзовый век Южного Зауралья (андоновская культура) // МИА. , 1951. № 21. Сальников К.В. Курганы на озере Алакуль // МИА. 1952. № 24.
- Сальников К.В. Очерки древней истории Южного Урала. М, 1967.
- Серигов Ю.Б. Сакральные свойства хрусталя // Культурные памятники горно-лесного Урала / Коллектив авторов. Екатеринбург, 2004.
- Смирнов Ю.А. Лабиринт: Морфология преднамеренного погребения. Исследование, тексты, словарь. М., 1997.
- Советский Союз. Геогр. Описание в 22-х томах. Урал. Отв. ред. И.В. Комар. М., 1968.
- Советский Союз. Геогр. Описание в 22-х томах. Российская Федерация. Западная Сибирь. Отв. ред. М.И. Помус. М., 1971.
- Сорокин В.С. Могильник бронзовой эпохи Тасты-Бутак // МИА. 1962. № 120.
- Сорокин В.С. Западные памятники андроновской культуры // Андроновская культура. Памятники западных районов. САИ., 1966. Вып. В 3-2.
- Сотникова С.В. К вопросу об алакульской традиции на территории Западной и Южной Сибири // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири.: Тез. докл. и сообщ. науч. конф. Барнаул, 1988.

- Стефанов В.И. Поселения алакульской культуры Южного Урала // Материалы по археологии и этнографии Южного Урала. Челябинск, 1996.
- Стефанов В.И., Днепров С.А., Корочкова О.Н. Курганы федоровского типа могильника Урефты I // СА. 1983. № 1.
- Стефанов В.И., Корочкова О.Н. Андроновские древности Тюменского Притоболья. Екатеринбург, 2000.
- Стефанов В.И., Корочкова О.Н. Алакульская и федоровская культуры в лесостепном Зауралье: проблемы взаимодействия // РА. 2004, № 4.
- Стоколос В.С. Памятник эпохи бронзы – могильник Черняки II // Уч. зап. Пермского гос. Ун-та. - № 191. Пермь, 1968а.
- Стоколос В.С. Поселение эпохи бронзы Черняки II // Археология и этнография Башкирии. Т. 3. Уфа, 1968б.
- Стоколос В.С. Культура бронзового века Южного Зауралья. М., 1972.
- Сысоев А.Д. Очерки физической географии Челябинской области. Челябинск, 1959.
- Теплоухов С.А. Опыт классификации бронзовых металлических культур Минусинского края. 1929а. // Антология советской археологии (1917-1933). М. 1995. Том. I.
- Теплоухов С.А. Андроновская культура // Сибирская советская энциклопедия. Т. 1. Новосибирск, 1929б.
- Ткачев А.А. К проблеме алакульско-федоровских контактов // Маргулановские чтения: Сб. материалов конф. – М. - ИА АН Казахстана, 1990. Ч. I.
- Ткачев А.А. К вопросу о соотношении алакульских и федоровских комплексов (по материалам могильника Балыкты) // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. Тез. докл. к всесоюзной научной конференции. Барнаул, 1991.
- Ткачев А.А. К проблеме миграции в андроновскую эпоху // Маргулановские чтения. Тезисы. Петропавловск, 1992.
- Ткачев А.А. Центральный Казахстан в эпоху бронзы. Тюмень, 2002а. Часть 1.
- Ткачев А.А. Центральный Казахстан в эпоху бронзы. Тюмень, 2002б. Часть 2.
- Ткачев А.А. Исследование городища Абатское VI на Ишиме // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень, 2002в. Вып. 4.
- Ткачев В.В. К проблеме происхождения петровской культуры // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург, 1998. Вып. 2.
- Ткачев В.В. Начало алакульской эпохи в Урало-Казахстанском регионе // Степная цивилизация Восточной Евразии. Астана, 2003.
- Ткачева Н.А. Памятники эпохи бронзы Верхнего Прииртышья. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 1997.
- Усманова Э.Р. О менталитете «федоровцев» и «алакульцев» в погребальном обряде (по материалам могильника Лисаковский) // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Челябинск, 1995. Мат-лы конф. Ч. V, кн. 1.
- Усманова Э.Р. Лисаковский могильник. Факты и параллели. Алма-Аты, 2005.
- Усманова Э.Р., Логвин В.Н. Женские наконечники украшений Казахстана (эпоха бронзы). Лисаковский, 1998.
- Физико-географическое районирование Тюменской области. Под ред. Н.А. Гвоздецкого. М., 1973.
- Формозов А.А. К вопросу о происхождении андроновской культуры // КСИА. 1951. Вып. XXXIX.
- Хабарова С.В. О проникновении алакульских групп на территорию Верхнего Приобья // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и средневековье. Барнаул, 1994.
- Хлобыстин Л.П. Поселение Липовая Курья. Л., 1976.
- Хлобыстина М.Д. К вопросу о «биритуальных» обрядах в андроновских могильниках // Южная Сибирь в скифо-сарматскую эпоху. Кемерово, 1976.
- Хлобыстина М.Д. Андроновский дифференцированный керамический комплекс // Керамика как исторический источник. Новосибирск, 1989.
- Чебакова Т.Н. Андроновские поселения верховьев реки Увельки // ВАН. Свердловск, 1975. Вып. 13.
- Чемакин Ю.П. Отчет об археологических работах, произведенных на территории Челябинской и Свердловской областей в 1977 г. Архив ПНИАЛ УрГУ. Свердловск, 1978. Ф. II, д. 302.
- Чемакин Ю.П. Коркино I // Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург, 1998.
- Чемакин Ю.П., Карачаров К.Г. Древняя история Сургутского Приобья // Очерки истории традиционного землепользования хантов (Материалы к атласу). Коллектив авторов. Екатеринбург, 1999.

-
- Чемакин Ю.П., Епимахов А.В. Материалы конской упряжи периода поздней бронзы Зауралья // Археологический альманах, № 15. Псалии. Элементы упряжи и конского снаряжения в древности. Донецк, 2004.
- Чернецов В.Н. К вопросу о месте и времени формирования финно-угорской этнической группы. // Тезисы докладов и выступлений сотрудников ИИМК АН СССР, подготовленные к совещанию по методологии этногенетических исследований. М., 1951.
- Черников С.С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы // МИА. 1960. № 88.
- Черных Е.Н. Металлургические провинции и периодизация эпохи раннего металла на территории СССР // СА. 1978. № 4.
- Черных Е.Н., Агапов С.А., Кузьминых С.В. Азиатская зона Евразийской металлургической провинции // Проблемы исторической интерпретации археологических и этнографических источников Западной Сибири. Томск, 1990.
- Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). М, 1989.
- Членова Н.Л. Минусинская котловина и Сибирь: контакты и изоляция // Сибирь в панораме тысячелетий (Материалы междунар. симпозиума). Новосибирск, 1998.
- Шорин А.Ф. Энеолитическое погребение у поселка Дружный в Южном Зауралье // Волго-Уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла. Куйбышев, 1982.
- Шорин А.Ф. Доандроновское погребение могильника Березки Vг в горно-лесном Зауралье // Неолитические памятники Урала. Свердловск, 1991.
- Шорин А.Ф. Энеолит Урала и сопредельных территорий: проблема культуругенеза. – Екатеринбург, 1999.
- Daire M.-Y., Koryakova L., Berseneva N., Courtaud P., Gonzalez E., Kozeko O., Kovrigin A., Langouet L., Marguerie D., Quesnel L., Rajev D., Sharapova S., Uge M.-C. Les sepultures de l'Age du bronze de Bolchoikazakhbaievo (oural moyen, russie) // Revue arceologique de L'Qest. 2001.

Люди могильника Урефты I

Д. И. Ражев

Палеоантропологический материал могильника Урефты представлен костными останками, подвергшимися воздействию высокой температуры и, так называемыми, «сырыми» костями. Последние обрабатывались по стандартным методикам. Степень стертости зубов регистрировалась по способу М.М. Герасимова, в модификации А.А. Зубова (Зубов, 1968). Трансформация ушквидной поверхности тазовой кости, сопряженная с возрастом, определялась по О. Лавджою с соавторами (Lovejoy et al, 1985). Для детских скелетов возраст определялся по уровню формирования зубной системы (Ubelaker, 1978) и размерам длинных костей (Ferembach et al, 1979). На посткраниальном

скелете учитывались начало и степень прирастания эпифизов и апофизов (Королюк 1996). В работе применялась схема возрастной периодизации, принятая на VII Всесоюзной конференции по проблемам возрастной морфологии АПН СССР (Миклашевская, 1983).

Исследования костных фрагментов со следами воздействия высокой температуры в настоящее время не имеют устоявшейся методики. Но в руководствах и публикациях последних лет определены основные подходы к работе с материалом такого типа и возможности интерпретации получаемых данных (Buikstra, Ubelaker, 1994; Козловская, 1998; Ражев, 2001).

Курган 2 (А)¹

Погребение 1. Кости скелета почти истлели, череп раздавлен.

Погребение 2. Останки (фрагменты черепа и костей конечностей) принадлежат взрослому в возрасте $\approx 20-30$ лет.

Погребение 4. В выбросе из погребения найдены кости конечностей.

Погребение 5. Кости раздавленного черепа ребенка.

Погребение 6. Остатки плохо сохранившегося детского костяка.

Курган 13 (АФ)

Погребение 6. Сохранились фрагменты свода черепа и височные кости, фрагменты локтевой и лучевой костей, целая пястная. Кости руки окрашены в ярко-зеленный цвет. Длина лучевой кости около 70 мм. Останки принадлежат ребенку, умершему в возрасте 2-3 лет.

Погребение 12. Для камерального исследования доступны фрагменты целого черепа, зубы, ребра, позвонки, ключица, плечевая. Части клиновидной кости срослись. Боковые части затылочной кости приросли. Метопический шов зарос. Сформированность зубной системы соответствует возрасту 2 года ± 8 месяцев. Останки принадлежат ребенку, умершему в возрасте 1,5-2,5 года

Погребение 13. Для анализа были представлены фрагменты целого черепа, зубы, ребра, шейные позвонки, ключица, плечевая и лучевая кости. Сформированность зубной системы соответствует возрасту 4 ± 1 год. Дистальная часть диафиза лучевой кости окрашена в ярко-зеленный цвет. Останки принадлежат ребенку, умершему в возрасте 3-5 лет.

Костные останки, принадлежащие человеку, были обнаружены только в трех погребениях (№ 6, 12 и 13). Все они принадлежат детям, умершим в период раннего и первого детства (1-7 лет). Антропологический материал не несет на себе следов воздействия огня.

¹ Определения антропологических материалов кургана 2 выполнены В.А. Дремовым (октябрь-ноябрь 1982 г.)

Курган 15 (А)

Погребение 7. Для исследования представлены многочисленные фрагменты костей, подвергшихся воздействию высокой температуры. Цвет костных

остатков белый. Размер фрагментов: средний 10х15 мм, максимальный 12х40 мм. Трещиноватость средней интенсивности, поперечная. Костей человека нет.

Курган 16 (Ф)

Скопление костей внутри могильной ямы. Для исследования представлены многочисленные фрагменты костей, подвергшихся воздействию высокой температуры. Цвет костных остатков белый. Размер фрагментов: средний 20х20 мм, максимальный 20х60 мм. Трещиноватость частая, поперечная. При соударении кости «звенят».

Достоверно определяемые кости человека: фрагменты свода и основания черепа, одного ребра, диафизов лучевой, бедренной и большой берцовой костей. Основной шов черепа зарос. Останки могут принадлежать одному человеку, умершему в возрасте старше 20 лет.

Восточная часть, за оградой. Для исследования представлены многочисленные фрагменты костей, подвергшихся воздействию высокой температуры. Цвет костных остатков белый с голубой окрасченностью средней части. Трещиноватость средняя. Края сломов прямые или ступенчатые. Достоверно определяемые кости человека – фрагменты свода черепа. Останки могут принадлежать одному взрослому человеку.

Морфологическая непротиворечивость останков из обоих скоплений и их тафономическое сходство допускает их принадлежность как одному, так и двум взрослым индивидам.

Тафономическое сходство останков из могильной ямы и восточного скопления позволяет реконструировать процессы кремации совокупно. Судя по немалой трещиноватости и наличию ступенчатых сломов, воздействию огня были подвергнуты кости покрытые мягкими тканями, то есть тело человека. В пользу этого же свидетельствует и нахождение элементов практически всех отделов скелета. Белый цвет, «звонкость» и небольшие размеры фрагментов указывают на то, что температурный режим кремационного очага был очень большой – свыше 500°C, и сожжение продолжалось долгое время.

Совокупность результатов исследования позволяет считать, что намеренному сжиганию были подвергнуты тело (тела?) людей. Кремация происходила на достаточно большом костре и весьма длительное время. Место, на котором производилось сожжение, использовалось единожды.

Курган 21 (А)

Погребение 1. Представлены практически все элементы: фрагментированный череп, позвонки, ребра, длинные кости. Метопический шов не зарос. Длина плечевой кости около 70 мм. Останки принадлежат ребенку, умершему в возрасте до 6 месяцев.

Погребение 2. Для исследования доступны фрагменты черепа, ребра, позвонки. Кости черепа менее сформированы, чем в погребении 1. Останки принадлежат ребенку, умершему в возрасте до 6 месяцев.

Погребение 3. Представлены элементы практически всех отделов. Длина плечевой кости 67 мм, бедренной 78 мм. Останки принадлежат ребенку, умершему в возрасте до 6 месяцев.

Погребение 4. Имеются фрагменты полного черепа, длинные кости. Части лобной кости не срослись. Останки принадлежат ребенку, умершему в возрасте до 6 месяцев.

Погребение 5. Для камерального анализа представлены фрагменты черепа и бедренная кость. Слуховой проход не замкнут. Длина бедренной кости 90 мм. Останки принадлежат ребенку, умершему в возрасте 6 месяцев.

Погребение 6. Для камеральной обработки оказались доступны единичные фрагменты чере-

па, нижней челюсти, ребра, плечевые и локтевые кости. Череп сильно фрагментирован. Половины нижней челюсти не срослись. Длина плечевой кости 67 мм. Останки принадлежат ребенку, умершему в возрасте до 6 месяцев.

Погребение 7. Представлены элементы практически всех отделов. Части лобной кости и нижней челюсти не срослись. Длина плечевой кости 71 мм, бедра 79 мм.

Останки принадлежат ребенку, умершему в возрасте до 6 месяцев.

Погребение 8. Имеются фрагменты черепа, плечевые, бедренные, большеберцовые кости. Кости черепа умеренно массивные, надбровный рельеф развит средне. Венечный шов изнутри зарос полностью, снаружи большей частью. Места прикрепления мышц выражены среднеслабо. Останки принадлежат женщине(?), умершей в возрасте 30-45 лет.

Погребение 9. Доступны для лабораторного рассмотрения фрагменты черепа, длинные кости, ребра. Кости наиболее мелкие из всех представленных. Останки принадлежат новорожденному или эмбриону последних месяцев беременности.

Погребение 10. Представлены фрагменты черепа, нижняя челюсть, ребра фрагменты длин-

ных костей. Коронка m₁ сформировалась. Останки принадлежат ребенку, умершему в возрасте 1-3 года.

Погребение 11. В погребении обнаружены останки 2 индивидуумов.

Скелет 1. Имеются фрагменты черепа, целые ребра, позвонки, бедренные, большие и малые берцовые. Длина бедренной кости около 77 мм. Останки принадлежат ребенку, умершему в возрасте до 6 месяцев.

Скелет 2. Представлены элементы практически всех отделов. Длина бедренной кости около 83 мм, большеберцовой – 73 мм. Останки принадлежат ребенку, умершему в возрасте до 6 месяцев.

Погребение 12. Имеются фрагменты лобной кости стадии формирования. Останки принадлежат новорожденному или эмбриону последних месяцев беременности.

Погребение 13. Для камерального осмотра представлены только пястные кости. Головки не приросли. Останки принадлежат ребенку, умершему в возрасте 4-7 лет.

Погребение 14. В погребении обнаружены останки 3 индивидуумов.

Скелет 1. Имеются элементы практически всех отделов. Метопический шов не зарос. Сформированность зубной системы соответствует возрасту 2 года ± 8 месяцев. Длина плечевой кости 119 мм, бедренной 151 мм. Останки принадлежат ребенку, умершему в возрасте 2-3 лет.

Скелет 2. Представлены элементы практически всех отделов. Длина плечевой кости 69 мм, бедренной 80 мм. Останки принадлежат ребенку, умершему в возрасте до 6 месяцев.

Скелет 3. Доступны для осмотра элементы практически всех отделов. Размеры костей малы. Из-за фрагментарности измерение невозможно. Останки принадлежат новорожденному или эмбриону последних месяцев беременности.

Погребение 15. Представлены элементы практически всех отделов. Сформированность зубной системы соответствует возрасту 6 лет ± 2 года. Длина плечевой кости 205 мм, бедренной 265 мм. Останки принадлежат ребенку, умершему в возрасте 7-8 лет.

Погребение 17. Обследовались коронки верхних и нижних зубов. Постоянные зубы не прорезались. Сформированность зубной системы соответствует возрасту 2-4 года. Останки принадлежат ребенку, умершему в возрасте 2-4 лет.

Погребение 18 (условное), выброс из погребения 19. Имеются фрагменты черепа, нижняя челюсть, верхние зубы, диафиз бедренной кости. Степень стирания зубов соответствует возрасту 20-30 лет (стадия стирания Р – 2). Останки принадлежат человеку, умершему в возрасте 20-30 лет.

Погребение 19. Представлены останки трех индивидуумов. Обнаружены левые лучевые и локтевые кости взрослых индивидуумов и 1 ребро ребенка. Последнее могло попасть в могильную яму в процессе деятельности норных животных. Размеры элементов взрослых индивидуумов весьма схожи, поэтому кости не разнесены по скелетам. Состав элементов скелета: зуб (Р¹), фрагмен-

ты нижней челюсти, позвонков, ребро ребенка, ключиц, лопаток, локтевых и лучевых костей от 2 индивидуумов, элементы кистей и таранная кость стопы. Стадия стирания Р¹ – 3. Степень стирания зубов соответствует возрасту 25-35 лет. Размеры костей одноименных костей близки. Размер таранной кости визуально определяется как крупный.

Основываясь на крупных размерах, можно полагать, что останки взрослых людей принадлежат двум мужчинам (?). Возраст смерти определенный по степени стирания зубов у обоих укладывается в период 20-35 лет (учитывая и кости из «погребения 18»). Возраст смерти ребенка, чье ребро обнаружено в погребении 4-12 лет.

Погребение 20. Представлены останки двух индивидуумов.

Скелет 1. Состав элементов скелета: ребра, позвонки, мелкие кости кисти, элементы предплюсны. Эпифизы приросли. Кости крупные. Останки принадлежат мужчине (?), умершему в возрасте старше 25 лет.

Скелет 2. К этому скелету относится только одна плюсневая кость. Дистальный эпифиз не прирос, размер не дефинитивный. Останки принадлежат ребенку, умершему в возрасте второго детства (8-12 лет).

По всей видимости, в могильном сооружении был погребен взрослый человек, а кость ребенка попала в него случайно.

Погребение 21. Для исследования доступны фрагменты черепа, ребра, позвонки, лопатка, ключица, правая плечевая, левая бедренная. Метопический шов не зарос. Части дуг позвонков не срослись. Останки принадлежат ребенку, умершему в возрасте до 6 месяцев.

Погребение 22. Для камеральной обработки представлены фрагменты черепа, ребер, ключицы, диафизы плечевых костей. Длина плечевой кости около 70 мм. Останки принадлежат ребенку, умершему в возрасте около 6 месяцев.

Погребение 23. Для обработки представлены кости свода черепа, диафизы плечевой, бедренных, большеберцовой костей. Длина бедренной кости не менее 65 мм, длина большеберцовой кости около 55 мм. Останки принадлежат ребенку, умершему в возрасте до 6 месяцев.

Погребение 24. Для исследования представлены многочисленные фрагменты костей, подвергшихся воздействию высокой температуры.

Скопление 1, северное. Цвет костных остатков большей частью белый, примерно 25 % темные: бурые, черные с синеватым оттенком. Средний размер фрагментов 5x10 мм. Трещины редкие, поперечные. Достоверно определяемые кости человека не установлены. Кости, вероятно, принадлежащие человеку – фрагменты черепа и ребра.

Скопление 2, южное. Для исследования представлены многочисленные фрагменты костей, подвергшихся воздействию высокой температуры. Цвет остатков белый. Размер фрагментов от 2x3 мм до 20x25 мм, средний 5x10 мм. Трещины редкие поперечные или отсутствуют. Достоверно определяемые кости человека: фрагмент теменной кости, фрагменты зубов, дистальная фаланга пальца

кости, проксимальные фаланги пальцев стопы. Основание фаланги кисти приросло, основания фаланг стопы не приросло.

Кости между скоплениями 1 и 2. Цвет костных остатков от белого до черного. Размер фрагментов средний 10х15 мм, максимальный 25х30 мм. Трещиноватость редкая, поперечная. Достоверно определимые кости человека: зубы – Р₃ и Р₄. Стертость премоляров 0-1. Кости, вероятно, принадлежащие человеку: фрагменты черепа.

Кости обоих скоплений, определенные как человеческие, могут принадлежать одному индивидууму, умершему в возрасте 12-18 лет.

Судя по размерам костных фрагментов и наличию поперечных трещин, воздействию огня

были подвержены кости, покрытые мягкими тканями. Представленность элементов большинства отделов скелета, указывает на то, что кремирование подверглось тело целиком. Белый цвет большинства остатков, а также синеватый оттенок на темноокрашенных костях свидетельствует в пользу очень высокой температуры (не менее 500 °С) в кремационном очаге. Небольшой размер фрагментов дает основание полагать, что время сжигания останков было достаточно продолжительным.

Тафономический анализ останков позволяет утверждать, что намеренному сжиганию были подвергнуты тела людей. Кремация происходила достаточно длительное время. Место, на котором производилось сожжение, использовалось единожды.

Таблица

Половозрастные определение костных останков из погребений кургана №21

погр.	№ скелета	возраст	пол	погр.	№ скелета	возраст	пол	примечание
1		0-0,5	-	14	1	2-3		
2		0-0,5	-	14	2	0-0,5		
3		0-0,5	-	14	3	нв?		
4		0-0,5	-	15		7-8		
5		0-0,5		17		2-4		
6		0-0,5		18		20-30	?	условное
7		0-0,5		19	1	25-35	м?	
8		30-45	ж?	19	2	25-35	м?	
9		нв?*		19	3	4-12		случайное
10		1-3		20	1	25-80	м?	
11	1	нв?		20	2	8-12		случайное
11	2	0-0,5		21		0-0,5		
12		0-0,5		22		0-0,5		
13		4-7		23		0-0,5		
				24		12-18		

Из кургана 21 получено самое большое количество антропологического материала. В 22 могильных ямах обнаружены останки 26-27 индивидуумов (не вполне очевидно, к какому погребению следует отнести детские кости из могильных ям 19 и 20, см.: табл.). При этом в одном из случаев (погр. 24) мы имеем дело с кремированными останками. Возрастной состав погребенных выглядит следующим образом: 15% взрос-

лые и 85% дети, из них 3 индивидуума – новорожденные или недоношенные эмбрионы, 13 – дети грудного возраста (до 1 года), 4 – дети раннего детского периода (1-3 года), 1 или 2 – дети первого детства (4-7 лет) и 1 подросток (12-16 лет). Следует отметить, что именно единственный подросток и оказался кремированным. Из 4 взрослых три индивидуума определены как мужчины(?) и один как женщина(?).

Курган 25 (А)

Погребение 2. Представлены фрагменты черепа и зуб - m₁. Коронка m₁ до конца не оформилась. Останки принадлежат ребенку, умершему в возрасте до 1 года.

Погребение 3. Для камеральной обработки оказалась доступна правая бедренная кость ребен-

ка. Длина кости около 105 мм. Останки принадлежат ребенку, умершему в возрасте до 1 года.

Погребение 4. Представлены многочисленные фрагменты черепа, диафиз бедренной кости. Длина бедра около 110 мм. Останки принадлежат ребенку, умершему в возрасте до 1 года.

* - новорожденный

Погребение 5. Доступны для лабораторного рассмотрения фрагменты черепа. Кости тонкие и соответствуют эталонам детей 6 месяцев и 1 года. Останки принадлежат ребенку, умершему в возрасте до 1 года.

Погребение 7. Представлены фрагменты черепа, длинные кости рук, фрагменты крестца и тазовых костей. Кости крупные. На тазовых костях седалищная вырезка острая, преушковидный же-

лоб отсутствует. Стадия ушковидной поверхности 2-4, что соответствует возрасту 25-36 лет. Останки принадлежат мужчине, умершему в возрасте до 25-35 лет.

В пяти могильных ямах кургана обнаружены антропологические останки. В периферийных погребениях совершены захоронения 4 детей, умерших в возрасте до 1 года. Центральное погребение принадлежит взрослому мужчине.

Курган 30 (АФ)

Погребение 1. Для исследования представлены многочисленные фрагменты костей, подвергшихся воздействию высокой температуры. Цвет костных остатков белый. Размер фрагментов средний и крупный. Кости звенят. Фрагменты могут принадлежать одному взрослому человеку.

Автором приложения были обработаны материалы из шести курганов могильника Урефты I. Определены останки 35-36 человек, из них 17 % составляют взрослые и 81 % дети. Большое количество детских погребений – явление вполне ординарное для андроновского круга памятников, но все же 80 % – зафиксированный максимум (Ражев, Епимахов, 2004). Объяснение этому, на мой взгляд, заключается в относительно хорошей сохранности костных останков и тщательности, с которой они собирались раскопщиками. Возможно, по этой причине удалось определить количество новорожденных и детей первого года жизни – 58% определенных индивидуумов.

К проблеме многочисленности детских захоронений в синташтинско-андроновских курганах

автор подробно обращался в специальной совместной работе (Ражев, Епимахов, 2004), и могильник Урефты не является исключением. Нам представляется, что состав этих кладбищ определялся сакральной мотивацией, в основе которой было инфекционное заболевание, исходившее от коров – источника существования этого населения. В качестве такой эпизоотии нам видится ящур, смертельно опасный для маленьких детей.

Другое обобщение, которое можно сделать, относится к кремированным останкам. Результаты анализа погребений с кремацией практически полностью совпадают. Умершего человека укладывали на большой погребальный костер. Сожжение продолжалось несколько часов до полного превращения тела в «пепел». Прах тщательно собирался и захоранивался. Кремационные очаги предназначались для одного человека и находились на значительном расстоянии друг от друга, поэтому смешивания останков разных людей не происходило.

Исследования антропологических остатков из алакульского кургана 2, проведенные В.А. Дремовым, не противоречат высказанным заключениям.

Список литературы

Зубов А.А. Одонтология. Методика антропологических исследований. М., 1968.

Козловская М.В. К вопросу о возможностях исследования кремированных костей // Историческая экология человека. Методика биологических исследований. М. 1998.

Королюк И.П. Рентгеноанатомический атлас скелета. М., 1996.

Ражев Д.И. Исследование антропологического материала из могильника Ендырского I // А.П. Зыков, С.Ф. Кокшаров. Древний Эмдер. Екатеринбург, 2001.

Ражев Д.И., Епимахов А.В. Феномен многочисленности детских погребений в могильниках эпохи бронзы // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень, 2004. № 5.

Миклашевская Н.Н. Периодизация индивидуального развития // Морфология Человека. М., 1983.

Buikstra, J., Ubelaker, D.H. (editors). Standards for data collection from human skeletal remains. In: Proceedings of a Seminar at the Field Museum of Natural History Organized by Johnathan Haes. Fayetteville AK: Arkansas Archeological Survey Research Series 1994. No. 44

Ferembach D., Schwidetzky I., Stloukal M. Recommendations pour determiner l'age et le sexe sur le squelette // Bull. el Mem. de la Soc. d'Amhrop. de Paris, I. 6, serie XIII, 1979.

Lovejoy C.O., Meindl R.S., Pryzbeck T.R., Menthforth R.P. Chronological Metamorphosis of the Auricular Surface of the Ilium: A New Method for the Determination of Adult Skeletal Age at Death // American Journal of Physical Anthropology. 1985. № 68.

Ubelaker D.H. Human skeletal remains: Excavation, analysis, interpretation. 1978.

Жертвенные животные из могильника Урефты I¹

П.А. Косинцев

Курганный могильник Урефты I находится в Соновском районе Челябинской области. Он был исследован в 1979-1983, 1996-1999 годах под руководством Г.В. Бельтиковой, С.А. Днепров и О.Н. Корочковой. Раскопано 18 курганов, кости животных найдены в 7 курганах алакульской культуры и в 6 кур-

ганах федоровской культуры эпохи поздней бронзы. Насыпи курганов раскапывались вручную. Все костные остатки фиксировались на планах раскопок и передавались на определение. Археозоологическая коллекция хранится в зоологическом музее Института экологии растений и животных УрО РАН, № 207.

Сохранность костного комплекса

Сохранность комплекса может быть охарактеризована по трем параметрам: качество костного вещества, комплектность частей скелета и целостность (степень раздробленности) костей. Качество костного вещества плохое, поверхность многих костей сильно шелушится, часть костей растрескалась; во многих случаях само костное вещество рыхлое, крошится. Такое качество вызвано физико-химическими характеристиками почво-грунтов и культурного слоя могильника, не способствовавшими консервации и сохранению костного вещества. В состав комплекса входят: изолированные коренные зубы, резцы, сесамоидные кости мелкого рогатого скота, что указывает на тщательный сбор костных остатков в процессе раскопок. Однако во многих случаях у особей разных видов отсутствуют отдельные зубы из зубных рядов челюстей; эпифизы, не приросшие к костям; отдельные кости запястных суставов и т.д. Такой некомплект костей вряд ли был связан с удалением их в процессе погребального обряда. Если бы это было так, то мы должны допустить выдергивание отдельных зубов из челюстей, отрезание по хрящу эпифизов костей, вырезание из запястья отдельных костей. Наиболее очевидной и вероятной причиной их отсутствия является их перемещение за пределы исследованных участков землероями и/или людьми во время «ограбления» курганов. В целом, степень комплектности

частей скелета высокая. Степень раздробленности костей небольшая. В ряде случаев найдены фрагменты костей, которые были сломаны в древности. Таковых немного, но наличие их в погребальных объектах трудно объяснить. Они могли быть преднамеренно сломаны во время совершения каких-то ритуалов; они могли быть сломаны в процессе «ограбления» в древности; они могли быть остатками поминальных или иных обрядов. Теоретически они могли попасть в насыпь из культурного слоя могильника или другого археологического памятника вместе с кусками дернины. Таким образом, велика тафономическая неопределенность как в формировании отдельных компонентов, так и всего археозоологического комплекса. Поэтому, после описания отдельных компонентов костных комплексов, будет дана, на наш взгляд, наиболее вероятная их интерпретация.

Следует также отметить, что могильник исследовался разными исследователями на протяжении 20 лет с большими перерывами. Различные подходы к методике раскопок и пониманию полученных материалов нашли отражение в разном характере описаний костных комплексов, сделанных автором в разные годы.

В скобках после номера кургана указана его культурная принадлежность: Ф- федоровская культура; А- алакульская культура.

¹ Работа выполнена по комплексному интеграционному проекту УрО РАН и СО РАН «Формы и проявления социо-культурной сложности в Урало-Сибирском регионе в эпоху бронзы и раннего железа».

Курган 1 (Ф)

Насыпь. Материал. Лошадь: нижняя челюсть – 1; нижние коренные зубы – 4; лучевая – 1; тарзальная кость – 1; пяточная – 2 правых, 2 левых; таранная – 2. Пяточные и таранные кости лошади парные. Косуля: фрагмент мозгового черепа – 1; позвонок – 1; плюсна – 1. Лисица: второй шейный позвонок – 1; позвонки – 2. Птица – 2.

Цвет и степень корродированности костей лошади отличаются от таковых косули, лисицы и птицы. Это с большей долей вероятности позволяет полагать, что они относятся к разным тафономическим комплексам. Кости лошади связаны с мо-

гильником, т.е. с деятельностью человека. Кости лисицы, косули и птицы происходят из разрушенной норы лисицы, то есть этот комплекс сформировался в результате естественных факторов.

Состав элементов скелета лошади очень разнородный – здесь остатки черепа, передних и задних конечностей. Среди этих остатков можно отметить наличие частей четырех скакательных суставов, причем два из них почти полные. Они были специально отчленены, при том, что отрезание их от берцовой кости весьма трудоемко. Интерпретация этого комплекса затруднительна.

Курган 2 (А)

Под насыпью, около могильной ямы 4. Материал. Крупный рогатый скот: фрагмент мозгового черепа – 1; коренные зубы – 21; фрагменты нижних челюстей – 10, вероятно от 3 особей; пясть – 3; плюсна – 3; фаланга 1 – 4; фаланга 2 – 1. Мелкий рогатый скот: нижняя челюсть – 4; коренные зубы – 13; плечевая – 2, от 2 особей; центральная кость заплюсны – 2; пясть – 6; плюсна – 10, от 5 особей; фаланга 1 – 7. Лошадь: грифельные кости – 2.

Реконструкция жертвенника. Вероятно, положены три головы крупного рогатого скота и по три

дистальных отдела (метаподия и фаланги) передней и задней конечностей; две головы мелкого рогатого скота, две плечевые кости от двух особей и дистальные отделы шести передних и десяти задних ног (парные, от пяти особей); две грифельные лошади. Особого внимания заслуживает находка двух грифельных костей лошади. Это небольшие шилообразные кости, плотно прикрепленные к крупным метаподиям. Возможно, они были преднамеренно отчленены от метаподий для использования в погребальном обряде.

Курган 4 (Ф)

Насыпь. Материал. Лошадь: целая фаланга 1. Интерпретация затруднительна.

Могильная яма 2, дно, глиняное блюдо. Материал. Мелкий рогатый скот: 3 ребра.

Интерпретация. На глиняное блюдо была положена часть грудной клетки мелкого рогатого скота, вероятно, в качестве «напутственной» пищи.

Курган 5 (Ф)

Насыпь. Материал. Лошадь: одна пястная кость. Интерпретация затруднительна.

Курган 6 (Ф)

Местоположение не ясно, но, вероятно, **насыпь.** Материал. Крупный рогатый скот – один коренной зуб. Лошадь: 2 позвонка – второй шейный и третий-седьмой шейные. Интерпретация затруднительна.

Курган 8 (Ф)

Могильная яма, дно, около обломка сосуда. Материал: Мелкий рогатый скот: одно ребро. Интерпретация: вероятно, «напутственная» пища.

Курган 9 (А)

Насыпь. Материал. Лошадь: фрагмент тазовой кости. Интерпретация затруднительна.

Курган 10 (А)

Под насыпью, около могильной ямы. Материал. Крупный рогатый скот: череп и две парные нижние челюсти с постоянными зубами; череп и две парные нижние челюсти (зубы выпали из альвеол) с молочными зубами (М2 не прорезался); по две парных пястных и плюсневых костей с приросшими эпифизами; по две парных пястных и плюсневых костей с не приросшими эпифизами; шесть карпальных и тарзальных костей (в том числе 2 центротарзальные кости) от взрослой особи; семь фаланг I и четыре фаланги II с приросшими эпифизами.

Реконструкция жертвенника. Положены голова и нижние части 2 передних и 2 задних ног взрослой особи коровы и голова и нижние части 2 передних и 2 задних ног теленка в возрасте 6-14 месяцев. Нижние части ног отчленены в скакательном и запястном суставах. При этом скакательный сустав, похоже, был разрезан не в том месте, где это легче всего сделать – между плюсной и центральной костью заплюсны, а там, где это сделать всего труднее – между таранной костью и центральной костью заплюсны.

Обращает на себя внимание, что среди костных остатков коровы нет пяточных и таранных костей и копытных фаланг. Одно из вероятных объяснений этому – они оказались за пределами раскопанной части в результате деятельности землероев и/или людей (грабителей?). Однако, такая избирательность (отсутствуют именно эти, достаточно крупные по размерам, кости при наличии почти всех первых фаланг и большей части вторых фаланг) позволяет допустить другое объяснение. Возможно, скакательный сустав был расчленен между таранной и центротарзальной костями, а копытные фаланги были отрублены (вместе со шкурой?). У теленка отсутствуют все фаланги. Здесь также возможны два объяснения – либо они отрезаны, либо кости находятся за пределами раскопа.

Первое объяснение кажется более предпочтительным, поскольку трудно представить, что все 24 фаланги оказались в стороне, а мелкие изолированные зубы остались на месте. Отметим также, что у обеих особей крупного рогатого скота отсутствуют фаланги – копытные у коровы и все – у теленка. Трудно предположить, что землерои или человек преднамеренно выбросили фаланги, таранную и пяточную кости, оставив остальные кости.

Все вышесказанное позволяет с большой долей уверенности говорить о существовании такого специфического элемента обряда в отношении крупного рогатого скота, как отрезание фаланг, вероятно происходившего при полном снятии шкуры. Этим же можно объяснить разное количество фаланг в жертвеннике. У взрослой особи фаланги крупные, поэтому шкуру можно снять с первых и вторых фаланг (именно они отсутствуют в жертвеннике). С третьих фаланг необходимо было срезать копыта, что очень трудоемко, поэтому отрезались только копыта. У теленка снять шкуру с маленьких фаланг трудно, поэтому она снималась со всеми фалангами. Еще одним элементом обряда было расчленение скакательного сустава между таранной и центротарзальной костями.

Дно могильной ямы. Материал. Около сосуда 2: овца – таранная кость. Около сосуда 3: крупный рогатый скот – целые кости запястья и фаланга II с приросшим эпифизом.

Интерпретация. Помещение в могилу таранной кости (альчика) овцы – широко распространенный в эпоху поздней бронзы элемент обряда. Наличие же на дне ямы кости запястья и второй фаланги крупного рогатого скота не вполне обычно. Однако, неясность контекста их положения не позволяет с полной уверенностью отнести это к элементам обряда. Хотя нахождение их около сосуда говорит в пользу последнего.

Курган 15 (А)

Могильная яма 6. Дно, около западной стенки. Материал. Лошадь: фрагменты 2 ребер.

Курган 16 (Ф)

Центральная могильная яма. Материал. Лошадь – левая половина тазовой кости. Имеются следы ударов длинным, узким, тупым орудием.

Интерпретация затруднительна, но очень вероятно, что кость оказалась здесь в результате преднамеренных действий (обряд).

Курган 21 (А)

По заключению авторов раскопок, погребения в этом кургане совершались многократно, в результате чего ранние погребальные объекты могли разрушаться более поздними. Возможно, поэтому здесь найдено много костных остатков в переотложенном состоянии и их интерпретация невозможна. Все эти остатки отнесены в одну группу находок из насыпи. В ходе раскопок кургана была вскрыта значительная часть околочурганной территории, на которой также были найдены костные остатки. Они отнесены к отдельной группе находок из межкурганских участков.

Насыпь.

Материал. Крупный рогатый скот: целая таранная кость. Крупное млекопитающее: 2 фрагмента костей. Мелкий рогатый скот: фрагмент правой тазовой кости (тело седалищной кости), отбит в древности. Интерпретация затруднительна.

Могильная яма 14. Дно.

Материал. Крупный рогатый скот: целая передняя фаланга 1 от взрослой особи. Интерпретация. Помещение фаланги 1 («бабки») на дно могилы является элементом погребального обряда.

Могильная яма 15. На дне ямы, около черепа человека лежала верхняя челюсть крупного рогатого скота в возрасте до 4-5 месяцев (М1/ не прорезался). Интерпретация. Возможны два варианта – случайное попадание челюсти при досыпке могилы или преднамеренное помещение головы (?) теленка, от которой сохранилась только одна челюсть. Судя по состоянию зубной системы, теленок забит, наиболее вероятно, летом.

Могильная яма 19. На дне могильной ямы найдена таранная кость (альчик) овцы.

Интерпретация. Помещение таранной кости на дно могилы является элементом обряда.

Жертвенник 1 около могильной ямы 3. Около западного края могильной ямы на уровне древней поверхности находилось компактное скопление костей животных. Материал. Крупный рогатый скот: фрагмент левой тазовой кости (тело подвздошной кости); овца: целые М/1-2 и М/3 от взрослой особи; лошадь: целый Р 3-4/. Интерпретация затруднительна, возможно, остатки разрушенного жертвенника.

Жертвенник 2 около середины южной стенки могильной ямы 13. На уровне древней повер-

хности. Материал. Овца: череп с нижней челюстью, М3 есть; плюсны правая и левая – целые с эпифизами; фаланга 1 – 2 целых с эпифизами; фаланга 2 – 1 целая с эпифизом; сесамовидная – 1 целая. Лошадь: лучевая – нижний конец с эпифизом. Интерпретация. Положены: голова и нижние части двух задних ног, отрезанные в скакательном суставе, от овцы старше 24 месяцев. Кость лошади, вероятно, попала случайно.

Жертвенник 3 около могильной ямы 9.

Материал. Овца: резцы – 5 целых экземпляров; пясть – 2 нижних конца с эпифизами; фаланга 1 – 4 целых с эпифизами; фаланга 2 – 4 целых с эпифизами; фаланга 3 – 2 целых; сесамовидные – 4 целых. Интерпретация. Положены: две нижние челюсти (?) и нижние отделы двух передних ног, отрезанные в запястном суставе, от взрослой овцы.

Жертвенник 4 около могильной ямы 20.

Материал. Крупный рогатый скот: череп с нижней челюстью, М3 сильно стерт; 2 целые карпальные кости; пясть – верхний конец; фаланга 1 целая с эпифизом. Интерпретация. В небольшое углубление, которое не прорезало древнюю почву до материка, были уложены голова и нижняя часть передней ноги, отрезанная по запястному суставу от старой особи коровы.

Жертвенник 5 (?) около могилы 19. На расстоянии 1-1,2 м к югу от края могильной ямы.

Материал. Крупный рогатый скот: целая фаланга 1 с эпифизом; овца: целые фаланга 1 и фаланга 2, с эпифизами; лошадь: два фрагмента Р-М от взрослых особей, фрагмент диафиза лучевой кости; целая пяточная кость с эпифизом (виден эпифизарный шов); пястная кость без эпифиза.

Интерпретация затруднительна. Вместе с тем обращает внимание относительно большое количество костей лошади, как минимум от 3 особей – молодой, полувзрослой и взрослой. Вероятно, это остатки разрушенного жертвенника, в состав которого входили голова и дистальные части ног лошадей.

Территория около кургана.

Материал. Крупный рогатый скот: верхний коренной зуб (М3) от взрослой особи; крупное млекопитающее – фрагмент трубчатой кости.

Интерпретация затруднена, не исключено, что это остатки поминальных обрядов.

Курган 25 (А)

Насыпь. Материал. Крупный рогатый скот: 2 постоянных, 1 молочный зуб, фрагмент ребра. Мелкий рогатый скот: коренной зуб. Лошадь: фрагмент ребра.

Интерпретация затруднительна.

Могильная яма 7. Материал. Овца: глечевая, берцовая, ребро. Дно могильной ямы. Овца: 2 таранные.

Интерпретация. Кости овцы, вероятно, являются остатками «напутственной» пищи. Помещение на дно могилы таранных костей является элементом обряда.

Курган 27 (А)

Около могильной ямы 1. Материал. Крупный рогатый скот: фрагменты черепа и 2 нижних челюстей, 2 пястные кости, 2 плюсневые кости, 8 фаланг I, 5 фаланг II, 5 фаланг III. Овца: фрагменты черепа и 2 нижних челюстей, 3 пястные кости, 2 плюсневые кости, 6 фаланг I, 5 фаланг II, 3 фаланги III. Коза: пястная кость. Мелкий рогатый скот: 3 плюсневые кости. Лошадь: 1 Р/2.

Реконструкция жертвенника. Положены: голова, нижние части 2 передних конечностей, отчлененные в запястных суставах, нижние части 2 задних конечностей, отчлененные в скакательных суставах от коровы в возрасте 28-36 месяцев; голова, нижние части 2 передних конечностей, отчлененные в запястных суставах, нижние части 2 задних конечностей, отчлененные в скакательных суставах от овцы в возрасте около 3 лет; часть

нижнего отдела ноги козы; часть нижнего отдела ноги овцы; части нижних отделов трех задних ног мелкого рогатого скота.

В этом комплексе также отмечается недостаток фаланг. Если отсутствие некоторых можно объяснить действием землероев, то отдельные метаподии были, вероятно, сразу положены без фаланг. У 5 найденных метаподий должно быть 30 фаланг, а нет ни одной. Крайне маловероятно, что все они были перемещены землероями. В данном случае мы, возможно, сталкиваемся с таким элементом обряда, когда у отдельных метаподий фаланги отрезались перед тем, как положить их в могилу.

Находка отдельного нижнего зуба лошади не имеет однозначного объяснения. Трудно представить, что он попал в жертвенник случайно, скорее всего, зуб был положен преднамеренно.

Размеры костей животных

Все размеры приведены в миллиметрах.

Крупный рогатый скот. Многие кости разрушены или сильно корродированы, поэтому для промеров не пригодны.

Череп. Курган 10: ширина в мыщелках – 94.3; ширина и высота затылочного отверстия – 40.9 и 38.5; альвеолярная длина Р2-М3 – 120.8; тоже Р2-4 – 48.2; тоже М-3 – 72.5; длина и ширина коронки М3 – 27.2 и 23.2. Курган 21, кв. М12: длина и ширина коронки М3 – 27.7 и 19.5.

Нижняя челюсть. Курган 10: альвеолярная длина Р2-М3 – 137.3; тоже Р2-4 – 48.5; тоже М1-3 – 87.7; высота тела в диастеме – 26.1; тоже перед Р2 – 35.7; тоже перед Р4 – 46.7; тоже перед М1 – 49.1; тоже за М3 – 58.6; длина и ширина коронки М3 – 35.6 и 15.5.

Курган 21: альвеолярная длина Р2-М3 – 149.0; тоже Р2-4 – 58.0; тоже М1-3 – 90.5; высота тела в диастеме – 27.5; тоже перед Р2 – 33.1; длина и ширина коронки М3 – 38.0 и 14.6 (правый), 37.1 и 14.9 (левый).

Таблица 1

Размеры (мм) и пропорции (%%) метаподий крупного рогатого скота и овцы

Курган	Признаки					
	Длина наибольшая	Ширина верхнего конца	Ширина / поперечник диафиза	Ширина нижнего сустава	Индекс ширины диафиза	Рост, см
Крупный рогатый скот						
Пясть						
10	193.0	55.2	29.4 / 22.0	56.6	15.2	115.5
27	181.5	48.6	28.2 / -	51.0	15.2	108.5
Плюсна						
10	217.0	46.2	25.6 / 27.3	52.0	11.8	116.0
27	202.5	41.5	25.4 / -	48.3	12.5	108.0
Овца						
Пясть						
21	-	-	-	27.0	-	-
21	-	-	-	27.0	-	-
27	137.5	-	14.9 / -	25.8	10.8	67.0
Плюсна						
21	153.5	21.2	12.8 / 12.3	24.8	8.3	71.0
27	148.5	23.0	13.2 / -	-	8.9	69.0

Таблица 2

Размеры (мм) фаланг овцы

Признаки	Экземпляры						
	1	2	3	4	5	6	7
	Фаланга I						
Длина саггитальная	32.6	33.2	34.5	33.4	34.6	33.3	33.4
Ширина верхнего конца	12.3	12.9	13.6	13.8	12.4	13.6	13.5
Ширина диафиза	9.8	9.6	10.7	10.7	9.3	11.1	11.1
Ширина нижнего конца	12.1	-	13.1	13.0	11.0	-	-
	Фаланга II						
Длина саггитальная	21.7	21.3	21.7	21.4	21.4	21.3	22.0
Ширина верхнего конца	10.2	10.7	12.1	12.9	11.0	10.7	12.0

Фаланга I. Курган 10, 2 экземпляра (парные): длина саггитальная – 49.1 / 49.4; ширина верхнего конца – 28.4 / 28.2; ширина диафиза – 25.3 / 25.2; ширина нижнего конца – 26.4 / -. Курган 21: длина саггитальная – 50.0.

Судя по пропорциям метаподий (табл. 1), они принадлежат корове. Близкие размеры и пропорции имеют метаподии, не пригодные для промеров.

Овца. Размеры, пригодные для промеров метаподий, приведены в таблице 1, а фаланг 1-2 – в таблице 2. Они принадлежат самкам-овцам.

Кроме этого, из жертвенника кургана 21 для промеров пригодны два М3/ из одного черепа: длина и ширина коронки – 22.3 и 13.4; 22.0 и 13.5; нижняя челюсть от этого же черепа: альвеолярная дли-

на Р2-М3 – 85.0; тоже Р2-4 – 24.2; тоже М1-3 – 58.5; длина и ширина коронки М3 – 25.8 и 9.4 (правой), 26.3 и 9.9 (левой).

Собака. В погребениях найдено два целых М/1, которые имеют отверстия в корнях для пришивания или подвешивания. Длина и ширина коронки (мм) этих М/1: 22.1 и 9.2; 23.9 и 9.0.

Небольшое количество костей не позволяет дать статистические характеристики их размеров. В целом размеры костей крупного рогатого скота и овцы укладываются в пределы их изменчивости, которая фиксируется по материалам позднебронзовых поселений (Косинцев, 1989) и могильников Зауралья (Косинцев, 1988, 1998) и Западной Сибири (Косинцев, 1990).

Животные в погребальном обряде

Анализ распределения остатков животных в курганах алакульской и федоровской культур показывает, что по данному признаку их погребальные обряды очень сильно различаются. Различия касаются как количества остатков, так и видового состава.

Алакульская культура, курганы 2, 9, 10, 15, 21, 25, 27. В погребальной практике населения этой культуры животные играли заметную роль. Их остатки найдены в большинстве курганов – 7 из 8. Наибольшее количество остатков принадлежит крупному и мелкому рогатому скоту. Они представлены сходными комплексами – головы и нижние части ног. Отдельно встречаются таранные кости овцы. Лошади принадлежат единичные кости, к тому же фрагментированные. Следует подчеркнуть, что все особи крупного и мелкого рогатого скота, у которых удалось определить пол, были самками.

Изученный материал позволил выявить некоторые особенности в использовании животных в погребальном обряде населения алакульской культуры. Так, нижние части задних конечностей у крупного рогатого скота иногда отрезали не между

плюсной и костями скакательного сустава, а по самому скакательному суставу (между таранной и центротарзальной костями), что технически значительно труднее. В ряде случаев, вероятно, отрезалась часть фаланг. Чаще всего отрезались копытные (фаланга 3), иногда и другие фаланги (1 и 2). Наиболее вероятное объяснение этому – фаланги отрезались вместе со шкурой, т.е. с животных перед использованием в обряде, снимали шкуру. В погребальном обряде, вероятно, кроме таранных (альчиков) и фаланг 1 («бабок»), использовали и другие отдельные кости. Это могли быть самые разные кости или их фрагменты. На это указывают находки грифельных костей лошади (курган 2), изолированных зубов (курган 25), карпальных костей (курган 10), фрагментов таза (курган 21), возможно, других костей. На существование такого обрядового элемента указывают не только находки костей на дне могильных ям, но и многочисленность отдельных костей в насыпях и под насыпями, на уровне древней поверхности. Последнее трудно объяснить только попаданием их туда из разрушенных человеком или животными жертвенников. В этом случае здесь должны

были бы найдены комплекты костей, соответствующие разрушенным комплексам, так как насыпи раскапывали тщательно и собирали все кости. Но такой «комплектности» нигде не наблюдается. Конечно, некоторые кости в насыпях и под насыпями могут быть остатками поминальных обрядов, но часть из них (например грифельные лошади) может быть отнесена, как мне представляется, к числу «жертвенных».

Находки отдельных костей, вероятно, входивших в состав «стандартных» жертвенников, указывают на то, что последних было несколько больше, чем найдено при раскопках. Если бы жертвенные комплексы разрушались случайным образом, во время «ограбления» могил или при устройстве новых, то жертвенные кости обнаруживались бы в насыпях и их состав отражал бы состав «стандартных» ритуальных комплексов (голова и дистальные части ног). Это были бы фрагменты черепов, нижних челюстей, зубы, метаподии и фаланги. Они были бы найдены при разборе насыпей. Но в насыпях найдены единицы этих элементов скелета. Создается впечатление, что при «ограблении» уносили не только вещи, но и выбрасывались кости жертвенных животных. Отнести «недостачу» костей из жертвенников на счет хищников (собак, волков и др.) вряд ли возможно, так как отсутствуют кости с погрызами. Хищники не могли растащить или сгрызть все кости без следа, часть костей с погрызами все равно бы осталась. Предлагаемая версия ритуального разрушения жертвенников, конечно, нуждается в дополнительных подтверждениях на материалах других могильников. Необходимо иметь ее в виду при раскопках новых могильников этого времени.

В целом, состав костных комплексов и, в частности, жертвенных, из изученных урфинских А-курганов, соответствует таковым из других могильников алакульской культуры (Косинцев, 1988, 1990, 1998; Цалкин, 1972).

Вместе с тем, следует отметить очень малое количество в урфинских курганах как жертвен-

ников, так и отдельных костей по сравнению с другими могильниками этой культуры. Так, в более раннем алакульском Чистолёбязском могильнике было выявлено 47 жертвенников в 15 раскопанных курганах (Матвеев, 1998), то есть более 3 жертвенников на курган. В Хрипуновском могильнике обнаружено 15 жертвенников на 27 могил (Матвеев, 1998). В Алакульском могильнике в 2 курганах найдено более 20 жертвенников (Сальников, 1952), то есть около 10 жертвенников на курган. В могильниках еще более ранних культур – синташтинской и петровской, количество жертвенников еще больше (Генинг В. Ф., Зданович Г., Генинг В. В., 1992; Зданович Д. и др., 2002; Косинцев, 2003; Костюков, Епимахов, Нелин, 1995). Таким образом, выявляется четкая историческая динамика в количестве жертвенных комплексов в могильниках поздней бронзы Южного Зауралья – уменьшение их количества в ряду: могильники синташтинской культуры – могильники петровской культуры – ранний этап алакульской культуры – поздний этап алакульской культуры. В немногочисленных изученных могильниках конца эпохи бронзы, остатки жертвенных комплексов из костей животных отсутствуют.

Федоровская культура, курганы 1, 4, 5, 6, 8, 16.

Характерная черта – костей очень мало, всего 23 экземпляра. Найдены они на дне могил (в двух – ребра мелкого рогатого скота, в одной – фрагмент таза лошади) и в насыпи (1 кость крупного рогатого скота и 17 костей лошади). Весьма интересна находка четырех скакательных суставов лошади в насыпи кургана 1. Вероятно, весь комплекс костей лошади в этот курган помещен преднамеренно и, видимо, не является свидетельством поминальных обрядов, так как большинство костей относится к «немясным» частям (зубы, челюсть, скакательный сустав). Таким образом, эти материалы подтверждают известное наблюдение и указывают на малую роль животных в погребальном обряде населения (Сальников, 1948) федоровской культуры и особую роль лошади в нем.

Список литературы

- Косинцев П. А. Жертвенные животные из андроновского могильника «Кулевчи VI» // Вопросы динамики популяций млекопитающих. Свердловск, 1988.
- Косинцев П. А. Охота и скотоводство у населения лесостепного Зауралья в эпоху бронзы // Становление и развитие производящего хозяйства на Урале. Свердловск, 1989.
- Косинцев П. А. Жертвенные животные из алакульского могильника «Ермак IV» // Проблемы исторической интерпретации археологических и этнографических источников Западной Сибири. Томск, 1990.
- Косинцев П. А. Костные остатки животных из Чистолёбязского и Хрипуновского могильников // Матвеев А. В. Первые андроновцы в лесах Зауралья. Новосибирск, 1998.
- Сальников К. В. К вопросу о стадиях в памятниках андроновской культуры Зауралья // Первое Уральское археологическое совещание. Молотов, 1948.
- Цалкин В. И. Фауна из раскопок андроновских памятников в Приуралье // Основные проблемы териологии. М., 1972.

Список сокращений

ВАУ	– Вопросы археологии Урала
ВДИ	– Вестник древней истории
Зап. УОЛЕ	– Записки Уральского общества любителей естествознания
ИАН СССР	– Известия Академии наук СССР
ИИМК РАН	– Институт истории материальной культуры РАН
ИИС	– Из истории Сибири
КСИА	– Краткие сообщения Института археологии
МИА	– Материалы и исследования по археологии
ПНИАЛ	– Проблемная научно-исследовательская археологическая лаборатория
РА	– Российская археология
СА	– Советская археология
САИ	– Свод археологических источников
Тр. ГИМ	– Труды Государственного Исторического музея
Тр. ИИАЭ АН Каз.ССР	– Труды Института истории, археологии, этнографии Академии наук Казахской ССР
УрГУ	– Уральский государственный университет

Для заметок

Для заметок

Научное издание

Стефанов Владимир Иванович, Корочкова Ольга Николаевна

Урефты I: зауральский памятник в андроновском контексте.

Издается в авторской редакции

Подписано в печать 05.06.2006. Формат 70 x 100 ¹/₈.
Бумага офсетная. Гарнитура Гельветика Печать офсетная.
Тираж 300 экз. Заказ № 1093.

Издательство Уральского Университета
г.Екатеринбург, 620083, ул.Тургенева, 4.

Отпечатано в ОАО ПК «Зауралье»,
640022, г.Курган, ул. К.Маркса, 106.